

Book: «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг.

А.Г. Тепляков
«НЕПРОНИЦАЕМЫЕ НЕДРА»: ВЧК-ОГПУ В СИБИРИ. 1918–1929 гг.

ВВЕДЕНИЕ

В мировой истории внезапные и с трудом поддающиеся осмыслению эпидемии массовых убийств имеют шанс остаться главными символами XX столетия. И в этом ряду социальные чистки, осуществлённые с помощью органов госбезопасности, займут подобающее место. Тема политических репрессий стала одной из главных при переосмысливании советского опыта во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг., что в конечном итоге привело к компрометации и разрушению коммунистической власти. Основной массив разоблачительной информации вполне логичным образом касался деятельности чекистов 30-х гг. Это было связано с гласностью процесса реабилитации жертв сталинских репрессий, обилием документальных свидетельств, в том числе и из первых рук. Напротив, жертвы террора 1920-х гг. и его проводники практически не дожили до эпохи гласности, а многие сфабрикованные дела по «заговорам» первых лет работы ВЧК-ГПУ были переосмыслены только во второй половине

1990-х гг. и начале XXI века. Очень часто деятельности чекистов сталинской эпохи противопоставлялась в положительном аспекте работа чекистов 1920-х гг., якобы далёкая от грязных методов более позднего времени. Рецидивы этого подхода распространены, особенно в публицистике, и поныне.

Органы госбезопасности обречены на острый интерес большого количества людей, поскольку густой покров тайны только стимулирует попытку проникнуть в секреты спецслужб, а недостаток информации приводит к обилию мифов о деятельности и персонале ВЧК-ФСБ. Ещё Н.В. Крыленко оценивал ВЧК как организацию, «страшную беспощадностью своей репрессии и полной непроницаемостью для чьего бы то ни было взгляда всего того, что творится в её недрах»^[1]. Гипертрофированная роль, которую органы государственной безопасности играли в советское время, конспиративность деятельности их «непроницаемых недр», многолетнее насаждение мифологической точки зрения на функционирование и кадры репрессивной машины, невозможность без учёта роли тайной полиции адекватно понять и интерпретировать происходившие в СССР общественно-политические процессы, — всё это делает изучение деятельности ВЧК-КГБ одной из приоритетных тем отечественной историографии. Двадцатые годы XX столетия являются ключевым периодом советского времени, когда относительная стабильность сменилась отработанной в гражданской

войне системой чрезвычайного управления, требовавшей для своего поддержания и функционирования соответствующих учреждений и кадров.

В числе наиболее отработанных подходов к советской истории известны концепции тоталитарного государства, а также теория модернизации и так называемый «ревизионистский» подход. Тоталитаристская концепция, называя в качестве основных черт тоталитарного режима наличие гипертрофированных органов безопасности и «правление террором», опирается на признание доктринальности основ советского опыта. Она хорошо подходит для понимания причин появления и сути работы карательных органов советского государства. Однако сегодня эта концепция, сосредоточенная на политических институтах и их прямом воздействии на общество, утратила популярность, поскольку исследовательский интерес явно смещается в сторону анализа глубинных общественных процессов, взаимодействия личности и государства, путей ухода «маленького человека» от железных объятий государственной машины.

Критикуя как тоталитаристский, так и «ревизионистский» подходы, известный германский историк Йорг Баберовски пишет, что «большевики неустанно инсценировали отправление тотальной власти, но не осуществляли её... Тотального контроля над обществом не было даже в национал-социалистической Германии, которая, в отличие от Советского Союза, всё же была индустриальной нацией». Признавая заслуги историков-«ревизионистов», доказывающих, что СССР не был тоталитарным, Й. Баберовски резко выступает против их вывода о бессилии центра и слабости сталинской власти: ««Ревизионисты» перепутали претензию на тотальность с тоталитарным господством. Режим не мог осуществить свои тоталитарные претензии, но он постоянно пытался сделать это. В результате в ходе этих попыток общественная и частная сферы жизни в СССР были устроены заново и упорядочены по репрессивному принципу». Таким образом, именно террор как способ осуществления претензии на тотальность, составляет, согласно Баберовскому, сущность сталинского режима^[2].

Концепция модернизации рассматривает катастрофические процессы 1920-30-х гг. как объективное следствие преодоления общей отсталости России за счёт собственных ресурсов. Воспроизводящая позитивистскую точку зрения на закономерность общественного прогресса, концепция модернизации, будучи общей для всех развивающихся обществ, с точки зрения её адептов, адекватно вписывает Россию в общемировой исторический контекст, сводящийся к гонке отсталых государств за передовыми. Данная концепция не отрицает диктаторского характера коммунистической системы. Но объективизация непреодолимыми условиями случившихся социальных катастроф, особенно в плане демографии и регресса общественных отношений, фактически снимает ответственность с правящего класса СССР, вынужденного

якобы неумолимой логикой истории выбрать самый кровавый путь технологического и социального рывка.

Отмечая глубоко консервативный характер советской модернизации (об этом говорит и точка зрения о том, что она осуществлялась через катастрофу, и распространённая характеристика ленинско-сталинского периода — за исключением нэпа — как эпохи чрезвычайщины), ряд отечественных историков закономерно фиксирует внимание на общественном регрессе, который стал основной характеристикой советского строя. Получила распространение точка зрения о мобилизационном развитии России, противоположном модернизационной линейной схеме развития западного общества, предполагающей участие гражданского общества в мероприятиях власти^[3].

Россия развивалась не линейно, а рывками. Вызванная потребностью разрешения системных кризисов предельная концентрация национально-государственных ресурсов, выполнив своё целевое назначение, неизбежно ослабевала, после чего опять наступал кризис, для преодоления которого снова требовалась мобилизация. Данная мобилизационная модель развития неизбежно требовала максимальной концентрации власти. Органы госбезопасности, как необъемлемая часть системы управления, играли очень важную роль в мобилизационном развитии: от обеспечения устойчивости системы и предоставления трудовых ресурсов за счёт лиц, лишённых свободы, до контроля за эффективностью деятельности государственных и хозяйственных структур, а также масштабного похищения технологических секретов развитых государств.

Тоталитаристская концепция, а также теория мобилизации способны дать представление о месте и роли чекистов в общественно-политической и экономической жизни СССР. «Ревизионистское» направление при характеристике массовых репрессий пытается акцентировать внимание на карательных инициативах, исходящих от широких слоёв населения, согласных с уничтожением «врагов народа». Репрессивная инициатива низов — очень важный аспект (его ведущее проявление для 20-х гг. — так называемый «красный бандитизм»), и заострение внимания на ней продуктивно в научном отношении. Однако, чем оформленнее и увереннее становилась власть, тем отчётливее оказывались задания «верхов» по проведению перманентной и глобальной социальной чистки населения Советской России.

Последнее десятилетие было отмечено проникновением в область неразработанных и дискуссионных вопросов псевдонаучных подходов, ориентированных на сенсацию и коммерческий успех. Это захватило даже профессиональных исследователей (В. Брачёв, Ю. Жуков, В. Сироткин и др.). Данное обстоятельство особенно заметно в литературе о чекистах, которая стремительно пополняется ажиотажными сочинениями, опирающимися на давно уже известные факты, но с самыми немислимыми интерпретациями.

История деятельности советских органов госбезопасности стала создаваться практически сразу после их организации. Известная книга С.П. Мельгунова «Красный террор в России в 1918–1923 гг.», написанная в начале 1920-х гг. по горячим следам, с использованием только опубликованных источников, весьма неточна с фактической стороны. Она акцентирует внимание на особенностях новорождённой карательной системы: органы ВЧК-ГПУ являются вооружённым отрядом партии и по её заданиям осуществляют массовый террор как против так называемых эксплуататоров, так и против любых политических противников, к которым относятся все несогласные. Мельгунов подчёркивает, что «красный террор» являлся официальной политикой советских властей, указывает на огромные масштабы репрессий и крайнюю жестокость чекистов. Книга Мельгунова оказала огромное воздействие на зарубежную историографию советских репрессий, её влияние заметно и в «Архипелаге Гулаг» А.И. Солженицына. Устаревшая как источник, она не потеряла своей ценности, поскольку автор, познавший суть карательной политики на собственном опыте, смог глубоко оценить её особенности.

Первые научные работы о ЧК-ОГПУ стали появляться только с конца 1950-х гг. Они ввели в исследовательский оборот большое количество интересных, но тщательно отобранных фактов, представляющих чекистов, как правило, с героической стороны. Однако, в середине 1980-х гг. вышли книги о региональных чекистских структурах периода гражданской войны, дающие более правдивую картину событий^[4]. В частности, в монографии Э.А. Васильченко

содержится большое количество сведений о работе и кадрах Госполитохраны Дальневосточной республики (ГПО ДВР), упоминается ряд негативных фактов, связанных с ведомственными противоречиями, сепаратизмом чекистов и частыми нарушениями законности с их стороны. О неразработанности проблемы применительно к региональным органам госбезопасности говорит тот факт, что в работах 1970-1980-х гг. указывалось на наличие либо четырёх, либо шести руководителей ГПО ДВР, и только в 1989 г. появилась точная цифра — 10 чел. [\[5\]](#).

Последние полтора десятилетия исследователи, получившие в своё распоряжение многочисленные источники по некогда закрытой теме, активно изучают деятельность органов госбезопасности 1920-1930-х гг., предлагая работы как общего порядка, так и касающиеся истории подразделений центрального аппарата и региональных отделений ЧК-ОГПУ [\[6\]](#). Большая монография А.М. Плеханова о ВЧК-ОГПУ 20-х гг. вводит в оборот значительный массив ценных фактов, в том числе о работе чекистов Сибири, но отличается игнорированием целого ряда исследователей, уже давно опубликовавших множество документов, на которые автором даются архивные ссылки. Работа М.Н. Петрова о деятельности органов ВЧК-ОГПУ Северо-Запада России 1920-х гг. даёт представление о строительстве регионального карательного аппарата, принципах кадровой политики, широком использовании агентуры, в том числе в провокационных целях. О.И. Капчинским изучен социальный и национальный состав центрального аппарата ВЧК, в диссертации А.Ю. Данилова выведен особый социально-психологический тип провинциального чекиста периода гражданской войны — всевластного и безнаказанного хозяина подконтрольной ему территории.

Очень значительная часть опубликованных работ по истории органов безопасности выполнена ведомственными исследователями и отличается ярко выраженной тенденциозностью. ВЧК-ОГПУ рассматриваются не столько как органы политической полиции, сколько формально — как часть госаппарата, выполнявшая специфические и в основном полезные для общества функции. Оценка чекистских кадров обычно идёт по линии противопоставления сравнительно немногочисленных карьеристов и нарушителей законности здоровому большинству так называемых «честных чекистов», вынужденных выполнять преступные установки политического руководства и своего начальства [\[7\]](#).

Сейчас, когда образ ФСБ в обществе стал изменяться к лучшему, поскольку эта спецслужба выступает в качестве основного гаранта безопасности в текущей войне с терроризмом, ведомственные историки, и все те, кто испытывает ностальгию по советской эпохе, начали «улучшать» чекистскую историю. Наглядный пример — вышедшие в 2003 г. две книги работника ФСБ В.И. Михеева [\[8\]](#). Они построены на документах ЦА ФСБ, а также местных управлений ФСБ, и транслируют в точности ту же картину событий, которая предназначалась для чекистского руководства 1920-х и 30-х гг. Книги Михеева пестрят формулировками вроде: «Объективной оперативной необходимостью было пресечение деятельности различных повстанческих организаций и группировок, возглавлявшихся бывшими офицерами, полицейскими, жандармами, помещиками, лицами, склонными к террористической и экстремистской деятельности». Автор изучил даже агентурные разработки, но проигнорировал заведённые по ним следственные дела, которые большей частью давно прекращены. Вместе с тем Михеев приводит интересные, хотя и неполные, цифры о масштабе репрессий в регионе, а также обширные выдержки из оперативной документации ОГПУ. Некритическое отношение к документам ВЧК-ОГПУ очевидно и в упоминавшейся выше книге А.М. Плеханова.

Появляющиеся публикации об острых проблемах советской истории свидетельствуют о том, что к «архивной революции» 1990-х гг. оказались не готовыми не только ведомственные историки. Многих исследователей охватила стихия документальных сведений, не все оказались критичными по отношению к тем терминам и оценкам, которые родились в силу чисто политических оснований. В результате на свежие факты накладывался прежний понятийный аппарат, а формулы из официальных директив перекочевали в статьи и монографии.

Известная исследовательница Р. Маннинг вполне серьёзно говорит о демократизации, которая, по её мнению, «оставалась официальным курсом сталинского режима вплоть до осени 1937 г.». Современные историки повторяют тезисы о «буржуазной и помещичьей контрреволюции», «трудовом перевоспитании бывших кулаков», доверяют

фальсифицированным в ВЧК-ОГПУ протоколам допросов^[9]. Противостояние консервативных и современных точек зрения на историю России, медленное изживание архаичных взглядов ещё долго будут определять состояние российской историографии.

Оценивая значимость и особенности выбранного для исследования Сибирского региона, можно сказать, что он был в определённой степени полигоном для настройки репрессивного механизма. В Сибири долгое время действовали внеконституционные органы управления, организовывались масштабная политическая ссылка и массовые внесудебные расправы с целью противодействия восстаниям и уголовно-политическому бандитизму, широким образом опробовались (в ходе известной командировки И.В. Сталина) методы полицейского нажима на крестьянство. Однако огромный и удалённый от центра регион обладает достаточным набором типических черт, делающих изучение его карательных органов вполне представительным для общей оценки деятельности чекистских структур.

История органов госбезопасности Сибири начала изучаться с конца 1960-х гг., когда появилась популярная книга М.Е. Бударина об омских чекистах. Правда, она опиралась на весьма узкий круг источников и была далека от научных оценок. В русле официозных представлений и в течение 1980-х гг. появлялись однотипные книги, подготовленные в управлениях КГБ, о региональных органах госбезопасности Сибири. Все они предлагали весьма скудный материал по деятельности и кадрам ВЧК-ОГПУ. Редким исключением являлась публикация Л.А. Жженных, целиком посвящённая деятельности Якутской губчека^[10].

Ценный материал о карательной системе 1920-1930-х гг. содержится в вышедших монографиях Н.М. Кучемко, Н.Я. Гущина и В.А. Ильиных. В 1987 г. появилась насыщенная новыми фактами статья В.И. Шишкина о деятельности сибирских ЧК 1919–1921 гг.^[11] Однако подход к освещению деятельности ВЧК-ОГПУ в работах профессиональных историков до конца 1980-х гг. оставался прежним — чекисты представлялись в высшей степени героическими борцами с бесчисленными врагами советской власти.

С начала 1990-х гг. исследователи начали публиковать свободные от конъюнктуры статьи и монографии о деятельности репрессивных органов Сибири. Г.Л. Олехом на основе широкого архивного материала был описан механизм взаимодействия органов ВЧК-ОГПУ первой половины 1920-х гг. с партийными властями на губернском и уездном уровне, сделан вывод о явном доминировании секретариатов парткомитетов над чекистскими учреждениями, которые вполне обоснованно именуется органами политической полиции. Е.Е. Алексеев выпустил книгу о репрессивной работе чекистов Якутии. В.И. Шишкин опубликовал статьи о деятельности Новониколаевской и Тюменской губчека, а также подробное исследование о «красном бандитизме», в том числе в чекистской среде. А.П. Шекшеев объективно изложил историю Енисейской губчека, И.В. Наумов подробно, но без акцента на карательной работе, описал структуру и деятельность Иркутской губчека^[12].

Заметным вкладом в изучение политических репрессий конца 1920-х гг. стали работы Н.Я. Гущина, Т.С. Ивановой, С.А. Папкова. Значительный фактический материал о работе алтайских чекистов 1920-х гг. можно найти в очерковых книгах В.Ф. Гришаева и статьях Н.В. Кладовой^[13]. Следует отметить, что репрессии начала 20-х гг. изучены пока в значительно меньшей степени, чем конца этого драматического десятилетия.

Помимо подробных исследований о взаимодействии партийного и чекистского аппаратов первой половины 1920-х гг., положении органов ЧК-ОГПУ в системе управления сибирским регионом, различных аспектах работы некоторых сибирских губчека, в ряде статей также освещались фабрикация ряда «заговоров», история политической ссылки, информационное обеспечение политического руководства чекистскими сводками, процедура исполнения смертной казни^[14]. В ряде публикаций можно найти многочисленные биографии как руководящих, так и рядовых чекистов Сибири^[15].

Таким образом, для изучения карательных структур Сибири первого десятилетия сделано достаточно много: выпущены Книги памяти жертв политических репрессий, опубликованы сборники и подборки ценных документов, написан ряд статей. Но монография, целиком

посвященная работе сибирских чекистов, пока существует только одна — работа Г.Л. Олеха о положении ВЧК-ОГПУ в системе власти. История же политических репрессий (особенно их достоверная статистика), основные аспекты деятельности карательных органов Сибири, их кадрового состава изучены весьма фрагментарно. Значительная часть публикаций отличается невысоким качеством, повторением устаревших схем либо, напротив, торопливым применением к истории, например, психоаналитического подхода.

Даже в ряде сочинений последнего времени признаются достоверными фальсифицированные сведения о заговорах начала 1920-х гг.^[16] (В.Н. Уйманов, к примеру, верит в то, что был заговор реабилитированного А.И. Гавриловича в Томске, В.Ф. Гришаев и Г.Н. Безруков убеждены в заговоре эсеровского Крестьянского союза на Алтае, а О.А. Пьянова — в существовании военной организации Крестьянского союза в Омске). Сотрудники ФСБ, монополизировавшие право на доступ к ведомственным документам ВЧК-КГБ, в последние годы подготовили откровенно панегирические сборники о чекистах. Своим качеством они мало чем отличаются от выходявших в советские времена работ. Большой, но не осмысленный и крайне некорректно (вплоть до многочисленных искажений цитат из документов) изложенный архивный материал о работе сибирской милиции и чекистов приведён в книге М.А. Ефремова^[17].

О доверчивости к тенденциозным материалам партийных инстанций говорит появление статьи омского историка А.А. Штырбула, в которой совершенно ложно освещены события, связанные с так называемым «Кузнецким заговором». Согласно Штырбулу, в ноябре 1920 г. в г. Кузнецке Томской губернии возникла подпольная организация под руководством ряда видных чекистов и милиционеров: «Причинами заговора являлись: 1) бюрократизм совгосаппарата; 2) засилье в нём "спецов"; 3) засилье бывших белогвардейских офицеров в комсоставе... Заговорщики вели работу в войсках Кузнецкого гарнизона и рассчитывали, что в выступлении примет участие до 100 штыков: чекистов, милиционеров, красноармейцев — как правило, бывших партизан... Была установлена связь с анархо-крестьянскими отрядами И. Новосёлова и П. Лубкова, имелся расчёт на взаимодействие с ними... После захвата города планировалось убить начальника ЧК и председателя уисполкома, а также "спецов"... Далее предполагалось идти на губернский центр, а в случае неудачи отступить в тайгу. Несмотря на то, что часть участников заговора являлась членами РКП(б), лозунг был: "Да здравствует Советская власть, бей коммунистов!" В результате деятельности кузнецкой "революционной тройки" заговор был ликвидирован... задержано 15 активных заговорщиков. События в Кузнецке ясно показали, что... это было выступление антикоммунистическое, но левое; своеобразное выяснение отношений между коммунистами-назначенцами и проанархистски настроенными элементами бывших партизан»^[18].

В попытке отыскать яркие факты анархистских проявлений во властных структурах А.А. Штырбул проигнорировал необходимую критику обнаруженного им источника. Между тем изученное В.И. Шишкиным следственное дело кузнецких «заговорщиков» убедительно свидетельствует об отсутствии какого-либо заговора и говорит о грубой взаимной провокации чекистских и военных структур, осложнённой пьянством, карьеризмом и личными счётами^[19].

Пример рождения довольно сомнительных предположений демонстрирует барнаульская исследовательница Н.В. Кладова. Посчитав, что обнаруженных ею «расстрельных дел» Алтайской губчека в отношении представителей «исторической контрреволюции» слишком мало, Кладова заявляет, что отсутствие жизненной агрессии и низкая пассионарность «понижают эффективность функционирования системы подавления», чем «в частности, можно объяснить феномен более мягких приговоров по делам начала 20-х гг. в сравнении с периодом большого террора». Эти дела обычно заканчивались амнистией, причём якобы даже в отношении тех, кто «пролил реки крови»^[20].

На деле, примеров уничтожения чекистами как ответственных работников колчаковской власти, так и рядовых чиновников и военнослужащих вполне достаточно. Невозможно игнорировать и крайне распространённый на Алтае «красный бандитизм», проявлявшийся в бессудном истреблении представителей и сторонников белых властей. «Жизненной агрессии» в Сибири было более чем достаточно. Для модных ныне психоаналитических штудий гражданская война — хороший материал, но серьёзные выводы о масштабности и накале репрессий требуют анализа широкого круга источников, а не механической подгонки фактов из

рассекреченных документов под категории пассионарности, диктата и пр.

Недостаточный уровень изученности проблем истории ВЧК-ОГПУ Сибири виден и на примере работы В.И. Исаева и А.П. Угроватова^[21], рассматривающей органы госбезопасности в общей системе правоохранительных структур региона. Авторы сообщают немало очень ценных сведений, но, к сожалению, повторяют ряд устаревших оценок истории ВЧК-ОГПУ. Не отрицая факта ликвидации большевиками правового государства, указанные историки относят органы советской политической полиции, сами себя именовавшие карательными, к правоохранительным органам^[22]. Сочувственное цитирование фразы Дзержинского «Законность для нас первая заповедь» (с. 88) может вызвать только недоумение, равно как и оценка секретного сотрудничества с ЧК-ОГПУ как формы патриотизма (с. 163). В.И. Исаев и А.П. Угроватов утверждают, что в ОГПУ Сибири «разумеется... трудилось большинство честных и преданных своему долгу сотрудников» (с. 151). В подтверждение этого тезиса авторы приводят факт, когда в 1927 г. ветераны-чекисты в обстановке нагнетаемого военного психоза отказались от денег, собранных для них к юбилею в трудовых коллективах (ведь ясно, что в приказном порядке!) и отдали их на постройку бронетанкового отряда, что явилось якобы «высоким патриотическим поступком». Из решений 2-й конференции сибирских ЧК в октябре 1920 г., нацеливавших «органы» на создание эффективного агентурного аппарата с целью усиления борьбы с контрреволюцией, авторы, вслед за ведомственным историком И.И. Белоглазовым, повторяют вывод о «переносе акцентов на методы наблюдения и информирования» (с. 83). Однако на деле этот тезис, требовавший от органов ЧК более тонкой работы, немедленно был использован для усиления репрессий: фабрикация массы сибирских «заговоров» в 1920–1922 гг. осуществлялась именно за счёт провокационного использования специально подобранной агентуры.

Исаев и Угроватов справедливо указывают на некорректность использования М.А. Ефремовым (в книге «80 лет тайны») давно опубликованных материалов, но затем сами под архивными шифрами дают сведения о террористической работе Енисейской губчека. Между тем, ещё в 1994 г. эти факты были введены в научный оборот В.И. Шишкиным, а затем обильно цитировались Г.Л. Олехом и А.П. Шекшеевым^[23]. В книге перевраны фамилии, инициалы и факты биографий многих сибирских персонажей (с. 123, 129, 130, 131, 156, 164, 219), повторены ошибки в должностях крупных чекистов Б.А. Бака, В.И. Дьяконова, А.П. Узликова и М.А. Филатова (с. 130), искажена настоящая фамилия полпреда ОГПУ Л.М. Заковского, необоснованно утверждается, что к 1929 г. в сибирской милиции были ликвидированы факты истязаний и насилий над арестованными (с. 159), допущен ряд других ошибок.

До сих пор исследователи не рискуют даже приблизительно оценить количество жертв чекистского террора начала 1920-х гг., владеют отрывочной и противоречивой статистикой репрессий более позднего времени. В начальной стадии находится и критический анализ групповых дел об антисоветских заговорах, сфабрикованных в 1920–1922 гг. Практически ничего не известно о конкретной оперативной работе губернских, уездных и транспортных чека, особых отделов, агентурном аппарате, о специфическом чекистском быте, о психологии работников безопасности, степени их политической лояльности, репрессиях внутри самой карательной системы. Почти нет сведений о закордонной работе органов ВЧК-ОГПУ Сибири.

В связи со слабым изучением деятельности такого крупного регионального подразделения репрессивного аппарата, каковым в течение 1920-х гг. являлось полномочное представительство ВЧК-ОГПУ по Сибири и Сибирскому краю, анализ важнейших сторон функционирования карательного аппарата — от ведущих направлений работы до кадрового обеспечения — представляется актуальной исследовательской проблемой.

В данной книге предпринимается попытка воссоздания процесса строительства, реформирования и функционирования органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ на территории Сибири в течение 1920-х гг. — от создания чрезвычайных комиссий в конце 1919 — начале 1920 г., реорганизации их в ГПУ, массового сокращения кадров в 1922–1924 гг. и до стабилизации и постепенного роста в конце 1920-х гг. Важными аспектами темы являются репрессии против политических противников и уголовных элементов, взаимодействие чекистских структур с партийно-государственными органами, агентурно-оперативная работа, кадровое наполнение, быт и психология чекистов. Ряд проблем (информирование чекистами партийно-советского

руководства, организация Бюро содействия ГПУ, борьба с уголовной преступностью), уже рассматривавшихся исследователями, даны в сжатом виде.

Автор не претендует на то, чтобы предложить окончательные ответы на сложные вопросы о статистике репрессий и механизме агентурно-оперативной и разведывательной деятельности чекистов. Трудности в доступе к делопроизводству как полномочного представительства ВЧК-ОГПУ, так и его местных органов, к материалам по личному составу ставят серьёзные препоны любому исследователю. Тем не менее, значительная часть ценной переписки органов ВЧК-ОГПУ с партийно-советскими органами сегодня стала доступной. Достаточно много рассекречено материалов и по чекистским кадрам. Даже некоторые секреты агентурно-оперативной работы так или иначе всплывают в материалах райкомов, укомов и губкомов РКП(б), фондах судебных и прокурорских органов, а также следственных делах.

Источниковой базой исследования стали как опубликованные, так и архивные документы. В советское время наиболее интересные материалы подобного рода были опубликованы в сборниках «Красная книга ВЧК», «Из истории ВЧК» и «Ленин и ВЧК»^[24]. В последнее десятилетие вышло много сборников документов, включая многотомные публикации^[25]. Значительное количество материалов из архивов госбезопасности и партийных органов содержат Книги памяти жертв политических репрессий, опубликованные в Абакане, Барнауле, Иркутске, Кемерове, Красноярске, Новосибирске, Омске, Томске.

В ряде городов Сибири вышли интересные документальные сборники, содержащие материалы, посвященные работе чекистов. В.И. Шишкиным опубликованы документы о вооружённом сопротивлении сибиряков коммунистическому режиму, а также красноречивые подборки архивных материалов о делах и нравах чекистов Красноярска и Якутии; С.А. Красильниковым — документы о сибирской политической ссылке 20-х гг.; В.И. Исаевым и А.П. Угроватовым — сборник документов, освещающих ситуацию в Сибири глазами чекистов, работников суда и прокуратуры; А.И. Савиным — сборники о политике властей по отношению к протестантским церквям Сибири. Эти и другие^[26] материалы вводят в научный оборот большой массив источников, позволяющих судить о масштабах чисток и ответе на них со стороны населения, о снабжении чекистами партийно-советской верхушки политической и социально-экономической информацией, а также дают сведения о чекистских кадрах.

Основным источником при написании книги, кроме опубликованных документов и газет 1920-х гг., являлись материалы ряда центральных архивов — Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ — фонд КПК при ЦК КПСС), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ — фонды ЦК КПСС и Дальбюро ЦК), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ — фонд наркомата РКИ). Крайне важны также материалы партийных организаций (от фондов губкомов до партячеек местных органов безопасности), советских и судебно-следственных органов, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО), Государственном архиве Омской области (ГАОО) и Центре документации новейшей истории Омской области (ЦДННОО), Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО), Государственном архиве Читинской области (ГАЧО), Центре хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФАК), Центре документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО), Тюменском областном центре документации новейшей истории (ТОЦДНИ), Центре документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИИО), Центре хранения и изучения документации новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК), документы ряда других региональных архивов.

Материалы партийных организаций всех уровней (от Сиббюро ЦК РКП(б) до райкомов), Сибревкома, суда и прокуратуры, а также архивно-следственные дела на реабилитированных лиц содержат большое количество сведений и о репрессивной деятельности чекистов, и об их кадровом составе, и о взаимоотношениях ВЧК-ОГПУ с властными структурами. Особенную ценность имело изучение около 100 прекращённых следственных дел, хранящихся в Отделе спецдокументации управления архивным делом администрации Алтайского края (ОСД УАДААК), управлении ФСБ РФ по Новосибирской области, а также в ряде фондов ГАНО. Несмотря на обилие фальсифицированной информации, следственные дела, особенно начала 1920-х гг., нередко содержат исключительно ценные агентурно-оперативные материалы, позволяющие выявить механику фабрикации дел сибирскими чекистами. При критическом

прочтении даже глубоко тенденциозный источник способен дать многое, особенно если в нём присутствуют факты, противоположные тенденциозной направленности документа.

Отметим, что современные юристы, занимающиеся реабилитацией и зачастую не считающие нужным вдаваться в подробности того или иного дела, не всегда объективны в правовых оценках, подчас — например, при рассмотрении дел чекистов — реабилитируя и явных фальсификаторов, и тех, кто совершал иные преступления. Парадоксально, но очевидные ошибки прокуратуры могут иметь большое позитивное значение для историков, изучающих весьма содержательные дела на реабилитированных чекистов.

Документы по кадровому составу органов безопасности расплывены по разнообразным партийным фондам. В них можно найти личные партийные дела и учётные карточки коммунистов, протоколы с решениями контрольных комиссий по персональным делам, материалы партийных чисток, партийные переписи 1922 и 1927 гг., протоколы заседаний бюро губкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б). Фонды парторганизации полпредства ОГПУ по Сибири, партячеек местных органов ОГПУ, а также апелляции чекистов, наказанных в партийном порядке, сохранившиеся в фондах контрольных органов партии, вплоть до КПК при ЦК ВКП(б), дают ценный материал о повседневной жизни работников ВЧК-ОГПУ.

В связи с обилием имеющихся источников вряд ли можно согласиться с доводами В.И. Исаева и А.П. Угроватова, считающих, что в доступных сибирских архивах отложились в основном «противоречивые» материалы с компрометирующими и потому не дающими объективной картины сведениями на чекистов^[27]. На самом деле, в государственных архивохранилищах можно ознакомиться не только с информацией (заведомо неполной!) о нарушениях законности и моральных прегрешениях со стороны «людей искореняющей профессии», но и с многочисленными наградными документами и положительными характеристиками на работников ВЧК-ОГПУ (например, ГАНУ, ф. 47, ф. 911, ф. п-1, п-2 и др.). В целом выявленные архивные документы, несмотря на их зачастую выраженную тенденциозность, позволяют предложить как новые факты и подходы, позволяющие составить цельную картину репрессивной и повседневной деятельности ВЧК-ОГПУ Сибири, так и оспорить некоторые мнения, зафиксированные в новейшей историографии.

Очень важную помощь в работе над книгой оказали автору А.И. Савин и К.В. Скоркин. Ценными являются материалы, предоставленные тарским краеведом В.П. Ермоловичем, а также замечания О.И. Капчинского и известных сибирских историков С.А. Красильникова и В.И. Шишкина.

Глава 1

ФОРМИРОВАНИЕ АППАРАТА ВЧК-ОГПУ В СИБИРИ И СОЦИАЛЬНАЯ ЧИСТКА 1918–1922 гг.

Создание ВЧК и первые сибирские ЧК

Создание органов советской политической полиции началось полтора месяца спустя после прихода к власти большевиков. Образование ВЧК традиционно объяснялось резко обострившейся обстановкой в Петрограде. Однако, напротив, такая обстановка как раз и препятствовала созданию нового органа по борьбе с контрреволюцией. Реально роль аппарата Совета Народных Комиссаров выполнял Петроградский Военно-революционный комитет, который с 29 октября 1917 г., когда в него были включены 13 представителей ВЦИК, превратился во всероссийский орган — ВРК при ВЦИК.

Именно ВРК играл ведущую роль в наведении «революционного порядка», в борьбе с массовой забастовкой служащих, организации наркоматов и решении других неотложных проблем. Фактически он подменял бессильный Наркомат внутренних дел. Деятельность самостоятельного Военно-революционного комитета, сумевшего создать многофункциональный аппарат и подведомственного не правительству, а Петроградскому Совету, а затем ВЦИК, вызвала подчас серьёзные трения с СНК и его главой В.И. Лениным, в результате чего 5 декабря 1917 г. ВРК был распущен.

Считать, что ВРК якобы выполнил возложенные на него задачи, вряд ли обоснованно.

Большинство наркоматов к этому времени практически бездействовало, а обстановка в Петрограде была крайне накалена массовыми винными погромами, бесчинствами пьяных люмпенских толп и солдатни. Положение усугублялось мощной забастовкой подавляющей части аппарата министерств и ведомств, постепенно приобретающей всероссийский характер. Именно в этот острейший период ВРК был ликвидирован.

5 декабря 1917 г. Совнарком рассмотрел вопрос о саботаже госслужащих и постановил «поручить т. Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения возможностей борьбы с такой забастовкой путём самых энергичных революционных мер». На следующий день Дзержинский сделал доклад о задачах, первоначальном составе и структуре комиссии. Совнарком одобрил её создание, постановив назвать Всероссийской чрезвычайной комиссией при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

В отличие от Военно-революционного комитета ВЧК поначалу была беспомощным органом — она не имела ни своих воинских частей, ни многочисленных представителей в гарнизонах, военных учреждениях и на предприятиях, ни, тем более, агентурного аппарата. Вообще, учреждение специального органа по подавлению контрреволюции противоречило основным принципам советского государства-коммуны, провозглашённым Лениным. ВРК, опиравшийся на революционных рабочих и солдат, являлся более подходящим органом, чем ВЧК. Действительную причину создания Всероссийской чрезвычайной комиссии и роспуска ВРК назвал позднее видный чекист М.Я. Лацис. В организационном отчёте ВЧК за четыре года её деятельности он писал: «Первую борьбу с контрреволюцией пришлось вынести на себе Петроградскому Военно-Революционному комитету. В числе контрреволюционных элементов первое место занимали лжесоциалистические партии. Военно-Революционному комитету приходилось в первую очередь сталкиваться с ними. А у них имелись свои "плакальщики" в составе ВРК в лице левых эсеров. Последние сильно тормозили борьбу с контрреволюцией, выдвигая свою "общечеловеческую" мораль, гуманность и воздержание от ограничения права свободы слова и печати для контрреволюционеров. Для руководителей Советской власти становилось ясным, что совместно с ними будет немыслимо вести борьбу с контрреволюцией. Поэтому выдвигается мысль о создании нового органа борьбы, куда бы не входили левые эсеры».

Таким образом, причины создания ВЧК заключались не столько в обострении обстановки, сколько в стремлении большевиков избавиться от влияния левых эсеров в принципиально важной сфере «борьбы с контрреволюцией» — в момент, когда левые эсеры вошли в состав советского правительства.

Правда, за первый месяц после создания Всероссийской чрезвычайной комиссии произошла серия острых конфликтов ведомства Дзержинского с левозэсеровским Наркоматом юстиции, из-за чего большевики вынуждены были включить представителей союзной партии в состав ВЧК. Как и в Совнаркоме они составили треть коллегии ВЧК. Но и тогда ситуация принципиально не изменилась. Левозэсеровских представителей утверждали ВЧК и СНК, где коммунисты имели большинство голосов, а уже в марте 1918 г., после заключения Брестского мира, левые эсеры вышли из состава Совнаркома. После июльских событий 1918 г. левые эсеры были изгнаны из ВЧК.

Следовательно, ВЧК с самого начала рассматривалась не только как орган борьбы с контрреволюцией, но прежде всего как важнейшая из структур власти большевистской партии, средство реализации её идеологической доктрины. Учреждение ВЧК, как показывает записка В.И. Ленина Ф.Э. Дзержинскому 7 (20) декабря 1917 г., мыслилось в едином контексте с резким ужесточением борьбы с контрреволюционерами и саботажниками, с организацией тотального контроля над «лицами, принадлежащими к богатым классам», подготовкой введения всеобщей трудовой повинности. Прежние ленинские мысли о народном государстве без армии и полиции были заменены идеей строительства диктаторского государства, а ВЧК быстро завоевала лидирующие позиции в карательном аппарате и стала одним из главнейших инструментов политики «военного коммунизма».

В отчёте ВЧК откровенно говорилось, что главной причиной создания этой структуры явилось «правильное понимание классовой борьбы и классового государства», осознание того, что «всякое государство есть аппарат насилия». Двумя другими факторами создания ВЧК были названы: опыт прежней власти, «так долго державшейся... несмотря на то, что она опиралась лишь на меньшинство», и недостаточная сознательность народных масс, ещё пропитанных

«старым духом». Ленин, жаловавшийся, что «у нас кисель, а не диктатура», защищал чекистский террор. В речи перед чекистами в ноябре 1918 г. он специально ответил на раздававшиеся повсюду обвинения в их адрес: «... Это обывательские толки, ничего не стоящие...., и когда нас упрекают в жестокости, мы недоумеваем, как люди забывают элементарнейший марксизм... Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата»^[28].

Превращение ВЧК в жёсткую охранительную структуру, использующую все классические методы тайной полиции, произошло весьма быстро. В первые месяцы существования ВЧК в ней высказывалось мнение об отказе от насаждения агентуры как позорного метода царской полиции. На заседании Коллегии ВЧК 17 февраля 1918 г. было принято решение, что пользование секретными сотрудниками разрешается только вне «стен Комиссии и только по отношению к спекулятивным делам, к политическим же врагам эти меры не принимаются». Но очень скоро чекисты поняли, что без секретного осведомления они будут глухи и слепы. 12 июня 1918 г. в ходе 1-й Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий фракция РКП(б) постановила: «ввиду грозного момента и исключительных обстоятельств... секретными сотрудниками пользоваться... взять на учёт и установить слежку за генералами и офицерами, взять под наблюдение Красную Армию, командный состав, клубы, кружки, школы ит. д.». Член коллегии ВЧК Д.Г. Евсеев тогда же заявил: «... Если мы не будем иметь сокровенных ушей и глаз в аристократических салонах, посольствах, миссиях и т. п., то мы не будем знать всех злокозненных цепей, которые куются в тиши врагами Советской власти для нас»^[29].

С весны 1918 г. началось интенсивное строительство чрезвычайных комиссий в регионах страны. Сибирь не стала исключением. Но до сих пор о первых ЧК Сибири информация крайне скудна, что связано с краткостью их существования. Большевистские карательные структуры создавались на правах отделов при местных военно-революционных комитетах, штабах и губисполкомах, причём (это характерно для всей страны) в первой половине года имели произвольные названия и различную степень полномочий.

Первым подобным органом в Сибири стал созданный в феврале 1918 г. контрразведывательный аппарат Революционной следственной комиссии при Иркутском губернском Военно-революционном комитете. Он появился до правительственного решения об организации местного чека и просуществовал несколько недель (председатель — видный большевик М.А. Трилиссер). Весной 1918 г. во всех сибирских губерниях создавались органы борьбы с контрреволюцией, которые именовались по-разному: Отдел по борьбе с контрреволюцией Военно-революционного штаба Томской губернии, Отдел по борьбе с контрреволюцией при Омском губисполкоме, Комиссия по борьбе с контрреволюцией при Иркутском губисполкоме. Отдел охраны при Алтайском губисполкоме. В апреле-мае 1918 г. действовала Чрезвычайная следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией, анархией и спекуляцией при Енисейском губисполкоме, с 25 мая 1918 г. преобразованная в Енисейскую губернскую ЧК.

В уездных центрах также была большая самостоятельность в наименованиях и штатах: в апреле 1918 г. например, существовал отдел обысков и арестов при ВРК г. Новониколаевска Томской губернии. В мае 1918 г. Мариинский уездный исполком Томской губернии создал особый отряд по борьбе с контрреволюцией и винокурением из 25 человек во главе с членом исполкома демобилизованным солдатом В.Ф. Аптиным. Численность местного чека была относительно небольшой, но они располагали вооружёнными отрядами.

Руководителями первых сибирских чекистских структур становились чаще всего опытные подпольщики с большим стажем нелегальной работы. Своего рода «сибирским Камо» был руководитель Томской ЧК Д.И. Кривоносенко. Потомственный революционер, сын фельдшера-политкаторжанина, он после ареста в 1906 г. за участие в восстании в Чите успешно симулировал психическое расстройство. Одним из первых иркутских чекистов был М. Лагошин — политкаторжанин с 1905 г., близкий к анархистам. Опытным подпольщиком являлся М.А. Трилиссер. Первого новониколаевского чекиста Ф.И. Горбаня впервые арестовали за революционную деятельность в 1901 г. Аналогичный тюремный стаж был и у руководителя красноярских чекистов Г.И. Пекаржа^[30]. Порой во главе первых губернских ЧК оказывались личности, не имевшие больших революционных заслуг. Комендантом отдела по борьбе с контрреволюцией Омского губисполкома, к примеру, стал бывший стрелок 20-го Сибирского

полка, председатель полкового комитета 25-летний В.И. Шебалдин, большевик с 1916 г.

Вообще, биографии большинства первых сибирских чекистов изучены плохо. Так, М. Лагошин в краеведческой литературе именуется Лагошным^[31], а кто руководил отделом охраны при Алтайском губисполкоме, совсем неизвестно.

Унификация чекистских региональных структур началась только после 1-й Всероссийской конференции ЧК 11–14 июня 1918 г., когда было принято «Положение о ЧК на местах», определившее структуру чрезвычайных комиссий, их полномочия и место в системе губернской и уездной власти. Однако в Сибири это решение в связи со стремительной ликвидацией советской власти не было проведено в жизнь.

Деятельность сибирских чрезвычайек «первого призыва», созданных в основном буквально за несколько недель до белочешского переворота мая-июня 1918 г., была сравнительно скромной: чекисты преимущественно занимались борьбой с «мешочниками», конфискациями, реквизициями, изъятием оружия и борьбой с саботажем чиновников. Поскольку любые нелояльные разговоры выглядели в глазах властей крайне опасными, 7 июня 1918 г. Енисейская губчека сообщила о возбуждении уголовных дел против Иванова, произносившего «погромные речи», а также Симаковой, допустившей «оскорбления защитников Советской власти». При расследовании деятельности сибирских чрезвычайек белыми властями были зафиксированы факты жестоких чекистских расправ над своими противниками.

Политические просчёты большевиков быстро восстановили против власти значительную часть населения. Во время «кулацкого восстания» (весна 1918 г.) в Нарымском крае, вызванного реквизициями, был арестован продкомиссар А.В. Шишков. После подавления мятежа он вынужден был покинуть Нарым, но ровно два года спустя именно он возглавил Томскую губчека. 24 мая 1918 г. при попытке конфисковать «излишки продовольствия» в женском монастыре собравшейся толпой был убит глава Томской чека Д.И. Кривоносенко. Преемником Кривоносенко был избран видный местный большевик С.А. Дитман^[32], но он не успел что-либо сделать, поскольку уже 31 мая томские коммунисты под натиском белочехов спешно оставили город.

Собственно госбезопасность для всех новорожденных сибирских ЧК оказалась делом непосильным, ибо в течение нескольких недель создать функционирующий агентурный аппарат было невозможно. Поэтому хорошо организованный белочешский мятеж стал для чекистов полной неожиданностью. Известно, что в период белого террора погибли лидеры Енисейской и Иркутской губчека, а также Новониколаевской чека — Г.И. Пекарж, И.С. Постоловский, Ф.И. Горбань. Уцелевшие чекисты ушли в подполье, воевали в партизанах и Красной армии, а после восстановления Советской власти в Сибири пополнили, пусть и в довольно скромном количестве, воссозданные чрезвычайные комиссии.

Белый и красный террор в Сибири в 1918–1919 гг.

Ликвидация летом 1918 г. большевистской власти в Сибири сопровождалась массовым уничтожением советского аппарата — значительная часть сибирских коммунистов была вырезана, в том числе руководящие работники Центросибири. В ноябре 1918 г. отряд поручика И.С. Захаренко расстрелял 12 скрывавшихся в якутской тайге членов Центросибири и других видных революционеров, включая председателя ЦИК Советов Сибири Н.Н. Яковлева, наркома Ф.М. Лыткина, члена ЦИК и ВЦИК З.Ф. Кулинича и др.

Судя по воспоминаниям одного из участников русско-якутского отряда Захаренко, в данной жестокой расправе над комиссарами проявился общий дух нетерпимости по отношению к красным. Захваченные в Олёкминской тайге в ночь на 6 ноября (с более чем 50 тыс. рублей) пленные, которые «ужасно плакали» и молили о пощаде, сначала не вызвали желания расправиться с ними немедленно. Захаренко передал судьбу шести арестованных комиссаров на решение русских дружинников и те, посоветовавшись, постановили пленников расстрелять. Вероятно, некоторые бойцы стреляли не целясь и «скверно попадали», нарочно отойдя на 25–30 шагов. Один из комиссаров полураздетый убежал в тайгу, но, не выдержав мороза, вернулся и разделил участь товарищей.

Следующая партия руководящих сибирских работников была застигнута врасплох 16 ноября 1918 г. во время ночлега в палатке, которую каратели (кстати, именовавшие себя

партизанами) обстреляли издалека, сразу убив троих. Оставшиеся трое были страшно изуродованы самодельными разрывными пулями дружинников, и, не в силах оказать сопротивления, умоляли прекратить их мучения. Прямо в палатке этих несчастных добил из винтовки один из тунгусов, некто Кутай^[33]. Многие другие арестованные советские функционеры в течение 1918–1919 гг. погибли в заключении, но немалая часть из них смогла выжить, в том числе благодаря ложным сведениям о своей личности, либерализму отдельных представителей белой власти, подкупу тюремных чиновников, побегам и т. д.

Стихийный белый террор, отличавшийся массовостью и жестокостью, был вызван сопротивлением режиму, почти повсеместными атаками партизан и невозможностью эффективно контролировать деятельность озлобленных гражданской войной регулярных частей. Недовольство сибиряков белой властью было велико, ибо контрреволюционные правительства, пришедшие на смену большевикам летом 1918 г., попытались восстановить отменённую ими из популистских соображений налоговую систему и даже приступили к взысканию с крестьян недоимок за предыдущие годы.

Сопротивление крестьянства политике белой власти, требовавшей обременительных повинностей и мобилизаций, ограниченность людских и материальных ресурсов слабозаселённого края вынуждали Колчака возложить тяжесть военной экономики на население, прежде всего, сельское. Принуждение сопровождалось суровыми репрессиями, включая массовые порки. Во время подавления восстаний и партизанских выступлений было много бессудных убийств, повальных грабежей, сжигания целых деревень и прочих крайних эксцессов. Большой жестокостью отличался и режим содержания политических заключённых, значительная часть которых погибла от голода в тюремных поездах — так называемых «эшелонах смерти».

Известно, что колчаковское правительство фактически не контролировало целый ряд крупных воинских частей, практиковавших особенно беспощадный террор. В Казахстане и на Алтае бесчинствовал каратель Б.В. Анненков. Забайкалье контролировал бравировавший своей независимостью атаман Г.М. Семёнов, в Даурии ужас на население наводил барон Р.Ф. Унгерн.

Вопрос о количестве жертв белого террора до сих пор остается открытым. Жесточайшими репрессиями анненковцев было отмечено подавление восстаний на Алтае, много врагов Колчака погибло от рук белых в Енисейской губернии. Как сообщала советская пресса, в июне 1920 г. под Ханском было раскопано захоронение более 400 расстрелянных и зарубленных крестьян, рабочих и повстанцев; В своём докладе в Сиббюро ЦК РКП(б) курьер-разведчик Д.Д. Киселёв, проехавший через весь край весной 1919 г., писал: «Бессудные казни, массовые порки и утопление в проруби — бытовые явления в Сибири»^[34].

Есть сведения, что только на ст. Черепаново Алтайской железной дороги, куда из окрестных деревень свозили арестованных сторонников советской власти, белые расстреляли до 200 чел. Но, например, в Новониколаевском уезде жертв было относительно немного, что явно связано с умеренным сопротивлением мероприятиям колчаковской власти в этой части Томской губернии. Отчёты волостей Новониколаевского уезда в местный отдел управления показывают, что от рук белых в 1918–1919 г. погибло несколько более 300 чел. В 12 волостях жертв не было вообще. Массовые порки населения были зафиксированы в нескольких волостях: в Каргатской телесным наказаниям подверглись 700 чел., Сумланской и Чаусской — по 200, Миргородской — 150, Дергоусовской — 105, Ярковской — 100. Сожжение домов фиксировалось в единичных случаях^[35].

При этом следует отметить, что при отступлении из Томской губернии белые уничтожили большую часть политзаключённых и часть уголовников, находившихся в тюрьмах Каинска и Новониколаевска. Так, в январе 1920 г. одна из газет сообщала, что на ст. Барабинск лежат непогребёнными 256 трупов жертв, зарубленных колчаковцами, большинство из них в кандалах. При «зачистке» новониколаевской тюрьмы и подавлении восстания Барабинского полка в конце 1919 г. были зверски убиты 104 противника колчаковской власти и 15 уголовников. В декабре 1919 г., когда узники Александровского централа в Иркутской губернии подняли восстание, их оказалось убито 192 чел., и ещё 9 — расстреляно позднее^[36].

Красный террор в Сибири разворачивался одновременно с белым. В течение 1918–1919 гг. партизаны беспощадно расправлялись со сторонниками колчаковской власти

(деревенскими дружинниками, охранявшими порядок в сёлах, чиновниками, священниками, богатыми крестьянами и пр.), пускали под откос пассажирские поезда, а в период беспорядочной эвакуации на восток колчаковских войск и беженцев грабили застрявшие эшелоны и истребляли замерзавших и больных тифом как военных, так и гражданских. В конце 1919 г. свою лепту в бессудные расправы внесли наступавшие армейские части и их особые отделы.

В партизанском движении в Сибири в конце 1919 — начале 1920 гг. принимало участие свыше 100 тыс. чел. Жертвами повсеместного партизанского террора, не менее (если не более) жестокого, чем белый террор, стали многие тысячи людей. Расправы над пленными, заложниками, а также всеми, кто противился партизанскому мародёрству, были нормой. В антиколчаковском повстанческом движении оказалось много уголовного элемента, а часть отрядов имела откровенно грабительский характер.

В декабре 1919 г. партизанский отряд Г.Ф. Рогова захватил трёхтысячный Кузнецк (Новокузнецк) и учинил страшный погром города, вырезав около трети населения и изнасиловав большую часть женщин. Цифра в 800 погибших, приведённая в одной из чекистских сводок, вероятно, близка к истине, но следует учитывать и прозвучавшую на губсъезде представителей ревкомов и парткомов информацию председателя Кузнецкого ревкома: «было вырезано до 1.400 человек, главным образом, буржуазии и служащих».

Красноречивый рассказ видного кузнецкого краеведа Д.Т. Ярославцева о роговском погроме опубликовал в 1926 г. писатель М.А. Кравков: «Иду я мимо двора какого-то склада. Ворота настежь, на снегу лужа крови и трупы. И в очереди, в хвост, стоят на дворе семь или восемь человек — все голые и ждут! По одному подходят к трём-четырёх роговцам. Подошедшего хватают, порют нагайками, а потом зарубают. И тихо, Знаете, всё это происходило, и человек начинал кричать только тогда, когда его уже били или принимались рубить...».

Помимо отрубания голов, роговцы четвертовали, распиливали, сжигали живьём. Сибирский писатель В.Я. Зазубрин в 1925 г. встретился с партизаном Ф.А. Волковым, который согласился передать в новониколаевский краеведческий музей «на историческую память» ту самую двуручную пилу, которой он вместе с женой казнил приговорённых. Председатель Кузнецкого Река Дудин на зазубринской записи рассказа Волкова начертал: «Факт распилики колчаковских милиционеров Миляева и Петрова общеизвестен и в особых подтверждениях не нуждается».

Роговские погромы Кузнецка и Щегловска (Кемерово) выделяются на фоне партизанских бесчинств. Но следует отметить, что, например, о заслугах оперировавшего в Ачинском уезде партизанского вожака М.Х. Перевалова бывший председатель Енисейской губчека И.Г. Фридман говорил, что тот способен «не моргнув, вырезать 600, на его взгляд, контрреволюционеров»^[37].

Изощёренные пытки, а также массовые убийства пленников и деревенских «буржуев» практиковались в большом — порядка 300 бойцов — алтайском отряде М.З. Белокобыльского. Как вспоминал один из партизан, «отряд его был чисто грабительский, к нему попали отъявленные воры, уголовные, которые окружили его, но боевые были, положили тысячу голов, если не больше... Белокобыльский грабленое себе не брал, но массу такую удержать один не мог». Партизанский вожак И.Я. Огородников во время поисков штаба Белокобыльского в Старой Тарабе увидел в этом селе «три воза трупов на простых дровнях... человек так до десяти на возу... все были нагие, обезображены... обрезаны носы, уши, выколоты глаза, тела вспороты нагайкой». В декабре 1919 г. разъярённые огромными потерями при 18-суточном штурме хорошо укрепленного с. Тогул (там оборонялись до 250 солдат и 500 дружинников) отрядники Белокобыльского и других вожаков зарубили около 350 пленных, после чего штыками загнали в огромный костёр дюжину священнослужителей^[38].

Алтайские партизаны в массовом порядке истребляли лояльных властям зажиточных казаков. 3 сентября 1919 г. партизаны М. Назарова зарубили 116 казаков, взятых в заложники после сдачи центральной на Бийской казачьей линии станицы Чарышской; уничтожению подверглись также маральевские и слюденские казаки-заложники. Из оставшихся 228 пленников, втиснутых в нарочито маленькое помещение, в течение ночи задохнулось 50 чел. Всего партизанами с исключительной жестокостью было разгромлено 10 из 19 населённых

пунктов Бийской линии, что предопределило ответный террор со стороны казаков^[39]. Общими для действий партизан были повальное ограбление сельского населения (особенно нерусского), насилия над женщинами, погромы церквей.

В Горном Алтае партизаны, добывая припасы, лошадей и оружие, повсеместно грабили и уничтожали коренное население, вырезая целые деревни, особенно в южных районах, прилегавших к границе с Монголией. Как сообщал в 1925 г. в письме Сталину местный большевик и бывший глава Кош-Агачского аймисполкома Н.М. Адаев, после изгнания Колчака партизаны продолжали терроризировать алтайцев и казахов. В сентябре 1920 г. прибывшие из Монголии 30 жителей с. Черно-Ануй были зарублены местными партизанами, присвоившими затем их земельные наделы. Жители урочища Шишихман Онгудайской волости были разогнаны и частью перебиты, а деревню заселили партизаны из Бело-Ануя, грабившие её ещё в 1919 г. Аналогичная участь постигла население д. Аюл Чемальской волости, а д. Керзюн Шебалинского аймака была в 1922 г. «совершенно вырезана». Все эти преступления остались безнаказанными. Насилия над коренным населением Горного Алтая привело к тому, что оно активно поддержало многочисленные мятежи 1920–1922 гг. По сведениям Адаева, туземное население Алтая с 1919 по 1925 г. сократилось из-за террора (преимущественно красного) и вынужденной эмиграции с 90 до 37 тыс. чел.^[40]

Для Восточной Сибири и Дальнего Востока дикие партизанские расправы также были обычным явлением. Командовавший в 1920 г. Восточно-Забайкальским фронтом и 1-м Забайкальским корпусом казак Я.Н. Каратаев, воевавший с семёновцами, отличался крайней жестокостью и практиковал «красный бандитизм». Особую свирепость партизаны проявили на Сахалине. В последний день февраля 1920 г. партизанская армия Я.И. Тряпицына вошла в Николаевск-на-Амуре, после чего последовал безбрежный террор против всех слоев населения. Аналогично Тряпицын действовал и в отношении своих соратников: по словам воевавшего в его отряде А.А. Зинкевича, партизаны «расстреливались направо и налево». Белые власти официально констатировали, что с 1 марта по 2 июня 1920 г. «...представители советской власти в [Сахалинской] области расстреляли, закололи, зарезали, утопили и засекли шомполами всех офицеров... громаднейшую часть интеллигенции, много крестьян и рабочих, стариков, женщин и детей. Уничтожили всю без исключения японскую колонию с японским консулом и экспедиционным отрядом, сожгли и уничтожили дотла город Николаевск». Количество убитых русских граждан во время партизанского разгрома Николаевска-на-Амуре превысило 6.000 чел., японцев — 700 чел. Посланники революционного штаба Хабаровска расстреляли Тряпицына и его соратников за бандитизм после короткого суда 9 июля 1920 г.^[41]

Ситуацию в Сибири после прихода красных характеризует сообщение Змеиногорского уездного ревкома о том, что с первых дней организации советской власти кругом «бушевали грабежи, насилия и кровь лилась рекой»^[42]. Новая власть одной рукой расправлялась с «исторической контрреволюцией», а другой разоружала многочисленные формирования анархически настроенных партизан, претендовавших на положение хозяев в очищенных ими от колчаковцев районах и недоумевавших, почему советская власть препятствует им свободно истреблять белых «гадов».

Большевики активно использовали партизан как «чистильщиков» огромных сибирских территорий, привлекая их в милицию и органы ЧК, предпочитая при этом зачастую закрывать глаза на бандитизм, мародёрство и самосуды. Партизанских вожakov стремились привязать, давая ответственные политические поручения, вроде участия в суде над министрами Колчака. С другой стороны, постоянным фоном начала 20-х годов были широкие репрессии против командного состава партизан. Сама же масса красных повстанцев считалась анархической и неблагонадёжной. Опасение по поводу возникновения сибирской «махновщины» как раз и определяло отношение коммунистических властей к своим недавним боевым союзникам.

Партизанские чека и следственные комиссии

Повторная организация советских карательных структур в Сибири имела свои особенности. В 1918–1919 гг. закончился период становления органов ВЧК как важнейшей опоры власти. Чекисты сосредоточили в своих руках функции наружного и агентурного наблюдения, ареста, предварительного следствия, суда и исполнения приговора. Острые

межведомственные противоречия между органами ВЧК и работниками ревтрибуналов (первые считали трибунальцев медлительными и недостаточно жёсткими, вторые обвиняли чекистов в нарушениях законности и необоснованности многих приговоров) были решены в пользу ВЧК, на которую приходилась львиная доля разрешённых следственных дел. К 1921 г. только треть дел передавалась на доследование из ЧК в трибуналы.

Постепенно подчинилась чекистам и милиция, ставшая по сути вспомогательным органом для проведения оперативных мероприятий и расследования мелких дел. После ликвидации в 1919 г. уездных чека были созданы политические бюро, которые формально являлись уездными органами милиции, но реально подчинялись губернским чекам. В 1921 г. и формальное подчинение политбюро органам милиции было отменено.

В условиях гражданской войны особую компетенцию приобрели органы военной контрразведки — особые отделы во фронтах, армиях, корпусах, дивизиях и бригадах. Это были крупные по численности структуры, постоянно пытавшиеся избавиться от контроля со стороны реввоенсоветов и существовать в рамках ведомственных инструкций, подчиняясь только Особому отделу ВЧК. Работавшие в условиях боевых действий, они демонстрировали особую жестокость, постоянно направляя удары и против своих — военных специалистов и рядовых красноармейцев. Масштабной карательной структурой являлась система транспортных чека, контролировавшая практически все стороны работы путей сообщения. Между этой чекистской триадой существовали очень натянутые отношения из-за постоянных вторжений в сферы компетенции друг друга.

Сибирь, до конца 1919 — начала 1920 г. находившаяся под властью белых правительств, оказалась в стороне от тех изменений, которые происходили в системе ВЧК. Но в многочисленных партизанских соединениях предпринимались попытки организации специальных контрразведывательных структур. В регионах с максимальной повстанческой активностью первоначально организовывались партизанские чека, чьи представители затем пополняли штаты губернских и уездных чека. Самодеятельные партизанские чека вели как контрразведывательную работу с целью выявления белогвардейских лазутчиков и проверки благонадёжности самих партизан, так и осуществляли террор в отношении представителей и сторонников белой власти.

В алтайской Первой горной партизанской дивизии И.Я. Третьяка начальником контрразведки был беглый каторжник А.А. Табанаков, который в феврале 1920 г. возглавил Горно-Алтайскую уездную чека. С.М. Буда с конца 1919 г. работал председателем военно-следственной комиссии при штабе армии Тасеевской партизанской республики Канского уезда, а в феврале 1920 г. был передан в ЧК.

Свои чека создавали и большевики-подпольщики: в период восстания в Иркутске в декабре 1919 г. член подпольной боевой дружины Ю.А. Новик (в будущем видный чекист) работал инструктором ЧК в контрразведке при рабоче-крестьянской дружине Знаменского предместья. Подпольщик И.Г. Елюхин писал в автобиографии: «В дни восстания в Красноярске... не имея никаких указаний сверху, беру на себя инициативу организации разведки наподобие ЧЕКА; до сформирования ЧЕКА мною заключено свыше 1.000 офицеров, взяты под арест 12 генералов Колчаковского Правительства и принято от Колчаковских частей 14 несгораемых ящиков ценностей. Позднее... своей разведкой вливаюсь [во] вновь организованную Красноярскую ЧЕКА»^[43].

Сразу после прихода к власти большевики создавали следственные комиссии, напоминавшие чека образца весны 1918 г., но действовавшие более жёстко. В захваченном партизанами алтайском пос. Змеиногорское 10 декабря 1919 г. был образован исполком, который тут же организовал Чрезвычайную следственную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Сначала она состояла из трёх человек, но вскоре, из-за обилия дел, была доведена до 6 членов. 15 января 1920 г. эта комиссия была упразднена и взамен образован юридический отдел ревкома во главе с Малютиным, ранее работавшим в партизанской комиссии 1-й Чумышской дивизии армии И.В. Громова-Мамонова. Юротдел состоял из трёх комиссий: гражданской, уголовной и политической, которые имели полномочия присуждать до 6 месяцев принудительных работ, а более важные дела направляли в ревтрибунал. Из Барнаула руководящих указаний не поступало до 10 февраля 1920 г., когда юротдел был преобразован в отдел юстиции, а работники политической комиссии переданы

уполномоченному губчека в уезде Ф.Я. Глазкову, который с декабря 1919 г. являлся уполномоченным партизанского Главштаба по организации советской власти в уезде. Бывший глава Змеиногорского исполкома, а затем активный партизан и чекист П.И. Молостов писал в автобиографии, что он в конце декабря 1919 г. работал старшим делопроизводителем партизанской следственной комиссии, а в конце февраля 1920 г. «без всякой инструкции и указаний» организовал Змеиногорскую уездную чека.

После взятия партизанами И.В. Громова-Мамонова г. Камня в нём тут же начала действовать партизанская ЧК во главе с местным уроженцем Болкуновым. Его помощником был представитель партизанского корпуса Н.С. Суханов, а секретарём ЧК — видный Каменский партизан М.В. Боев. Примерно дней через десять эта ЧК была расформирована, а Суханов назначен помощником начальника каменской уездной милиции. В Бийске в середине декабря 1919 г. была создана следственная комиссия из партизан во главе с Ф. Чередниченко, который месяц спустя вступил в должность начальника штаба бийской уездной милиции^[44].

Таким образом, сначала партизаны образовывали свою временную ЧК, из них же формировался аппарат милиции, активно занимавшийся борьбой с «контрреволюцией», а ещё через несколько недель усилиями Сибчека и губернских властей организовывалась уездная чека. Расправы с деятелями колчаковского режима, учинённые партизанскими чека, обычно находили положительный отклик у приходивших им на смену «официальных» ЧК. В последних процент бывших партизан был весьма заметен.

В условиях Сибири де-факто действовали и своего рода подпольные партизанские чека, причём даже много месяцев спустя после восстановления коммунистической власти. Ярким примером может служить деятельность бывшего лидера повстанческой армии Мариинского, Кузнецкого и Щегловского уездов Томской губернии В.П. Шевелева-Лубкова, ставшего зампреда Щегловского совета. Имевший в уезде огромный авторитет и фактическую военную власть, он лично и письменно давал указания, кого из «спецов» или «контрреволюционеров» нужно, по шевелевской лексике, «смарать».

В результате карательных инициатив Шевелева-Лубкова в 1920–1921 гг. возник целый ряд дел об убийствах крестьян и священников. Партизаны, попадая за убийства под суд, апеллировали к Шевелеву-Лубкову, и тот их освобождал, «авторитетно» ходатайствуя и беря на поруки. Освобождённые партизаны снова брались за старое. Как отмечали щегловские чекисты, такое поведение партизанского главаря «детализирует красный террор или, точнее, бандитизм». Осенью 1921 г. Шевелев-Лубков со своими партизанами путём физического «выколачивания» сведений создал «дутую Литовскую организацию», самочинно арестовав людей по обвинению в контрреволюционной деятельности. В этой грязной истории фигурировали и взятки, и пьянство^[45].

Поскольку на очищенной от Колчака колоссальной территории органы ЧК пришлось создавать заново, строительство местных чрезвычайных комиссий затянулось. Первым шагом в строительстве большевистского карательного аппарата стало повсеместное создание губернских и уездных следственных комиссий. В них не было профессиональных чекистов, а значит, и агентурной работы. Они организовывались ревкомом из местных работников (партизан, заслуженных партийцев-подпольщиков, войсковых командиров, милиционеров) и лишь потом заменялись официальными чекистскими аппаратами. Так, до приезда из Омска штата Алтайской губчека местный губревком создал сначала следственную комиссию из партизан, а вскоре, 26 декабря 1919 г., губбюро РКП(б) поручило начальнику барнаульской милиции, бывшему подпольщику А.П. Елькину организовать при гормилиции «кадр работников из коммунистов и сочувствующих, исполняющих обязанности Чека, работу вести в контакте с Особым Отделом». При Омском губревкоме следственная комиссия (существовавшая, однако, одновременно с Сибчека) под руководством Рязанова начала работу не позднее 10 декабря 1919 г.^[46]

В Новониколаевске сразу после взятия города к арестам белогвардейцев в контакте с военными властями приступили местные подпольщики (например, нелегальный курьер ЦК РКП(б) в Сибири Д.Д. Киселёв), а в последующие дни организацию чекистской работы взял на себя один из лидеров губревкома и заведующий отделом юстиции В.Ф. Тихомиров. Он был назначен заведовать юридической комиссией губревкома для «временной работы до организации отдела ЧК». Сразу после создания губчека Тихомиров стал заведующим её

юридическим отделом и помощником председателя^[47].

В Нарымском крае чрезвычайная следственная комиссия была образована в начале 1920 г. Ею заведовала Е.А. Шуралина, большевичка с 1917 г., вдова офицера, характеризовавшаяся властями как энергичная парработница. Помощником Шуралиной с марта 1920 г. был 26-летний П.А. Тюменцев, присланный из Томского караульного полка. Проработав несколько недель, Шуралина уехала из Нарыма и колпашевскими коммунистами, вдогонку, была признана «нежелательным в партии элементом», поскольку «со стороны беспартийных была подозреваема в реквизиции имущества». Также Екатерине Шуралиной ставились в вину бездействие в расследовании убийства и интеллигентское происхождение.

При Минусинском ревкоме 4 февраля 1920 г. была образована уголовно-следственная комиссия во главе с Бояринцевым. Отсутствие осведомителей не мешало ей осуществлять широкие репрессии: к 21 марта 1920 г. за ней числилось 570 дел и 208 арестованных. Организация следственной комиссии в Иркутске, где после ликвидации власти Колчака существовал влиятельный эсеро-меньшевистский политический центр, имела свою специфику: по условиям соглашения с большевиками в Чрезвычайную следственную комиссию от Иркутского политцентра вошли авторитетные представители эсеров.

Если в губернских центрах следственные комиссии вскоре были заменены на губчека, то в некоторых уездах они действовали довольно долго. Следует отметить и продолжительное (февраль-июнь 1920 г.) функционирование следственной комиссии в Якутске во главе с 20-летним большевиком С.М. Аржаковым^[48].

Говоря о работе по «зачистке» освобождённой территории от сторонников белых, следует учитывать большую активность и со стороны военных властей. Например, в декабре 1919 г. начальник барнаульского боевого участка Захаров выдал командиру бронепоезда Н.П. Гоманову мандат на право обысков и арестов политически неблагонадёжных лиц и преступных элементов^[49]. Первой волне репрессий подлежали как политические враги, так и уголовники, но первая категория явно преобладала.

Организация Сибчека

В конце 1919 г. работу сибирских чекистов трудно было назвать особенно интенсивной и эффективной. Основную контрразведывательно-карательную роль в период наступления на Колчака играли подразделения Особого отдела 5-й армии Восточного фронта, а территориальные органы госбезопасности находились в стадии становления. Аппарат Сибчека во главе с М.Ф. Левитиным, действовавшей в качестве отдела Сибревкома, был невелик и испытывал большую нужду в работниках. 28-летний Марк Филиппович Левитин, меньшевик с 1909 г. и большевик с 1916 г., отбывавший ссылку в Нарыме, а в 1917 г. работавший членом президиума Томского исполкома Советов, получил затем немалый опыт чекистской службы, будучи председателем Самарской и Царицынской губчека. Должность главы Сибчека Левитин занимал с сентября до конца декабря 1919 г., едва успевая разворачивать карательную работу в быстро освобождавшихся от власти Колчака огромных регионах.

До сих об аппарате Сибчека, который состоял из секретно-оперативного, юридического (следственного), общего, комендантского и хозяйственного отделов, можно судить по весьма отрывочным данным. Прибывшая из Особого отдела ВЧК Восточного фронта В.П. Брауде с конца 1919 г. заведовала Юридическим отделом Сибчека (в декабре 1919 г. она участвовала в раскрытии «бело-офицерской организации» в Омске). Секретным отделом руководил бывший работник ВЧК и ВУЧК И.И. Карклин, его помощником был 21-летний опытный чекист М.Д. Берман. Одним из отделов заведовал и бывший начальник Особотдела ВЧК 5-й армии П.В. Гузаков. Членами Сибчека в декабре 1919 г. были Я.С. Гранов и Петров, секретарями Сибчека — видный подпольщик В.Ф. Тиунов, а затем бывший секретарь Петрочека И.Я. Шимановский. В Сибчека работал и младший брат её председателя К.Ф. Левитин, следователем юридического отдела был Т.Д. Пинхасик. Сибчека сначала базировалась в Челябинске, а после захвата 14 ноября 1919 г. столицы «Колчакии» переехала в Омск^[50].

Главой первой из созданных в Сибири губчека стал С.А. Комольцев, ранее руководивший Ялуторовской уездной организацией РКП(б) и уездчека. Председателем Тюменской губчека он

являлся лишь с 15 сентября по 20 октября 1919 г. Деятельность аппарата новорожденной губчека очень скоро вылилась в большой скандал: уже 9 октября Сибревком сообщил Левитину, что постановил «немедленно отстранить» Комольцева от должности. Президиум ВЧК в феврале 1920 г. приговорил Комольцева к заключению в концлагерь за хищение многочисленных драгоценностей, изъятых при обысках. Под арест и суд за мародёрство пошли, помимо председателя, его заместитель П.Ф. Зернин, заведующий Тобольской уездной чека Б.В. Падерня, уполномоченный по Ялуторовскому уезду Ф.В. Залевин, а также четыре комиссара, занимавшиеся обысками и арестами, комендант здания губчека и два кладовщика^[51]. Комольцева заменил прибывший из Москвы Ф.С. Степной.

В середине декабря 1919 г. омские власти дали распоряжение срочно отправить вагоны с оперсотрудниками формирующихся губчека в Барнаул и Новониколаевск. К вагонам с чекистами цепляли теплушки с караульными ротами, которые должны были стать вооружённой силой при губчека. Отправление этих спецпоездов, однако, задержалось примерно на две недели — вероятно, из-за трудностей с комплектованием чекистских аппаратов.

Сибчека уже к концу осени 1919 г. располагала рядом уездных органов и уполномоченных в уездах. Петропавловский уездный ревком 1 ноября 1919 г. постановил образовать уездную чека, которая начала свою деятельность с 9 ноября. Ревком тогда же постановил, что чека будет временно исполнять функции губернской и «обслуживать» уезды Омской губернии. 26 ноября 1919 г. ревком постановил довести до сведения Сибчека, что Петропавловская ЧК слагает с себя обязанности губчека «и начинает работать в уездном масштабе». Чека состояла из 53 чел. во главе с большевиком с 1906 г. П.Я. Петрухо (в январе 1920 г. его сменил Е.А. Анучин). Только до конца 1919 г. она арестовала 104 чел., в том числе 70 — за «контрреволюцию» и агитацию против властей.

С 22 ноября 1919 г. стала работать Ишимская уездная чека во главе с переведённым из Тюмени А.А. Шамариным; под его начальством в Ишиме к исходу года было 33 сотрудника. До своего прибытия в Тюмень чекист Шамарин отличился террором в Пермской губернии. К 31 декабря 1919 г. ишимские чекисты арестовали 111 чел. за контрреволюционные действия и антисоветскую агитацию, одного — за шпионаж, 30 — как подозрительных, 25 — за выдачу белым советских работников, 20 — за должностные преступления, по пять — за спекуляцию и сокрытие вещей «бежавшей буржуазии», четверых — за кражи, троих — за пьянство, двоих — за дезертирство. Из этих 206 арестованных расстреляли до конца 1919 г. двоих: одного — за контрреволюцию, второго — за должностное преступление^[52].

Сравнительную немногочисленность первоначальных арестов и расстрелов чекисты «компенсировали» жестоким обращением с задержанными, в чём им деятельно помогали руководящие работники местных органов власти. В начале 1920 г. в представительство ВЧК попала жалоба от содержащихся в ишимской тюрьме Ф. Нестерова и его сыновей — Николая и 15-летнего Степана. Узники заявили, «что при их аресте в начале января настоящего года их пытали и истязали председатель Больше-Сорокинского 1-го волисполкома Моисей Степанович Сидоренко и комиссар Ишимской уездной ЧК Ефрем Иванов. Николаю Нестерову прижигали подошвы ног сальниками и вбивали в голову гвозди, Фёдора Нестерова били шашкой по спине и Степана Нестерова стегали ремнём, били шомполом и по лицу кулаками, страшая истязуемых тем, что если они заявят или сообщат кому-либо о пытках над ними, то их же расстреляют»^[53].

К самому концу 1919 г. аппарат Сибирской чрезвычайной комиссии вполне сложился. Его составляли в основном опытные чекисты, им подчинялись работоспособные губернские и уездные территориальные комиссии. И тем не менее, в результате серьёзной ведомственной интриги Сибчека внезапно оказалась ликвидированной.

Атака «варягов» Дзержинского

Осенью 1919 и в начале 1920 г. обозначилось противостояние Сибревкома и Кремля по вопросу о принципах подчинённости чекистских органов и руководства ими. Сибирские власти, хотя и задыхались от нехватки кадров, с исключительной ревностью относились к усилиям центра навязать им своих людей. Попытка Дзержинского в сентябре 1919 г. прислать руководителем Сибчека московского чекиста Ф.С. Степного явно возмутила сибиряков из-за

его несоответствия масштабам Сибири.

Телеграмма члена Сибревкома М.И. Фрумкина председателю Сибчека М.Ф. Левитину, отправленная в начале октября 1919 г., гласила, что, хотя в Челябинск уже прибыл Ф.С. Степной, посланный Дзержинским на должность председателя Сибчека, полномочия Левитина не отменяются. Левитину поручалось «в случае надобности» назначить Степного председателем Тобольской (Тюменской) губчека. Именно так и было сделано, в результате чего кандидат на руководство Сибчека застрял в Тюмени до середины следующего года, а Сибчека продолжала действовать на правах отдела Сибревкома. Одновременно в Сибирь для организации органов ЧК был отправлен начальник Секретного отдела ВЧК С.Г. Уралов, но о его деятельности осенью 1919 г. сведений пока не обнаружено (за исключением нахождения в Уфе в начале ноября 1919 г.), и трудно точно сказать, когда он появился в Сибири. Известные источники утверждают, что это произошло только в конце декабря 1919 г. [\[54\]](#).

Дзержинский сделал паузу и, когда Сибирь была в основном занята красными, более удачно попытался сменить Левитина своим доверенным лицом и превратить самостоятельную Сибчека в региональное подразделение ВЧК. Сибревком до последнего полагал, что Сибчека должна быть руководима Левитиным и подчиняться Сибревкому. Его председатель И.Н. Смирнов 13 декабря телеграфировал секретарю ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинскому: «Нужно организовать областную Сибирскую чека, подчинённую Сибревкому. Просим Дзержинского утвердить своим уполномоченным [в Сибири] Левитина».

Вскоре руководство Сибревкома сообщило непосредственно Дзержинскому следующее мнение: «Сибревком считает существование Сибчека необходимым. Председателем Сибчека назначен тов. Левитин, знающий Сибирь и лично известный Сибревкому как работник. Вами прислан товарищ Уралов на пост лредгубчека Омской. Сибревком настаивает на утверждении кандидатуры предсибчека Левитина и сохранении Сибчека как организации областной для непосредственной организации, контроля и инструктирования чрезвычайкомов Сибири. Сибчека за всю свою деятельность отвечает перед ВЧК и работает по инструкциям последней. Сибревком просит откомандировать товарища Уралова в распоряжение Сибчека для организационной работы...».

Однако Дзержинский, заручившись поддержкой ЦК РКП(б), всё же отправил в Омск именно С.Г. Уралова. Омские власти, смирившиеся с отстранением Левитина, хотели получить для его замены бывшего зампреда ВЧК Я.Х. Петерса, чтобы, возможно, подчеркнуть тем самым особый статус Сибири. Но, посоветовавшись с Дзержинским, Крестинский не позднее 3 января 1920 г. послал Ленину записку: «Владимир Ильич! Сибревком просит в Сибирь для организации чрезвычайной комиссии и борьбы с контрреволюцией Петерса. Дзержинский предлагает послать Павлуновского...». Ленин ответил согласием.

Дзержинский счёл, что одного члена коллегии ВЧК Уралова будет недостаточно для успешного и подконтрольного строительства органов безопасности на огромной территории. 4 января 1920 г. Крестинский телеграфировал Сибревкому: «Дзержинский с согласия Цека командует [в] Омск для руководства всеми Сибирскими Чека члена президиума Вечека Павлуновского точка Уралов остаётся председателем Омской губчека» [\[55\]](#). Таким образом, шеф ВЧК отослал в Омск своего зама по Особому отделу И.П. Павлуновского, назначив его полномочным представителем ВЧК по Сибири. Левитин ушёл с чекистской работы (получив вполне соответствующую его статусу должность главы Томского губревкома), а Сибчека реорганизовали в Омскую губернскую чека. Одновременно было принято решение о создании регионального полномочного представительства (ПП) ВЧК. Член коллегии ВЧК Уралов должен был «подписать» полпреда Павлуновского, возглавив крупнейшую из губернских чека. Сотрудник аппарата ВЧК М.Т. Ошмарин сначала стал начальником административного отдела полпредства ВЧК, а потом и заместителем полпреда.

Вряд ли случайным было появление в Сибири в конце декабря 1919 — начале января 1920 г. (то есть до приезда Павлуновского) руководящего работника ВЧК М.С. Кедрова, который по личным заданиям Дзержинского ревизовал местные органы безопасности. Кедров не только помогал сибирским властям бороться с опустошительной эпидемией тифа, что было его официальным поручением, но и присутствовал на первых заседаниях, например, Томской (Новониколаевской) губчека и санкционировал своей подписью «полномочного представителя ВЧК» приговоры к высшей мере наказания. Специфика миссии Кедрова подтверждалась и тем,

что он прибыл не один — его воспитанник и муж племянницы, молодой чекист И.Ф. Тубала (будущий крупный чиновник ОГПУ-НКВД) активно участвовал в следствии^[56].

С помощью ЦК Дзержинский смог «продавить» своих назначенцев и подчинить сибирских чекистов. Одновременно он убрал из аппарата ВЧК Павлуновского, который не вполне справился с задачей реорганизации особых отделов и проявлял местнические тенденции. Теперь тот обязывался выстроить независимый от сибирских властей аппарат представительства ВЧК, руководимый присланными москвичами.

Деятельность Омской губчека

Сибирские власти не мыслили своей работы без активного участия политической полиции и продолжали вмешиваться в конкретные решения ВЧК. Телеграмма председателя Сибревкома И.Н. Смирнова Ленину, принятая в Кремле 12 января 1920 г., гласила (не опубликованный ранее текст выделен полужирным шрифтом):

«Всероссийская ЧЕКА приказала Особому отделу Восточного фронта выехать [в] Москву. Сообщаю, что у них около 7.000 пленных офицеров, столько же поляков, сейчас забираем у Канска чехов. Все государственные учреждения Колчака остались здесь, вся буржуазия тоже. Надо всё это прикончить до весны. Работников чрезвычайной комиссии здесь совсем нет, единственная надежда была на Особый отдел фронта. Отмените распоряжение Павлуновскому иначе мы не переварим остатков колчаковщины, и пошлите сюда Павлуновского»^[57].

Из ВЧК Ленину ответили, что 11 января распоряжение о выезде Особого отдела было отменено, после чего он стал базой для формирования Иркутской губчека и пополнения прочих местных органов госбезопасности, отдав свыше 100 работников. Павлуновский, задержавшийся в Москве, прибыл позже.

Тревога Смирнова относительно отсутствия чекистов в Восточной Сибири не была преувеличенной. В Иркутске до середины февраля 1920 г. существовала только Чрезвычайная следственная комиссия под председательством сначала бывшего меньшевика К.А. Попова, а затем большевика С.Г. Чудновского, отличавшаяся активным участием эсеров. Правда, в этом городе вскоре дислоцировался Особый отдел 5-й армии Восточного фронта во главе с А.П. Марцинковским. Иркутский ревком 17 февраля 1920 г. принял решение о создании губернской ЧК на базе Чрезвычайной следственной комиссии Политцентра, а затем ревкома. Председателем Иркутской губчека стал бывший председатель Чрезвычайной следственной комиссии С.Г. Чудновский, его заместителем — К.А. Попов.

Ключевые оперативные должности заняли эсеры, по наследству перешедшие в губчека из Чрезвычайной следственной комиссии: заведующим разведывательным и секретно-оперативным отделами весной 1920 г. был А.Н. Сперанский, а членом коллегии — член ЦК ПСР Л.Я. Герштейн. Но относительно быстро эсеры оказались вытеснены и заменены опытными работниками из армейского особого отдела^[58].

Ситуация в Западной и Центральной Сибири не вызывала больших опасений: Тюменская губчека действовала с сентября 1919 г., а Омская губчека, из которой в большой степени черпались кадры для остальных, была крупным подразделением, располагавшим рядом уездных органов. Томская (Новониколаевская) губчека заработала с конца декабря, когда в ней насчитывалось два десятка работников. В середине января 1920 г. в Томской губчека работало уже 60 сотрудников, а к началу февраля — 130. В течение января были сформированы также Алтайская и Енисейская губчека. В конце 1919 — начале 1920 г. появились и отделения дорожно-транспортной чека на крупнейших станциях, имевших депо (например, участковые ТЧК в Тюмени, Томске, Новониколаевске, Барнауле, Барабинске и других городах), а присланный в Сибирь из Перми опытный чекист П.П. Ивонин успешно формировал аппарат районной ТЧК Сибири, Омской железной дороги и бассейна рек Западной Сибири.

Немногочисленный костяк оперсостава губернских чрезвычайок довольно быстро пополнялся опытными кадрами из Особого отдела ВЧК 5-й армии и бригадами из Москвы, прибывавшими по путёвкам ВЧК во все губернские центры. В Новониколаевске с начала февраля начал работу бывший глава Владимирской губчека А.В. Шишков, в начале марта 1920 г. в Красноярск по распоряжению Дзержинского прибыли опытные чекисты В.И.

Вильдгрубе и Д.М. Иванов. Рядовые сотрудники набирались из числа военнослужащих, бывших партизан, а также партийных, комсомольских и профсоюзных работников; сотрудников транспортных органов ЧК вербовали из числа тех, кто имел опыт работы на железнодорожном и водном транспорте.

Сибирь считалась регионом, глубоко поражённым контрреволюцией, изобиловавшим белогвардейцами и кулачеством. Поэтому в этой удалённой от центра территории всю систему управления строили с известной автономией, предоставляя местным властям особые права. Сибирь была сверху донизу пронизана системой ревкомов, а Сибревком — внеконституционный чрезвычайный орган действовал на правах отдела Совнаркома до 1925 г.

Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком руководили громадным краем, приводя в движение губернские, уездные и волостные ревкомы, советы, парткомы всех уровней и сельские комячейки. Структура органов ЧК (полпредство, губчека, уездные чека и политбюро, волостные уполномоченные) копировала эту систему управления, за исключением того, что на нижнем (волостном) уровне действовали в большей степени конспиративные сотрудники-резиденты, вербуемые нередко из представителей местной власти.

Зимой-весной 1920 г. функции общесибирского органа ВЧК исполняла Омская губчека, в которую с 1 января 1920 г. была преобразована Сибчека. 26 декабря 1919 г. Левитина сменил бывший начальник Секретного отдела ВЧК С.Г. Уралов. Судя по всему, он не был столь радикален, как приехавший позднее Павлуновский (возможно, именно с этим обстоятельством оказалось связано удаление Уралова из ВЧК почти сразу по возвращении из Сибири). С конца декабря 1919 г. до апреля 1920 г. Уралов руководил сначала Сибчека, а затем Омской губчека, будучи де-факто лидером всех региональных чрезвычайек^[59].

Организационный период Уралов явно затянул: только к 1 февраля 1920 г. Омгубчека в основном закончила формирование основных своих отделов — Секретно-оперативного во главе с Петровым (в марте его заменил П.В. Гузаков) и Юридического под начальством Я.С. Гранова. К этому моменту Омская ЧК насчитывала 158 сотрудников, в том числе 32 — ответственных; коммунистами из них была почти половина — 72. Охранял губчека 208-й батальон из 1.500 бойцов, включавший в том числе 160 кавалеристов, 40 конных разведчиков и располагавший четырьмя пулемётами.

В отчёте для Сибревкома Уралов сообщал, что с 7 декабря 1919 по 1 февраля 1920 г. чекисты не зафиксировали ни восстаний, ни контрреволюционных заговоров. Сибчека занималась регистрацией всех прибывших в Сибирь с августа 1918 г., то есть после ликвидации советской власти, а отделы управления при губревкомах обязывались взять на учёт всех активных участников свержения большевиков. Обысков за указанный период произвели 325, конфискации имущества — 33. Арестовано было 577 чел., в том числе 378 — за контрреволюционную деятельность, 15 — антисоветскую агитацию, 25 — спекуляцию, 26 — хулиганство, 16 — хранение оружия, 9 — шпионаж. 48 чел. были задержаны с целью выяснения личности, 5 — за убийство, 4 — за бандитизм, 4 — за саботаж, 3 — «за провокацию», по одному — за побег, дезертирство и грабёж, а одного арестовали как заложника.

Из 577 арестованных за указанный период было освобождено 290. Из оставшейся половины расстреляли 53 чел.: 13 — за шпионаж, 13 — контрреволюционную деятельность, 13 — участие в расстрелах советских работников при белых, 10 — службу в карательных отрядах, 2 — «умышленное» хранение оружия, по одному — за хищения и бандитизм. В концлагерь заключили 40 чел., в тюрьму — 14.

В январе-феврале 1920 г. омские чекисты, наводя порядок в новорожденном советском аппарате, арестовали за хищения изъятого при обысках имущества и пьянство почти весь состав городского угрозыска во главе с его начальником Быковым, а также ряд работников учётно-реквизиционной комиссии — за присвоение конфискованных вещей. Секретно-оперативный отдел вёл разработку архиепископа Сильвестра, готовясь предъявить ему обвинения в антисоветской агитации и организации противобольшевистских «дружин Святого креста»^[60]. Среди первых явно сфабрикованных дел было дело группы офицеров, обвинённых во взрыве омского моста при отступлении белых.

Тогда же коллегия Омской ЧК вступила в острый конфликт с партийной ячейкой. Партячейка в начале февраля 1920 г. обвинила руководителей губчека в самоуправстве (те

увеличили рабочий день и высылали в отдалённые районы недовольных сотрудников), и даже в сочувствии контрреволюционерам. Члены коллегии нанесли ответный удар, обратившись в Сибревком с рапортом, в котором заявляли о невозможности дальнейшей работы с бюро ячейки, и просили разрешения привлечь бюро и председателя собрания к ответственности за клевету, «вмешательство в секретно-следственные дела комиссии и разглашение их на общих собраниях», деморализацию сотрудников губчека и бойцов 208-го отдельного стрелкового батальона, которые в результате стали позволять себе самочинные обыски и аресты. Лидеры чрезвычайной комиссии, квалифицируя действия бюро ячейки как «политические преступления», просили Сибревком предоставить коллегии губчека «больше самостоятельности» в решении внутренних вопросов.

Представитель Сибревкома с ведома Сиббюро ЦК дал разъяснение, которое оказалось в пользу чекистских начальников: «... Бюро ячеек губчека, а тем более отдельные его члены не могут и не имеют права вмешиваться в распоряжения и работу губчека и ее отделов. (...) Если бюро ячеек в целом или отдельные его члены совершили поступки, караемые законом, то, разумеется, они и должны за это отвечать перед ревтрибуналом...». Председательствовавшего на «криминальном» собрании следователя Т.Д. Пинхасика тут же уволили со службы без объяснения причин и отказались принять на другую работу. Тот был вынужден на время уехать из Сибири в Москву. Секретарю бюро ячейки губчека А.Я. Клярову повезло меньше: он был арестован по обвинению в неисполнении боевого приказа и отсидел полтора месяца^[61].

Первые месяцы 1920 г. стали периодом формирования чека на уездном и, частично, волостном уровне. В уезды и крупные волости прибывали уполномоченные губернских чека, спешно разворачивавшие работу. В самых крупных уездных центрах организовывались свои чека, в остальных — политбюро, а в небольших городах и посёлках уполномоченные с помощью местных коммунистов образовывали чекистские аппараты из нескольких человек. В Омской, Семипалатинской и Томской губерниях этот процесс начался с декабря 1919 г., а в Енисейской — только в конце марта 1920 г. Во главе местных чека встали как опытные чекисты, так и новички.

В Томске уездную чека в декабре 1919 г. возглавил покинувший Сибчека М.Д. Берман, с мая 1920 г. ставший руководителем Томгубчека. Славгородскую уездчека в феврале 1920 г. поручили бывшему коменданту Омской губчека М.И. Воеводе. Любопытно отметить, что в Бийске сначала было создано уездное политбюро, которое весной 1920 г. преобразовали в уездную чека, а несколько месяцев спустя превратили снова в политбюро. Аппарат Бийской чрезвычайки формирован присланный из Барнаула член коллегии Алтайской губчека З.А. Александров, ранее работавший начальником Петроградской губмилиции. Весной 1920 г. он сообщал Павлуновскому, что большинство сотрудников уездной чека находятся в разъездах, занимаясь интенсивной вербовкой агентурно-осведомительной сети. Тогда же уполномоченный Сибревкома в Якутии М.К. Аммосов договорился с главой Иркутской губчека С.Г. Чудновским, чадом тот откомандирует знакомых Аммосову якутян И.Б. Альперовича, Н.Н. Захаренко, А.В. Надеина и других. В июне они пароходом прибыли в Якутск, составив небольшой аппарат уполномоченного Иркутской губчека по Якутскому району во главе с Д.Ф. Клиногофом^[62].

Однако значительную часть руководителей местных чека составили кадры, не имевшие опыта работы. Первым председателем Щегловской уездной чека с 25 декабря 1919 г. работал В.В. Гульбе, рабочий-латыш, большевик с 1917 г., бывший член артели деревообделочников. На 7 января 1920 г. штат этой чека составляли три члена коллегии, пять тайных агентов, столько же канцеляристов и 30 милиционеров. В 1920 г. Канскую уездчека возглавляли бывшие активные партизаны Т.И. Мордвинов и Г.А. Нюня^[63].

Любопытная биография была у поляка В.И. Филипповича. С мая 1920 по июль 1921 г. он возглавлял Нарымское политбюро и уезд-милицию, а затем стал председателем Нарымского райисполкома. До революции он звался Богумилом Кеншицким. Исключённый из 5-го класса Лодзинской гимназии, семнадцатилетний Кеншицкий в 1905 г. вступил в боевую организацию польской соцпартии. Два года спустя юноша был арестован и осуждён Варшавским окружным военным судом на 8 лет каторги за соучастие в убийстве жандармского ротмистра в Лодзи. Повторный суд снял основные обвинения, после чего Кеншицкий-Филиппович отбывал ссылку

в Нарыме, а в годы мировой войны воевал на германском фронте. Потом он дезертировал и перебрался сначала на Дальний Восток, а затем — в Томскую губернию^[64].

В феврале 1920 г. официальное письмо из уездного Татарска уведомляло омские власти, что местные коммунисты, в том числе милиционеры, заняты повальным пьянством, «имеющиеся тюрьмы переполнены, свирепствует тиф, две трети арестованных больны». Здесь же татарские власти просили немедленно организовать у них уездную чека. Эта просьба не осталась без ответа: с 17 февраля уполномоченный Омской губчека Головин начал свою деятельность в уезде. Однако партийные власти сразу же обвинили Головина в слабой работе, а затем, на объединённом заседании руководителей уездных учреждений под председательством начальника татарской уездмилиции А. Желтоножка, в том, что он вместе со следователем 29 марта 1920 г. освободил нескольких «врагов», из-за чего «наблюдается рост контрреволюции». Прибывший из Омской губчека инспектор С.Т. Пилипенко 12 апреля 1920 г. сообщил С.Г. Уралову, что «на личных тенденциях» между Головиным, а также ревкомом и уездным бюро РКП(б) произошёл конфликт, вылившийся в обыск на квартире Головина. Пилипенко утверждал, что необходимо заменить состав ревкома. Вряд ли это было сделано, но Головину пришлось уехать, а начальником формировавшейся местной чрезвычайки стал Пилипенко^[65].

Весной 1920 г. в Сибири уездные чека появились повсеместно, примерно по три на губернию: Ишимская, Тобольская, Кокчетавская, Петропавловская, Томская, Щегловская, Кузнецкая, Бийская, Славгородская, Ачинская, Енисейская, Канская, Минусинская. В отдалённых местностях они формировались с опозданием. В Иркутской губернии из-за недостатка работников уездные чека не создавались. По схеме, утверждённой Сибчека 6 января 1920 г., численность уездной ЧК определялась в 70 чел., что всего примерно вдвое уступало тогдашним штатам губернских чека. В состав уездной чека входили службы, дублировавшие построение аппарата губчека: юридическая (со следственной частью в количестве 5 следователей), секретно-оперативная часть, или СОЧ (5 оперативников и 3 разведчика), секретно-информационная (ИНФО), канцелярская и комендантская^[66].

Практически бесконтрольные сибирские уездные чека работали таким же образом, что и в Центральной России, где их в связи с бесконечными злоупотреблениями раскассировали ещё в начале 1919 г., заменив небольшими политбюро, оперативно подчинявшимися губчека, а административно — начальникам уездных милиций. Однако в Сибири уездные чека существовали до лета-осени 1920 г. Их начальствующий и оперативный состав отличались крайней криминализированностью. Весной 1920 г. у заведующего секретно-оперативным отделом Славгородской уечека А. Солонкова был обнаружен целый чемодан с конфискованными вещами. В апреле 1920 г. власти Змеиногорского (Рубцовского) уезда констатировали, что в только что организованной уечека «работают лица недостойные... допускается кража мыла с умывальников, отбирают последний фунт чаю и пачку спичек... о чём известно в губчека».

Болотнинский ревком 31 марта 1920 г. заслушал «сообщение товарищей железнодорожников о произволе Тайгинской ЧК во время обысков среди рабочих и крестьян с. Болотное». Томский чекист И. В. Третьяков был арестован в марте 1920 г. и за хищение ценностей при обыске и взяточничество осуждён к содержанию в концлагере до конца гражданской войны, но по ходатайству губкома освобождён несколько месяцев спустя как совершивший преступление «по легкомыслию»^[67].

За посланцами губчека замечались и более серьёзные преступления. Е.В. Баев, до марта 1920 г. работавший членом Болотнинского ревкома, а затем получивший от Томгубчека назначение уполномоченным в с. Болотное, сразу повёл себя своевольно. Уже в апреле 1920 г. Болотнинский партком предложил чекисту отчитаться о работе «с представлением всех актов обысков и арестов», а на следующий день (видимо, не дождавшись исполнения этого решения), постановил судить Баева партийным судом за «вызывающее поведение». 29 апреля комитет РКП(б) постановил «назначить негласное расследование» в связи с материалами об «издевательствах над арестованными, а также о пропавшем неизвестно куда арестованном старике после выстрела Баева в отдельной комнате». На следующий день партком по докладу местного чекиста И.Я. Голубева постановил «немедленно т. Баева арестовать и продолжить расследование... т. к. замечены за Баевым признаки душевной ненормальности».

Однако чекиста сразу же отозвали к начальству. Уже 5 мая Баев спокойно вернулся в Болотное из Томска, сообщив, что глава Томского губчека М.Д. Берман счёл его арест совершенно неправильным и, рассердившись, постановил вообще упразднить отделение чека в посёлке, переведя Баева вместе с подчинёнными тому сотрудниками в распоряжение губчека. Вскоре власти Болотного просили губчека восстановить присутствие чекистов из-за крайнего обилия контрреволюционеров в округе, которые, в частности, пишут «странные надписи и знаки на заборах». С течением времени в Болотном было образовано политбюро, которым в 1921 г. руководил А.Я. Розенфельд^[68].

Разнообразные злоупотребления отмечались в уездных чека Енисейской губернии. Первый председатель Канской уездчека А. Фролов уже в начале апреля 1920 г. был ненадолго арестован городскими властями вместе со всем составом чека (8 чел.). Его сменщиков постигла аналогичная участь. 17 июля 1920 г. начальник политотдела 5-й армии Литкенс телеграфировал в Омск: «Получил телеграмму о недопустимых методах работы Канской чека. Прошу воздействовать через Павлуновского». Глава Канского уисполкома В.Г. Яковенко осенью 1920 г. заявил властям губернии, что в уездную чека присылают «никуда не годных людей, которые творят в уезде беспорядки», что «уже 3-й раз приводит к аресту посланных». В ответ председатель Енисейской губчека Э.П. Белов заявил, что снимает с себя всякую ответственность за состояние уездных органов чека в Канске и Минусинске, поскольку «людей надёжных у него нет», а местные власти таковых не выдвигают и, напротив, без ведома губчека арестовывают красноярских посланцев. Аресту за пьянство был подвергнут помощником инспектора особых отрядов и почти весь состав Ачинской уездной чека, состоявший в основном из беспартийных и безработных^[69].

Говоря о повальном пьянстве чекистов, рыскавших по сёлам в поисках самогона, глава Щегловской уездной чека И.Л. Яблонский в мае 1920 г., выступая на местном съезде советов, спокойно констатировал, что пьянство — «это общее зло». Ночную попойку со стрельбой, запомнившуюся всему городу, летом 1920 г. учинили сотрудники Новониколаевской ЧК. Аналогично вели себя и чекисты Красноярска^[70].

При преобразовании уездных чека в гораздо более скромные по штату (10–25 чел.) политбюро многим чекистам местные укомы отказали в должности, как скомпрометировавшим себя. Нередко это касалось и самих руководителей чека: в августе 1920 г. Бийский горуездком РКП(б) постановил передать инспектору ВЧК, который ревизовал уездную ЧК, некие материалы на её председателя З.А. Александрова (возможно, это был ответ на критику чекистом организационных способностей партлидеров уезда). При перерегистрации случались эксцессы, когда, например, в начале сентября 1920 г. председатель Канской уечека Волков отказался сдать дела начальнику уездмилиции А.М. Дворяткину. В связи с этим уком РКП(б) предложил 1-му отделению Особотдела ВЧК 5-й армии наблюдать «за разъезжающимися сотрудниками Учека» в связи с информацией о хищении имущества в уечека, а полтора месяца спустя исключил Волкова из партии «за ряд незаконных поступков» с передачей дела в губревтрибунал^[71].

Чистка при реорганизации уездных чека не облагородила облик местных чрезвычайек. Коллегии политбюро также имели право выносить смертные приговоры, которые затем утверждались в губчека и полпредстве. Многие политбюро, подобно уездным чека, на деле являлись компаниями вечно пьяных мародёров и фальсификаторов провокационных дел. Летом 1921 г. на заседании Славгородского уездисполкома прозвучал доклад одного из местных чекистов о «разложении» политбюро, сотрудники которого брали взятки самогоном под невыполнявшиеся обещания освободить арестованных, так что «у обывателей сложился взгляд на политбюро как на орган взяточничества и самопроизвола». Осенью того же года в связи с массовыми злоупотреблениями «самоснабжавшихся» сотрудников было раскассировано Минусинское политбюро, а в Черепановском — исключены из партии начальник и его заместитель^[72].

Следует отметить, что в Сибири с мая 1920 до июля 1921 г. действовала Новониколаевская ЧК, подчинявшаяся непосредственно Павлуновскому. Являясь уездной чека, она именовалась тем не менее просто Новониколаевской ЧК и не подчинялась Томской губчека. Её особый статус был, вероятно, связан с тем, что до мая 1920 г. она являлась губернской, так как Новониколаевск тогда был центром Томской губернии, и полпред

сознательно сохранил для неё и штаты, и независимость от Томской губчека. (Штатами губчека располагала и Петропавловская уездчека). Амбиции лидеров Новониколаевской чрезвычайки были велики: они пытались водить за нос самого Павлуновского, предоставляя фальсифицированные данные о заговорах и не отвечая затем на его конкретные запросы^[73].

В начале 1920 г. организовывались и так называемые «летучие чека» — временные структуры, действовавшие в отдалённых районах для быстрого ареста и расправы над «контрреволюционными элементами». Так, в Коуракской волости Томской губернии несколько недель действовала такая ЧК во главе с уполномоченным губчека Д.С. Земляновым. С 19 февраля 1920 г. он по инициативе волостного ревкома вёл следствие по делам крестьян — бывших колчаковских дружинников. В результате пятеро из них в марте 1920 г. были без каких-либо убедительных свидетельств о преступной деятельности осуждены к расстрелу^[74].

Разновидностью «летучих чека» можно считать и временные карательные органы более позднего времени. Во время подавления Кольванского восстания в июле 1920 г. в Новониколаевском уезде действовал особый отдел при воинской группировке во главе с уполномоченным Новониколаевской ЧК Г. Постниковым, производивший массовые расстрелы пленных. Характерно, что в состав этого органа входил и секретный сотрудник ЧК, видный провокатор А.Ф. Штутас (он же Григорьев и Вознесенский).

Приказом Павлуновского 10 июля 1920 г. для «проведения мер административной расправы» над участниками Народной повстанческой армии Степного Алтая в Славгородском уезде был создан военно-полевой трибунал под председательством члена коллегии Омской губчека Р.К. Лепсиса. Этому трибуналу были присвоены права губернской чека^[75].

Структура, функции и численность чекистского аппарата

Видный чекист И.П. Павлуновский, назначенный полпредом в Сибирь 3 января 1920 г., не сразу оставил работу в Москве: на 22 января он ещё числился зампредом Особого отдела ВЧК. Полпред прибыл в Омск примерно два месяца спустя: на партийный учёт он встал только 4 марта 1920 г., а в середине марта фиксируется его первое появление на заседании Сибревкома^[76]. К середине апреля Павлуновский сформировал аппарат полномочного представительства ВЧК по Сибири, перетянув «чекистское одеяло» на себя и превратив Омскую губчека из общесибирского органа в одну из региональных чрезвычайок. В чиновничьем обиходе полпредство тем не менее по привычке зачастую продолжали именовать как Сибчека.

Пока шло формирование аппарата полпредства, именно Уралов сохранял функции главного сибирского чекиста. Случалось, он пытался приструнить самых рьяных сторонников красного террора. В секретном порядке глава Омгубчека резко выругал новониколаевских чекистов за поспешный расстрел трёх видных кооператоров, что вызвало протест местного ревкома, санкционировавшего расправу, а 20 марта 1920 г. «Советская Сибирь» опубликовала большое выступление, в котором Уралов, в частности, обеспокоенно сообщал о том, что «ежедневно мы получаем тысячами заявления о былом контрреволюционном деянии когда-то вошедших в заблуждение рабочих и крестьян». Уралов там же заявил, что уже освобождено 544 чел. «арестованных только по клевете», и предупредил, что доносы коммунистов на контрреволюционеров «не должны быть хаотичными».

Однако не позднее 30 апреля 1920 г. Уралову пришлось сдать дела в Омгубчека П.В. Гузакову и отбыть в Москву. Оставшись на чекистском «хозяйстве», Павлуновский в течение весны 1920 г. в основном закончил формирование мощного карательного аппарата, представленного во всех уездах и опиравшегося на стремительно росшую агентурно-осведомительную сеть из коммунистов и сочувствующих новой власти. Видная роль Павлуновского сибирскими властями была признана сразу: когда 13 апреля 1920 г. Славгородский уревком запросил у Сибревкома право ввести в уезде применение расстрелов, омские власти поручили решить этот вопрос лично Павлуновскому^[77].

Первое время в подчинении Павлуновского находилось семь губернских чека: Алтайская, Енисейская, Иркутская, Омская, Семипалатинская, Томская и Тюменская. После получения Якутией автономного статуса осенью 1920 г. была образована Якутская губчека, в 1921 г. были созданы Акмолинская и Новониколаевская губчека. С августа 1920 г. по ноябрь 1922 г. в сугубо

конспиративном порядке Павлуновский руководил оперативной деятельностью Госполитохраны (ГПО) ДВР, формально являвшейся подразделением МВД Дальневосточной республики и располагавшей 5 областными и 11 уездными отделами. Осенью 1921 г. Тюменская губчека была передана в полпредство ВЧК по Уралу, а Акмолинская и Семипалатинская — в полпредство ВЧК по Киргизскому краю. В конце 1922 г. органы ОГПУ ДВР были преобразованы в полпредство ГПУ по Дальневосточному округу и вышли из-под контроля Павлуновского.

На середину 1920 г. в составе Алтайской губернии было 7 уездов, Енисейской — 7, Иркутской — 11, Омской — 6, Томской — 7. Отдельными образованиями были Ойротская и Якутская автономные области. Если учитывать выведенные позднее из состава Сибири Семипалатинскую и Тюменскую губернии, то мы получим внушительное количество административных единиц. В подчинении полпредства ВЧК находилось до десятка губернских и порядка 50 уездных (а также областных и аймачных) территориальных подразделений. Численность всех чека и политбюро уездного уровня составляла летом 1920 г. примерно 500–700 чел. Штаты губернских чека (каждая около 150 чел.) и самого полпредства ВЧК были близки к цифре в 1.000-1.200 чел. С учётом работников ЧК в волостях, многочисленных чекистов-транспортников и особистов общая цифра подчинённых Павлуновского летом-осенью 1920 г. составляла порядка 3.000 чел. (без сравнимого по численности аппарата Госполитохраны ДВР). Поэтому официальная цифра в 698 сибирских чекистов на январь 1921 г.^[78], по всей видимости, совершенно недостоверна.

После выделения из состава Сибири Акмолинской, Семипалатинской и Тюменской губерний количество сибирских чекистов, возможно, уменьшилось. Но не исключено, что рост штатов в течение 1921 г. компенсировал эту разницу. В каждом политбюро насчитывалось обычно не менее 10 работников, а нередко их число превышало 20. В Енисейской губернии к февралю 1920 г. губчека насчитывала 130 работников, к маю — около 170. На апрель 1920 г. Томская уездная чека насчитывала 57 одних только партийцев. В октябре 1921 г. партийная прослойка работников Омской губчека составляла 157 чел. До чистки ноября 1921 г. в комячейке СибОКТЧК (Омск) состояло около 60 партийцев, в ячейке ДТЧК Омской железной дороги — не менее 42, отделения ДТЧК ст. Омск — 52, райотделения Водно-транспортной ЧК — 25^[79]. Учитывая беспартийных, можно считать, что в Омске на рубеже 1921–1922 гг. работало как минимум 400 чекистов.

В Иркутской губчека в конце 1921 г. числилось 237 чел., не считая сотрудников дюжины уездных и аймачных политбюро, а всех чекистов (с особистами и транспортниками) в относительно небольшом Иркутске к началу 1922 г. насчитывалось около 1.700 чел. (вместе с охранными частями). Каждая ЧК располагала внушительным вооружённым подспорьем: так, в январе 1921 г. охрану Новониколаевской чека несла особая рота Глухова, по численности близкая к батальону — в ней насчитывалось 248 бойцов^[80].

Штаты губернских и уездных органов пополнялись прежде всего с помощью партийных органов. Уже к январю 1920 г. штат Новониколаевской участковой ТЧК был укомплектован районным парткомом с помощью молодых коммунистов железнодорожного депо. На заседании Новониколаевского губкома РКП(б) 23 декабря 1921 г. председатель губчека А.П. Николаев потребовал выделить «сильных работников», которые могли бы занять 8 должностей начальников отделений и 20 — «разных агентов». Губком ограничился выделением в кратчайший срок двух «сильных работников». Двумя месяцами ранее только что прибывший начальник ОДТЧК ст. Новониколаевск Н.В. Иванов просил губком выделить, в связи с реорганизацией и увеличением штата транспортных ЧК, 5 работников, «желательно знакомых с железнодорожным транспортом». Томский губком РКП(б) 22 июля 1921 г. направил в распоряжение губчека сразу 22 чел. Все эти ходатайства вполне объяснимы. Преобладание неподготовленных к чекистской работе людей оборачивалось крайне высокой текучестью кадров: в среднем оперработник служил не более нескольких месяцев^[81].

Чекисты болезненно относились к попыткам других ведомств отбирать своих работников. В конце 1921 г. начальник отделения ДТЧК ст. Новониколаевск добился у губкома возвращения телеграфного цензора, откомандированного на продовольственную работу. В свою очередь, губком потребовал от ОДТЧК вернуть на партработу уполномоченного (ранее — сексота) А.Г. Роотслане, планировавшегося на должность заведующего эстонским подотделом губкома

РКП(б), что — после вторичного напоминания — было исполнено. Зато Особому отделу ЗСВО партийными властями было отказано в откомандировании на службу в «органы» бывшего чекиста^[82].

Губчека и уездные чека возглавлялись коллегиями, обычно состоявшими из трёх и более человек: председателя, начальника секретно-оперативного отдела, начальника транспортной чека и секретаря. В коллегии часто входили представители партийно-советских и военных органов. К заседаниям коллегий уполномоченные готовили доклады по следственным делам, в которых сообщались обстоятельства преступления, доказательная база, классовая характеристика обвиняемого и его отношение к власти, а также предлагалась мера наказания. Члены коллегий с начала 1919 г. секретным распоряжением ВЧК обязывались наблюдать за приведением в исполнение приговоров к высшей мере наказания либо непосредственно участвовать в расстрелах.

Основными оперативными отделами полпредства ВЧК-ОГПУ были секретно-оперативный (СОО), контрразведывательный (КРО), экономический (ЭКО), особый и информационный (ИНФО). В общую административную часть входили секретариат, шифровальное отделение, комендатура, хозяйственная часть. В губчека первоначально основными были юридический и секретный отделы, а затем — секретно-оперативный и особый. Руководитель СОО одновременно являлся и заместителем председателя губчека. Штаты канцелярских и прочих вспомогательных служб были раздутыми: к примеру, в конце 1921 г. почтовой цензурой в Иркутской и Омской губчека занимались отделы, насчитывавшие по 50 чел.

В апреле 1921 г. в Секретно-оперативном отделе Омской губчека во главе с А.В. Прециксом и Л.А. Казанским было 84 работника, в том числе: заведующие ИНФО и регистрационной частью, 4 сотрудника для поручений, 12 уполномоченных и их помощников, 29 информаторов, помощник коменданта, 17 агентов по обыскам, 2 фотографа и 15 канцеляристов. В Особом отделе Омгубчека главным подразделением была активная часть, насчитывавшая 7 оперативников^[83].

Уполномоченные были основными оперативными работниками, которые занимались вербовкой агентуры и разработкой — вместе с руководителями — различных агентурно-оперативных комбинаций, а также следствием. В составе уездных чека и политбюро были уполномоченные по политпартиям, по шпионажу и военным делам, по экономическим делам и советским органам, по спекуляции, по бандитизму.

Каждый уполномоченный обязывался найти конспиративную квартиру для явок с агентурой. Хорошим тоном для следователя считалось участие в приведении в исполнение смертного приговора в отношении его подследственного, что должно было поднимать ответственность чекиста за тщательность расследования. Многочисленным отрядом чекистов были так называемые «комиссары», занимавшиеся обысками и арестами, а также «разведчики», осуществлявшие наружное наблюдение за подозрительными лицами. Эта была наименее квалифицированная часть оперсостава; как отмечал приказ ВЧК от 1 сентября 1920 г., во всех обследованных губчека наружная разведка была расконспирирована^[84].

Чекисты объединяли в одних руках функции агентурного и наружного наблюдения, ареста, ведения следствия, вынесения приговора и приведения его в исполнение. Наличие собственных вооружённых сил давало им военную, а бесконтрольные обыски, реквизиции и конфискации имущества — ещё и определённую имущественную власть. Полпредство ВЧК занималось разведкой и контрразведкой, охраной границ, подавлением вооружённых выступлений, борьбой с бандитизмом и экономическими преступлениями, саботажем, диверсиями, а также обеспечением властей широким спектром политико-экономической информации. Но главным делом чекистов был политический сыск.

ЧК на транспорте

Чекисты-транспортники занимались как охраной тягового и путевого хозяйства, так и слежкой за политическими противниками. В их штате имелись специальные уполномоченные по политическим партиям, налаживавшие обширную осведомительную сеть. Часть усилий транспортников уходила на чисто милицейские функции — борьбу с хищениями грузов, носившими массовый характер.

В ноябре 1919 г. была образована Омская районная транспортная ЧК. По докладу председателя районной транспортной ЧК (РТЧК) Омской железной дороги П.П. Ивонина, Сибирский ревком 13 марта 1920 г. дал займы чекистам 5 млн руб. на организацию РТЧК в Томске и Иркутске. Сформированная летом 1920 г. сибирская окружная транспортная ЧК (СибОКТЧК) включала в себя аппараты РТЧК Омска, Томска и Иркутска, отделения на крупных железнодорожных и речных узлах, равные по штатам уездным чека, а также линейных уполномоченных на менее крупных станциях. Коллегия окружной ТЧК состояла из руководящих работников Омской, Томской и Забайкальской (с центром в Иркутске) РТЧК. СибОКТЧК подчинялась Транспортному отделу ВЧК, начальники РТЧК входили в состав коллегий губчека. Транспортные чека самостоятельно вели следствие, коллегии РТЧК выносили приговоры и имели собственные комендатуры для исполнения расстрелов.

Помимо охраны безопасности и порядка на железной дороге, органы ЧК предпринимали значительные усилия для контроля водных коммуникаций. Однако заполнить вакансии оказалось трудно. В начале августа 1920 г. томское отделение водной РТЧК, возглавляемое Н.А. Собесским, имело вместо 108, положенных по штату, всего 53 чел., из которых 25 находились в командировках. В числе 28 сотрудников имелись: начальник отделения водной РТЧК, 6 уполномоченных, 4 комиссара, 10 агентов, а также 7 машинисток и канцеляристов. Учитывая, что канцелярия работала в Томске, можно заметить, что большая часть оперативного состава постоянно находилась в разъездах^[85].

Штаты отделений транспортных ЧК оказались громоздкими, но стабильно росли, в значительной степени за счёт находившихся внизу иерархии разведчиков-«топтунов». В конце января 1920 г. председатель участковой ТЧК ст. Новониколаевск обращался к партийным властям с просьбой выслать 20 чел. для пополнения в связи с откомандированием части штата на фронт, а на апрель 1920 г. в УТЧК состояло 49 чел., в том числе 32 партийца. На ст. Барабинск Омской железной дороги в середине 1921 г. работало свыше 65 чекистов: заведующий отделения, его заместитель, секретарь, комендант, уполномоченный по делам службы движения, телеграфа и военных сообщений, уполномоченный по наружной разведке и уполномоченный по делам магистральной службы и подготовки топлива, два помощника уполномоченных. Остальные чекисты были рядовыми: линейных агентов на станциях — 19, разведчиков наружного наблюдения — 28, оперативных разведчиков — 3, канцелярских и курьерских работников — 8^[86].

О широте задач, стоявших перед транспортными чекистами, говорит инструкция (утверждённая полпредом ВЧК и Сибревкомом) об образовании в июне 1921 г. секретного пункта районной ТЧК из 7 чел. на судах торговой экспедиции Сиботделения Внешторга. Он имел право на слежку, обыски и аресты, должен был вести борьбу «с политической и технической контрреволюцией», саботажем, хищениями, проникновением в экипажи дезертиров и шпионов, предотвращать провоз под видом заграничных товаров оружия и белогвардейской литературы. За беспорядочные аресты, которые чуть не сорвали экспедицию Сибвнешторга по Оби и Енисею, в июле 1921 г. представитель ЧК Б.В. Феоктистов полпредством был отозван.

Спецификой состава транспортных ЧК было то, что их наполняли лица с опытом работы на железнодорожном транспорте. Квалификация и дисциплина чекистов-транспортников были такой же низкой, как и у их коллег из губчека и губотделов ВЧК-ГПУ. С целью повышения квалификации в Омске в сентябре 1923 г. была открыта школа Транспортного отдела ГПУ с 8-месячным курсом обучения, в которую сибирские губкомы обязывались послать 50 курсантов-коммунистов^[87].

Из-за отсутствия четкого разграничения функций железнодорожные и территориальные чекисты нередко действовали несогласованно. В связи с этим руководство Иркутской губернии и РВС 5-й армии в марте 1921 г. предложили Павлуновскому объединить в одних руках руководство Иркутской губчека и РТЧК Забайкальской железной дороги, базировавшейся на территории губернии. Однако ведомственная разобщённость оказалась сильнее здравого смысла.

В начале 1922 г. по решению Политбюро ЦК РКП(б) в Сибирь помогать работе железнодорожников, не справлявшихся с хлебоперевозками, отправился специальный поезд с 42 работниками ВЧК и НКПС во главе с Ф.Э. Дзержинским. Глава ВЧК сообщал в СНК, что за

последние пять недель 1921 г. в железнодорожных мастерских региона произошло 20 пожаров. С его точки зрения, в этом были виноваты диверсанты, устраивавшие пожары и подбрасывавшие взрывчатку в топки паровозов, а также саботажники, парализовавшие ремонт подвижного состава. Во время пребывания главы ВЧК в Омске на ветке Кулунда-Славгород были замечены частые крушения, которые были оценены как диверсионные акты.

Выводы о качестве местных сотрудников были сделаны сразу, что видно из телеграммы Дзержинского своему заместителю И.С. Уншлихту от 11 января 1922 г.: «Состав сотрудников местных ТЧК чрезвычайно слабый — полупартизанский, большой процент больных тифом... Прошу срочно послать в Омск работников для усиления ТЧК Сибири». Вскоре в Сибирь из европейской части страны было прислано свыше 100 чекистов^[88].

Особые отделы

Особые отделы, отвечавшие за благонадёжность воинских частей, борьбу со шпионажем и охрану границ, насчитывали в Сибири несколько сотен сотрудников. Их верхняя структура постоянно менялась, отражая как противоречивое отношение к военной контрразведке со стороны руководителей ЧК, так и изменения в строении военных округов. На низовом уровне устойчивость была выше: во всех крупных воинских частях существовали отделения Особого отдела, в менее крупных — уполномоченные, занимавшиеся активной агентурной работой.

Особый отдел 5-й армии, курировавший работу особистов Сибири, был расформирован осенью 1920 г. В 1921 г. были созданы особые отделы Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского военных округов, оперативно подчинённые соответственно Новониколаевской и Иркутской губчека. В Новониколаевске особый отдел весной-летом 1921 г. возглавлял К.А. Павлов, затем — А.П. Николаев и его заместитель Н.С. Лебедев. В Иркутске особый отдел до августа 1921 г. возглавлял А.П. Николаев, а затем М.Д. Берман (заместитель — В.А. Каруцкий). При полпредстве существовал Особый отдел ПП ГПУ по Сибири.

Особые отделения на местах были достаточно крупными. В начале 1922 г. партиейка особого погранотделения № 2 в бурятском с. Лунка насчитывала 26 чел. Тогда же партиейка особого отдела 29-й Вятской стрелковой дивизии в Омске насчитывала 18 членов. Особый отдел 5-й Кубанской кавалерийской бригады (Верхнеудинск) состоял из начальника, его помощника, двух уполномоченных, уполномоченного и секретаря^[89].

Особисты чувствовали себя полными хозяевами в полосе боевых действий. В 1919–1920 гг. они активно занимались фильтрацией бывших белых офицеров, а затем активно фабриковали дела о шпионских и повстанческих организациях.

В ноябре 1920 г. охрана государственной границы была возложена на особые отделы ВЧК. Особые погранотделения в Ойроти, Минусинске, Зайсане, Лунке (Бурятия), Троицкосавске активно занимались борьбой с контрабандой, а также закордонной разведкой. Например, в 1921–1922 гг. особое погранотделение в г. Зайсане Семипалатинской губернии регулярно перебрасывало в Китай своих агентов. Агентуру наспех вербовали из лиц, имевших право на пересечение границ, например, служащих Внешторга. Задание, полученное курьером Внешторга В.Ф. Руденко, было типичным для чекистов, занимавшихся охраной границ: выяснение численности, вооружения и связи китайских войск в приграничной зоне, а также взаимоотношений рядового и начальствующего состава друг с другом и китайскими властями. Разведывательная экспедиция Руденко состояла из двух малоопытных оперативников, переводчика, а также жившего в Китае неграмотного пимоката — содержателя конспиративной квартиры.

Привлечение неквалифицированных агентов вело к расконспирации их деятельности, так что начальник Бурчумского уезда Ма-Цзинь легко узнал, что под видом Пушкина и Кузнецова на китайскую территорию въехали известные ему сотрудники Внешторга Руденко и Крестолобимов. Тем не менее, этим агентам Зайсанского особого погранотделения, вскоре высланным из Китая за пьяный дебош, удалось собрать определённое количество информации о приграничной полосе^[90].

Кадры полномочного представительства ВЧК

С собой из Москвы в Сибирь Павлуновский привёз небольшую команду: управделами М.Т. Ошмарина (однако тот сразу стал исполнять обязанности и заместителя полпреда), следователя Т.Т. Сманцера, начальника тюрьмы Э.Я. Зорка, коменданта Ф.М. Гуржинского, заведующего кладовой П.Г. Федосеева. Жена Павлуновского М.Ю. Дзелтынь стала секретарём полпредства и руководителем шифровального отделения, а опытная стенографистка А.К. Шен через год была выдвинута на должность уполномоченного информационной части. Это говорило о желании полпреда поручить внешне невыразительные, но на деле очень важные в чекистском хозяйстве должности — управляющего делами, секретаря-шифровальщика, коменданта, начальника тюрьмы и кладовщика — лицам из «ближнего круга».

В мае 1920 г. должность начальника одного из отделов полпредства занял присланный Дзержинским Ф.Е. Новиков. Часть лояльных полпреду чекистов появилась позже: в 1921 г. по собственной просьбе был откомандирован в Сибирь знакомый Павлуновского по Особому отделу опытный работник Б.Н. Алтайский (Полозов)^[91].

Пока аппарат ПП ВЧК базировался в Омске, Павлуновский опирался на Омскую губчека, так как штаты полпредства в первые полтора года были минимальные. Только после переезда из Омска в Новониколаевск летом 1921 г. численность полпредства постепенно приблизилась к сотне работников. Созданная в апреле 1920 г. партячейка полпредства насчитывала всего 11 членов, а к 1 января 1921 г. — 22. В 1921 г. через ячейку прошло 97 чел., в результате чистки было изгнано 6 чел. «вредного и негодного элемента». К январю 1922 г. аппарат ПП ВЧК насчитывал 73 партийца, из них 45 % составляли крестьяне, 30 % — рабочие, 25 % — служащие и интеллигенция.

Во второй половине 1921 г. в руководящий состав полпредства входили, помимо Павлуновского и его жены, заместитель полпреда В.И. Хотимский, начальник организационно-следственной части В.М. Алексеев, начальник административного отдела М.Т. Ошмарин, начальник информационно-оперативного отдела А.Г. Шайкевич, начальник штаба войск ВЧК А.Е. Белогуров, начальник политсекретариата войск ВЧК А.И. Комлев, начальник оперативного отделения в управлении инспектора особых отрядов Сибири И.В. Ореховский. В 1921–1923 гг. начальником Секретно-оперативного, Информационно-оперативного и Секретного отделов (и, одновременно, с 1922 г. начштаба войск ПП ВЧК) являлся бывший инспектор и военком особых отрядов 5-й армии Б.Н. Великосельцев^[92].

Среди оперативных работников полпредства ВЧК известны уполномоченные информчасти Б.Н. Алтайский, А.А. Иванова и А.К. Шен, следователи С.С. Корчемный и В.П. Вихров. Большой процент в партячейке ПП ВЧК занимали тюремно-комендантские работники, осуществлявшие расстрелы осуждённых: комендант Ф.М. Гуржинский, пом. коменданта Я.П. Максимов, дежурные коменданты С.Н. Ценим (парторг), П.М. Хренов, И.С. Ерошин, И.Н. Власюк и Н.В. Зеленцов, заведующий внутренней тюрьмой Э.Я. Зорк.

Для губернских чрезвычайных комиссий и полпредства ВЧК по Сибири было характерно активное присутствие жён начальствующего состава на достаточно значимых должностях (в Красноярске, Новониколаевске, Омске, Томске, Тюмени). Обычно это были секретарские и шифровальные функции. Практически все жёны председателей губчека работали рядом с мужьями, так что госбезопасность становилась семейным делом. Эта традиция была характерна для всех регионов (к примеру, секретарём Одесской губчека работала А.С. Аллилуева, жена главы губчека С.Ф. Реденса и сестра жены Сталина) и продолжалась много лет: в закрытую карательную структуру охотно принимали чекистов-братьев, а жёны оперативных работников активно привлекались в «органы» для исполнения канцелярских функций. Пример подавали с самого верха: двоюродный брат жены Дзержинского И.С. Уншлихт работал зампредом председателя ВЧК.

Небольшой, но заметный процент женщин, самой высокопоставленной из которых была В.П. Брауде, оказался практически во всех губерниях не только на технических, но и на оперативных должностях. Жена замученного белыми комиссара финансов Центросибири А.Ф. Иванова — дворянка и заслуженная революционерка А.А. Иванова — с весны 1920 г. работала в следственно-розыскной части Томской уездчека, а в 1921 г. — в ПП ВЧК по Сибири. При председателе Томгубчека С.Г. Чудновском военной цензурой руководила его жена Е.Г. Чудновская, после увольнения мужа из ЧК благополучно продолжившая работу в «органах». Среди Технического персонала женщин оказалось гораздо больше: так, в 1920 г. аппарат

военной цензуры в Томске, по признанию руководства губчека, в основном состоял из «барышень буржуазного пошиба»^[93].

Другой кадровой особенностью стало повсеместное привлечение в ЧК родственников как крупных, так и рядовых оперработников. Вместе работали братья Д.Д. и А.Д. Никифоровы (Томск), М.Д. и Б.Д. Берманы (Томск, Иркутск), В.А. и С.А. Каруцкие и сестра их Анна (Иркутск), В.И. и М.И. Дьяконовы (Омск). В ЧК служили два брата В.Ф. Тиунова. При начальнике секретно-оперативного отдела РТЧК Томской железной дороги Ф.Н. Чугунихине помощником коменданта работал брат Захар, а канцеляристой — сестра Мария; там же работали братья А.В. и Л.В. Славинские. В УТЧК ст. Новониколаевск работали братья А.А. и Н.А. Мозговы. В Якутской губчека в 1920 г. уполномоченный А.С. Синеглазов являлся братом жены главы губчека И.Б. Альперовича, а в 1921 г. рядом работали начальник отделения В.П. Брусенин и его сестра, следователь Ф.П. Брусенина. Жена члена коллегии Якутгубчека П.П. Кочнева Ядвига Кочнева работала в Якутске в 1920–1926 гг. в должности уполномоченного^[94]. Дети чекистов также нередко поступали служить в ЧК-НКВД; такая практика отмечалась в течение всех 1920-1930-х гг. и в последующие эпохи.

Лица, работавшие в сибирских ЧК в 1918 г., составляли небольшой процент работников и занимали обычно нерядовые должности. Член Следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией в Томске И.С. Дмитриев в начале 1920 г. короткое время был заведующим секретно-оперативным отделом Томской уездчека. Его коллега В.А. Урасов в 1921 г. возглавлял ОДТЧК ст. Каргат Томской железной дороги, но вскоре оказался исключён из РКП(б) за пьянство и перешёл работать в продорганы. П.П. Соколов руководил Мариинским и Кузнецким политбюро, Ф.Н. Бак-Жаркова в начале 1920 г. недолго работала в Томской уездчека^[95].

В Сибири работали некоторые весьма примечательные личности: И.М. Пашин (следователь Славгородской уездчека) — бывший депутат и казначей большевистской фракции Учредительного Собрания, кандидат в члены ВЦИК; В.И. Колчин (работник Тюкалинского и Калачинского политбюро Омской губчека) — бывший сотрудник для поручений по делам ЧК и особых отделов при члене РВС Южного фронта И.В. Сталине; И.Ф. Карташев (в 1922 г. замначальника Особого отдела ГПУ ЗСВО) — начальник особого отдела конного корпуса и организатор фабрикации расстрельного дела против Б.М. Думенко в 1920 г.^[96]

Для зачисления на чекистскую службу прежде всего требовалась политическая лояльность. В связи с этим значительный процент занимали особо преданные революции и не связанные с местным населением интернациональные кадры: так, среди коммунистов Томской уездчека весной 1920 г. евреев и латышей насчитывалось примерно по 15 %^[97]. В последующие месяцы чекистов славянского происхождения стало больше.

Многие оперативные работники были взяты в штат после работы в качестве негласных осведомителей. Из правоохранительных структур старого режима в ЧК не брали никого. Но исключения были: так, в чрезвычайно криминализованной Якутской губчека подвизался Н.К. Булкин, который в 1905 г. находился под следствием за присвоение товаров на 11 тыс. рублей, а двумя годами позднее попал под суд за растрату. Сначала Булкин работал на жандармерию как негласный сотрудник, в период правления Колчака был комиссаром Чурапчинского земуправления, а с июня 1920 г. стал одним из якутских чекистов^[98].

Глобальный социальный переворот привёл к тому, что в органах ЧК оказалось немало выходцев из духовного сословия. М.В. Слонимский был с 1914 г. дьяконом, одновременно выполняя задания ячейки РСДРП(б). В 1917 г. он стал большевиком, позднее служил политруком полка, в мае 1920 г. был передан в ВЧК и уже осенью того же года работал замначальника Особотдела ВЧК 5-й армии, а затем начальником адмотдела Иркутской губчека. Бывший священник Л.А. Казанский стал добровольцем РККА, в 1919 г. выполнял в Особом отделе Восточного фронта конспиративные задания Павлуновского, а затем дослужился до помначальника Секретно-оперативного отдела Омгубчека. Дьякон и священник в Татарском уезде М.А. Покровский содействовал партизанам, затем отрёкся от «царского проклятого попизма», заведовал подотделом Татарского ревкома, а после был уполномоченным Татарского политбюро Омгубчека^[99].

Характерной особенностью органов ВЧК Сибири являлось наличие очень молодых

сотрудников, которые с 15-16-летнего возраста выполняли оперативные задания и работали с агентурой. Зачастую они приходили в ЧК из комсомола. В конце 1919 г. 15-летний И.И. Кавкун поступил (сексотом?) в Томскую чека, в 1920-м служил уполномоченным РТЧК, затем стал комсомольским работником. В 1920 г. 16-летний И.В. Завьялов возглавил Курганский уком РКСМ, а через несколько месяцев поступил в Омскую губчека, участвовал в подавлении крестьянских восстаний в Ишиме и Петропавловске^[100].

Ещё одна кадровая особенность «органов» — насыщенность откровенно криминальными деятелями. Этим особенно отличались Алтайская и Якутская губчека, Госполитохрана ДВР. Глава Горно-Алтайского политбюро А.А. Табанаков отбывал каторгу за убийство офицера, а его преемник Г.П. Сысоев до революции промышлял карманными кражами. Начальник Приморского облотдела ГПО ДВР В.В. Долганов (Данилов) в 1906 г. привлекался к уголовной ответственности по подозрению в убийстве в с. Знаменка Томской губернии, а К.В. Русский (Бреслав), в 1920 г. работавший замдиректора ГПО ДВР, впоследствии был исключён из партии за связь с уголовной шайкой анархистов-максималистов^[101].

Среди новониколаевских чекистов тоже был хорошо заметен уголовный элемент: агент наружного наблюдения УТЧК-ОРТЧК Ф.П. Окулов около 1909 г. был осуждён за убийство присяжного поверенного. Матрос П.Д. Старостин в 1906–1914 гг. отбывал 20-летнюю каторгу за участие в севастопольском восстании, затем бежал, ограбил почту, был снова осуждён и вышел на свободу по амнистии 1917 г. В начале 1920 г. он заведовал домами принудработ в Новониколаевске. Рабочий Н.А. Путинцев в 1916 г. пытался убить пристава, после чего скрывался «по всей Сибири», а в 1921 г. работал уполномоченным по политпартиям Черепановского политбюро^[102].

Аппарат ВЧК Сибири выглядел предельно разнообразно: в нём были представлены дворяне и крестьяне, подпольщики и партизаны, священники и бывшие военнопленные, женщины и подростки, было немало лиц с криминальным прошлым, а также связанных друг с другом родственными и дружескими отношениями. Основной состав чекистов начала 1920-х гг. был представлен людьми, имевшими военный опыт — солдатами мировой и гражданской войн, партизанами, участниками карательных экспедиций, продотрядовцами. Прошедшие школу жестокости, молодые и малограмотные, они верили лозунгам и начальственным указаниям, воспринимали как должное политику террора (нередко имея личные мотивы для политической мести) и часто были настроены гораздо радикальнее, чем руководство. Абсолютно неграмотные в правовом отношении, свою работу в ЧК они понимали как непосредственное участие в истреблении враждебных элементов, неразрывно связанное с возможностью распоряжаться их имуществом.

Если взглянуть на 30 человек, которые в 1919–1922 гг. занимали ответственные должности в ПП ВЧК (начальники отделов), губчека и РТЧК (председатели) и на которых есть достаточно подробные данные, то можно увидеть, что на 1920 г. восемь из них были моложе 25 лет (И.Б. Альперович был моложе 20) и только трое — в возрасте от 35 до 39 лет. Заметная часть являлась старыми большевиками: трое вступили в РСДРП(б) в 1904 г., с партстажем 1905–1916 гг. насчитывалось 9 чел. Членами партии с 1917 были 8 чел., с 1918 г. — 10 чел. В.М. Алексеев имел высшее, И.П. Павлуновский — неполное высшее юридическое образование, около половины — среднее или неполное среднее образование, остальные довольствовались начальным. Уроженцев Сибири из них было не более четверти.

По национальному составу половину составляли русские, среди остальных основной процент приходился на долю евреев (И.Б. Альперович, М.Д. Берман, Л.И. Коган, И.Г. Фридман, В.И. Хотимский, С.Г. Чудновский) и латышей (И.И. Карклин, Х.П. Щербак, Р.К. Пепсис, А.Я. Виграндт). Национальное разнообразие дополняли якуты С.М. Аржаков и Г.И. Шергин, эстонец Р.Т. Махль, караим С.Л. Пупко. Сходная пропорция соотношения русских и нерусских чекистов была характерна и для центрального аппарата ВЧК.

Почти все эти чекисты имели революционное прошлое, зачастую богатое, и опыт боевых действий периода гражданской войны; подавляющее большинство подвергалось преследованиям при царе, Временном правительстве и белых режимах. Стаж работы в ЧК у половины руководителей был с 1918 г., но и совершенно неопытных в сыском ремесле имелся заметный процент (А.В. Агеев, Альперович, И.М. Кошелев, П.И. Студитов, В.Ф. Тиунов, Хотимский, Фридман, Чудновский).

Среди неофитов, занявшихся чекистской работой, оказались недавние подпольщики-заключённые Чудновский и Фридман, а также 20-летний политотделец Кошелев. В Якутии в числе первых глав губчека были 19-летний бывший красногвардеец Альперович и почти столь же молодой Шергин. 22-летний Тиунов ранее возглавлял подпольный комитет РКП(б) в Омске. Более старший Студитов имел опыт советской работы в отделе управления, старый большевик Агеев командовал отрядом Красной Гвардии и был комиссаром на транспорте.

Считалось, что опытные большевики, сидевшие в тюрьмах при царизме и получившие навыки сопротивления с полицией, смогут, опираясь на ставшие им известными методы следственной и агентурно-конспиративной работы, построить эффективный карательный аппарат. Эта точка зрения оказалась верной. Крупные дела на «контрреволюционеров» с помощью разветвлённой агентуры успешно фабриковали не только опытные чекисты (вроде Бермана, В.П. Брауде, Карклина, А.П. Марцинковского), но и новички (Агеев, Альперович, Чудновский). Никто из руководящих чекистов не считал деятельность ЧК в чём-либо противоправной и не выступал против красного террора.

В чекистской верхушке были представители всего левого политического спектра, причём В.П. Брауде, большевичка с 1905 г., сразу после Октября примкнула к эсерам-максималистам, затем — к революционным коммунистам, а в 1918 г. вернулась к большевикам. Бывшими эсерами являлись Альперович, А.П. Николаев, Пупко (эсер-максималист с 1903 г.), Ф.С. Степной (эсер-интернационалист), Хотимский. Коган до вступления в РКП(б) был анархистом-коммунистом, Фридман — членом Бунда. М.Ф. Левитин до революции был меньшевиком, а Павлуновский — межрайонцем.

Среди первых крупных чекистов были как не нашедшие себя в мирной жизни юноши и личности, рано вступившие в конфликт с законом (Альперович, В.И. Вильдгрубе, Щербак), так и люди, по рождению принадлежавшие к известным семьям России. Дворянка Вера Брауде была потомком великих Чаадаева и Бутлерова. Зампред Омской губчека и глава РТЧК С.А. Херувимов происходил из известной актёрской семьи. Начальник Сибмилиции И.С. Кондурушкин был родным братом популярного беллетриста и публициста Степана Кондурушкина, умершего в белом Омске в начале 1919 г.

В рассматриваемой выборке преобладали люди, не чуждые идее личной мести. Павлуновский и Гузаков в годы революции и гражданской войны потеряли братьев, Тиунов чудом избежал казни, многие годы в тюрьмах, ссылках и на нелегальном положении провели Агеев и Брауде, Гузаков и Павлуновский, Чудновский и Щербак. Неуравновешенным характером, помимо деспотичного Павлуновского, отличались Агеев (избивал арестованных), Брауде (сожгла имение близких родственников, дралась с жандармами), Вильдгрубе (судился за избиение офицера, избивал арестованных), Щербак (отбыл 4 года каторги и тюрьмы за подготовку к убийству градоначальника Виндавы), утолявшие чувство мести жестокими расправами и особо ценившие ощущение вседозволенности. Немалая часть начальников принадлежала к любителям «красивой» жизни и позволяла себе крупные злоупотребления (В.М. Алексеев, Б.А. Бак, Студитов, Чудновский, Щербак).

Часть будущих сибирских чекистов имела отношение к историческим событиям: Гузаков участвовал в перевозке последнего российского императора в Екатеринбург, Хотимский, являясь зампредом Уральского облсовета, «настаивал на скорейшей ликвидации Романовых», Павлуновский организовывал эвакуацию СНК из Петрограда в Москву, Чудновский был в числе строителей казни А.В. Колчака.

Не задержались в ЧК Агеев, Альперович, Левитин, Махль, Уралов, Фридман, Хотимский, Чудновский. Многие лишились своих должностей не по собственной воле; как правило, чекистов снимали по компрометирующим материалам: Э.П. Белова — за пьянство, Чудновского — за интриганство и разврат, Агеева, Альперовича и Вильдгрубе — за нарушения законности, Гузакова и Студитова — за несработанность с местными властями.

Многие бывшие чекисты смогли выдвинуться на партийно-государственную службу — Аржаков, Левитин, Марцинковский, Махль, Павлуновский, Степной, Студитов, Тиунов, Уралов; в судебную систему — Чудновский; стали хозяйственными работниками — Кошелев, Альперович, А.И. Мосолов, Херувимов. Кстати, Аржаков, Альперович, Махль и Мосолов позднее получили высшее образование, а Хотимский стал кандидатом экономических наук.

Меньшая часть сделала карьеру в системе ВЧК-ОПТУ: Павлуновский, Берман, Карклин,

Кошелев, Лепсис, Щербак, но к 1937 г. в системе НКВД работали, насколько известно, только М.Д. Берман, дослужившийся до заместителя наркома внутренних дел СССР, В.П. Брауде и П.П. Ивонин. Значительная часть уже в 1920 г. была снята с крупных чекистских постов и оставались некоторое время в системе на более низком уровне: Белов, Брауде, Мосолов, Фридман (при этом Брауде получила работу в центральном аппарате ОПТУ, а Мосолов постепенно дорос до уровня начальника губотдела ОПТУ). А.П. Николаев в 1928 г. был осуждён Коллегией ОПТУ за служебные злоупотребления. В период войны И.М. Кошелев и зампред Енгубчека Д.М. Иванов вернулись в «систему» и работали в особых отделах НКВД^[103].

В начальный период карательной деятельности трагически завершилась жизнь А.В. Шишкова и В.И. Вильдгрубе (убиты повстанцами в 1920 г.: Шишков — в Томской, Вильдгрубе — в Подольской губернии), а также Э.П. Белова, застреленного по ошибке часовым в 1921 г. В 1920-х гг. умерли А.В. Агеев, А.П. Марцинковский и И.И. Карклин, в 1930-х — С.Л. Пупко, а С.А. Херувимов стал жертвой несчастного случая на дороге. Около половины руководящих чекистов стали жертвами политических репрессий 30-х гг. В 1937–1942 гг. были расстреляны Альперович, Аржаков, Берман, Коган, Левитин, Лепсис, Ошмарин, Павлуновский, Степной, Тиунов, Хотимский, Чудновский. Тюремное заключение в 1930-1940-х гг. отбывали Брауде, Виграндт, Гузаков. Все эти лица в 1950-х гг. были реабилитированы. Долгожителями стала сравнительная небольшая часть: Ивонин, Студитов, Уралов и Кошелев умерли в 1967–1972 гг.

Организация агентурного аппарата

Вербовка осведомления с целью получения разнообразной информации являлась главным инструментом чекистской работы. Организация агентурно-осведомительной сети велась очень интенсивно. Уже к январю 1920 г. в Омске была раскинута сеть осведомителей, освещавших положение в важнейших учреждениях и на предприятиях. Город разбили на районы, в каждый из которых был назначен уполномоченный с приданными ему одним-двумя разведчиками — «смотря по классовому населению района».

В Енисейской губернии успехи были скромнее: в апреле 1920 г. Канская уездная чека сообщала в Красноярск, что в некоторых учреждениях ей не удаётся завербовать осведомителей из-за полного отсутствия там работников-коммунистов. В Ачинске той же весной основной аппарат осведомителей состоял из красноармейцев, чекисты Енисейска жаловались «на крайне затруднительное положение в вербовке как ответственных, так и рядовых работников», а в Минусинске осведомителей в первое время не было вообще, поскольку «грамотных людей взять неоткуда». В октябре 1920 г. председатель Енисейской губчека Р.К. Лепсис отметил «полнейшее отсутствие работы» в уездах и воинских частях^[104].

Слабо было отлажено агентурное осведомление в первый год работы Тюменской губчека: к июлю 1920 г. осведомительный аппарат Тюменского уезда насчитывал всего 25 сексотов — это при том, что в уезде было 28 волостей. В Тобольском уезде, состоявшем из 39 волостей, дела были гораздо хуже — к исходу октября 1920 г. в наличии имелось лишь 15 осведомителей. То есть большинство даже крупных сёл огромной Тюменской губернии освещалось чекистами приблизительно, по слухам^[105].

Более активно работали местные работники Томской губчека: штаты Мариинского политбюро на октябрь 1920 г. подлежали увеличению до 25 чел., по уезду разъезжали два чекиста-информатора с заданием вербовать «надёжных осведомителей» и получать сводки от сексотов, заагентуренных ранее. Одному из секретных помощников тогда же было поручено завербовать возможно большее число осведомителей в самом Мариинске. Агентурная сеть в Омской губчека со временем пополнилась так, что заведующий Славгородским политбюро С.Т. Пилипенко намеревался к концу 1921 г. довести штаты агентов до 100 человек в небольшом Славгороде и до 1.000 — в уезде, охватив осведомлением все населённые пункты^[106].

Активную агентурную работу проводили работники особых отделов, вербовавшие как политработников и командиров, так и рядовой состав. При этом особое внимание уделялось насаждению осведомления среди бывших военнослужащих Белой армии, которые составляли значительный процент советских частей в Сибири. Транспортные органы ЧК также широко вербовали осведомителей, не ограничиваясь работниками депо, железнодорожной и водной

администраций. Так, секретным агентом отделения ДТЧК ст. Барнаул с октября 1920 г. работал член Алтайского губбюро РКСМ Н.В. Волохов.

Основу осведомительной базы поначалу составляли члены правящей партии, что позволяло получать надёжную информацию от лояльных лиц, зачастую являвшихся руководителями разных уровней. В октябре 1919 г. ВЧК потребовала от своих местных органов «создать гибкий и прочный информационный аппарат, добиваясь того, чтобы каждый коммунист был нашим осведомителем». В августе 1920 г. зампред ВЧК И.К. Ксенофонтов обратился ко всем губкомам РКП(б) с таким предложением: «Желательно усиленное привлечение наибольшего количества партийных работников не только к прямой работе в ЧК, но и к косвенному сотрудничеству, к осведомлению, каковое является основой работы ЧК».

Коммунисты специальным указанием ЦК РКП(б) обязывались быть агентами ЧК. Это правило относилось и к комсомольцам, а также к партийно-комсомольской номенклатуре. Так, П.Н. Гриневиц в 1921–1922 гг. работал ответсекретарём Вокзального РК РКСМ в Новониколаевске, одновременно являясь сексотом губчека, а затем был взят на штатную работу в «органы». Аналогично выглядел путь в чекисты и барнаульского комсомольского лидера Н.В. Волохова^[107].

Коммунисты по-разному относились к сотрудничеству с «органами». Часть номенклатурных работников испытывала энтузиазм и желала перейти от негласного к гласному сотрудничеству с ЧК, что вызывало ревность парткомов. Политком П.Е. Москалёв был членом Татарского укома РКП(б) в Омской губернии и легко дал себя завербовать во время отдыха на курорте Боровое. В августе 1921 г. он даже просил зачислить его в штат сотрудников Кокчетавского политбюро и самовольно продлил свой отпуск на полтора месяца, поскольку «чувствовал признательность к вышеупомянутой работе». Однако партийные власти Татарска обязали его вернуться и даже поставили Москалёву на вид за самовольное поступление на службу в ЧК.

Заявления агентов о согласии работать на ЧК-ГПУ составлялись в достаточно произвольной форме, фиксируя главное: обязательство добросовестно информировать, соблюдать конспирацию и отвечать за её нарушение. Подписка о сотрудничестве Москалёва, данная Акмолинской губчека, гласила: «Даю настоящую подписку в том, что я, Павел Москалёв, обязуюсь быть осведомителем Кокчетавского Политбюро и хранить в самой строгой тайне все полученные мною из Политбюро сведения и задания. Обязуюсь не скрывать мною узанные сведения, могущие быть полезными в борьбе с врагами РСФСР. За неисполнение всего нижеизложенного буду подвергаться суровым наказаниям вплоть до расстрела, а также обязуюсь давать сведения в политбюро не менее трёх раз [в месяц] по полученной инструкции».

А вот «обязательство осведомителя» члена комячейки Г. Тестова, написанное на бумаге со штампом Битковского волкома РКП(б): «По предложению т. [В.Я.] Рязанова я взял на себя обязанность быть секретным осведомителем села Ершовского и все заданные мне поручения и задания как от тов. Рязанова, так и секретно-оперативному отделу Ново-Николаевского Чека обязуюсь выполнять честно и аккуратно. Получаемые мною инструкции от товарища Рязанова и словесные задания обязуюсь никому не разглашать. За нарушение всего вышеизложенного принимаю должное наказание»^[108].

Чекисты усиленно вербовали секретарей волостных исполкомов — мелких чиновников исполнительной власти, отлично знавших ситуацию в районе. Но часто и председатели городских и сельских исполкомов, и секретари крупных парторганизаций, военкомы тоже были сексотами. Волостные комитеты назначали тайных агентов из числа сельских коммунистов — вплоть до секретарей ячеек. Например, осенью 1920 г. секретными циркулярами заведующего Верхоленинским политбюро Иркутской губчека комячейкам уезда давались задания произвести перепись кулацкого населения, установить наблюдение и осведомление по поводу всех подозрительных явлений в деревне, собрать сведения о священнослужителях.

Партийные комитеты нередко принимали на себя роль настоящих вербовочных пунктов по набору агентуры. Благодаря стараниям Змеиногорского укома осенью 1920 г. на работу сексотами в политбюро в четыре приёма было мобилизовано семь коммунистов. Канский уком РКП(б) в начале 1921 г. вменил в обязанность всем ячейкам всемерно помогать в работе политбюро, а заведующим политбюро вызывать секретарей волпарткомов для

инструктивования. Президиум Тарского укома в апреле 1922 г. предписал секретарям волкомов взимать с сексотов-информаторов сведения и предоставлять сводки для начальника политбюро.

Намерение Ленина и Дзержинского сделать всех членов партий добровольными помощниками ЧК, а партийные ячейки превратить в филиалы карательных органов совпадало с точкой зрения высшей номенклатуры. По большому счёту «заагентуривание» компартии удалось, хотя верхам постоянно приходилось контролировать «процесс» и призывать к порядку тех, кто недооценивал важности дела помощи «органам» в их борьбе с врагами государства.

Нередко коммунисты с большой неохотой отзывались на приглашения к доносительству, а то и отвергали их вообще. Известны случаи пренебрежительного отношения к чекистским заданиям даже со стороны высокой партийной номенклатуры. Летом 1920 г. председатель Алтайской губчека И.И. Карклин направил в Сиббюро ЦК рапорт уполномоченного по наружному наблюдению Ю. Пшнемского следующего содержания:

«Настоящим довожу до Вашего сведения об одном из многих фактов (курсив мой — А.Т.), характеризующих отношение местных партийных работников... к сотрудникам и работе губчека. Июня 29 дня я послал секретного сотрудника вверенной мне группы к секретарю губбюро т. Дмитриеву с просьбой об оказании ему содействия, выражающегося в сборке сведений окольным путём у члена РКП т. Усырева о местонахождении брата его Усырева, видного члена партии ПСР, который, по имеющимся сведениям, приехал в г. Барнаул из Славгорода, но неизвестно, где остановился, на что т. Дмитриев ответил отказом, ссылаясь на его неловкое положение при задании таких неудобных вопросов члену РКП т. Усыреву. После этого [сексот] т. Реброль обратился к секретарю иностранной секции т. Карась с этой же просьбой об оказании ему содействия, но и т. Карась также отказался ввиду того, что Усырев — член РКП [и] ему хороший друг и он не может этого сделать».

Отказался дать необходимую информацию учреждениям политического сыска и секретарь Ачинского укома РКП(б), в ответ на что начальник ОДТЧК ст. Боготол был вынужден увещевать партийного функционера: дескать, все «члены РКП являются без исключения сотрудниками ЧК... Прошу в будущем оказывать содействие». В ноябре 1920 г. представитель Сибирской транспортной ЧК известил Сиббюро ЦК РКП(б) о том, что парторганизации в районе действия РТЧК Забайкальской железной дороги считают сотрудничество с ЧК «чуть ли не позором» и не выделяют «способных людей». Сотрудник Алтгубчека Новиков в мае 1921 г. жаловался на члена коллегии Райуправления водного транспорта Каткова, который отказался дать сведения об одном из своих подчинённых, заявив, что «не желает быть полицейским».

Руководители чека, сталкиваясь с частым нежеланием коммунистов становиться доносчиками, то и дело апеллировали к властям. Уже в мае 1920 г. руководители Томской губчека М.Д. Берман и Б.А. Бак писали в горпартком и губбюро РКП(б), что широкую информацию о работе советских учреждений чекисты могут получить лишь от партийных работников, которые в них служат: «Но на практике многие товарищи относятся весьма халатно и совершенно не желают информировать Чека. Ввиду этого Чека просит Партком и Губбюро об издании специального циркуляра или же подтверждения циркуляра Ц.К. о том, что каждый член партии обязан всеми силами содействовать в работе Чека». Президиум Иркутского губкома РКП(б) 26 сентября 1920 г. постановил «вменить в обязанность всем членам партии выполнять все поручения губчека». Секретный циркуляр Семипалатинского губкома, разосланный весной 1921 г., указывал укомам: «...необходимо обязать каждого коммуниста быть чекистом, т. е. активным и добровольным информатором ЧК. Привлекайте все широкие и партийные массы к осведомительной работе... Этого требует момент».

Все губкомы РКП(б) в начале 1920-х гг. разъясняли коммунистам, что сотрудничество с ЧК является их партийным долгом^[109]. За отказ от такого сотрудничества следовали не только уговоры, но и наказания, хотя обычно не очень строгие.

Тесное сотрудничество с политической полицией требовалось не только от коммунистов. Представители враждебных политических партий, перешедшие к большевикам, должны были доказывать лояльность сотрудничеством с чекистами. Так, в ноябре 1920 г. Енисейский губком РКП(б) рассматривал дело бывшего социалиста и работника Красноярского исполкома в

1918 г. Кузнецова, принятого в партию незаконным решением нескольких членов губкома. Против этого выступили местные коммунисты, обвинявшие Кузнецова в том, что при Колчаке он публично покаялся. Председатель губчека Р.К. Лепсис заступился за Кузнецова, который вёл важную «секретную работу», поскольку его отставка бы «отразилась на всей работе ЧК». Лепсис предлагал отложить предание агента партийному суду «до выяснения этого вопроса с центром». Бюро постановило отстранить Кузнецова с ответработы «дипломатическим путём».

Когда Черепановская уездная комиссия по чистке исключила из партии бывшую эсерку Екатерину Деденко — секретаря волостного комитета партии, а затем заведующую отделом укома РКП(б) — за дружбу с меньшевиками и эсерами Козловским, Землером, Дзепо-Жилинским, та уверяла, что исправно поставляла «на этих типов» сведения, поскольку с 1920 г. состояла в осведомительной сети Алтгубчека. Год спустя Деденко восстановили в партии [\[110\]](#).

Организация агентурной сети поначалу поручалась лицам, обычно незнакомым со спецификой этой работы. Однако многие начинающие чекисты неплохо справлялись с вербовками. Если чекист оказывался способным создавать осведомительную сеть, его считали полезным работником и продвигали по службе. От непригодных к агентурной и следственной работе избавлялись.

Среди секретного аппарата наблюдалась специализация. В августе 1919 г. ВЧК утвердила инструкцию агентам по наружному наблюдению секретно-оперативных отделов губчека. На эти должности назначались грамотные коммунисты, обладавшие умением расположить к себе собеседника, внимательные, расторопные, осторожные, настойчивые, обладающие крепким здоровьем и незапоминающейся внешностью. Агенты действовали в районах губернии и вели проверку неблагонадёжных лиц, на которых поступали компрометирующие сведения от осведомительной сети. Агенты в учреждениях осуществляли внутреннее наблюдение [\[111\]](#). Так называемые информаторы набирались из проверенных коммунистов; они являлись фактически резидентами в районах, руководившими агентурной сетью и вербовавшими новых сотрудников.

Для освещения лиц, интересовавших чекистов, из их окружения вербовались осведомители. Специфической и распространённой категорией осведомителей были так называемые «наседки» — внутрикамерные агенты, вербовавшиеся из среды заключённых (нередко их роль выполняли и не арестованные внештатные и штатные сотрудники). Видный партизан М.З. Белокобыльский, сексот Алтгубчека с февраля 1920 г., вскоре за провал переговоров с Г.Ф. Роговым попал — по обвинению в предательстве — в барнаульскую тюрьму, где успешно подвизался внутрикамерным агентом. Освободившись в 1921 г., он как завхоз ряда барнаульских учреждений продолжил работу по осведомлению ЧК: «... Результат работы был весьма блестящим, были изъяты все те документы, которые требовались для губчека... от губисполкома я получил в награду одну борчатку, пару пимов, пару перчаток и шапку». Потом под видом инструктора губземуправления он был «послан к бандитам в тайгу», а с мая 1922 г. в течение двух лет Белокобыльский работал секретным информатором Алтгуботдела ГПУ в районах [\[112\]](#).

Значительный процент сексотов становился со временем штатными работниками органов ЧК. Характерным явлением для начала 1920-х гг. был переход не только с негласной работы на оперативную, но и обратный процесс, когда штатные чекисты уходили со службы и становились сексотами в том учреждении, где начинали работать. В дальнейшем такая практика была сужена как ведущая к расконспирации.

Сексоты были полностью зависимы от чекистов и выполняли любые задания. Помимо различных провокационных комбинаций, им поручались и «мокрые» дела. Начальник Бийского политбюро Н. Путекле осенью 1920 г. получил от руководства Алтгубчека указание «без шума» ликвидировать знаменитого партизанского командира И.Я. Третьяка — как якобы опасного заговорщика. Путекле поручил организацию убийства двум своим сотрудникам — оперативнику К.М. Петухову (бывшему сексоту Новониколаевской губчека) и сексоту Бушуеву по кличке «Власов», а непосредственным исполнителем должен был стать 20-летний бывший сексот, а затем уполномоченный по наружному наблюдению И.Г. Александров.

Но Бушуев сообщил о преступном приказе следователю губревтрибунала Печникову, а тот — в партийную инстанцию. В результате последовавшего скандала Бушуев отделался 10-

суточным арестом и спешной переброской в Красноярск, а Путекле в ноябре 1920 г. был арестован и затем осуждён на 5 лет заключения за «пьянство, преступления по должности и дискредитирование советских работников». По его собственному признанию, будучи «выдвинут партией на роль карателя-палача, я грубел, терялись человеческие чувства; пробыв на этом посту два года, начал пить». Однако в заключении Путекле пробыл недолго и на осень 1921 г. служил в Омской губчека [\[113\]](#).

Работа осведомителей была не самой безопасной. В 1921 г. коммунисты Рубинской ячейки Мариинского уезда Томской губернии выявили и убили осведомителя местного политбюро. Чексводка из Баргузинского района Прибайкальской области сообщала, что 1 апреля 1921 г. в с. Суво был убит осведомитель информсети агентурно-осведомительного пункта ГПО ДВР Лука Кожевин, который «вёл беспощадную борьбу с контрреволюцией, не щадя ни родных, ни знакомых; интригами контрреволюции за убийство арестован... осведомитель того же села Александров, не имеющий никакого отношения к убийству» [\[114\]](#).

Секреты агентурно-оперативной работы ревниво оберегались, и штатные работники ЧК платились привлечением к уголовной ответственности за допущенную болтливость. Например, уполномоченный транспортной ЧК П. Покровский-Васильев осенью 1920 г. сначала был арестован комендантом Иркутска за пьянство на конспиративной квартире. Арестованный пояснял: «Я ведь три ночи ходил с обыском и арестами, а потому перед обедом и выпил». Но, находясь в камере, чекист совершил новое преступление: объяснял арестованным разницу между уполномоченным и сексотом, «как с ними [сексотами] имеет связь уполномоченный и под каким видом они идут с обыском» (под видом почтальона и проч.)». Дело Покровского-Васильева в результате оказалось в производстве военного трибунала [\[115\]](#).

Мемуары негласных работников чекорганов Сибири — сексота Томской губчека В.Л. Ицковича и будущего разведчика-перебежчика Г.С. Агабекова (Арутюнова) — дают ценный материал о коррумпированности руководящих советских работников и конфликтах среди чекистского начальства. Ицкович сообщает о колоссальной коррупции связанных с уголовным миром руководителей томского угрозыска — «поголовного, вплоть до начальника Угрозыска, взяточничества, разврата, даже изнасилования подследственных» — и штаба ЧОН. В июне 1921 г. чекисты за злоупотребления по службе арестовали начальника томского угрозыска Н.Н. Павловского, а весной 1922 г. было арестовано 17 сотрудников угрозыска во главе с его начальником Макаровым. Известно, что часть тогдашних работников томской милиции входила в вооружённую банду грабителей.

Г.С. Агабеков, в 1921 г. работавший под легальным прикрытием заведующим отделом кадров тюменского губпродкома, сообщал, что узнал от агентуры, как «из Тюменской губернии вывезено 20000 пудов хлеба незаконным путём и что за это дело крупные взятки получили председатель Чека Студитов, председатель губисполкома и председатель губернского комитета партии. Я, конечно, доложил об этом своему непосредственному начальнику Бойко». Желавший подсадить Студитова начальник Секретно-оперативного отдела И.С. Бойко «при очередном скандале со Студитовым намекнул о взятке. В ту же ночь по распоряжению Студитова был арестован Бойко, а заодно с ним и [его заместитель И.И.] Пльчак по обвинению в склоке и подрыве авторитета начальства». Затем чекисты были освобождены, а вызванный к Павлуновскому Студитов получил «изрядный нагоняй».

Факт ареста руководителей Секретно-оперативного отдела в доступных нам документах не отражён. Но о конфликте в руководстве губчека свидетельствует приказ П.И. Студитова от 10 сентября 1921 г., которым И.С. Бойко с И.И. Пльчаком были отстранены от должностей в связи с ревизией СОО, предпринятой, как подчеркнул предгубчека, по решению Тюменского губкома РКП(б).

Сведения о взяточничестве Студитова, секретаря Тюмгубкома С.П. Агеева и главы губисполкома С.А. Новосёлова выглядят вполне достоверно, ибо архивные фонды пестрят фактами коррумпированности партийно-советской и чекистско-милицейской элиты. Выступая на общесибирской конференции в 1921 г., глава Сибревкома И.Н. Смирнов заявил: «... Хлеб расхищали все, начиная от комячеек и кончая губкомами». Далее он рассказал, как Ленин слал «свирепые телеграммы», требуя жестоких наказаний расхитителям. Узнав, что Иркутский губком тишком выделил тем, кому счёл нужным, 30 тыс. пудов хлеба, Смирнов для пресечения скандала был вынужден ехать в эту отдалённую губернию, там отдать виновных под трибунал

«и для виду расстрелять», а в Москву сообщить, что хлеб-де был выдан «по распоряжению Сибревкома...»^[116].

Недостойное поведение самих агентов могло обсуждаться на самом высоком уровне, что, впрочем, не означало для них непременно наказания. 1 июля 1921 г. Иркутская губКК РКП(б) рассмотрела дело сексота политинспекции ДВР М.А. Громова, обвинявшегося в растрате денег, предназначенных для «передачи центральной группе секретных сотрудников». На секретные суммы Громов жил широко — покупал себе пальто и костюмы, пил, посещал увеселительные заведения, раздавал деньги аферистам и фальшивомонетчикам, «имея ввиду увеличить этим денежные средства для центральной группы» (судя по контексту, Громов действовал в ДВР либо в Маньчжурии и не добился каких-либо значительных успехов).

В результате Громов получил всего лишь строгий выговор, а губернские власти предложили чекистам отозвать проштрафившегося резидента с секретной работы. 27 июля его дело рассматривали высшие власти Сибири и, в связи с расхождением мнений СибКК РКП(б) и Сиббюро ЦК РКП(б), последнее постановило передать дело в ЦКК РКП(б), а самого Громова — отправить вместе со всеми материалами в распоряжение ЦК партии^[117].

Среди агентуры частым явлением были ложные доносы. Серьёзная секретно-эротическая история приключилась в начале 1922 г. в Новониколаевске. Главными её действующими лицами стали сексот С.И. Нащик, проходившая в чекистских ведомостях как Любовь Елистратова, начальник агентурного отделения губчека И.А. Жабрев и его помощник, бывший секретарь Красноярского горрайкома РКП(б), Л.Г. Рубанов. Серафима Нащик, бравшая взятки за избавление домохозяев от уплотнения, делившаяся ими со своими чекистами-кураторами и ставшая любовницей Жабрева, донесла (из ревности?) на Жабрева с Рубиновым как участников «контрреволюционной эсеровской группировки». За взяточничество и ложные доносы чекисты и их агентесса получили небольшие сроки и вскоре оказались на свободе^[118].

Строже отнёсся к провокаторам военный трибунал 5-й армии и ВСВО, в мае 1922 г. рассмотревший в Иркутске дело врача тибетской медицины корейца Ден Нам Ика, преподавателя японского языка при Иркутском университете Ли Пен Тая и повара политуправления армии коммуниста (а также сексота особого отдела округа) В.В. Семимира. Ден Нам Ик «из вражды политической и личной к корейским революционерам, членам РКП(б) Тео До Шену и Ден Ю Дену, войдя в соглашение с Ли Пен Таем и Семимиром, написал два письма на корейском языке, якобы адресованных из Японии на их имя, уличавших названных граждан в причастности к японскому шпионажу, и передал их Ли Пен Таю для перевода на японский язык, а затем Семимиру для предоставления в Особотдел ВСВО». Также Ден Нам Ик «подстрекал» доктора Хо Хун Го написать ложный донос на сотрудников Особого отдела Ли Хуна и Но Ен Сока.

Что касается В.В. Семимира, то он «взял для передачи названные письма и передал их, неоднократно ложно заявляя, что они перехвачены им, как сексотом, у некоего китайца, кроме того, в подаваемых им заявлениях докладывал, что Тео До Шен и Ден Ю Ден являются японскими шпионами...». Клевета на членов компартии была сочтена отягчающим обстоятельством. Трибунал постановил расстрелять всех троих провокаторов^[119].

Таким образом, агентурный аппарат ВЧК базировался на численно внушительной основе, составленной как из коммунистов и комсомольцев, вербовавшихся на добровольно-принудительной основе и нередко затем становившихся гласными работниками «органов», так и из представителей социально-чуждой среды (по известным фактам можно судить, например, о массовых вербовках бывших белых офицеров), которых заагентуривали с помощью принуждения и угроз.

Как отметил М.Н. Петров, вербовочная политика чекистов наполняла осведомительный аппарат лицами, полностью зависимыми от своих «операторов»-чекистов и готовыми выполнить любое, самое преступное, поручение. При этом он, отмечая множество фактов грубых нарушений законности, ошибочно утверждает, что «эти факты ещё не переросли в систему», ибо в 20-е гг. «ведущее положение всё же занимали люди, фанатично преданные идеалам революции, стремившиеся сохранить чистоту партийных рядов»^[120].

О провокационной работе многих агентов ВЧК-ГПУ прекрасно знало вышестоящее начальство, на словах готовое осудить методы чекистской работы, а на деле поощрявшее их.

Руководители Всеукраинской ЧК В.Н. Манцев и Е.Г. Евдокимов в приказе от 15 января 1921 г. отмечали, что «зачастую агенты из роли пассивной, наблюдательной, пресекающей преступления, переходят к активным действиям, занимаясь созданием организации... и подчас подталкивая пассивный и антисоветский элемент и обывателя на активную работу.... Этот метод — метод "провокации" — для нас, революционеров, неприемлем и недопустим. Погоня за открытием организаций, раздувание дел или создание организации хотя бы с целью открытия подозреваемого заговора — преступны, ибо подобного рода деятельность ведёт к определённому вырождению наших революционных органов чрезвычайной борьбы в старые охранные, жандармские, сыскные отделения»^[121].

Однако именно секретные агенты становились основными фигурами при фабрикации бесчисленных «заговоров», проводя активную провокационную работу и оговаривая нередко множество людей. Для фабрикации самых крупных дел о заговорах использовались подчас десятки агентов.

Контрразведывательная деятельность полномочного представительства ВЧК

В контрразведывательной деятельности сибирских чекистов поиски реальных шпионов выливались обычно в репрессирование невинных лиц. О шпиономании, которую распространяли чекисты, говорит публичное высказывание экс-главы Енисейской губчека И.Г. Фридмана: «Шпионы везде и всюду нас окружают».

Среди «шпионов» попадались видные чиновники РККА: так, начальник военно-контрольного совета Восточного фронта М.А. Фаерман был арестован Омской губчека в декабре 1920 г. и два месяца спустя расстрелян по ложному обвинению в шпионаже. Начальник штаба войск ДВР А.Х. Андерсон был арестован Госполитохраной 28 июля 1921 г. по подозрению в шпионаже, несмотря на то, что служил красным с 1918 г. Следствием связь Андерсона с японской военной миссией доказана не была; Президиум ВЧК 6 марта 1922 г. освободил Андерсона с прекращением дела^[122].

Согласно официальной версии, питомцы Павлуновского добились немалых успехов в противостоянии с британской «Интеллидженс Сервис», которая за время отступления белых создала в Сибири разведывательную сеть, центр которой находился в Красноярске. Британскую военную миссию при правительстве Колчака возглавлял полковник Генри Сессиль, который ранее под именем Владимира Даля жил в Иркутске и Харбине. Разведчик М.М. Нетупский (Полинов) следовал за британской военной миссией и через своих агентов вёл наблюдение за действиями ее сотрудников.

По версии чекистов, британская разведка не только собирала информацию о положении в Сибири, но также поддерживала остатки Белого движения и повстанцев. Резидентура оставленного в Сибири Сессилия-Даля, в которую входили англичане Мориссон и Фейбер, якобы имела широкие связи среди советских военных и административных чиновников. В июне 1921 г. чекисты арестовали Сессилия и склонили его к сотрудничеству. Тот назвал десятки завербованных агентов. При этом резидент категорически отказался «сдать» соотечественников и, более того, предупредил их о провале, что позволило английским разведчикам скрыться, в том числе и капитану Мориссону.

Павлуновский в докладе И.Н. Смирнову сообщил, что получены «невообразимые данные» о связи начальника отдела приказов и информации штаба 5-й армии И.А. Наконечного с англичанами. Под влиянием Даля (или больше чекистов?) во время очной ставки Наконечный дал сведения о своей шпионской деятельности. Чекисты утверждали, что Мориссон в своих отчётах сообщал о вербовке командующего 5-й армией М.С. Матиясевича и передаче ему 5.000 фунтов стерлингов. В протоколе допроса Сессилия есть краткое упоминание о его контактах с командующим 5-й армией Матиясевичем. Может быть, это было сделано англичанином с целью компрометации командующего? Кстати, и красная контрразведка тоже подкапывалась под командарма — в 1919 г. Матиясевич был снят с должности командующего 7-й армии, оборонявшей Петроград, «за потворство начальнику штаба В.Э. Лунденквисту, оказавшемуся агентом английской разведки». Вместо суда Матиясевич был направлен командовать 3-й, а затем и 5-й армиями, что ясно говорит о том, как невысоко была оценена чекистская информация.

Получалось, что потворщик одному «английскому агенту» командует победоносной Красной Армией, а потом неизвестно за что получает деньги от другого агента «Интеллидженс Сервис»... Скорее всего, Павлуновский, который, возможно, хотел отомстить ускользнувшему от него в 1919 г. Матияевичу, очень сильно приукрасил разведывательную деятельность англичан в Сибири. Финал этой истории до сих пор остаётся чекистской тайной^[123].

В 1921 г. Павлуновский лично курировал спецоперации против барона Р.Ф. Унгерна. Мятаж приближённых Унгерна, что привело к покушению на барона и развалу его отряда, был спровоцирован чекистскими агентами. Сотрудник полпредства ВЧК Б.Н. Алтайский под именем офицера фон Зоммера сумел войти в доверие к барону. В итоге Унгерн был схвачен своим бывшим союзником, князем Суйдун-Гуном, и передан партизанам П.Е. Щетинкина. Как в 1960-х гг. вспоминал Алтайский, он, по заданию Павлуновского, вместе с чекистом Н.В. Волоковым был внедрён в унгерновскую дивизию и затем организовал секретную «выемку» барона. Были агенты в окружении других опасных врагов советского режима: так, молодая жена белого генерал-лейтенанта А.С. Бакича передавала сведения о нём своему отцу, связанному с чекистами.

Другой серьёзной удачей сибирских чекистов стала вербовка бывшего управляющего Иркутской губернии П.Д. Яковлева, который, в свою очередь, привлёк к агентурной работе нескольких бывших служащих Иркутского губернского управления, находившихся в Маньчжурии и Приморье. Созданная при содействии Яковлева разведсеть обеспечила получение важных сведений о вооружении и планах войск генерала В.М. Молчанова, которые использовалась в боевых операциях НРА ДВР против белых в 1921–1922 гг.^[124]

ВЧК-ОГПУ в системе власти

Отношения чекистов и представителей партийно-советских властных органов были весьма противоречивы. С одной стороны, чекисты являлись вооружённой опорой власти, обеспечивали её информацией, следили за шифрами и режимом секретности, проверяли благонадёжность работников учреждений (в т. ч. и партийных), являлись своеобразной дубинкой, с помощью которой можно было подгонять нерасторопные службы и пресекать случаи коррупции. Местные власти старались обеспечивать должное кадровое пополнение подразделений ЧК и защищать своих выдвиженцев от переброек и замены на неизвестных им лиц, спускали на тормозах многочисленные дела о чекистских злоупотреблениях властью. Руководители чека входили в состав парткомов и президиумов исполкомов, постоянно отчитываясь о своей работе.

О политическом влиянии чекистов уже в первые месяцы после взятия власти говорит список кандидатов в Новониколаевский горсовет, опубликованный в апреле 1920 г., в котором значились руководители Томской губчека: председатель С.Л. Пупко, член коллегии С. Горнов, заместитель заведующего Секретно-оперативным отделом Я.С. Гранов, секретарь губчека Л.Г. Леонидов^[125]

Однако при одновременном создании как партийно-советского и военного, так и карательного аппаратов между ними сразу же начались острые конфликты в связи с амбициозным выяснением сфер взаимной компетенции. Будучи чрезвычайным органом с очень широкими полномочиями, ЧК претендовала на полную автономию своей работы и постоянно домогалась новых прав. В условиях политической нестабильности и обилия «контрреволюции» органы ЧК требовали от местных властей штатов и пайков, произвольно арестовывали местных начальников и «спецов», нередко разрушая работу целых учреждений^[126], интриговали, давали парткомам неполную, тенденциозную либо фальсифицированную (например, о «заговорах») информацию. Руководство губерний и уездов было возмущено стремлением многих чекистов участвовать в склоках, обособляться в своей конспиративной работе, прятать факты должностных преступлений и постоянно следить за коммунистами, в том числе руководящими.

А для чекистского начальства было неприемлемо постоянное вмешательство парткомов в оперативную работу, произвольные смещения и аресты сотрудников ЧК, частые ходатайства об освобождении тех или иных номенклатурных работников, их родственников и знакомых. Иногда дело доходило до прямых военных столкновений на уездном уровне (г. Кузнецк

Томской губернии) и даже арестов губернских руководителей ЧК (Енисейская губерния, Якутия). Основная часть острых конфликтов — обычно с самым активным участием военных властей — падает на 1920 г., а позднее столкновения парткомов и чекистских органов носили больше характер склок и продолжительных интриг.

Характерными для 1919–1920 гг. выглядят подобные ведомственные противоречия в Тюменской губернии. Председатель губревкома Б.З. Шумяцкий в декабре 1919 г. писал в Сибревком, что хотя Ф.С. Степной «абсолютно безупречный работник и партиец», но сама губчека «не на высоте своего положения», поскольку «большинство работников губчека — и как раз виднейших — или уже поставлены за это время "к стенке", или на днях будут, несомненно, поставлены за вопиющие злоупотребления». Шумяцкий констатировал, что «боролся за реальный контроль партии над работой губчека и этого добился в полной мере», но Степной в этом усматривал нарушение «прерогатив губчека» и ставил вопрос «о стеснительных условиях работы».

Губревком, вплоть до окончания чистки чека и заполнения всех её вакансий — от членов коллегии до агентов наружного наблюдения — исходил из того, что чека не имела права без санкции партийных властей применять «крайние меры наказания». Упомянув «проклятое наследие Комольцева», Шумяцкий просил Сибревком подтвердить правильность своей позиции, в основе которой лежало «стремление бороться с разгулом тёмных, примазавшихся к нам элементов». Сообщив об объединении следственного аппарата губчека с аппаратом губревтрибунала, которым руководил «некорыстолюбивый партиец» Н.И. Иванов, введении в коллегию губчека представителя губревкома, а также о создании при госконтроле бюро жалоб из ответственных коммунистов, Шумяцкий подчёркивал: «Этими мерами... мы оградим себя и широкие круги населения от бессистемных арестов, от вакханалии доносительства, от пьяного разгула мерзавцев, втёршихся в наши ряды и творящих безобразия среди крестьянского населения, что доказали расстрелянные на днях Ян и Яков Фрейман[ы] — бывшие комиссары губчека».

Тем не менее, тюменские чекисты продолжали практиковать открытый террор. В ночь на 26 января 1920 г. в Тюмени произошло скандальное убийство чекистами двух свежеепечённых коммунистов-рабочих Яценко и Дмитриева (один в прошлом был унтер-офицером, другой — командиром красной роты в 1918-м). Их — самогонщиков и картёжников — обвинили в близости к преступному миру и «ликвидировали», а в целом, по данным губчека, в ходе недавно проведённой партийной недели в Тюмени поступило в ряды РКП(б) 130 уголовных элементов. Три недели спустя всю тюменскую парторганизацию верхушка губкома обвинила в обывательщине и травле руководящих партийных работников, после чего приказала её распустить, а губчека — арестовать самых явных критиков из числа коммунистов. В декабре 1920 г. тюменские чекисты под давлением властей были вынуждены печатно заявить о расследовании в связи с расстрелом и сбрасыванием в прорубь р. Туры тел 17 чел., обнаруженных затем местным населением, но этого обещания они не выполнили^[127].

Для местных чекистских начальников было очень характерно заявлять о себе как о ведущей силе данного региона. По мнению чекиста В.А. Надольского, весной-летом 1920 г. местная чека была главным учреждением Кузнецкого уезда: «для такого захолустья, как Кузнецк, политбюро есть вся основа, на которой [держится] советская власть». Руководство Енисейской губчека весной 1920 г. уверяло членов губбюро РКП(б), что губерния представляет собой вулкан, готовый извергнуться восстаниями, и что только чекисты контролируют ситуацию. В конце 1921 г. замначальника Щегловского политбюро А.Н. Поморцев сообщал в Томск, что в условиях крайнего распространения «красного бандитизма» уездным властям можно было опереться только на два десятка сотрудников политбюро и небольшое количество сознательных коммунистов Щегловска, рудника и химзавода^[128].

Чекисты ревниво относились к попыткам милиции заниматься самостоятельным политическим сыском. Председатель Алтайской губчека И.И. Карклин 28 июня 1920 г. телеграфировал начальнику Барнаульской городской милиции: «Губчека предлагает Вам не производить никаких арестов, обысков и розысков по политическим делам, не получив на то согласие секретно-оперативного отдела Губчека». Летом 1920 г. властями губернии отмечалось, что у милиции были частые стычки с чекистами «на почве разграничения прав, дело доходило до арестов как милиции, так и агентов Чека».

В выступлениях руководящих деятелей ЧК порой проскальзывали нотки соревновательности с коллегами. Председатель Енугбчека Р.К. Лепсис в апреле 1921 г. на заседании губкома РКП(б) заявил, что ситуация с контрреволюционерами и бандвыступлениями в Енисейской губернии «гораздо лучше», нежели в других сибирских регионах. Также он отметил, что за последние восемь месяцев (то есть сразу после приезда в Красноярск самого Лепсиса) у ЧК налицо «полный контакт» с губкомом и советскими учреждениями, чего раньше не наблюдалось. Показательно, что, достаточно положительно характеризуя политическую обстановку, Лепсис не сказал ни слова о колоссально распространившемся «красном бандитизме»^[129].

Партийному начальству подчас приходилось опасаться не только антибольшевистских повстанцев, но и самих анархизирующих коммунистов. Поэтому чекисты повсеместно внимательно надзирали за комячейками. Как вспоминал работник ОПТУ Я.Н. Карташев, в ночь на 24 мая 1921 г. щегловские чекисты разоружили участников «контрреволюционной организации» в военкомате, тюрьме, милиции, пулемётном взводе и ряде других мест, арестовав около 100 чел. Лидером организации, действовавшей под лозунгом: «Бей спецов!», был объявлен некий бывший прапорщик Колчака. На свою сторону заговорщики якобы привлекли коммунистические ячейки расположенных под Щегловском сёл Ягуново и Комиссаровка. Между тем привилегия «бить спецов» принадлежала исключительно чекистам, 30 апреля 1921 г. арестовавших 42 члена так называемой «первомайской» организации, включая весь техперсонал Кемеровского рудника^[130].

Согласно чекистской информации, в 1921 г. в Анжеро-Судженской районной парторганизации была раскрыта подпольная группа, планировавшая физическое устранение ряда видных ответработников. Чекисты Анжеро-Судженска следили не только за благонадёжностью рядовых коммунистов, но и вмешивались в дела любых партийно-советских и хозяйственных учреждений. Тамошний секретарь райкома партии писала в начале ноября 1921 г. в Сиббюро ЦК РКП(б) о том, что «необходимо обратить внимание на крайне слабую и даже отрицательную деятельность районного политбюро, которое очень часто вмешивается в действия хозяйственного органа и отдаёт всяческие распоряжения лицам техперсонала». Аналогично возмущались в декабре 1921 г. власти Татарска, отмечая, что политбюро, вмешивающееся в дела администрации города, «необходимо призвать к порядку».

Чекисты следили и за тем, чтобы мероприятия власти не слишком озлобляли население, не без ревности относясь к подмене местными коммунистами их специфических функций. Председатель Бийской уездчека З.А. Александров в июне 1920 г. доносил о том, что «партийная работа как в городе, а также и в уезде совершенно не ведётся, да и вестись она не может, т. к. таковую вести некому... Комячейки... занимаются арестами, обысками, реквизицией, конфискацией, сменой ответственных работников...»^[131].

Ультралевацкая политика атаки на зажиточное население и духовенство Якутии, вызвавшая крайнюю ненависть якутов, подчас резко критиковалась некоторыми чекистами. В 1921 г. на собрании коммунистов Якутска видный сотрудник губчека Н. П. Осетров заявил — на упреки в слабой работе — следующее:

«Только чека и вела борьбу с бандитизмом. И поскольку его проявляли красные местные ревкомы... Разве не Платон Слепцов-Ойунский, будучи заведующим Отдела управления, издавал приказ брить бороды священнослужителям и жечь шаманские костюмы? Разве не амгинских кулаков [Ойунский] объявил вне закона? Разве не губбюро осмеляло на пленуме следователя губчека товарища [П.П.] Кочнева за то, что он отдавал под суд ревком Амгинского района за незаконные конфискации, мародёрство, истязания? Тогда товарищ Максим Аммосов сказал: "Вы, чекисты, не понимаете [политику] классового расслоения и ваша работа идёт на пользу кулака". Это было в начале января (1921 г. — А.Т.). Одно время чека находилась на полулегальном положении. Коллегия её находилась под угрозой ареста. Члены ревкомов Амгинского района были освобождены из местзака и творили то же самое [что и прежде].... Бандитизм начал развиваться не там, где, по мнению товарища Барахова, "свирепствовал" тов. Петров. А там, где товарищ Слепцов-Ойунский объявил тойонов вне закона, и где чекисты пресекали преступные действия ревкомов — худшие, чем допустил (если допустил) товарищ Петров. Здесь с самого начала местные работники считали чека ненужным и, пожалуй, вредным учреждением. А [насчёт] работников чека, как на днях

товарищ Барахов, секретарь губбюро, в беседе со мной сказал обо мне как о чекисте и ряде [других] активных чекистов — самое скверное мнение»^[132].

Вообще, выслушивать упреки в недостаточной жёсткости чекистам приходилось нередко. Глава Томгубчека И.М. Кошелев 9 января 1920 г. сообщал губревкому, что за первые две недели работы чекисты арестовали 326 чел. и завели 260 дел, а дом принудительных работ ежедневно пополняется 50 арестованными. Но пять дней спустя ревком постановил снять Кошелева за слабую работу, позднее отметив: «Белогвардейцы и контрреволюционеры открыто высказывали своё неудовольствие Советской властью. Сейчас с приездом новых товарищей работа пошла лучше».

В советизируемую Сибирь, где сразу после изгнания Колчака на уезд обычно приходилось всего два-три десятка коммунистов, хлынули работники из других регионов, не знавшие местных условий и равнодушные к нуждам населения. Они пополняли как партийно-советские, так и карательные структуры. Но в уездных органах чека было много работников из местных, что порой вызывало нарекания в их адрес как недостаточно лояльных и подверженных влиянию со стороны бывших односельчан либо, наоборот, склонных к беспорядочным бессудным расправам над «контрреволюционерами». По мнению партийного начальства, сотрудники Тарского политбюро Омгубчека чересчур снисходительно относились к местным землякам-контрреволюционерам. Напротив, глава Сибревкома Смирнов в июле 1921 г. обвинил чекистов Кузбасса в «красном бандитизме» за массовые аресты специалистов-угольщиков, «что губельно отражается на производстве»^[133].

В каком стиле работали чекистские власти, например, Каменского уезда Алтайской губернии, видно из реплики прибывшего в г. Камень видного партработника В.Ф. Дружицкого, который 21 июня 1920 г. заявил, что уездный исполком просто боится работников политбюро, которые «схватывают и арестовывают людей, держат их без предъявления обвинений, без суда, в самых ужасных антисанитарных условиях... бывают случаи побоев».

Характерно, что с самого начала чекисты активно арестовывали представителей местных властей. Уже 18 декабря 1919 г. они арестовали заведующего финотделом Каинского уездревкома Вельского, а в июле 1920 г. за вооружённый «дебош», принятый за попытку восстания, был арестован военком Каинска Осипов, осуждённый затем к «условному расстрелу». В Киренском уезде Иркутской губернии чекисты отчитались о ликвидации подпольной повстанческой организации: они арестовали уездного военкома Дмитриева и весь командный состав местного красноармейского батальона, а сам батальон разоружили как ненадёжный^[134].

Томский ревком 24 февраля 1920 г. постановил довести до сведения губчека «о желательности при аресте ответственных советских работников предварительно осведомлять о предполагаемых арестах Губревком». В марте 1920 г. глава Славгородской уечека М.И. Воевода арестовал часть ответработников уезда. В начале мая 1920 г. за скрытие своей былой службы в полиции был арестован заведующий Алтайской губмилиции Денисенко. В августе-сентябре 1920 г. чекисты арестовали несколько ответработников Каменского уездного ревкома, обвинённых в создании антисоветской организации. Правда, в этом случае местные коммунисты с помощью ЧК нанесли превентивный удар по выходцам из партизан, пользовавшихся огромным авторитетом в уезде^[135].

На низовом же управленческом уровне репрессии были массовыми. Только в сентябре-декабре 1920 г. в Алтайской губернии в связи с сопротивлением продразвёрстке оказалось подвергнуто арестам 1.494 члена местных советов, что позволило губернским властям избавиться от авторитетных у населения, но недостаточно лояльных к ним людей. В 1921 г. в полном составе был арестован ревком в с. Алтайское — все 11 чел. во главе с В. Плетнёвым и начальником раймилиции И. Зыряновым. Их продержали четыре месяца за решёткой по подозрению в связях с повстанческим отрядом подъяесаула А.П. Кайгородова и за срыв продразвёрстки, но потом были вынуждены освободить. В Якутии из-за обилия в партии уголовного элемента и доносчиков на июнь 1921 г. среди арестованных губчека лиц было до 20 % коммунистов — как преступников, так и жертв разнообразных кляуз.

На местах власти активно использовали чекистов для запугивания неугодных. Ссора профсоюзного работника Дмитриева с председателем Калачинского уездисполкома Омской губернии немедленно повлекла за собой вызов на допрос в политбюро и предъявление

обвинения в контрреволюции. «Это ужас, — восклицал Дмитриев в письме в ЦК Всероссийского союза соработников, — даже страшно становится думать, когда за всю работу тебя тянут к ответу в политбюро, а там сидят и сознательно спрашивают не то, как это было со мной и моими товарищами, всё это веет страшным ужасом».

Правда, самовольный арест видного работника мог привести к серьёзным неприятностям для чекиста. В.А. Надольский, с мая по август 1920 г. возглавлявший Кузнецкую чека и политбюро, лишился должности за самовольный арест уездного продкомиссара, после чего его карьера в «органах» закончилась. Работавший в ОДТЧК ст. Тайга Томской железной дороги оперативник С.Т. Никитин в сентябре 1920 г. был арестован и отбыл 26 суток под стражей за задержание председателя Яшкинского райпарткома Токарева и некоторых других местных работников^[136].

Руководящие чекисты участвовали и в административном нажиме на строптивых местных лидеров-коммунистов. В конце мая 1921 г. глава Алтгубчека Х.П. Щербак специально прибыл в Бийский уезд, чтобы приструнить местных ответработников, вставших в оппозицию к губкому. Он призвал коммунистов к единству и борьбе с «уродливыми формами» демократии, выражающимися в демагогии против работников центра при апелляции к «низам».

Как отмечает Г.Л. Олех, в первой половине 1920-х гг. назначение на должность начальника губЧК — губотдела ГПУ производилось по взаимной договоренности областного партийного центра и ПП ВЧК-ГПУ, причем санкция о назначении давалась Сиббюро ЦК РКП(б) только после получения согласия со стороны президиума губкома партии. В свою очередь, губком подтверждал своим постановлением вступление в должность кандидата, а комфракция губисполкома автоматически проводила это решение в жизнь. Кроме начальников губчека, президиумы губкомов через свои орготделы участвовали в подборе кандидатур на все ответственные посты в карательном аппарате губернии и уезда.

Уездные (районные) штаты заполнялись похожим образом: требовалось согласие укома (райкома) партии, а санкция давалась губкомом и губчека по согласованию с Сиббюро ЦК и ПП ВЧК. Отзыв и любая другая переброска из губернии ответработников-чекистов по требованию вышестоящих инстанций ЧК-ОГПУ также должны были производиться с согласия президиума губкома РКП(б). Перемещения сотрудников в пределах губернии осуществлялись губернским партаппаратом по своему усмотрению, часто весьма произвольно^[137].

Значительная часть кадровых назначений губернского и уездного уровня в начале 1920-х гг. сопровождалась скандалами и претензиями местных властей, возражавших против перебросок чекистских начальников и назначений на это место неизвестных им лиц. Иметь лояльного главу губчека или губотдела ГПУ было крайне важным для губернского начальства, понимавшего, что чекисты всегда будут иметь полную информацию о местных деятелях, а о состоянии дел в своём аппарате, напротив, сообщат лишь то, что сочтут нужным.

Осенью 1920 г. заседание президиума Томского губкома РКП(б) и губревкома, недовольных игнорированием их мнения о перемещении главы губчека, постановило: «Принимая во внимание, что отзыв тов. Бермана [в ДВР] и временное назначение председателем тов. Бака ставит губком перед фактом назначения в губчека новых работников, просить Сибцентр о своевременном извещении о новых назначениях».

В марте 1921 г. Семипалатинский губком предлагал ПП ВЧК немедленно возвратить М.Д. Бермана, проработавшего главой губчека всего три месяца, грозя «решительными мерами» в случае отказа. Вероятно, это была попытка партийно-советского лидера Семипалатинской губернии М.Ф. Левитина оставить у себя этого чекиста, хорошо знакомого ему ещё по работе в Сибчека. Но Павлуновский, у которого Берман выступал своеобразным «пожарным», всё же перебросил его в Иркутск^[138].

Встраивание карательного аппарата в систему власти проходило с многочисленными трениями и конфликтами. Необходимость подчинения директивам Лубянки, а также политическое доминирование Сибревкома и Сиббюро ЦК РКП(б) явно тяготили нового полпреда ВЧК, стремившегося к максимальной власти. Прибыв в Сибирь, Павлуновский сразу стал ревностно оберегать свой аппарат от тех назначенцев центра, которые его не устраивали. Для собирания компромата на «варягов» он использовал самих же чекистов.

Одним из первых документов за подписью Павлуновского стал циркуляр, который в

незашифрованном виде был разослан в губернские центры и произвёл ошеломляющее впечатление на руководителей губчека, ибо предлагал наладить слежку за всеми вновь прибывшими чекистами: «Всех сотрудников, прибывающих из центра, брать под сугубое наблюдение». 22 марта 1920 г. коллегия Томской (Новониколаевской) губчека отправила протестующую телеграмму в ЦК РКП(б), Дзержинскому и в Омский областной партии. В ней говорилось, что такой циркуляр «бьёт [в] глаза своей безтактностью [и] дискредитирует ЧЕКА среди населения»; коллегия губчека выражала протест «против огульных подозрений сотрудников своего ведомства[,] прибывающих [из] центра». На телеграмме сохранилась резолюция омских властей: «Запросить Павлуновского». Результаты запроса остались неизвестны, но косвенным ответом на него стала скорая замена председателя Томгубчека А.В. Шишкова, убранного с чекистской работы.

Таким образом, сразу после прибытия в Сибирь Павлуновский взялся за откровенные внутриведомственные интриги. Он не имел возможности предотвращать появления в губернских чека назначенцев Лубянки, но мог играть на противоречиях между губревкомом, губкомом и губисполкомом, с одной стороны, и прибывающими из других регионов работниками чека, с другой. Сменяемость руководящих чекистов была стабильно высокой, на что определённо влияли и личные качества полпреда, который был деспотичен и крайне груб. Кадровая чехарда позволяла ему иметь определённую степень свободы, которую он постоянно пытался расширить, противодействуя попыткам сибирских руководителей контролировать работу многочисленных губчека и политбюро.

Многозначительным выглядит факт назначения члена Сиббюро ЦК РКП(б) В.И. Хотимского в замы Павлуновского осенью 1921 г. Это была очевидная попытка партийного синклита присматривать за чекистскими делами. Но бывший подпольщик Хотимский очень скоро ушёл из чека. Возможно, его устранение из «органов» стало результатом усилий опытного в политическом интриганстве Павлуновского. Во всяком случае, у Сиббюро ЦК РКП(б) планы откомандировать Хотимского из Сибири под предлогом плохого здоровья были ещё летом 1921 г. Отметим, что в сентябре 1921 г. Сиббюро особо выделило из своего состава С.Е. Чуцкаева в качестве представителя в полпредство ВЧК — для совместного с чекистами санкционирования приговоров к высшей мере наказания. До того времени полпред ВЧК единолично давал санкции на расстрелы осуждённых^[139]. Однако неизвестно, занимался ли Чуцкаев такой работой.

Противоборство чиновников различных ведомств и регионов приводили к большой кадровой чехарде. Особенно это проявилось в Новониколаевской губернской-уездной чека, где с декабря 1919 до мая 1920 г. успели сменить друг друга И.М. Кошелев, В.П. Брауде, В.Ф. Тиунов, А.В. Шишков, С.Л. Пупко и А.В. Прецикс. С осени 1920 до осени 1921 г. в Новониколаевске во главе чека побывали ещё четверо руководителей: Н. Смирнов, Р.Т. Махль, А.Г. Шайкевич и А.П. Николаев. Но и в Красноярске была сходная ситуация — с января по июнь 1920 г. там поочередно сменяли друг друга А.И. Мосолов, И.Г. Фридман, В.И. Вильдгрубе, Э.П. Белов и Р.К. Лепсис. Очень частая смена чекистского начальства была характерна и для Якутии. В остальных губернских чека в течение первого года работы поменялось обычно не более двух руководителей.

Начальствующие чекисты неоднократно обращались с жалобами в партийные инстанции на своевольные действия нижестоящих органов власти, а губкомы нередко принимали по этим сигналам соответствующие меры. Так, Томский губком в ноябре 1920 г. разъяснил укомам, что они имеют право контролировать только политическую сторону работы политбюро, но никак не техническую. Тезис о политической работе понимался широко. Черепановское политбюро в 1921 г. жаловалось на то, что уездные власти дают массу сторонних поручений (участие в комиссиях по улучшению быта детей, охране транспорта, учету строительных материалов), но категорически отказывают дать сотрудников, из-за чего политбюро не в состоянии удовлетворительно работать.

Некоторые поручения вышестоящих властей были для чекистов прямым унижением. В марте 1920 г. Тюменский ревком приказал чекистам следить за чистотой улиц, а секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) в сентябре 1920 г., потребовав от отдела коммунального хозяйства в три дня очистить выгребную яму дома ответработников Сибпартцентра, за выполнением работ поручил проследить работникам Омгубчека^[140].

В ответ чекисты то и дело пеняли на расслабленную работу, а порой и на неблагоденствие местных властей. Председатель Алтайской губчека И.И. Карклин в июне 1920 г. сурово раскритиковал деятельность губмилиции (часть рядового состава которой перешла на сторону повстанцев партизана Г.Ф. Рогова), губпродкома, совнархоза и гублеса, посетовав, что «почти во всех отделах Губревкома введён 6-ти часовой рабочий день, и после 3-х часов [дня] в них уже никого не увидишь». Тогда же глава Бийской уездчека З.А. Александров обвинял (вполне справедливо) руководство укома РКП(б) как нерешительных и не имеющих организационных способностей работников, которые не могут руководить анархичными комячейками на местах, идя им на уступки и отменяя собственные же постановления^[141].

В декабре 1920 г. преемник Карклина Х.П. Щербак заявил, что в среде видных чиновников заметны «контрреволюционные влияния», выражавшиеся в том, что они препятствуют чекистам арестовывать тех или иных специалистов, представляя последних в качестве лояльных советской власти. В декабре 1921 г. новониколаевские чекисты сообщали, что «служащие Сибмилиции на службу приходят поздно, а уходят очень рано». Здесь же они отмечали, что беспартийный начальник Сиброзыска Синев «ведёт агитацию в пользу религии», в связи с чем за ним «установлено наблюдение»^[142].

В целом работа Павлуновского высоко оценивалась в Сиббюро, но руководящие кадры губернских чека, невзирая на покровительство со стороны Павлуновского, постоянно натывались на оппозицию в лице глав губкомов, губревкомов и губисполкомов. Все без исключения губкомы и губкомиссии по чистке партии в начале 1920-х гг. очень жёстко преследовали руководящих чекистов, небезуспешно изгоняя их из своих регионов — как в связи с личными конфликтами и несработанностью, так и за различные должностные проступки и моральные прегрешения.

К примеру, глав Томской губчека Б.А. Бака и С.Г. Чудновского местные власти заставили уехать из Томска; председателя Омской чрезвычайки П.В. Гузакова, а также его соратников А.И. Мосолова, Л.А. Мамендоса-Поляка и Л.Т. Богданова — из Омска (троих последних исключили из партии, причём Мамендоса-Поляка «за связь с контрреволюционерами и выдачу поддельных документов» даже предложили арестовать и отправить под конвоем в Москву); глав Новониколаевской губчека И.М. Кошелева и С.Л. Пупко — из Новониколаевска, председателя Алтгубчека И.И. Карклина — из Барнаула. Осенью 1921 г. руководитель Новониколаевской губчека А.Г. Шайкевич, а также начальники отделов губчека И.Е. Богданов и В.М. Алексеев получили строгие партийные взыскания за получение двух пайков за совместительство. Тогда же Тюменская губкомиссия по чистке партии вынесла взыскание предгубчека П.И. Студитову за бюрократизм и некие служебные преступления, постановив опубликовать об этом в печати^[143].

В Красноярске летом 1920 г. губбюро РКП(б) сначала изгнало (с предварительным арестом) председателя губчека В.И. Вильдгрубе и его зама Д.М. Иванова, затем сняло погрязшего в пьянстве Э.П. Белова, а впоследствии партийные власти попытались судить начальника губотдела ГПУ Х.П. Щербака, в результате чего целая группа тамошних начальников-чекистов в 1923 г. оказалась наказана в партийном порядке за широкое кредитование у частной фирмы, которой взаимобразно передавались секретные суммы со счетов губотдела ГПУ. В Якутии в 1921–1922 г. были скомпрометированы и затем — с предварительным арестом — выдворены председатели губчека И.Б. Альперович и А.В. Агеев, а также видные чекисты Н.Н. Захаренко, Н.П. Осетров и ряд других. Из алтайских чекистских бонз Х.П. Щербак был разоблачён партийными властями как коррупционер, а А.К. Озолин — как хронический алкоголик^[144].

Следует отметить, что чекистские начальники часто сами «нарывались» на неприятности, активно интригуя против партийного руководства. Весной 1920 г. зампред Енисейской губчека Д.М. Иванов грозил начать «подбирать ключи к этому губбюро и уже без всякой жалости расшифровать его». Дело закончилось арестом и изгнанием Вильдгрубе и Иванова из Красноярска. Тогда же глава томской чрезвычайки С.Г. Чудновский выступил против влиятельной группы в губкоме партии, что предопределило его скорое перемещение. В начале 1922 г. председатель Омгубчека В.Ф. Тиунов возглавил группировку ответработников, которая повела борьбу с президиумом губкома партии. И только роспуск ЦК РКП(б) президиума

Омского губкома в мае 1922 г. избавил Тиунова от необходимости бесславно покинуть свой пост.

Нередко выяснялось, что чекисты допускали наглые агентурно-оперативные действия против партийных властей. Тамбовские чекисты перлюстрировали корреспонденцию, отправляемую секретарям ЦК партии, тюменские — следили за секретарём губкома РКП(б). Начальник отделения линейной ТЧК ст. Красноярск Буйолов со 2 декабря 1921 г. установил слежку за деятельностью президиума Енгубкома «на предмет установления, какие секретные собрания бывают в губкоме», и без ведома секретаря губкома допрашивал работников его аппарата. Губком тут же сместил и арестовал Буйолова, постановив произвести тщательное расследование инцидента.

Как полагает Г.Л. Олех, возможно, в прямой связи с последним случаем тогда же, в декабре 1921 г., по всем полпредствам ВЧК, губчека и особым отделам была распространена циркулярная телеграмма ВЧК, категорически воспрещавшая всякую слежку за ответственными партработниками губернского, областного и всероссийского масштаба. «Виновные в нарушении этого приказа, — подчёркивалось в телеграмме, — будут строго караться...». Но частые рецидивы подобных «вольностей» происходили и позднее.

Характерной особенностью политической жизни 1920-х гг. явилось проникновение методов тайной полиции в партийную среду, что подчас вызывало тревогу даже в верхних эшелонах. Летом 1921 г. на 4-й Сибконференции делегат от Томской губернии предложил, чтобы СибКК РКП(б) организовала секретно-следственный аппарат для наблюдения за ответработниками учреждений. В феврале 1925 г. СибКК РКП(б) предложила Алтайской губКК ликвидировать сеть секретных осведомителей и указала на недопустимость обследования семей коммунистов с целью изучения их быта^[145].

Партия старалась жёстко контролировать органы ВЧК-ГПУ, ревнуя к их специфическим полномочиям, стремлению скрывать свою деятельность и интриговать; неугодный парткому чекистский чиновник выдавливался из региона всеми силами и средствами. Обычно это получалось, но в силу конспиративности чекистской работы деятелям тайной полиции удавалось вести свои игры.

Скомпрометированных в результате различных конфликтов работников Павлуновский нередко перебрасывал как можно дальше — в Госполитохрану ДВР, испытывавшую сильнейшую нехватку подготовленных чекистских кадров. Начальник Кузнецкого политбюро Томгубчека И.И. Клиндер после активного участия в провокационном «кузнецком заговоре» осенью 1920 г. был задержан и избит военными властями г. Кузнецка, после чего неделю отбыл под арестом по ложному обвинению в заговорщицкой деятельности. С 1921 г. Клиндер работал начальником Прибайкальского губотдела ГПО ДВР. Член коллегии Алтайской губчека И.В. Хлебутин в январе 1922 г. попал в прицел губкомиссии по чистке РКП(б), постановившей выяснить его былую принадлежность к партии меньшевиков. Но в том же 1922 г. Хлебутин был переброшен в ГПО ДВР^[146].

В целом для советской системы управления первой половины 1920-х гг. был характерен своеобразный взаимообмен кадрами — опытные партийцы-начальники (вплоть до руководителей уездного уровня) постоянно откомандировывались в ЧК, а бывалые чекисты, в свою очередь, переводились на службу в партийно-советский и правоохранный аппараты. Секретарь Бийского укома РКСМ С.Н. Агапитов с 1922 г. работал уполномоченным особотдела ПТУ 4-й кавбригады в г. Бийске. Руководивший ЧК-ГПУ в Черепановском и Каменском уездах К.М. Шипов в 1923 г. перешел на работу ответсекретарём Новониколаевского укома РКП(б), а в начале 1930-х гг. являлся аспирантом и парторгом ИМЛ при ЦК ВКП(б). Начальник Змеиногорского политбюро Алтгубчека Т.О. Фофанов с 1923 г. работал секретарём Барнаульского укома РКП(б)^[147].

Так партия проводила своё влияние в ЧК-ОГПУ, а тайная полиция привносила свои специфические традиции в партийную среду. Партия и чрезвычайки, построенные по принципам строгой вертикальной подчинённости и секретности, продолжали и дополняли друг друга. Чекисты своими специфическими способами защищали коммунистическую идеологию и фактически являлись милитаризированной «внутренней партией», а коммунисты (как рядовые, так и руководящие) охотно сотрудничали с ЧК, выполняя различные конспиративные поручения — вплоть до исполнения функций палачей при расстрелах.

Противоречия и репрессии в чекистской среде

Огромный и малопрофессиональный чекистский аппарат в начале 1920-х гг. постоянно конфликтовал не только с партийно-советским¹ аппаратом, но и с различными собственными подразделениями. Мания подозрительности, желание «подсидеть» коллег и выслужиться обуславливали обилие политических доносов.

От чекистов со стороны начальства требовалась максимальная жёсткость. За март 1920 г. следователь Славгородской уезда В.А. Надольский рассмотрел 190 дел, большая часть которых им была прекращена. Часть дел он отправил на доследование, и лишь 40–50 пошли на рассмотрение коллегии. Такие результаты вызвали со стороны руководства уездной чека обвинения в саботаже. После получения строгого выговора с предупреждением и разговоров начальства о целесообразности ареста Надольского тот счёл за благо уже в апреле 1920 г. покинуть уездную чека и перебраться в Томскую губернию.

В декабре 1920 г. член коллегии Иркутской губчека Д.Ф. Клингоф в докладе председателю губчека А.П. Марцинковскому дал обзор восстаний и пришёл к неутешительным выводам о том, что комячейки возбуждают «ненависть крестьянского населения», политика классового расслоения в богатой Сибири неэффективна, а потому следует учитывать интересы и «зажиточного хозяина». Марцинковский своеобразно оценил мнение Клингофа, предложив губкому РКП(б) «освидетельствовать [автора] политически, т. к. представленный мне сей доклад сильно пахнет эсеровщиной»^[148]. «Диссидента» освидетельствовали и быстро убрали с должности.

Весьма напряжённо складывались взаимоотношения чекистов из территориальных подразделений с их коллегами-транспортниками и особистами. В конце 1920 г. руководство Томской РТЧК доносило о подозрительных действиях «неблагонадёжного» начальника Минусинского политбюро И.Г. Фридмана, который, с одной стороны, попустительствовал организованным грабежам туземного населения войсками ВОХР, а также Абаканской и другими волостными комячейками, а с другой — якобы беспричинно освобождал антисоветски настроенных лиц. В июле 1921 г. председатель Енисейской губчека Р.К. Лепсис и руководство Минусинского укома РКП(б) согласились отстранить от работы вступивших в конфликт друг с другом заведующего местного политбюро И.Ф. Опарина и начальника особого отделения по охране границы А.М. Янковского. Правда, здесь, похоже, Лепсис обманул уком: Опарин был снят только два месяца спустя (для характеристики его личности показателен факт исключения Опарина в 1925 г. из партии «за покушение на убийство в состоянии опьянения»), а Янковский, несмотря на сигналы о его должностных преступлениях, остался работать в Минусинске^[149].

Осенью 1920 г. наблюдался острый конфликт — «ужасная вражда» (по выражению одного из коммунистов) — Нижнеудинского политбюро Иркутской губчека и милиции с работниками отделения РТЧК, поскольку чекисты-транспортники без согласия политбюро проводили в городе обыски и аресты, обирали проезжавших через Нижнеудинск пассажиров. А с середины октября 1920 г. ОРТЧК начало аресты польских рабочих и служащих (даже коммунистов) на железной дороге, оправдываясь необходимостью высокой бдительности к выходцам из враждебного государства.

В самом начале 1922 г. иркутские партийные власти, требуя слияния всех чекистских аппаратов, отмечали, что особисты и транспортники постоянно действовали ещё более радикально, чем сотрудники губчека и уездных политбюро. Они отмечали, что транспортная ЧК находит «контрреволюцию там, где, по более правильно поставленной информации Губчека, её нет. На этой почве в Киренске вырастают такие махровые цветы, как самоубийства, убийства, поджоги и проч.». Что касается особистов, то они обращали своё внимание не только на воинские части, но и на гражданские учреждения, в результате чего в 1920 г. в Черемхове транспортниками и работниками особого отдела был арестован ряд специалистов, что вызвало вмешательство со стороны губкома и губисполкома, особо отметивших, что Иргубчека была против указанных репрессий^[150].

Чекисты при нехватке врагов начинали искать их внутри себя. В сентябре 1921 г. директор Госполитохраны ДВР Г.И. Быков констатировал обилие в аппарате «склок, интриг, взаимных провокационных подсиживания и выкуривания»: вместо обнаружения контрреволюционных организаций сотрудники «сознательно провоцировали друг друга путём подсылки подставных

лиц с предложением взятки». Директор подчёркивал, что его аппарат «завален делами сотрудников ГПО обвиняемых во взяточничестве».

Недисциплинированность рядовых работников ЧК, которую подчас чувствовало и сибирское начальство, Павлуновским по возможности пресекалась. В ноябре 1921 г. он сообщал в Сиббюро ЦК о своём распоряжении арестовать оперработников на ст. Иркутск и Татаурово, которые, несмотря на распоряжение полпреда о беспрепятственном пропуске поезда некоего т. Афанасьева, подвергли состав «нетактичному и оскорбительному обыску»^[151].

Более серьёзно выглядели постоянно возникавшие проблемы, связанные с конфликтами конкурировавших друг с другом видных чекистов и их окружения. Склоки, связанные с формированием команд вокруг руководящих чекистов, боровшихся за власть в губернских чека, фиксировались в Красноярске (дело «москвичей» В.И. Вильдгрубе, Д.М. Иванова и противостоявших им местных чекистов), Тюмени (П.И. Студитов — его зам И.С. Бойко), Томске (и.о. председателя губчека Б.А. Бак — С.Г. Чудновский) и других региональных центрах. Исключительно интриганскими и склочными были взаимоотношения в руководстве Якутской губчека^[152]. Как правило, подобные конфликты заканчивались вмешательством вышестоящих чекистских и партийных органов, которые обычно ограничивались переброской представителей проигравшей стороны в другой регион.

Постоянным осложняющим фактором в чекистской среде являлись репрессии против самих чекистов. Подобные факты в изобилии фиксируются во всех губчека. Причины арестов и казней работников госбезопасности можно разделить на три части: скрывание «белого» прошлого, разоблачение текущей «контрреволюционной деятельности» и служебные преступления. Отдельно следуют отметить нередкие факты арестов работников ЧК по инициативе партийно-советских структур. С конца 1919 по начало 1922 г. только расстреляно было в сибирских губчека не менее 25 штатных сотрудников (большей частью оперработников), причём около половины — за причастность к службе у белых и «контрреволюционную деятельность».

Выявление и уничтожение проникших в ЧК «предателей» началось сразу. В Новониколаевске уже 7 февраля 1920 г. был арестован и в тот же день расстрелян как «доброволец польского легиона, связанный с колчаковской контрразведкой» следователь А. Пеплов, а год спустя был казнён бывший судебный чиновник белой власти М.К. Зайцев, замеченный также в фабрикации новониколаевского филиала организации «Сибирское Учредительное собрание», мародёрстве, присвоении денег, предназначенных для оплаты агентов, и содержании любовницы на конспиративной квартире. В начале 1920 г. в Красноярске арестовали сотрудника губчека М.Р. Манденьянца, обвинявшегося в том, что он был штабс-ротмистром Колчака (полгода спустя дело было прекращено) и расстреляли как бывшего офицера-контрразведчика чекиста Вотина, а также двух особистов, тоже оказавшихся из белых офицеров. 1 января 1922 г. по приговору трибунала был казнён один из видных томских чекистов — начальник информотдела губчека Г.А. Котов, ранее судившийся за превышение власти, а затем обвинённый в том, что он был подпрапорщиком Колчака и участником штурмового отряда^[153].

Точно так же с первых месяцев работы началась фабрикация и «контрреволюционных» дел на чекистов. В феврале-апреле 1920 г. в Томской уездной и транспортной ЧК арестовали по политическим обвинениям около 10 сотрудников, большая часть которых была вскоре освобождена, а один — расстрелян. В Омской губернии репрессии коснулись также целого ряда чекистов. Сотрудник губчека Я.Д. Гусев за некую «контрреволюционную деятельность» был арестован в марте 1920 г. и три месяца спустя приговорён к расстрелу. Работник Татарского политбюро И.С. Осинцев, арестованный в начале 1921 г. по аналогичным обвинениям, уже 20 февраля был расстрелян. Уполномоченного Тарского политбюро Х.М. Рахматулина арестовали 17 февраля 1921 г. и обвиняли как участника повстанческого движения против советской власти, но 8 месяцев спустя его дело было прекращено за недоказанностью^[154].

В марте 1921 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности были арестованы оперативники отделения РТЧК Омской железной дороги на ст. Купино И.А. Лещинский, Г.Б. Мартыненко и Н.С. Миронов, вскоре освобождённые Омской губчека за недостатком улик. А

вот машинистка того же отделения М.С. Купона, арестованная несколько позднее, в июне 1921 г. «за контрреволюционную деятельность» оказалась приговорена к расстрелу. Бывший офицер М.М. Монов, сотрудник Енисейской губчека, был расстрелян весной 1921 г. в числе 34 чел., обвинённых в заговоре Крестьянского союза. По «заговорам» ряд лиц из технического персонала были осуждены к расстрелу в Тюмгубчека, Алтгубчека и, возможно, в Томучека^[155].

Лояльность режиму со стороны сотрудников ЧК была высокой, но не абсолютной. Так, в начале 1920-х гг. некоторые чекисты изменяли и переходили на сторону повстанцев. Один из ближайших друзей якутского лидера М.К. Аммосова — сотрудник губчека и делегат VIII-го Всероссийского съезда Советов Г.С. Ефимов, назначенный в августе 1921 г. членом губревкома — внезапно вместе со своим отрядом перешёл к повстанцам корнета В.А. Коробейникова и стал одним из руководителей созданного ими в 1922 г. правительства — Временного Якутского областного народного управления.

В Ачинском уезде в конце 1920 г. одним из вожаков небольшого повстанческого отряда стал бывший уполномоченный уездчека и секретарь Больше-Улуйского волисполкома Гусев (возможно, бывший офицер). Были случаи дезертирства — так, во время Кольванского мятежа 1920 г. был арестован как дезертир уполномоченный особого отдела Г. Железнов. Во время чистки партии в 1921 г. старший агент особого погранотделения № 3 ВСВО (Минусинский уезд) Л.Г. Фиш был исключён из РКП(б) за отказ вести работу среди поляков, намерение выйти из партии и вернуться в Польшу: «Хотя бы пуля меня ожидала, я всё-таки должен быть на родине»^[156].

Среди работников чека изредка попадались люди, принципиально отвергавшие методы работы этой организации. Например, 41-летний А.Д. Штильберг, откомандированный из военного контроля ГПО Верхнеудинска в Горный институт, Сиббюро ЦК РКП(б) 22 июля 1920 г. был направлен, ввиду отсутствия работников, в Особый отдел Омской губчека. Там бывший военный контрразведчик получил два адмареста за неисполнение приказов и невыходы на работу, а 6 августа 1920 г. его арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности. Глава Омской губчека П.В. Гузаков сообщал в Сиббюро, что Штильберг проявил себя как саботажник и «нющий коммунист», чья «интеллигентская душа» болеет «якобы за разрушение святого искусства прошлого». Из следственного дела следует, что окончательного решения по делу Штильберга принято не было^[157].

Реальные измены своих коллег чекисты предотвращать были не в состоянии. Зато для большей части руководителей губчека характерно было представлять своих же сотрудников в качестве членов контрреволюционных организаций. Значительная часть таких дел закончилась вынесением смертных приговоров, что давало острастку остальным чекистам, тренировало их бдительность в слежке друг за другом, а начальству доставляло лавры принципиальных борцов с врагами.

Очень значительным количеством чекистов совершались корыстные преступления. Руководящие сотрудники ВЧК признавали: «Кто сам не сотрудничал в этих комиссиях, тому трудно представить, почему так часто отдельные сотрудники, даже коммунисты, попадают на скользкий путь и падают... Сами чрезвычайные комиссии их осуждают нередко на смертную казнь». Парадоксально, но поставленная в привилегированные правовые условия как силовая структура ВЧК не получала от казны достаточных ресурсов для своего нормального функционирования. Вероятно, это делалось сознательно или полусознательно: дескать, если организация занимается реквизициями и конфискациями, то её работники голодными и раздетыми не останутся.

Чекисты постоянно охотно пользовались вещами, незаконно изъятыми при обысках. Двое сотрудников Омгубчека — С. Варада и П. Витол — были расстреляны за это уже в начале 1920 г. Публиковались в газетах аналогичные сообщения о приговорах чекистам-мародёрам в других регионах: в марте 1920 г. «за неоднократное утаивание предметов, изъятых при обыске» был осуждён к расстрелу комиссар по обыскам Семипалатинской губчека А.Т. Пильгинин; агента УТЧК при ст. Омск Я.С. Шикалова в июне 1920 г. расстреляли за самовольные обыски, пьянство и дебоширство, сотрудников Алтайской губчека Я.И. Зайковского и А.К. Пономарёва расстреляли 16 февраля 1921 г. за производство обысков и изъятий с использованием фальшивых удостоверений. В ноябре 1920 г. коллегия Иркутской губчека постановила расстрелять за взяточничество своего сотрудника Г. Корелякова^[158].

М.Д. Берман 2 июня 1920 г., обращаясь в Томское губбюро РКП(б) с просьбой откомандировывать на работу в губчека только проверенных коммунистов, пояснял, что «работа в Чека часто развращает ещё не "обстрелянных" коммунистов и они, прикрываясь "охраной революции", иногда начинают творить безобразия». Однако и вполне «обстрелянные» чекисты-начальники были склонны к корыстным преступлениям.

Зампредседателя УТЧК В.Н. Новиков за «преступления по должности» летом 1920 г. коллегией Томгубчека был приговорён к расстрелу. В июне 1920 г. замначальника отделения Томской РТЧК Крахмальский, агент ОРТЧК Дурыманов, а также несколько милиционеров нашли во время обыска вино, напильник и похитили домашние вещи. В ноябре их судил губревтрибунал и вынес суровые наказания, в том числе два смертных приговора. Начальник общей части Томской ДТЧК В.Е. Курчевский в конце 1921 г. обвинялся в хищении вещественных доказательств и был исключён из РКП(б) за должностные преступления^[159]. Рядовые сотрудники Томгубчека А.П. Смирнов и А.Ф. Крылатых в июле 1920 г. за должностные преступления были приговорены к «условному расстрелу» (такое наказание было довольно распространено). Помощник уполномоченного губчека И.А. Байгулов в августе 1921 г. был осуждён коллегией Томгубчека к расстрелу за взяточничество и разглашение секретных сведений. В 1921 г. за терроризирование местного населения Верх-Усинской волости Минусинского уезда был расстрелян начальник 27-го поста особого погранотделения № 3 Блок. В январе 1922 г. был исключён из партии сотрудник Иргубчека Б.Б. Цейтлин как приговорённый к ВМН за служебные злоупотребления^[160].

Что касается злоупотреблений со стороны крупного чекистского начальства, то они (помимо эпизода с С.А. Комольцевым) обычно не выходили на свет. Правда, когда зампред Томской губчека Б.А. Бак освободил родственника жены, задержанного с целым возом продуктов, предназначенных для семьи Бака, Томский губком РКП(б) постановил в декабре 1920 г. перебросить его, т. к. «указанный инцидент принял широкую огласку и тем самым тов. Бак потерял свой авторитет среди масс». В декабре 1920 г. врид председателя Якутгубчека Г.Н. Макаров обвинялся в присвоении вещей, изъятых при обыске. Зампред Томской губчека Х.Я. Столяр в мае 1921 г. был обнаружен «в компании подозрительных лиц за столом с массой закусок и выпивкой», за что подвергся аресту и исключению из партии. Начальник Секретного отдела Омгубчека Н.А. Бауэр в феврале 1922 г. губкомом РКП(б) был исключён из партии как поручитель за арестованного крупного подрядчика Ятнена, с которым пьянствовал и у которого брал займы большие суммы денег. Однако вскоре Бауэра восстановили в партии и перевели в Новониколаевск^[161].

Несмотря на наказания, все губчека и уездчека с первых дней существования налегали на самочинные реквизиции имущества, значительная часть которого распределялась между работниками и шла на подарки партийно-советскому начальству. Снабжение чекистов пайками и одеждой было скудным, поэтому они переходили на самообеспечение. В литературе описаны «успехи» на этом поприще сотрудников Енисейской губчека. В ноябре 1920 г. Якутское губбюро РКП(б) указало председателю губчека И.Б. Альперовичу на «недопустимость незаконного самоснабжения агентов и сотрудников губчека»^[162].

В Новониколаевске осенью 1920 г. чекист М.К. Зайцев под видом заговорщиков арестовал общину сектантов-иоаннитов (около 30 чел.), реквизировал дом, лошадей, скот и полностью вывез на нескольких подводах её имущество, которое затем бесследно исчезло. Зайцева вскоре расстреляли за бесчисленные злоупотребления, но ограбленной общине чекисты ничего не вернули. В Омске осенью 1921 г. были исключены из партии руководящие сотрудники губчека во главе с А.И. Мосоловым, в том числе за вольности с распределением имущества расстрелянных^[163].

Борьба с «исторической контрреволюцией»

Жестокая и зачастую стихийная борьба с «исторической контрреволюцией» велась большевиками с первых дней после завоевания Сибири. Идеи политической мести не чуждалось и руководство края. Многочисленные служащие прежней власти, колчаковские дружинники, а также богатые крестьяне, торговцы и священнослужители стали объектом беспощадных преследований. Офицеры-добровольцы Колчака, многочисленные члены

карательных отрядов и руководители дружин самообороны были первыми кандидатами на высшую меру наказания, остальных заключали в спешно образованные концлагеря или зачастую месяцами держали в подвалах губчека без каких-либо следственных действий.

Об истинном отношении советских властей к рядовым согражданам свидетельствует недовольная реплика главы Черепановского исполкома Ильина, заявившего в 1920 г., что в городе «население плохое, все сплошь спекулянты». Аналогично (и публично) тогда же оценивали состав городского населения власти Новониколаевска — как мелкобуржуазный и спекулянтский. По оценке местного ревкома, половину населения Павлодара в 1920 г. составляло «контрреволюционное казачество», а треть — буржуазия. Секретарь Алтайского губкома РКП(б) Я.Р. Елькович весной 1921 г. отмечал, что «большая часть населения губернии представляет из себя кулаческое крестьянство»^[164].

Богатая Сибирь воспринималась как завоёванная территория, население которой подлежало масштабной чистке. Когда в январе 1920 г. ВЧК объявила об отмене смертной казни, на Сибири это решение не отразилось, поскольку она считалось зоной военных действий. Формально военное положение, объявленное как в прифронтовой зоне, существовало в регионе до 4 декабря 1920 г., после чего должно было сохраниться только в Иркутской губернии.

Но сразу после снятия военного положения местные власти стали обращаться в Сибревком с просьбами ввести его снова. Так в декабре поступили власти Алтайской, Енисейской, Семипалатинской и Томской губерний. В феврале 1921 г. в связи с открытием «заговора» и арестом 273 чел., причастных к нему, Сибревком ввёл военное положение в Якутском уезде. Таким образом, лишь в Омской губернии военное положение было формально отменено, хотя массовые казни там всё равно производились^[165]. Период острого террора продолжался около трёх лет: ещё в 1922 г. массовые расстрелы применялись против повстанцев Алтая, Хакасии и Якутии.

Режим прифронтовой зоны позволял применять расстрелы к ряду категорий лиц, заподозренных во враждебных действиях против большевистской власти. Этим правом местные правящие структуры пользовались весьма широко. 15 февраля 1920 г. Томский губревком за подписями главы ревкома М.Ф. Левитина и председателя губчека А.В. Шишкова объявил, что губерния считается находящейся в прифронтовой полосе и за губчека сохраняется право расстрелов за контрреволюционные действия и укрывательство контрреволюционеров, а также за бандитизм, разбой, вооружённые грабежи, торговлю кокаином и фальшивомонетничество.

Распоряжения местных властей могли носить откровенно террористический характер и идти дальше, чем обычно заходили чекисты: так, в феврале 1920 г. Алтайский губревком постановил на месте расстреливать лиц, уличённых в антисоветской агитации, а подозреваемых в ней — доставлять в губчека^[166].

Вообще, лица, обвинявшиеся за нелояльные высказывания, с первых дней после захвата власти большевиками становились одними из основных кандидатов на арест. Наказания за агитацию были преимущественно небольшими, но бывали и случаи расстрелов. Типичный пример — арест в июле 1920 г. за «распространение слухов против Советской власти» начальника эпидемиологического отряда с. Кундрань Новониколаевского уезда И.Н. Корчагина, осуждённого затем уездной ЧК на 6 месяцев лишения свободы. Но в Красноярске весной 1920 г. была расстреляна, как отмечал член коллегии Енисейской губчека Н.Х. Молчанов, «70-летняя старуха-мещанка за то, что ругала коммунистическую власть...», Казнили за разговоры и позднее: военком госпиталя в Новониколаевске Г.П. Жиголенко-Кожевников в августе 1920 г. был арестован за контрреволюционную агитацию и полгода спустя осуждён к расстрелу^[167].

Также первыми жертвами чекистов стали видные деятели белой власти. Так, когда партизаны арестовали бывшего управляющего Алтайской губернией А.А. Стрельмана — человека гуманного и за это преследовавшегося колчаковскими властями — чекист-следователь Ю. Пшнемский доложил в губчека о Стрельмане и предложил его расстрелять. 6 февраля 1920 г. коллегия Алтгубчека постановила казнить бывшего чиновника — за то, что он был «вдохновителем карательных отрядов» и выступал на митингах против большевиков.

В феврале 1920 г. по приговору трибунала были расстреляны 13 чиновников белой власти

Якутии во главе с управляющим Якутской областью В.Н. Соловьёвым и городским головой Якутска П.А. Юшмановым. 8 июня 1920 г. в Омске расстреляли бывшего командующего Западно-Сибирского военного округа генерал-лейтенанта А.Ф. Матковского. Были казнены видные интеллигенты: в Томске в начале 1920 г. расстрелян известный историк, издатель, общественный деятель-областник А.В. Адрианов, в Красноярске в первой половине 1920 г. расстреляли редактора «Свободной Сибири» Ф.Ф. Филимонова — как «преступно-активно проявлявшего свою классовую деятельность... за принадлежность к партии кадетов»^[168].

Особенно активно истреблялись чиновники карательных структур. Добровольно сдавшийся начальник томского губотдела государственной охраны С.А. Романов 4 марта 1920 г. был осуждён к расстрелу. Енисейская губчека расстреляла нескольких старших офицеров-карателей, а Канская уеча — 20 участников «Чёртова отряда» из подразделения известного карателя И.Н. Красильникова. Завотделом Томгубчека В.Ф. Тихомиров, лично задержав в конце декабря 1919 г. явившегося на регистрацию офицеров бывшего начальника мариинской, каинской и томской тюрем Д.А. Червякова, обвинял его в том, что Червяков в томской тюрьме «под угрозой насилиями стриг под машинку наших товарищей». Чиновника расстреляли уже 4 января 1920 г.^[169] Новониколаевская чека тщательно вылавливала надзирателей каинской тюрьмы, считавшихся причастными к жестокой казни тамошних политзаключённых.

Но в целом по Сибири чекисты репрессировали большей частью не столько основных, сколько рядовых сотрудников тюрем и карательных отрядов. В январе-феврале 1920 г. Томская (Новониколаевская) губчека расстреляла не менее 42 чел., в основном по обвинениям в былой контрреволюционной деятельности в 1918–1919 г., а также тех, кто допускал различные должностные преступления. Было объявлено о разоблачении заведующего отделом Союза маслодельных артелей Н.Н. Величкина, в 1918 г. из Поволжья «посланного с провокационной целью» в Особый отдел ВЧК Восточного фронта, затем служившего в контрразведке белых и арестованного при попытке записаться в Томскую губчека^[170]. Значительная часть этих расстрелянных была осуждена без каких-либо доказательств и ныне реабилитирована.

Целью репрессий было физическое истребление всех активных сторонников белых и изоляция «до конца гражданской войны» менее активных и подозрительных. Подозрений в активной контрреволюционной работе зачастую было достаточно для вынесения смертного приговора. Значительная часть расстрелов в сибирских чека была незаконна, так как в то время смертная казнь в зоне боевых действий разрешалась лишь за участие в контрреволюционных организациях и бандитизм. Но в том же Красноярске весной 1920 г. чекисты расстреливали и за агитацию против власти, и за попытку дать взятку советскому чиновнику, и за происхождение из зажиточной среды.

Вершиной в официальной карательно-идеологической борьбе с прежним режимом стал майско-июньский процесс 1920 г. над видными деятелями колчаковского правительства, открывший эру советских политических процессов. Председателем трибунала назначили Павлуновского. Суд предъявил побеждённым обвинения в белом терроре, предательстве национальных интересов и разорении народного хозяйства. Судьи по тайному решению Сиббюро ЦК РКП(б), согласованному с Москвой, приговорили к расстрелу четырёх человек из 24^[171]. Заметным явлением в общественной жизни Сибири также стали расстрельные процессы в Новониколаевске, проведённые в 1921–1922 гг. над бароном Р.Ф. Унгерном и генерал-лейтенантом А.С. Бакичем.

С первых дней работы чека подвергали репрессиям беженцев от красных войск, осевших в Сибири. В январе 1920 г. чекисты-транспортники Алтайской губернии арестовали за антисоветскую агитацию на разъезде Озерки 11 чел. из числа беженцев с Лысьвенского завода. В ближайшие недели семеро из арестованных умерли в тюрьме от тифа. Нелояльность беженцев особо подчёркивалась в различного рода информациях: так, в июне 1920 г. политотдел западносибирского сектора ВОХР сообщал в Омское облбюро РКП(б), что жители Новониколаевска и беженцы, которые «занимаются исключительно спекуляцией», враждебно относятся к советским властям и красноармейцам^[172].

Для устрашения населения губернских центров предпринимались массовые облавы, в

уездные города и крупные сёла посылались карательные экспедиции. О работе чекистов и их агентов свидетельствует эпизод с первой чисткой г. Черепаново сотрудниками Новониколаевской уездной чека и ОДТЧК, предпринятой летом 1920 г. В ней участвовала группа чекистов — заместитель заведующего секретно-оперативным отделом уека Л.Г. Леонидов (Леонид), сотрудники уека Шырыхалин, Шанин, Панков и Матвеев, помощник начальника секретно-оперативного отдела ОДТЧК ст. Новониколаевск И.А. Костенко, уполномоченные ОДТЧК А.Н. Петрочук и С.И. Доминиковский, — подкреплённая внушительной вооружённой силой: 30 красноармейцев 326-го батальона ВОХР (в основном, венгров) и 13 — из 114-го батальона железнодорожной охраны.

Предварительно большую провокационную работу в окрестностях Черепанова провёл заведующий Медведским волостным земельным отделом бывший партизан В.Я. Рязанов, подвизавшийся осведомителем в 114-м батальоне, где агентурную разведку возглавлял некто Казарцев. Рязанов (кличка «Найдыш») вместе с другими агентами создавали впечатление, что вокруг налицо крупные заговорщицкие организации: в с. Валово — 120 эсеров, в с. Медведское — контрреволюционная организация служащих во главе с неким инженером-мостостроителем, а в Черепанове — около 90 местных «буржуев» и спекулянтов. В первой декаде августа новониколаевские чекисты по наводке Рязанова, его помощника М. Дьяконова (кличка «Избавитель») и др. арестовали в Черепанове 26 чел., из которых почти половину вскоре были вынуждены освободить. В декабре 1920 г. Алтгубчека осудила 11 чел.: трое «заговорщиков» получили по году концлагеря, а остальные — как знавшие о мифической «организации» — были освобождены с зачётом предварительного заключения^[173].

Верующие всех конфессий рассматривались большевиками как прямые идеологические враги и заведомые контрреволюционеры. Войну с православной церковью на истребление начали ещё красные партизаны, а чекисты сразу сделали церковнослужителей одной из приоритетных мишеней. Многие священники в начале 1920-х гг. арестовывались многократно, под самыми надуманными предлогами; часть из них была осуждена как «белогвардейские заговорщики». В марте 1920 г. за «погромно-черносотенную деятельность» Иркутская губчека арестовала епископа Иркутско-Верхотурского Зосиму (А.А. Сидоровского). Верующие активно собирали подписи (всего около тысячи) в его защиту. Зосима в чекистском застенке был быстро сломлен и 16 мая написал, что решил «немедленно сложить с себя монашество, архиерейское звание, превратиться в честного человека», после чего вышел на свободу, а два года спустя стал обновленческим епископом Енисейской и Красноярской епархии.

Типичная судьба служителя церкви видна на примере священника Каинского уезда П.И. Чемоданова, расстрелянного по процессу Базаро-Незнамовской организации в 1923 г. До того батюшку арестовывали трижды: первый раз — пьяные бойцы заградотряда, скандалившие в его доме и недовольные сделанным замечанием; второй раз — Особый отдел 5-й армии за то, что отдал белым коня с кошенной; третий — Каинское политбюро в августе 1920 г. за слова о том, что коммунисты — пьяницы, а их пресса лжёт^[174].

С первых дней работы в губернские и уездные чека хлынули доносы. Чекисты декларировали наказание за ложные доносы и требовали от заявителей ставить подписи, но на деле они практически не проверяли достоверность сообщений о «контрреволюционерах». Доносчики получали шанс выдвинуться на чекистскую службу: так, бывший юнкер Военно-топографического училища в Новониколаевске П.А. Андреев в начале 1920 г. передал в губчека списки неблагонадёжных юнкеров, из которых, по его сообщению, «один уже расстрелян, а некоторые неизвестно где...». Андреев летом 1920 г. был зачислен в штат и быстро дослужился до начальника информации линейной ТЧК ст. Новониколаевск.

Чекистское начальство демонстрировало подчёркнутую жестокость и часто выносило более суровые меры наказания, нежели предложенные следствием. Так, 24 февраля 1920 г. зампред Томгубчека В.П. Брауде участвовала в вынесении смертного приговора лётчику В.А. Кулеву, прапорщику Колчака, клеветнически обвинённому сослуживцем в выдаче коммунистов колчаковцам и разрушении железнодорожного пути. При этом следователь А. Голубева предлагала его всего лишь заключить в лагерь до конца гражданской войны «как человека, безусловно, для республики... вредного»^[175].

В июне 1920 г. красноярский чекист Д.Ф. Титов показывал о главе губчека В.И. Вильдгрубе: «Простая речь настоящего, от молота, рабочего дисгармонировала с той

непонятной жадной крови, которой требовал он почти после каждого сделанного доклада... Чувствовалось в натуре Вильдгрубе нечто патологическое...». Не менее характерным являлся стиль поведения самого Павлуновского, который лично допрашивал важных арестантов, ложно обещая помилование в случае дачи «правдивых показаний». Все расстрелы, вынесенные в губернских, уездных и транспортных чека, а также особых отделах подлежали утверждению в полпредстве. Павлуновский лично определял, кого следует казнить: значительную часть своего времени полпред ВЧК тратил на однотипные резолюции, во множестве сохранённые архивами: «Такого-то расстрелять. Павлуновский».

По инициативе полпреда в Омске 30 апреля 1920 г. был расстрелян бывший начальник Пермской железной дороги Н.И. Бобин, участку которого занимались М.И. Калинин, Ф.Э. Дзержинский и руководство НКПС, приславшие телеграммы с требованием отложить казнь. Полковник Генштаба В.В. Ракитин за службу у Колчака был в марте 1920 г. заключён в концлагерь, но затем следственная комиссия при Особом отделе 5-й армии решила направить полковника в распоряжение Павлуновского. И тот, не сочтя нужным проводить какое-либо следствие, 15 мая 1920 г. наложил резолюцию: «Ракитина Всеволода Владимировича расстрелять».

В те же дни Особый отдел вынес постановление относительно легендарной создательницы «женских батальонов смерти» Бочкарёвой, не участвовавшей в сколько-нибудь активной борьбе с большевиками: «Для большей информации дело, вместе с личностью обвиняемой, направить в Особый отдел ВЧК в г. Москву». Но Павлуновский пресёк попытку доследования, начертав: «Бочкарёву Марию Леонтьевну — расстрелять», и 16 мая 1920 г. приговор был приведён в исполнение.

Иногда Павлуновский по каким-то своим соображениям предписывал отложить исполнение уже вынесенного приговора (например, над «отслужившими» своё сексотами), но потом возвращался к делу и обычно приказывал расстрелять. К наложению резолюций полпред подходил обстоятельно: свою длинную фамилию Иван Петрович всегда выписывал чётко и полностью, очень крупными буквами. Между тем, в только что вышедшей книге историка ФСБ О.Б. Мозохина необоснованно утверждается, что расстрелы на местах производились только после санкции ВЧК^[176].

Санкцию расстреливать Павлуновский считал своей священной коровой. Получив в декабре 1921 г. запрос оторванной от сибирского центра Якутской губчека насчёт возможности применения ВМН к «участникам белобанд» без санкции полпредства, Павлуновский решительно отказал якутским коллегам в подобной самостоятельности. И те были «вынуждены» ликвидировать свои жертвы с помощью пыточного следствия, пресечения «попыток к бегству» и просто никак не документированных убийств.

В ходе красного террора нередко были аресты и казни целых семей. Вмешательство даже высших руководителей власти не могло гарантировать спасение жизни арестованных. 14-летний омич Георгий Юзефович, у которого чекисты осенью 1920 г. расстреляли отца, обращался к главе Сибревкома с просьбой освободить мать — А.И. Юзефович — и 15-летнюю сестру Ксению, арестованных в феврале 1921 г. за «контрреволюцию». При этом он напоминал, что осенью И.Н. Смирнов обещал А.И. Юзефович, что жизнь её мужу сохранят, но тот был спустя несколько дней расстрелян, а семью выселили из квартиры. И.Н. Смирнов 6 марта наложил резолюцию: «Сделать распоряжение об освобождении». Однако коллегией Омгубчека 14 марта 1921 г. Анна Юзефович была приговорена к расстрелу за участие в белоэсеровском заговоре. Вероятно, так чекисты пополняли придуманную ими организацию, идя по самой простой схеме: налицо семья уже расстрелянного врага, она-то и пополнит проскрипционные списки. В омской «Книге памяти» отсутствуют и супруг А.И. Юзефович, и их дочь-подросток, что свидетельствует о неполноте подобных источников новейшего времени, опирающихся на официальную информацию ФСБ^[177].

Драма бывшего комиссара советской милиции Новониколаевска В.М. Голобородко, сразу после свержения Колчака возглавившего отряд охраны из 600 вооружённых рабочих, а затем заведовавшего карательным подотделом губотдела юстиции, говорит о стремлении чекистских властей не столько к бдительности, сколько к широким репрессиям как таковым. Голобородко со своим заместителем И.А. Ивановым были расстреляны в феврале 1920 г. за «предательство», членство в белогвардейской организации и служебные преступления.

Написанное Голобородко после ареста белыми в 1918 г. письмо с выражением лояльности и уверениями в былой борьбе с большевиками — вполне логичный шаг для заключённого — стало поводом для мгновенной расправы. Понимая бессмысленность своей устрашающей акции, сильно им навредившей во мнении немногочисленных местных партийцев, очень уважавших Голобородко, новониколаевские чекисты тем не менее публично объявили, что для расправы над «своим» достаточно любого компрометирующего его документа.

Голобородко также обвинялся в расстрелах советских работников при Колчаке, а его заместитель — в некоей провокации и служебных преступлениях. Власть показала, что самые значительные революционные заслуги меркнут перед призраками прошлого. Хотя местная газета заявляла, что «честный человек в наше время не может и не должен быть вне партии»^[178], но и коммунисты должны были помнить, что они — привилегированная часть только в сравнении с беспартийными, а их карьера и сама жизнь всецело в руках старших товарищей.

Подавление мятежей и истребление повстанцев

С весны 1920 г. в течение трёх лет в Сибири активно действовали многочисленные повстанческие отряды, ведшие вооружённую борьбу с режимом. Захватив власть, большевики принесли в Сибирь политику военного коммунизма, которая чрезвычайно сильно отличалась от тех обещаний, благодаря которым красные приобрели массу сторонников. Повсеместный роспуск избранных населением советов и замена их назначенными сверху ревкомками, вооружённый произвол местных властей и комячеек, обременительные повинности, обрушившаяся летом 1920 г. продразвёрстка, мобилизации в армию, насильственный передел имущества, разгул уголовной преступности, поголовное пьянство местных советских работников и партячеек вызвали у населения разочарование в новой власти.

Венцом крестьянской Вандеи стал колоссальный Западносибирский мятеж, но и после его подавления весной-летом 1921 г. Сибирь продолжали сотрясать восстания, особенно активные в Горном Алтае, Хакасии, Иркутской губернии и Якутии, где природные условия помогали мятежникам долгое время быть неуловимыми. О трудностях, с которыми сталкивались власти даже на третьем году своего существования, говорит тот факт, что в течение первой половины 1922 г. большая часть Горного Алтая и Якутии, значительная часть Хакасии контролировалась повстанческими отрядами.

Общую численность повстанцев-сибиряков в 1920 г. В.И. Шишкин определяет в диапазоне от 27 до 35 тыс. человек. Эта цифра в несколько раз уступает количеству красных партизан, воевавших против власти Колчака, и говорит о том, что против советских порядков с оружием в руках поднялась сравнительно небольшая часть сибиряков (в 1921 г. повстанцев-сибиряков насчитывалось до 70 тыс.). В мятежах, как правило, локальных и немногочисленных, приняли участие все слои населения Сибири, за исключением рабочих. Наибольшей активностью отличались интеллигенты, особенно бывшие офицеры и священники, а также казаки. Основную массу мятежников составляли крестьяне и казаки — бедняки и середняки^[179].

Довольно долго происходило разоружение многочисленных партизанских армий и отрядов, хотя власти в этом направлении действовали настойчиво, нередко применяя силу. Конфликты партизан с воинскими частями и местными ревкомками в первой половине 1920 г. отмечались в Алтайской, Енисейской и Иркутской губерниях. Власти в конце 1919 — начале 1920 гг. демонстративно арестовали видных партизанских командиров Г.Ф. Рогова с П.К. Лубковым за нарушения законности и неподчинение советским органам, но после нескольких недель содержания под стражей выпустили на свободу. В 1920 г. и Рогов, и Лубков воссоздали свои отряды и немедленно подняли крупные восстания против политики коммунистов. В повстанческом движении в 1920–1922 гг. приняли участие и многие другие видные красные партизаны.

Из-за недостаточно умелой агентурной работы чекисты были не в силах предотвращать крупные мятежи, которых в 1920–1922 гг. в Сибири произошло около 20. Масштабные выступления вроде Колыванского, Сорокинского или Западносибирского восстаний оказывались полной неожиданностью для ЧК. Показательно, что даже месяц спустя после начала Западносибирского мятежа чекистское руководство было не в состоянии адекватно

оценить ситуацию. Так, телеграмма Павлуновского зампреду ВЧК от 5 марта 1921 г. вполне оптимистично гласила: «Крестьянское движение в Сибири можно считать ликвидированным. Сегодня пробита "челябинская линия". У Кокчетава движение подавляется. Казачество пока не присоединилось к восставшим». На самом же деле мятеж тогда был в самом разгаре.

Тем не менее ни Павлуновский, ни руководители губчека не были подвергнуты в связи с этими провалами каким-либо взысканиям. Наказывали только нижестоящих работников. Например, видный чекист (ранее заведовал секретно-оперативными отделами Вятской, Пермской и Тюменской губчека) Г.А. Тягунов за «преступную бездеятельность» приказом Тюмгубчека 9 марта 1921 г. был снят с должности руководителя Ишимского политбюро, арестован, но затем освобождён и назначен членом президиума губсовнархоза^[180].

В подавлении вооружённых выступлений, помимо армейских отрядов, активно участвовали батальоны ВОХР, обслуживавшие Алтайскую и Томскую губчека. Восстания, плохо подготовленные и носившие характер стихийного протеста, вспыхивавшие в разное время и без связи друг с другом, подавлялись обычно быстро. Глава Енгибисполкома И.А. Завадский на заседании губкома РКП(б) заявил с предельной откровенностью: «Выступления контрреволюционеров не только естественны, но и выгодны для нас, так как дают нам возможность применять пролетарские репрессии. Они легко подавляемы, так как они разрознены»^[181].

В период подавления мятежей чекисты вели разведку, засылали к повстанцам своих агентов, старались разлагать ряды мятежников различной дезинформацией. Со второй половины 1921 г. нередко им удавалось внедряться в крупные мятежные отряды, стравливать и уничтожать их лидеров. Но порой повстанцы разоблачали засланных агентов. Основные оперативные действия предпринимались чекистами уже после разгрома основных сил, когда они организовывали поимку заговорщиков, особенно стараясь уничтожить руководителей. Не всегда эти усилия оказывались успешными — так, вождь крупного отряда повстанцев И.Н. Соловьев, действовавший в хакасской тайге, оставался неуловимым до 1924 г. Но в случае, например, с Роговым и Лубковым, а также лидерами Западносибирского мятежа удача оказалась на стороне чекистов.

Так, для ликвидации П.К. Лубкова мариинские чекисты весной 1921 г. осуществили замысловатую комбинацию, создав сразу три фиктивных повстанческих отряда, а в апреле — и четвертый, который их контролировал. В составе лжеповстанческих сил находились бывшие соратники Лубкова, переметнувшиеся на сторону чекистов и симулировавшие отступление в тайгу. Один из членов фиктивного отряда бежал к Лубкову на таежную заимку неподалеку от с. Святославки Мало-Песчаной волости, и был принят мятежниками. Четыре дня спустя, в ночь на 23 июня, этот разведчик расстрелял сонного Лубкова. В те же дни были выслежены в тайге и застрелены ближайшие помощники Лубкова — крестьяне с. Святославка Жуков и Рузских. Вскоре партизанские командиры С. Первышев, В. Шарапов и другие — всего 10 человек — обратились в Томскую губчека «с просьбой снять с них упреки в выступлении против Советской власти, так как все они активно участвовали в поимке и расстреле Лубкова и его помощников»^[182].

Весной 1921 г. чекисты и военные выслали под видом повстанцев крупный отряд на трёх пароходах, который в нижнем течении Оби разгромил остатки западносибирских мятежников и на месте расстрелял их лидеров. В конце 1921 г. чекистам в ходе многоходовой агентурной комбинации удалось схватить командира крупного отряда, поручика В.И. Чернова, действовавшего в Балаганском, Черемховском и Иркутском уездах. Сначала в его отряд удалось внедрить под видом казачьего офицера чекиста В.Н. Преловского, который сообщал все сведения о передвижении отряда и его намерениях. Операцию по задержанию Чернова разработали председатель губчека М.Д. Берман и заместитель начальника Черемховского политбюро И.С. Тумахович. Последний обеспечил сопровождение Чернова в Иркутск и его размещение на квартире родственника сотрудника ЧК. На этой квартире Чернова и задержали сотрудник губчека С.Д. Краснов вместе с замначальника агентурного отделения губчека Ю.А. Новаком^[183].

Организацию подавления Западносибирского восстания 1921 г. осуществляла чрезвычайная тройка в составе председателя Сибревкома И.Н. Смирнова, помглавкома по Сибири В.И. Шорина и полпреда ВЧК И.П. Павлуновского (первый раз она была создана — в

этом же составе — решением Сиббюро ЦК от 9 июля 1920 г. для подавления восстаний в Томской и Алтайской губерниях). Её полномочия были очень широки. Согласно секретной инструкции Павлуновского от 14 февраля 1921 г. «О применении высшей меры наказания в районе, охваченном восстанием», местные органы ВЧК получали право на месте без суда расстреливать повстанческих командиров, мятежников, повторно взятых в плен, лиц, не сдавших властям огнестрельного оружия, уличённых в порче железнодорожных путей и телеграфной связи, а также железнодорожных служащих, связанных с повстанцами^[184]. Чрезвычайные тройки с участием местных чекистов постоянно организовывались в мятежных районах. В январе 1922 г. приказом Горно-Алтайской уездной чрезвычайной тройки некоторые районы объявлялись на чрезвычайном положении, повстанцы, захваченные с оружием в руках, подлежали расстрелу, смертные приговоры выносились без санкции губернских властей, а семьи повстанцев могли выселяться, причём их имущество конфисковывалось.

Подавление мятежей осуществлялось крайне жестоко. 13 июля 1920 г. в бою за с. Волчиха Славгородского уезда красные имели одного убитого, а едва вооружённые повстанцы — около 900, большинство из которых были зарублены бойцами 1-го кавдивизиона 87-й бригады ВОХР. Такое число жертв явно говорит о том, что красноармейцы беспощадно рубили и тех, кто уже сдался. Красноармейцы 226-го Петроградского полка 26-й стрелковой дивизии за 13–17 июля 1920 г. в пяти селах Славгородского уезда убили свыше 1.600 мятежников. Как сообщал И.Н. Смирнов, в ходе подавления Западносибирского мятежа менее чем за первые полтора месяца боёв в Ишимском уезде было убито около 7.000 и в Петропавловском — 12.000 крестьян. Многие сотни пленных сибиряков-повстанцев в 1920–1922 гг. были приговорены чрезвычайными комиссиями и военно-революционными трибуналами к высшей мере наказания.

Иногда чекисты были вынуждены осаживать наиболее рьяных карателей из числа своих помощников. Председатель Балаганского уревкома Касимов писал в 1921 г. в Иркутский губревком: «По ликвидации восстания в Евсееве намерен организовать карательную экспедицию... своей задачей считаю не подавление, а уничтожение повстанцев». Иркутские чекисты сначала арестовали не в меру ретивого помощника председателя ревкома — начальника уездной милиции Яблочкина, а вскоре добились отстранения и самого Касимова^[185].

Основное число погибших в Сибири в начале 1920-х гг. — это жертвы внутренних войск, партийно-чекистских отрядов, милиции и комячеек, осуществлявших безудержный террор при подавлении крестьянских восстаний. В свою очередь, крайняя, доходившая до садизма, жестокость была свойственна и повстанцам, нередко вырезавших коммунистов вместе с семьями.

При подавлении антисоветских мятежей погибли десятки тысяч сибиряков, а население было приведено к покорности. Как удовлетворённо сообщал летом 1920 г. после разгрома мятежников глава Колыванского ревкома Г. Толстиков, терроризированное карателями население вело себя так, что «хоть верёвки вей». Аналогичные оценки политического положения после подавления восстаний давались советскими властями в разных местностях и в 1921–1922 гг.^[186]

Милиция как часть карательного аппарата

Милиция была очень важной частью репрессивного аппарата, обеспечивая, выражаясь словами Ленина, «массовидность» государственного террористического аппарата в период повальных экзекуций. Как подчёркивает В.И. Шишкин, милиция в начале 20-х гг. выполняла преимущественно функции главного помощника политической полиции^[187], так что охрана общественного порядка и борьба с преступностью отодвигалась тогда на второй план. (В результате борьба с уголовниками в немалой степени ложилась на плечи чекистов.) Все последующие всплески государственного террора также проходили на фоне мобилизации милиции для помощи ВЧК-НКВД.

О роли милиции в политических репрессиях говорят некоторые красноречивые цифры. Например, бийская уездная милиция с декабря 1919 по май 1920 г. арестовала 622 чел., 90 % которых обвинялись в контрреволюции. В мае 1920 г. томские чекисты докладывали центру,

что население Кузнецкого уезда «с ужасом говорит о деяниях бочатской милиции, которая в течение последних месяцев... расстреляла на горке, возле с. Бочаты 128 человек под видом побегов. Крестьяне категорически утверждают, что огромное большинство расстрелянных были задержаны или самой милицией, или по доносу крестьян, сводивших личные счёты. В кузнецкую уездную милицию проникло много партизан, благодаря чему расстрелы под видом побегов до сего времени ими производятся...»^[188].

Дублируя органы ЧК, новониколаевский угрозыск летом 1920 г. занимался, помимо борьбы с преступностью, также «негласными политическими наблюдениями», а в отчете о работе новониколаевской уездной милиции за первую половину 1920 г. говорилось (за неделю до начала большого Колыванского восстания!): «В уезде настроение населения и взгляды на Советскую власть начинают явно принимать лучшую сторону благодаря строгому преследованию сотрудниками милиции контрреволюционных выходок и агитаций, производившихся во всех углах приспешниками буржуазии».

При подавлении восстания в Славгородском уезде летом 1920 г. отряд во главе с начальником уездмилиции С.И. Левченко совместно с местной партиейкой (всего 97 чел.) убил 200 чел., 82 — предал суду, а пятерых захваченных с оружием в руках — расстрелял на месте. За первые 9 месяцев 1921 г. милиция Омской губернии произвела в общей сложности 12.106 арестов, причём в соседних губерниях цифры арестованных оказались сопоставимы. Очевидно, что значительную часть арестованных задержали по политическим мотивам.

Характерно, что во главе милицейских подразделений нередко становились лица с серьёзным уголовным прошлым. Так, начальником раймилиции в Барнауле в 1920 г. работал К.Г. Канцелярский, годом ранее участвовавший в ограблении и зверском убийстве семьи из трёх человек. Поскольку его брат оказался заведующим отделом Алтгубкома РКП(б), то этот бывший подпольщик и садист-убийца, изгнанный из милиции за незаконные конфискации и распределение награбленного среди подчинённых, был в итоге освобождён на поруки^[189].

Белорусский дворянин К.А. Лихтарович за убийство генерала на Юго-Западном фронте в феврале 1917 г. был осуждён к расстрелу, но помилован в связи с всеобщей амнистией. В мае 1920 г. он исполнял обязанности секретаря Бийского уездного ревкома, а затем руководил Бийской горуюездмилицией. В августе 1920 г. уком РКП(б) постановил дать ему более спокойную должность, на которой Лихтарович «мог бы поправить свою нервную систему». В августе 1922 г. его исключили из РКП(б) за служебные преступления.

В 1920 г. во всех губернских центрах практиковались облавы с массовыми обысками населения, что позволяло как изымать оружие и дефицитные товары, так и задерживать подозрительных лиц, включая криминально-люмпенский элемент. Так, по распоряжению Алтгуборгбюро РКП(б), которое получило сведения о готовящемся «контрреволюционном заговоре», в ночь на 19 февраля 1920 г. силами милиции, губчека, гарнизона и местных коммунистов были проведены массовые обыски во всех домах Барнаула. В обысках и облавах участвовали до полутора тысяч чел. Они задержали 600 подозрительных лиц, изъяли много оружия. Характерно, что уголовным элементом оказалась меньшая половина задержанных^[190].

В 1921 г. омский угрозыск разгромил 75 бандитских шаек численностью до 500 чел. По неполным данным, сибирские милиционеры с сентября 1921 по декабрь 1922 г. ликвидировали 188 банд, задержав 489 «контрреволюционеров» и 1046 бандитов. Следует отметить, что людские потери милиции были несопоставимо больше потерь чекистов. Поскольку в деревне милиция являлась главной вооружённой силой, то именно на неё традиционно обрушивались первые удары многочисленных крестьянских мятежей — в 1921 г. сибирская милиция, насчитывавшая тогда более 20 тыс. сотрудников, в боях с повстанцами только убитыми потеряла 365 чел.^[191]

Борьба с дезертирами и уголовной преступностью

Большой проблемой для властей в 1920 г. являлись многочисленные дезертиры, среди которых поначалу преобладали партизаны, влившиеся в регулярную армию и поспешившие её покинуть, не желая подчиняться военной дисциплине и терпеть лишения, связанные со скудностью пайков и нехваткой снаряжения. Затем численность дезертиров заметно выросла

за счёт лиц, уклонявшихся от мобилизации в РККА.

Согласно информации окружной комиссии по борьбе с дезертирством СибВО от 25 марта 1920 г., в Пермской, Семипалатинской и Алтайской губерниях «приходится бросать огромные отряды красноармейцев для вылавливания дезертиров и уничтожения их налётов на советские учреждения и деревни...». В марте 1920 г. в Семипалатинске из-за отсутствия довольствия и не предоставления квартир разбежался «кучками по деревням» Алтайский полк «в полном вооружении». В конце мая 1920 г. в одном Барнаульском уезде насчитывалось около 1.000 дезертиров, 95 % которых являлись бывшими красными партизанами. В июне 1920 г. количество дезертиров в Славгородском уезде за счёт неявившихся призывников 1901 г. р. выросло на 600 чел. [\[192\]](#)

В июне 1920 г. были образованы специальные губернские и уездные тройки по борьбе с дезертирством. Их составляли начальник сектора войск ВОХР, уполномоченный окружного комитета по борьбе с дезертирством и уполномоченный губревкома. Тройки одновременно вели борьбу с бандитизмом, «выкачивали» обмундирование и военное снаряжение, а также «вылавливали различные контрреволюционные военные организации». В их составе были и чекисты, обеспечивавшие агентурный поиск отрядов дезертиров. Так, летом 1920 г. членом Алтайской чрезвычайной тройки по борьбе с дезертирством являлся видный чекист М.И. Воевода, в уездные тройки входили начальники уездных чека и политбюро.

Инструкция командования Западно-Сибирского сектора ВОХР предписывала тройкам применение «массовых репрессий в отношении дезертиров, бандитов, укрывателей, пособников и т. п. с целью устроить их». Тройки имели право производить облавы, изымать из учреждений бывших офицеров и белых военных чиновников. Для обнаружения дезертиров организовывалась сеть тайных агентов. Дезертиры и бандиты, задержанные с оружием в руках, а также наиболее «злостные» из них подлежали расстрелу. В отношении остальных применялись такие меры наказания, как «условный расстрел», отправка в штрафные части, конфискация имущества. Добровольно явившиеся дезертиры от наказания освобождались. Жестокие меры алтайских властей принесли свои плоды: только за вторую половину августа 1920 г. в советские органы добровольно явилось свыше 2.000 дезертиров.

За дезертирами шла настоящая охота, организовывались целые карательные экспедиции. В методах чекисты не стеснялись. В сентябре 1920 г. старший агент Алтайской губчека Бриллиантов, командуя отрядом из 10 чел., производившим обыски и порки населения с. Карасёва Барнаульской волости под предлогом розыска дезертиров и контрреволюционеров, «взял себе силой одну гражданку, увезя её в степь, и там... изнасиловал», оставшись безнаказанным [\[193\]](#).

Борьба с уголовным бандитизмом, частично возложенная на чекистов (в структуре губчека существовали небольшие подразделения по борьбе с бандитизмом), также велась средствами террора. Уголовные банды были многочисленны, хорошо вооружены, нередко обладали осведомителями в милицейской среде, действовали крайне дерзко и жестоко. В 1920–1922 гг. борьба с уголовным бандитизмом не давала должных результатов из-за слабой агентурной работы и недостаточной подготовки чекистов-оперативников. В результате, столкнувшись с настоящим уголовным террором, власти шли на крайние меры: так, с 21 марта по 14 апреля 1922 г. Новониколаевск по решению Сибревкома, согласованному с Москвой, был объявлен на военном положении.

Война с бандитизмом шла на истребление. Губчека постоянно рассматривали дела на уголовников и часто выносили им высшую меру наказания. Так, коллегия Тюменской губчека 31 мая 1920 г. рассмотрела 58 дел на 92 чел., из которых 11 были расстреляны за бандитизм. Нередко жестоко карались и менее опасные преступления. В июне 1920 г. Новониколаевская уездчека расстреляла за спекуляцию мануфактурой и скрывание от учёта двух ящиков сала П.А. Полунина, а в сентябре ею за хранение винтовки и двух револьверов был казнён В.И. Гончаров. Осенью 1920 г. Киренское политбюро Иргубчека организовало военно-полевой суд, приговоривший к расстрелу содержателя винного притона Конышева и участника краж вина с киренского склада Зырянова [\[194\]](#).

Крайние меры против организованной преступности постепенно приносили результаты: совместными усилиями милиции и чекистов крупные банды и их главарь уничтожались, в городах создавалась основательная агентурная сеть. Но в сельской местности, особенно в

глухих районах, организованная преступность сохраняла позиции. Бичом крестьянского населения в течение всех 1920-х гг. были конокрадство и скотокрадство; с 1924 г. из-за социальной значимости этих преступлений, разорявших крестьянские хозяйства, ими занималось ОГПУ. На постоянные вспышки обострений бандитизма чекисты реагировали посылкой в поражённые им районы специальных опергрупп и внесудебными репрессиями.

Большое место в жизни чекистов занимала борьба с экономическими преступлениями: спекуляцией, взяточничеством, контрабандой, самогонварением, подделкой денег. В исторической и краеведческой литературе выигрышные для чекистского имиджа эпизоды борьбы с преступностью освещались неоднократно [\[195\]](#).

«Заговоры» 1920–1921 гг.

Чекистское мастерство оттачивалось на «контрреволюционных заговорах». Групповые дела на «заговорщиков» позволяли расправляться с большими массами «врагов» и рассчитывать на поощрение начальства. Сочинение дел о заговорах началось немедленно после создания чрезвычайек. Уже в декабре 1919 г. работники Сибчека начали фабрикацию расстрельного дела на офицеров, якобы виновных во взрыве омского моста, который был подорван при отступлении колчаковцев. По ложным обвинениям были арестованы чиновник Е.Д. Панков, прапорщик П.П. Вороний и бывший начальник главного инженерного склада А.И. Шумских, подъесаул К.И. Грибановский, подпоручик С.Ф. Коршунов. Дело быстро развалилось, но казачьих офицеров чекисты решили не выпускать. Уполномоченный Омской РТЧК констатировал: «...нахожу обвинение... фактически не установленным, но считаю Грибановского и Коршунова в высшей степени подозрительными элементами, как казачьих офицеров, и вредными для Советской власти... ибо такие типы [с] Советским правительством никогда в контакте работать не будут». Постановлением коллегии РТЧК от 26 сентября 1920 г. Грибановский и Коршунов были расстреляны.

В апреле 1920 г. в Тобольске была раскрыта «контрреволюционная организация», состоявшая из офицеров и представителей буржуазии; в августе 1920 г. Тюменская губчека сообщила о расстреле троих «заговорщиков» [\[196\]](#). В Барнауле весной-летом 1920 г. была сфабрикована так называемая «Алтайская народная организация» (АНО) во главе с агентом губчека бывшим колчаковским офицером Плешивцевым, якобы собиравшаяся взбунтовать гарнизон, истребить коммунистов, а затем свергнуть, подняв крестьянство, советскую власть в Сибири.

По делу АНО, в частности, в июле 1920 г. арестовали и вскоре расстреляли помощника начальника губуправления местами заключения А.Т. Кравченко. Поводом к расправе послужила грубая провокация: работник губчека Линник в начале июня пришел к Кравченко и по секрету сообщил, что в городе неспокойно и возможно нападение на тюрьму, поэтому стоит заручиться охранным свидетельством. Вскоре Линник вручил Кравченко членский билет повстанческой организации АНО (в материалах дела расшифровывалась как «Алтайская нелегальная организация»), заверенный подписями Линника и Ломагина. Неделю спустя в присутствии Кравченко Линник выспрашивал у работавшего в тюрьме И.И. Дзепо-Жилинского относительно оружия для нелегальной организации. Тот ответил, что про оружие знает его коллега Плешивцев, который ранее, чтобы запутать Кравченко, передавал ему провокационную записку о том, что в ночь на 20 мая будет переворот и нужно открыть двери тюрьмы... Найденный у Кравченко билет АНО и послужил основной уликой [\[197\]](#).

После Колыванского восстания чекисты объявили о раскрытии в Новониколаевске «Организации комитета борьбы с коммунистами». Взятых ранее заложниками горожан обвинили в причастности к этой организации и расстреляли в июле 1920 г. — более 30 чел. Всего в первую неделю после восстания было арестовано 120 жителей Новониколаевска, включая множество работников советских учреждений (по другим данным — около 200). Их брали по спискам, в которые были внесены бывшие сотрудники белой власти. При этом Павлуновскому, который требовал подробную информацию об «организации», новониколаевские чекисты просто не отвечали.

В октябре 1920 г. председатель Новониколаевской уездчека А.В. Прецикс сообщал Павлуновскому о вскрытии филиала белогвардейской организации с центром в Москве,

имевшего якобы до 2.000 винтовок, пулемет, гранаты, а также типографский станок и «ценности». Центр организации действовал под прикрытием «Трудовой артели» — 27 человек, принадлежавших к монастырскому братству иоаннитов М.И. Антонова. Массовые аресты были произведены 27 сентября 1920 г., облава захватила «Трудовую артель», администрацию Синкредсоюза, ряд врачей, комсостав и команду автопарка. Из-за полного отсутствия доказательной базы уже через два дня чекистам пришлось освободить многих задержанных, остальных держали под замком еще несколько недель [\[198\]](#).

Крупные «заговоры» весной-летом 1920 г. были вскрыты в Томске и Красноярске. Относительно небольшие заговоры вскрывались в каждом уезде: так, с помощью доносов сельских коммунистов летом 1920 г. щегловские чекисты сфабриковали дело о кулацко-белогвардейском заговоре в Крапивинском районе [\[199\]](#).

В августе 1920 г. М.К. Аммосов сообщил Сибревкому, что уполномоченным Иркутской губчека в Якутском районе Д.Ф. Клингофом, руководившим небольшим аппаратом якутских чекистов, вскрыт — при содействии ревкома — националистический заговор молодежи во главе с врид заведующего райземотделом Р.И. Оросиным. Заговорщики якобы планировали свергнуть с помощью японцев советскую власть и установить полную независимость Якутии. Так как первые аресты вызвали большое недовольство в Якутске, Аммосов, опасаясь того, что из-за дальнейших репрессий «мы можем всякую почву под ногами потерять», просил у Сиббюро ЦК совета: «идти ли на компромисс с интеллигенцией или идти напролом?» Ем. Ярославский ответил, что репрессий не нужно, действовать следует мягче, ограничившись агитацией и постепенной заменой «не своих» работников советских учреждений.

О том, что «заговор» кончился пшиком, говорит факт, что Оросина и ещё ряд основных фигурантов выслали в Омск, где они получили работу в Сибнаце при Сибревкоме. Но фабрикация заговоров в Якутии только начиналась. В сентябре 1920 г. губчека послала уполномоченного (бывшего партизана) А.С. Синеглазова с отрядом красноармейцев расследовать факты контрреволюционных действий 1918 г., а также изъять ценности и оружие в Олёкминском уезде. Хотя уже в октябре 1920 г. губбюро предложило губчека немедленно убрать Синеглазова из чека «как человека, которому не может быть никакого доверия», он до марта 1921 г. в теснейшем контакте с местными властями продолжал свои террористические действия в якутской глубинке [\[200\]](#).

В конце 1920 г. с помощью пыточного следствия Синеглазове, его коллега Бутенев, чей отряд действовал в Витимско-Бодайбинском районе, и другие чекисты сфабриковали Ленские «заговоры» (их ответвлением стал «заговор» февраля 1921 г. в самом Якутске), по которым во внесудебном порядке было расстреляно свыше 40 чел. Неизвестно при этом, сколько человек было убито «при попытке к бегству», замучено пытками и доведено до самоубийства. Методы отряда Синеглазова в телеграмме Ленину Б.З. Шумяцкий охарактеризовал, как «нечеловечески жестокие» и «политически бессмысленные».

Иркутская губчека не сразу, но поверила, что Олёкминское политбюро с помощью Синеглазова смогло разоблачить «заговор» бывшего колчаковского офицера К. Авдеева и арестовать несколько подпольных ячеек. Но на деле Авдеев был провокатором. Представленный в качестве главы заговорщиков, он впоследствии являлся личным секретарём Синеглазова и деятельно участвовал в издевательствах над арестованными, пока сам в 1921 г. не был отправлен в тюрьму вместе с Синеглазовым, начальником Олёкминского политбюро Корниловым, а также главой губчека И.Б. Альперовичем и председателем Олёкминского ревкома Н.Н. Захаренко-Капитоновым, до того заведовавшим СОО в аппарате уполномоченного Иргубчека по Якутскому району. Вместе с ними был арестован сотрудник губчека Брилов, участвовавший в фабрикации дела о «контрреволюционном заговоре» в Якутске, по которому, начиная с 5 февраля 1921 г., было арестовано более 300 чел. Среди арестованных чекистов и милиционеров двое оказались убийцами из уголовников. Однако в итоге власти амнистировали и Альперовича (как крайне молодого и неопытного), и 20-летнего Захаренко, и Бутенева, и Синеглазова [\[201\]](#).

Установка на повсеместное отыскание «заговоров» всемерно поддерживалась полпредством. В связи с этим крайне сомнительно выглядит тезис И.В. Наумова о том, что «во второй половине 1920 г. сумевшие избежать фильтрации активисты белого движения оправившись от шока, вызванного крахом колчаковского режима, и стали по всей Сибири

создавать подпольные военные организации))^[202].

Павлуновский, не удовлетворяясь отдельными делами, велел искать общесибирский заговор. Он также придумал цифру в 40 тыс. белых офицеров, якобы оставшихся в Сибири и готовых в любой момент организовать восстание. На самом деле, как доказал В.И. Шишкин, их было меньше в несколько раз, причём организованность в этой среде почти отсутствовала. Чекисты создали легенду о 15 тыс. белогвардейцев, кои, проникнув в красноармейские ряды и создав склады оружия в Омске, Новониколаевске и Петропавловске, рассчитывали 22 августа 1920 г. выступить, опираясь на два кавэскадрона и артиллерийский дивизион в Омске. Во главе организации, состоявшей из «пятёрок», стоял колчаковский подполковник Драчук-Орлеанов; заговорщики держали связь с подпольными организациями Томска, Уфы, Семипалатинска, Москвы и Петрограда, были в союзе с эсерами и субсидировались английской разведкой...^[203]. На самом деле организация в Омске если и была, то совсем небольшая и мало что сделавшая.

Чекисты накануне 22 августа произвели массовые аресты и уже 21 сентября 1920 г. «Советская Сибирь» опубликовала сообщение Павлуновского о ликвидированных организациях в ряде губернских центров и аресте свыше 1.000 чел. Павлуновский сообщал, что на 85–90 % эти организации состоят якобы из офицеров карательных отрядов Анненкова, Красильникова, Семёнова, а также контрразведчиков Колчака; остальные — просто строевые офицеры. Командиров РККА было среди арестованных только 10 чел., что опровергало легенду о широком проникновении белых агентов в воинские части. Руководящий состав «организации» в значительной степени состоял из чекистских агентов.

Расправа над «заговорщиками Драчука-Орлеанова» была беспощадной: как сообщал один из ведущих следователей Омгубчека К.Я. Крумин, по этому делу было расстреляно свыше 400 чел. Многих (как, например, семью Сейфулиных) расстреливали по обвинению в недоносительстве, причём судьбы арестованных были предрешены ещё до приговора: так, при осуждении младших Сейфулиных в качестве отягчающего обстоятельства указывалось, что они — дети «расстрелянных буржуев», хотя глава семьи был приговорён к высшей мере недель позже, а матери расстрел заменили заключением^[204]. Ныне «заговорщики» в основном реабилитированы, хотя самого Драчука-Орлеанова и некоторых других его сторонников в опубликованных списках реабилитированных нет. История с белогвардейским общесибирским заговором стала, похоже, первой масштабной «липой» Павлуновского на новом месте службы.

8 января 1921 г. ВЧК издала приказ «о карательной политике органов ЧК», в котором отвергала как устаревшие методы террористической работы периода гражданской войны, опиравшиеся непосредственно на вооружённую силу, предписала пересмотреть дела осуждённых рабочих и крестьян, постановила создать действенную информационную службу, именно её выдвинув на первый план в чекистской работе^[205]. Данная установка через конференцию сибирских чека была доведена до региональных руководителей. Судя по всему, она была воспринята как критика достаточно топорной работы сибирских чекистов, от которых требовалось не просто механическое уничтожение затаившихся представителей свергнутой власти, а вскрытие «красивых» заговоров.

Следующий большой заговор — «Сибирского Крестьянского союза» — оказался ещё более крупным, чем «орлеановский» (якобы десятки тысяч участников!) и принёс Павлуновскому летом 1921 г. орден Красного Знамени. Согласно официальной версии, эсеры по приказу своего ЦК с марта 1920 г. вместе с энесами начали повсюду создавать ячейки нелегальной вооружённой организации «Сибирский крестьянский союз». Учредителями его были эсеры С.Т. Тагунов-Ельшевич, Е.Ф. Тяпкин, И.С. Юдин, Макушин, бывший эсер Б.М. Дьяконов, народные социалисты В.И. Игнатъев, Ф. Савченко, Меринов. К маю в одной Алтайской губернии подпольных ячеек насчитывалось якобы до 400, причём эсеры блокировались с белыми офицерами, чтобы создать боеспособные отряды.

В политическом отношении «заговор» Крестьянского союза прикрывал провал работы ведомства Павлуновского, оказавшегося не в состоянии дать информацию о подготовке грандиозного, самого крупного в советской истории Западносибирского крестьянского восстания. Крах военно-коммунистической политики можно было объяснять кознями политических врагов, нанёсших коварный удар в спину. Связь успехов западносибирских повстанцев с разветвлённой подпольной деятельностью эсеровских крестьянских союзов

стала краеугольным камнем историографии событий 1921 г. на весь советский период.

Чекисты, исходя из своих оперативных соображений, определили дату для выступления «белозэсеровских» организаций для ряда регионов Сибири — 8 февраля 1921 г. Они к этому времени с помощью агентуры уже создали некоторое количество региональных «организаций» и были готовы «снять урожай». По сигналу Павлуновского сразу после начала Западносибирского мятежа в Омске, Новониколаевске, Барнауле, Томске, Тюмени были произведены массовые аресты. Дата 8 февраля было выбрано не случайно, а для создания убеждения о том, что чекисты сорвали общесибирский заговор, приуроченный к началу восстания в Тюменской губернии. 1 марта 1921 г. Павлуновский сообщил зампреду ВЧК Ксенофонтову, что не может выехать в Москву в связи с восстанием и разработкой сибирской организации «Крестьянского союза»^[206].

Власти Тюменской губернии были жизненно заинтересованы в том, чтобы свалить вину за полный провал своей работы на политических врагов. Поначалу глава Тюмгубчека Студитов писал: «Что-либо сказать и доказать документально об участии эсеров вообще, то к великому горю сказать не могу, но убеждён, что была усиленная подготовка к тому, что в настоящее время происходит...». Зато в обширном докладе от 5 апреля 1921 г. Студитов уже уверенно заявлял, что «причиной восстания послужила подготовка крестьян эсерами и другими контрреволюционными группами». В качестве одной из групп фигурировала молодёжная организация, руководимая корнетом С.Г. Лобановым, которая была «раскрыта» чекистами в Тюмени в ночь на 11 февраля 1921 г.

Однако никакой подпольной организации и её главаря-корнета не было, ибо 19-летний студент техникума Лобанов в армии никогда не служил. Его вместе с другими юношами чекисты обманом заманили в одну из квартир и арестовали. Всего в «организации» насчитывалось 39 чел., в том числе двое малолетних. Основные показания на участников «организации» дал бывший офицер и сексот Д.Т. Львов: он по заданию ЧК сам трезвонил о необходимости помочь восставшим и захватить город. Львов для обеспечения конспиративности был выведен из дела, а уже 4 марта 17 чел., включая 14-летнего подростка, расстреляли. В число «заговорщиков» по инициативе начальника Секретно-оперативного отдела губчека И.С. Бойко была включена и 18-летняя комсомолка Косарева — секретарь СОО, отвергнувшая любовные приставания Бойко.

Что касается так называемого «Тобольского повстанческого центра», то эта группа антисоветски настроенных местных гимназистов попыталась осуществить единственную акцию: похитить оружие из гарнизонного клуба, во время проведения которой в ночь на 2 февраля 1921 г. они и были арестованы. Реально никакой контрреволюционной работы среди населения эта группа «Русский союз» во главе с 15-летним С. Долганевым (его отец был убит большевиками, также красные замучили его дядю — архиепископа Тобольского Гермогена) не вела. Тем не менее чекисты, отпустив остальных мальчишек, расстреляли Долганева как «опасного и неисправимого представителя семьи классовых врагов»^[207].

В Красноярске в ночь на 19 февраля было арестовано 89 чел. во главе с земскими деятелями, организовавшими якобы заговор из эсеров, меньшевиков и колчаковских офицеров. Название «организации» лишь подчёркивало убожество фантазии следователей: «Комитет красноярской организации объединённых». Всего же арестовали около 300 «заговорщиков». Месяц спустя, в ночь на 21 марта, красноярские чекисты ликвидировали организацию «Всероссийский комитет по борьбе с Советской властью», «боевая группа» которого насчитывала 108 человек. Как саморазоблачительно сообщает чекист-краевед В.М. Бушуев, Енисейская губчека «внедрила в эту организацию своих сотрудников, через которых была в курсе замыслов заговорщиков».

Во всех губерниях «заговорщиков» однообразно обвиняли в составлении списков коммунистов и их адресов для последующего уничтожения партийно-советского аппарата. Некоторые авторы — В.Ф. Гришаев, М.А. Ефремов — обнаруживая незнание с современной историографией вопроса, в работах новейшего времени приводят исходящие от чекистов данные о том, что на территории Алтайской губернии было-де раскрыто 220 групп Союза с тысячами участников. Ефремов также повторяет версию о героическом предотвращении восстания «эсеров-белогвардейского союза» в ночь на 8 февраля 1921 г. в Новониколаевске, когда командование местного коммунистического полка за 45 минут собрало

500 вооружённых людей и внезапно захватило «белогвардейский штаб»^[208].

Однако архивно-следственное дело алтайского отделения Крестьянского союза, сфабрикованное на рубеже 1920–1921 гг. сотрудниками отделения РТЧК ст. Барнаул и их коллегами из Алтгубчека, наглядно свидетельствует о провокационной работе чекистов, придавших делу грандиозный размах. Нелегальную работу В.И. Игнатьева фактически направляли тайные агенты губчека и ОРТЧК. Из следственных материалов видно, что в их фабрикации участвовали десятки (!) секретных агентов. Очень большую роль сыграл негласный уполномоченный ОРТЧК Н.В. Волохов, работавший слесарем в главных железнодорожных мастерских Барнаула и исполнивший для Игнатьева роль одного из ведущих заговорщиков. Волохов, входивший в состав Алтайского губбюро РКСМ, нарочно выбыл из комсомола. В ходе следствия он был фиктивно арестован, поработав и как внутрикамерный осведомитель — «наседка», после чего попал в список из 131 чел., освобождённых чекистами с прекращением дела.

Сапожник-сексот П.А. Плотников в декабре 1920 г. вербовал в «организацию» сотрудников главных железнодорожных мастерских, аналогичную провокационную работу там же проводил токарь И.А. Кошелев. 5 декабря 1920 г. председатель участкового профсоюза мастерских Степанов показал, что в этот день слесарь Н.В. Волохов сообщил, что, по предложению И.А. Кошелева и Кошачко, он, Степанов, избран в руководящую тройку «организации», которая планирует агитировать за Учредительное Собрание, забастовку, а также собирать оружие.

Чекисты пытались связать придуманный ими заговор с реальным Сорокинским крестьянским восстанием, насчитывавшим до 10 тыс. участников и оперативно подавленным в конце января. Уполномоченный наружного наблюдения губчека Рэннэр 31 января 1921 г. сообщал в аппарат уполномоченного по политпартиям, что остатки «Крестьянского союза» во главе с Леоновым выслали для связи с восставшими крестьянами 15 человек. На самом деле бывший поручик Леонов был сотрудником ЧК. Агент В.П. Розанов, согласно рапорту Рэннэра, 30 января встретился на деревообрабатывающем заводе с заведующим колёсным цехом С.Д. Новосёловым и обсуждал с ним, как бы отправить к сорокинским повстанцам 40 чел. подмоги. Также «тов. Розанов» получал от чекистов задания выяснить местонахождение того или иного человека.

Плотная сеть законспирированных сотрудников губчека работала на периферии. Агент Арканс в своём рапорте 15 января 1921 г. сообщал уполномоченному агентурного отделения: «Согласно данной мне задаче о вступлении в контрреволюционную организацию в селе Калманке доношу следующее: В Калманку прибыл 9-го. 10 января приступил к обследованию семейств красноармейцев. (...) 11 января утром был у Александра Конышева, после долгих разговоров Конышев сказал, что здесь есть организация. Я тогда представился ему как бывший офицер и желающий помочь организации своей работой... 12 января... поздно вечером приехал из Панфилово отряд от 80[-го] эскадрона и арестовали 13 человек...».

Арканс просил начальство прислать печать и штамп «Барнаульской [нелегальной] организации, которая была летом, я в ней состоял, так что, прошу, пришлите на всякий случай одну или две бланки, а подписи я знаю кого подписывать. (...) Вышлите [мне] на всякий случай офицерское удостоверение (чин прапорщика) на фамилию Андреев». Вероятно, сексот ранее работал именно в упоминавшейся выше «Алтайской нелегальной (народной?) организации». Также Арканс просил прислать себе в помощь под видом работника губсобеса или земельного отдела ещё одного сотрудника.

Вот красноречивая телеграмма, полученная в губчека 4 марта 1921 г.: «Организация в Змеиногорске создана силами Политбюро (! — А.Т.) по сведениям есть действительная организация [в] Ново-Алейском[;] еду на место ЛИПКИН». Глава Каменского политбюро Вегис 7 февраля арестовал 36 «главарей», якобы намечавших выступление на пять часов утра 8 февраля, а вскоре отчитался уже о 134 арестованных, из которых 7 % были «кулаками», а 10 % — служащими советских учреждений. Затем Вегис арестовал и нескольких коммунистов.

При фабрикации дела Вегис опирался как на уполномоченного политбюро по правым партиям Крымского, так и на помощь своих конспиративных агентов — Ив. Завьялова, М. Гололобова, Пугачёва, Дреманова и других. Малограмотный Гололобов так сообщал об «организации» в с. Высокая Грива: «Мы... напрягая все усилия по шепению гадов Советской Республики и напали на нить подпольную готовящую организацию...». Осведомитель Т. Тоскин

показывал, что в селе руководит «организацией» учитель М. Селихов. Также в Высокой Гриве доносили на односельчан сексоты С.А. Яковлев и А.Т. Алексашина. Таким образом, через год после организации Алтгубчека в крупных сёлах насчитывалось по несколько её тайных агентов.

Чекист Крымский провёл большую провокационную работу. Он сообщал, что с 22 января по 6 февраля 1921 г. работал по «группе кулаков» с. Крутиха и в трёх сёлах арестовал более 40 чел., из которых половину вскоре пришлось освободить, но 22 остались в тюрьме. В группу «кулаков» Крымский внедрил осведомителей В. Поскотина и Бунина-Дунайского, а через последнего дополнительно еёёл ещё и Колесникова. Крымский и Вегис сообщали в губчека, что «конечно, нельзя сказать, что работа сделана чисто», поскольку оставалась на свободе контрреволюционная группа в с. Ново-Ярковское; в с. Травинское, по слухам, было целых 50 членов организации и сотня винтовок, а в небольшую подпольную группу с. Закладнинское был уже послан секретный сотрудник с целью проникнуть в неё.

Среди более чем 700 арестованных по делу «Крестьянского союза» были даже представители номенклатуры: заведующий жилищным подотделом в Барнауле Крылов, заведомо управления Барнаульского уездисполкома Д.Е. Блынский (обвинялся в том, что выдал пропуск главному заговорщику В.И. Игнатьеву, с которым тот покинул пределы губернии), а также работники заготовительных организаций, служащие и милиционеры. Коллегия губчека, рассматривая дела большинства «заговорщиков», из-за крайней слабости улик была вынуждена штамповать по преимуществу лёгкие приговоры. Около 500 арестованных, среди которых был заметный процент сексотов, оказались к июню 1921 г. на свободе. Однако 70 чел. — каждого десятого из арестованных — расстреляли^[209].

Что касается Новониколаевска, то военная организация «Крестьянского союза» — чекисты её именовали «Сибирско-украинским союзом фронтовиков», насчитывавшим якобы до 2.000 участников — была создана с помощью опытного провокатора 37-летнего И.С. Степанова, эсера, действовавшего под кличкой «дядя Ваня». От имени «Союза фронтовиков» Степанов составил воззвание к новониколаевскому гарнизону, где призывал восстать против преступлений «палачей» и заменить «банду» коммунистов всенародным Учредительным Собранием. Со знанием дела «дядя Ваня» в своём воззвании говорил о чекистах: «... Эта банда как вампиры режет и колет штыками в подвалах жертвы несчастных заключённых, убивая по несколько десятков чел. каждую ночь». В чекистской провокации «дяди Вани» активно были задействованы агенты: служивший в 46-м полку С.Т. Гусельников, сотрудник военкомата Ф.И. Казанцев, а также Ф. Масленников, Беланов (он же «Фомичев»), Марченко, И.Н. Моисеев, М.И. Сидельников. На конспиративной квартире И.С. Степанов собирал вокруг себя военнослужащих и затем вместе с помощниками-сексотами оговаривал их, выставляя заговорщиками. Спецагент Степанов летом 1921 г. активно участвовал в фабрикация ещё ряда дел в Новониколаевске и окрестностях.

Одновременно новониколаевские чекисты сфабриковали с помощью секретного агента, бывшего командира РККА А.Ф. Штутаса и его помощников (С.Д. Монакова, И.Д. Угрюмова, Белобородова-«Сорокина») филиал организации, получившей название «Сибирское учредительное собрание». В марте 1921 г. А.Ф. Штутас показал, что белогвардейская организация в Новониколаевске была создана им в 1920–1921 гг. по заданию уполномоченного по шпионажу и военным делам уездной чека М.К. Зайцева: «В этой организации работало нас 5 секретных сотрудников и друг друга мы не знали, все занимали ответственные посты в организации... иногда я рапорты писал просто под диктовку Зайцева, [он] всегда грозил арестом, печати организации были сделаны по распоряжению Зайцева...». В марте 1921 г. участники обеих «организаций» были расстреляны вместе со многими сексотами и самим М.К. Зайцевым, который тогда же был разоблачён как провокатор. Вся история «органов» показывает, что уничтожение собственных сексотов вместе с их жертвами для скрытия следов масштабной фабрикация дел — фирменный почерк чекистов^[210].

«Вскрытые» организации в губернских центрах состояли из представителей считавшихся самыми опасными для советской власти социальных групп: зажиточного крестьянства, бывших белых офицеров и интеллигенции. Многие из арестованных были расстреляны в течение ближайших недель^[211] Тем же, кто оказался в списках «рядовых участников», из-за полного отсутствия улик выносились нередко мягкие приговоры.

Павлуновский 24 марта 1921 г. разослал по губернским чекам шифровку, где говорилось, что обнаружена общесибирская («центральная») организация «Крестьянского союза», связанная с белогвардейцами. Сообщив, что ячейки заговорщиков обнаружены в Челябинске, Тюмени и Екатеринбурге, полпред велел обо всех подпольных организациях — как вскрытых, так и находящихся в агентурной разработке — немедленно сообщать ему лично^[212]. Из этой телеграммы видно, что на конец марта Павлуновский не был готов представить дело так, что «Крестьянский союз» имеется во всех сибирских губерниях. Но с раскручиванием дела через несколько недель на Лубянку были отправлены торжественные сообщения о ликвидации огромного единого заговора эсеров и белогвардейцев.

Стремясь показать рвение в борьбе с «бело-эсеровскими заговорщиками», Павлуновский 29 апреля 1921 г. на заседании Сиббюро ЦК выступил с инициативой ужесточить карательную политику и предоставить органам ВЧК право применять расстрел за «принадлежность к буржуазно-белогвардейским организациям заговорам». На самом деле все чека давно пачками расстреливали обвиняемых «заговорщиков», так что предложение Павлуновского было чистой воды лицемерием и желанием продемонстрировать перед правящей верхушкой переход прошляпавших Западносибирский мятеж чекистов к более жестокой карательной политике. Расправы над «бело-эсеровскими» заговорщиками по приговорам Новониколаевской чекистки прошли в конце марта. В ночь на 24 марта славгородские чекисты вместе с руководителями уезда расстреляли 31 «заговорщика» с Ново-Кормиха. Это дело на крестьян, ранее участвовавших в восстании и затем амнистированных, было сфабриковано с помощью сексотов политбюро А.Я. Шильгави, выдававшего себя за освобождённого из тюрьмы австрийского офицера, и его помощника-коммунара Я. Тимченко^[213].

Хотя организации «Крестьянского союза» в некоторых губерниях Сибири действительно существовали, их работа была скромной, а попытки создания «боевых организаций» не пошли дальше деклараций. В этой связи характерно, что О.А. Пьянова, изучившая дело квази-офицерской «густомесовской организации» в Омске, в которой состояли юнцы и женщины, сделала вывод о том, что военная организация Крестьянского союза офицером Н.П. Густомесовым всё же была создана. На самом деле, признательное письмо Густомесова брату, где говорилось о «наслаждении», испытываемом на допросах у председателя губчека Гузакова, и на которое опирается Пьянова, явно написано под диктовку чекистов, поскольку не было отправлено адресату, а осталось в деле как необходимая для ЧК улика. В.И. Игнатьев и его подельники вели с чекистами игру, откупившись от высшей меры своими «признаниями». Первоначально Игнатьев, уверенный, что его скоро расстреляют, не был готов свидетельствовать против социалистов открыто, но в итоге оказался сломлен и выведен на процесс эсеров в 1922 г., оговаривая всех, на кого указали чекисты, за что получил полную амнистию^[214].

«Заговоры» вскрывались повсеместно в течение всей весны 1921 г. В Семипалатинске 17 апреля чекистами было арестовано сразу 300 участников «белогвардейской организации», состоявшей из интеллигенции, бывших офицеров, гимназистов и бойскаутов. В апреле небольшая «организация по свержению советской власти», состоявшая из поселковых служащих и крестьян, была арестована в пос. Болотное Томской губернии. Били и по своим. Акмолинское политбюро с 1 по 3 марта 1921 г. арестовало 23 бойца 3-го батальона войск ЧК (во главе с помкомвзвода и старшиной роты), и уже 4 марта все эти «заговорщики» были приговорены к расстрелу^[215].

Пугая власти заговорами, председатель Енисейской губчека Р.К. Лепсис 25 апреля 1921 г. докладывал губкому, что помимо «Крестьянского союза», по делу которого было арестовано в феврале почти 300 чел., есть и другие контрреволюционные организации, которые якобы хотят восстать к 20–25 мая, «а если это не выйдет, то до осени действий не предпринимать, а перейти в Советские органы для их дискредитации». Опасения, что советский аппарат может оказаться пронизанным враждебными элементами, были характерны для всех руководящих чекистов.

Об усиленной фабрикации «заговоров» говорит и красноречивая выдержка из автобиографии видного чекиста Н.М. Белякова, работавшего в 1920 г. политкомиссаром заготконторы Томского губпродкома: «Так как продрота была связана исключительно с разъездами, то я одновременно (с августа 1920 г. — А.Т.) работал и секретным сотрудником

Щегловского политбюро. Это тянулось до 25 апреля 1921 г., когда была ликвидирована одна кулацкая эсеровская организация, в которой я состоял по заданию политбюро; когда мне дальше оставаться в этом районе было невозможно, то я был откомандирован в Щегловское политбюро»^[216].

Весной 1921 г. в с. Лотошном Бийского уезда трёх человек обвинили в «замышлении восстания против советской власти». Но проходивший по делу свидетель И. Тиньтюков сообщил, что дело было инспирировано райинформатором Бийского политбюро Овсиенко, в распоряжение которого был послан из Славгорода Тиньтюков. Он и составил воззвание к крестьянству, подогревавшее к восстанию. Тиньтюков показал: «Овсиенко поручил мне роль организатора восстания, что я и стал играть. Поселился я у Кондрата Полонского. Он познакомил меня со своими соседями. Я сказал им, что в случае выступления нам на помощь придёт повстанческий отряд, которым я руковожу». В назначенный день и час «заговорщики» в указанное место не пришли, но тем не менее чоновцы, ждавшие в засаде, арестовали их всех по домам. Пока это единственное известное исследователям дело, прекращённое в связи с тем, что оказалось построено на провокации^[217].

Летом и осенью 1921 г. «заговоры» также вскрывались один за другим. В августе 1921 г. в Новониколаевске была раскрыта «белогвардейская организация», связанная с заговорщиками Бийска и Тюмени, и вербовавшая добровольцев для отправки их в «повстанческие банды». В ночь на 30 августа 1921 г. в г. Татарске раскрыли «белогвардейскую организацию» из бывших офицеров, планировавшую захватить уездный центр с помощью недовольных продналогом крестьян. Арестовано оказалось до 40 чел., а 13 скрылись, в том числе секретарь Тармекульского волисполкома коммунист Степанов. В сентябре 1921 г. в с. Алтайское был раскрыт «заговор» во главе с эсерами Голубевым и Верзиным, в котором насчитывалось до 80 участников^[218].

Барнаульские чекисты осенью 1921 г. попытались сфабриковать очередной заговор «Крестьянского союза», но на этот раз потерпели полную неудачу. По свидетельству заведующего секретным отделом ОДТЧК ст. Барнаул А.Г. Онупрейчика, им «была нащупана... антисоветская группировка, охватывающая как город, так и железнодорожный район... руководящая роль принадлежала эсерам — уцелевшим членам разгромленного в 20–21 гг. Крестьянского Союза». Хотя конкретных свидетельств заговорщицкой деятельности добыто не было, с сентября 1921 г. предгубчека Х.П. Щербак «стал поговаривать о ликвидации» и, хотя признавал недостаточность агентурного материала, «надеялся на удачность следствия и ставил при этом в... опыт и пример ликвидацию "Крестьянского Союза"».

Чекисты-транспортники были вынуждены повиноваться: «В намеченный срок общими усилиями оказалось арестовано около 200 человек и в том числе около 50 человек ж.-д. служащих, куда попали преимущественно инженеры, техники, врачи, комиссары и почти весь состав Учкпрофсожа. В дальнейшем в результате следствия в Алтгубчека все имеющиеся данные осведомления оказались дутыми и не подтвердились... некоторых осведомителей сотрудники возили на автомобилях опознавать дома и квартиры, где происходили конспиративные собрания, но... в конечном итоге произошёл провал». В результате Онупрейчик был обвинён Щербаком в «расконспирации» дела и оказался в тюрьме^[219].

Количество «заговоров», вскрытых сибирскими чекистами в первые годы работы, исчисляется сотнями. По неполным данным, с 15 апреля 1921 г. по 1 января 1923 г. в Сибири было раскрыто 136 контрреволюционных организаций^[220]. Без сомнения, подавляющая их часть была выдумана, поскольку во всех известных делах на «заговорщиков» видна провокационная работа ЧК. Однако старые представления о многочисленных заговорах очень живучи и постоянно высказываются в современных книгах сибирских авторов^[221].

Методы добывания признаний и исполнения приговоров

Во всех чека практиковались массовые аресты без серьёзных обвинительных материалов, что вынуждало власти периодически освобождать многих заключённых или выносить им символические меры наказания. 6 октября 1920 г. И.Н. Смирнов на заседании Сиббюро ЦК РКП(б) указал, что за полпредством ВЧК и органами юстиции числится до 30 тыс.

заключённых, в подавляющем большинстве — рабочих и крестьян. В связи с этим он предложил провести широкую амнистию всех арестованных, за исключением офицеров Колчака, командного состава карательных сил белых и лиц, сознательно злоупотреблявших служебным положением в личных целях.

Но не все доживали до освобождения. Положение арестованных было трагически тяжёлым. Осенью 1921 г. в омском доме лишения свободы, рассчитанном на 278 мест, содержалось более 2.000 заключённых; в октябре трое умерли от истощения, в декабре было зафиксировано 334 тифозных заболевания, от которых умерло 36 чел. Так же были забиты и другие сибирские тюрьмы, причём во всех них в 1919–1922 гг. безостановочно свирепствовал тиф^[222].

Для чекистской практики было характерно повсеместное использование жестоких избиений, пыток, симуляций расстрелов, а также массовое применение так называемых «тёмных» — специальных холодных и тесных карцеров, где раздетых арестованных держали без еды и воды продолжительное время. «Тёмные» очень широко использовались и во все последующие годы.

Характерно письмо, направленное 27 июня 1921 г. в Сиббюро ЦК РКП(б) за подписями коммунистов Н. Соболевского, Родионова, Алагызова, Гаммера по поводу бесчинств Горно-Алтайского политбюро: «... Политбюро г. Алтайска производит аресты часто неосновательные; арестовывают как партийных, так и беспартийных, держат несколько месяцев, не предъявляя обвинения, и выпускают, не объяснив причин ареста. (...) Алтайцев массами арестовывают, бросают по тюрьмам; их пытаются, чтобы они выдавали бандитов: напр[имер] душат, бьют, симулируют над ними расстрелы... (...) Положение арестованных в тюрьме г. Алтайска ужасающее: арестованных сажают за провинности в "тёмную", конуру, где человек не может вытянуться на полу в свой рост, а туда сажают несколько человек, сажают на 6–7 суток, и за всё время не дают не только хлеба, но даже воды. Арестованные... становятся совершенно больными, глаза выкатываются из орбит, лицо синеет... По выходе из "тёмной" арестованные — точно невменяемые — сознаются в таких преступлениях, каких не делали (школьный работник... сам сидел в "тёмной" и подтверждает эти факты, то же самое подтверждают партийные Сынов и Мостибер, которые сидели в тюрьме Алтайска и видели все царящие там издевательства)». Страшные избиения арестованных практиковались в 1921 г. работниками Кокчетавского политбюро, отданными за это под трибунал^[223].

Руководство ЧК позаботилось и о налаживании технологии массовых расправ. Для губернских и уездных чека выбирались здания с подвалами, позволявшими организовывать групповые расстрелы. Глава Енисейской губчека В.И. Вильдгрубе шокировал руководителей губревкома откровенным сообщением о том, зачем чекистам требуется новое здание с подвалом. Зампред Сибревкома В.Н. Соколов, в июне 1920 г. осмотревший подвал Енгубчека, сообщал: «Говорят о пытках в этом подвале, но когда я его осматривал, [он] оказался закрытым, и я подозреваю, что его подчистили. Кровь так и стоит огромными чёрными лужами, в землю не впитывается, только стены брызгают известью. Подлый запах, лестница открыта. Я прямо испугался. Гора грязи и слизи, внизу какие-то испражнения. Трупы вывозят ночью пьяные мадьяры. Были случаи избиения перед смертью в подвале, наблюдаемые из окон сотрудиниками чека».

Член Кокчетавского укома РКП(б) Ф.В. Воронов в письме в ЦК партии описал ужаснувший его массовый расстрел в ночь на 7 марта 1921 г., произведённый по приказу П.В. Гузакова в подвале Омской губчека. После того как Гузаков осмотрел подвал, туда стали одного за другим отводить заключённых, с которых предварительно снимали одежду: «Из подвала слышались выстрелы и стоны. На другой день была прогулка. Арестованные видели груды замёрзшей крови и мозгов. Все подробности расстрела моментально облетели всю тюрьму. Разве это не контрреволюция?»^[224]

Среди способов расправ в гражданскую войну главенствовал расстрел, который официально считался единственным способом казни, но чекисты, милиционеры, ВОХР и партизаны нередко практиковали удушение с помощью петли-удавки (для бесшумности, или с целью экономии патронов, или из садистских соображений, чтобы наблюдать предсмертные судороги жертвы). Также рубили шашками, особенно во время подавления крестьянских мятежей, топили, замораживали, сжигали, зарывали живыми в землю... Дикости гражданской

войны во многом повторились позднее — в эпоху коллективизации и «Большого террора».

Расстрелы производились не только в подвалах губчека, но и в укромных местах на окраинах городов, как правило, ночью. Иногда во время конвоирования осуждённым удавалось бежать. Отмечались и случаи, по оценке властей, чекистской «халатности» во время исполнения приговоров. Осуждённый в июне 1920 г. Алтайской губчека к высшей мере за контрреволюционные действия при белой власти Т.И. Морозов (он же В.М. Колпаков) во время расстрела получил только ранение и, лишившись сознания, упал в ров. Придя в себя, он выбрался из общей могилы и затем успешно скрывался от властей в течение пяти лет (о том, как следует поступить с обнаруженным Морозовым-Колпаковым, сибирская прокуратура в 1925 г. запрашивала республиканские власти). Иногда сбои в осуществлении правильного исполнения приговоров карались на весьма высоком уровне: 12 января 1922 г. Сиббюро ЦК РКП(б) рассмотрело «дело Левченко, бывшего члена Омгубревтрибунала, допустившего небрежность при расстреле одного осуждённого, следствием чего оказалось, что осуждённый остался живым», постановив исключить его из РКП(б), а дело передать в ревтрибунал^[225].

Зачастую в казнях участвовали большие группы чекистов во главе со своими начальниками. Эти пьяные компании не гнушались издеваться над обречёнными или даже уже мёртвыми людьми. Так, начальник отделения ДТЧК ст. Омск Ю.Я. Бубнов, присутствуя при расстреле за городом пяти человек, 14 августа 1921 г. вместе с начальником водного отдела Сибирской Округной ТЧК К.М. Лацем «допустил в пьяном виде хулиганские выходки, за что был арестован» — исполнители приговоров «издевались над трупами, стреляя в задние части тела». По этому делу Омгубчека проводила расследование, ограничившись обвинением чекистов в пьянстве при исполнении служебных обязанностей. Коллегией губчека Бубнов и Лац в начале ноября 1921 г. были освобождены из-под стражи по амнистии и уволены из органов ВЧК^[226].

О собственном садизме отставные чекисты могли вспоминать как о законном революционном пыле, требуя уважения к былым заслугам. Скромный сотрудник омского горстройтреста Андрушевич в 1929 г. получил строгий партвыговор с предупреждением за «невыдержанность» в связи с тем, что во время чистки заявил: «Когда я работал в ГПУ, привели ко мне белого полковника, так я ему зубами прогрыз горло и сосал из него кровь»^[227].

Результаты террора и противодействие террору

Антибольшевистское сопротивление в 1920–1922 гг. выражалось не только в крестьянских мятежах. Среди враждебных режиму лиц часто шли разговоры о провалах и прямых преступлениях власти, о необходимости бороться с большевиками и доставать оружие. Однако для ЧК не было существенной разницы между намерением и действием — она практиковала массовый террор против инакомыслящих, поэтому всякий недовольный считался смертельным врагом. С помощью агентуры чекисты выявляли нелояльных, присоединяли к ним их родственников, знакомых, фабрикуя разветвлённые организации и расстреливая в том числе как несовершеннолетних, так и женщин.

Вопрос о количестве уничтоженных людей в годы красного террора в Сибири не может найти удовлетворительного решения без доступа к оперативным материалам полпредства и губчека. В центральном аппарате ВЧК подсчитывать репрессированных начали, опираясь на далёкие от полноты сводки с мест, только с 1921 г.

На совещании руководящих партработников Алтайской губернии глава местной губчека Х.П. Щербак 20 декабря 1920 г. заявил: «... С первых дней определённого антисоветского элемента эсеров и др. контрреволюционеров насчитывалось 25 тысяч человек — отдельными группами, в разных местах. К настоящему времени раскрыты и за контрреволюционную деятельность расстреляно 10 тысяч».

Такая цифра расстрелянных в течение первого года работы Алтгубчека ошеломляет и заставляет исследователей осторожно отмечать её противоречие известным материалам^[228], но всё же трудно представить, чтобы Щербак на сугубо секретном и представительском собрании вводил своих товарищей по партии в заблуждение, предлагая им заведомо завышенные цифры. Скорее всего, дела на этих лиц просто уничтожены (так, только в Центральном архиве КГБ в 1954–1955 гг. были сожжены сотни тысяч следственных дел).

Зампред Томской уездчека К.Ф. Левитин 19 февраля 1920 г. сообщал ревкому, что в тюрьме находилось 780 заключённых, из которых 320 — контрреволюционеры, 160 — совершившие должностные преступления, примерно столько же — колчаковские каратели, и 35 — бандиты. Эти цифры наглядно говорят, против кого в первую очередь был направлен удар красного террора. В местной газете «Знамя революции» 7 ноября 1920 г. зампред губчека Б.А. Бак официально извещал, что с 14 января по 1 октября 1920 г. Томская уездно-губернская ЧК арестовала 6.138 человек. Из них 4.087 — за контрреволюцию, 1.367 — за бандитизм и другие уголовные преступления, 340 — за спекуляцию, 263 — за преступления по должности, 81 — за саботаж. Из этого количества «как неисправимые» было расстреляно 330 человек. Таким образом, томские чекисты за весь год арестовали до 5 тыс. «контрреволюционеров», а между тем Томская книга памяти упоминает среди реабилитированных только ок. 1.250 из числа арестованных в течение всех 20-х гг., а для 1920 г. даёт 233 расстрелянных и 39 приговорённых к высшей мере, но затем помилованных. Среди расстрелянных в 1920 г. преобладали молодые люди, в том числе было 15 студентов томских вузов^[229].

В барнаульской тюрьме на 7 июля 1920 г. находилось 572 арестанта, тюрьмах Бийска и Змеиногорска — 500 и 200. Подавляющее большинство арестованных обвинялись в контрреволюционных преступлениях. К 1 мая 1920 г. Ачинская уездчека арестовала 984 чел. В Красноярске в марте — мае 1920 г. было расстреляно более 300 чел., а в местной тюрьме к 7 июня 1920 г. находилось 644 чел. На 1 октября 1920 г. в Енгубчека было зарегистрировано 2.574 дела, а коллегия губчека в 1920–1921 гг. на 124 заседаниях рассмотрела 4.640 дел^[230].

Логично предположить, что в каждой губчека в 1920 г. были уничтожены как минимум многие сотни противников режима (и причисленных к таковым), а также уголовных преступников. Показатели 1921 г. должны быть сопоставимы. Обнародованная статистика арестов по этому году тоже вызывает вопросы. Так, известно про массовые аресты в начале Западносибирского восстания: уже 7 марта 1921 г. П.И. Студитов информировал, что при губчека содержалось 400 арестованных, в Ялуторовске схватили 800 чел., а в Ишиме — 1.700. Официальная цифра арестованных чекистами в Тюменской губернии за весь 1921 г. — 2.234 чел. — выглядит в связи с вышеприведёнными (2.900) недостоверно^[231].

Книги памяти жертв репрессий во всех регионах дают скромное количество реабилитированных по делам начала 1920-х. Лишь частично это может быть связано с большим количеством дел на лиц, осуждённых за бандитизм и другие общеуголовные преступления, карательную деятельность при белых, участие в восстаниях. Истинного размаха политических репрессий обнародованные в Книгах памяти цифры явно не отражают.

Председатель Сибревкома И.Н. Смирнов в докладе Ленину по итогам работы за 1920 г. отметил, что возникавшие «кое-где» белогвардейские организации «не имели ни сильных руководителей, ни... объединённой сибирской организации и какой-либо политической программы. Все эти мелкие организации были раскрыты... и ликвидированы»^[232]. Таким образом, Смирнов не отнёсся серьёзно даже к таким огромным делам, как общесибирский «заговор Драчука-Орлеанова». Возможно, он знал и о выступлении Щербака с указанием на 10 тыс. расстрелянных алтайскими чекистами. Вероятно, Смирнов сознательно не указывал Кремлю об истинных масштабах террора.

Политика красного террора вызывала сильнейший протест у тех, против кого была направлена. Западносибирские мятежники в феврале 1921 г. в специальном воззвании распространили факт зверского убийства пленных красными частями. Анализируя причины массового повстанческого движения в Якутии, М.К. Аммосов в письме В.В. Куйбышеву в июле 1922 г. отмечал, что «все воззвания и прокламации противника переполнены... острым негодованием на террор со стороны органов Чека», которые в результате оказались дискредитированы «так, что дальше некуда»^[233].

Внутри советской системы самые видные чиновники нередко резко критиковали деятельность чекистов. В.И. Ленин признавал, что в 1919 г. на Украине чрезвычайные комиссии «принесли тьму зла», а позднее приказывал расстреливать «паршивых чекистов» за особенно вопиющие злоупотребления. Известно о крайне негативной оценке Л.Д. Троцким деятельности начальника Особого отдела ВЧК М.С. Кедрова и многих его подчинённых. Председатель Верховного суда при ВЦИК Н.В. Крыленко в 1920 г. на III Всероссийском съезде

деятелей советской юстиции сказал, что если ВЧК правой рукой уничтожает контрреволюцию, то левой — плодит её, причём неизвестно, которая из рук действует лучше — «боюсь, что она левша»^[234].

Не избежали самой резкой критики и сибирские чекисты. Зампред Сибревкома В.Н. Соколов в июне 1920 г. сообщал, что атмосфера Енисейской губчека «...переполнена грубостью, цинизмом, кровью, предательством, пьянством и развратом. Это — неизбежное физиологическое последствие систематических кровавых расправ на всём протяжении 3-хмесячной работы Вильдгрубе и Иванова. (...) Арестовывают семьями по личным счетам, по доносам [секретных] или иных сотрудников. Говорят, были случаи расстрела раньше вынесенного приговора... В деле расстрелянного Кучеренко нет протокола допроса. Расстрелян юноша Кинчман по доносу ревнивой девицы, которая потом отравилась и созналась в предсмертной записке. (...) Расстреляно здесь всего за 3 мес[яца] больше 300 чел. (...)... Думаю, что Вильдгрубе и Иванова восстановить в правах здесь нельзя. Они физиологически перерождаются в автоматов смерти и убийства. Отсюда извращённость всех других отправлений и неизбежное привнесение разнузданности во весь аппарат...». Однако Павлуновский добился быстрого освобождения арестованных губернскими властями В.И. Вильдгрубе и Д.М. Иванова^[235].

Массу претензий к чекистам имели хозяйственные руководители. Чекисты совершенно игнорировали телеграмму Дзержинского от 26 января 1921 г. с указанием прекратить аресты специалистов по обвинениям в связи с делами белогвардейского периода. В НКПС поступали сведения, что работники ДТЧК Томской и Забайкальской дорог обвиняют почти весь линейный и технический персонал в контрреволюции и саботаже. На заседании Сибревкома 28 мая 1921 г. председатель Сиббюро Всероссийского союза горняков Абрамов негодующе говорил о «колоссальных недоразумениях» с ЧК в угольных районах, «которая деморализующе действует на наших спецов, которые в последнее время во всех районах были арестованы, и сейчас ещё 43 человека сидят. СибЧК ищет контрреволюцию и не может её найти, и это отзывается на нашей работе».

Вынужденное реагировать на «спецеество», Сиббюро ЦК РКП(б) только в июле 1921 г. вынуждено было трижды прибегнуть к мерам «умиротворения» питомцев Павлуновского. Например, Сиббюро потребовало немедленных объяснений в связи с арестом Омской РТЧК инженера Савчика, командированного Сибпромбюро для выполнения хозяйственных заданий. В другом случае обнаружилось, что на Кемеровских рудниках политбюро производило необоснованные и частые аресты специалистов. Сиббюро поручило Павлуновскому разобраться с этим вопросом, а заодно пересмотреть состав политбюро с точки зрения соответствия сотрудников ЧК занимаемой должности^[236].

Власти на местах обычно защищали чекистов от такой критики, в которой усматривалось отрицание методов их повседневной работы. 1 августа 1921 г. Енисейская губКК РКП(б) вынесла строгий выговор Г.Л. Хасину (ранее занимавшему ответственную должность) за поданное секретарю губкома заявление «о наблюдающихся ненормальных действиях» губчека. Поводом для выговора стали следующие высказывания Хасина: называл деятельность чека «Шемякиным судом и такой же расправой», само учреждение — «святой инквизицией», а агентов её — «следопытами». Характерно, что в тот же день контрольной комиссией, напротив, было прекращено дело на работника Енгубчека и завхоза красноярского концлагеря Егорова, заведённое по заявлению партийца Яковлева: Егоров был замечен в пьянстве и угрожал Яковлеву револьвером^[237]. «Следопыт», таким образом, получил преимущество перед рядовым коммунистом.

Впоследствии откровенные разговоры членов партии о чекистских делах также характеризовались как подрывающие авторитет «органов». Репрессивная деятельность чекистов поощрялась и оберегалась от критики; власти вмешивались в неё обычно в случае каких-либо особых эксцессов.

«Красный бандитизм»

С момента восстановления большевистского режима в Сибири красный террор продолжительное время осуществлялся двумя путями: как сознательной чисткой силами ЧК и

милиции, подчинявшейся колебаниям общей карательной политики, так и стихийным избиением и экспроприацией сторонников Колчака на основе личных счётов и корыстных мотивов со стороны всех, кто считал себя лично задетым политикой белой власти.

Помимо «упорядоченного» коммунистического террора жизнь Сибири во многом определяли стихийные бессудные расправы на классовой почве, известные как «красный бандитизм». Он отнюдь не был исключительно сибирской особенностью, поскольку отмечался повсюду в стране, но в Сибири и на Дальнем Востоке был развит особенно сильно. Криминальный характер коммунистической власти ярко отразился в этом специфическом явлении, ставшем характерной и повсеместной чертой революционного и пореволюционного быта.

Будучи частью советского аппарата, заражённого уголовщиной и пронизанного красnobандитскими настроениями, органы ВЧК, подобно аппаратам Сиббюро, Сибревкома, губкомов ВКП(б) и губисполкомов, занимали противоречивую позицию в этом остроактуальном вопросе. Если верхние слои начальства, в том числе карательного, в целом понимали опасность неконтролируемых массовых бессудных расправ с врагами советской власти, то на местном уровне как уездные и волостные ревкомы с сельскими ячейками, так и уездные чека с политбюро и милицией повсеместно выступали в качестве деятельных проводников «красного бандитизма».

Но нередко и верхушка ЧК была поражена грубо-террористическими настроениями: ныне очевидно, что деятельность руководства Енисейской (при В.И. Вильдгрубе) и Якутской губчека (в 1920–1922 гг.) носила выраженный бандитский характер, а полпредом Павлуновским часть проявивших себя с криминальной стороны элементов была выдвинута на руководящую оперативную работу. Вообще, в «умеренном» «красном бандитизме» власти Сибири явно видели больше пользы, чем вреда — он помогал им в борьбе с контрреволюцией и маскировал коммунистический террор стихийными «народными расправами». Принять серьёзные меры против «красного бандитизма» означало для власти оттолкнуть многих союзников из числа маргиналов, формально признающих диктатуру пролетариата, но фактически оставшихся стихийными анархистами.

Десятки тысяч партизан и демобилизованных военных, привыкших к убийствам и грабежам, потерявших родных и друзей от рук колчаковцев, привнесли в общественную жизнь разнузданную мстительность. Порой она обрушивалась не только на «гадов», но и на представителей власти, пытавшихся сдержать бандитизм. В условиях острого дефицита партийно-советских и чекистских кадров в Сибири масса партизан в 1920–1921 гг. оказалась в РКП(б) и органах ВЧК, превратив их в явно криминализованные структуры.

Для советской историографии было очевидно, что строительство большевистских органов власти осуществляли преданные коммунистической идее бескорыстные сторонники новой жизни — передовые, политически активные рабочие, крестьяне, интеллигенты. В действительности же новая власть, особенно в наиболее удалённых регионах, оказалась в основном составленной из неприспособленных к управленческому труду малограмотных карьеристов, среди которых не редкостью были личности с уголовным прошлым, всевозможные авантюристы и проходимцы.

Разложение большевистской власти началось с первых месяцев её существования. Видный коммунист В.П. Ногин на VIII партсъезде в марте 1919 г. прямо заявил: «Пора всё-таки на этом съезде сказать ещё другую истину: что наша партия опустилась, что работники на местах и в центре ведут себя так, что позорят имя партии»^[238]. Начальники на всех уровнях повсеместно злоупотребляли властью, организовывали бессудные расправы над политическими противниками, самочинно занимались реквизициями, пьянствовали, развратничали. Для их психологии был характерен постоянный страх перед возможными заговорами и восстаниями. Местные лидеры наряду с чекистами нередко активно участвовали как в фабрикациях заговоров, так и расстрелах политических врагов.

В самом отдалённом из регионов — Якутии — концентрация во властных структурах криминального элемента из числа многочисленных ссыльных оказалась чрезвычайно большой. Достаточно сказать, что первый лидер Якутского ревкома и глава Ревштаба Х.А. Гладунов ранее был коммунистом-экспроприатором, а потом попался на изготовлении фальшивых денег, за что получил каторжные работы. Летом 1918 г. он деятельно участвовал в разгоне

якутских властей, лично застрелив и ограбив мирового судью и следователя Ф.Н. Банковского, затем стал начальником милиции, а при бегстве от белых похитил кассу совдепа — 32 тыс. руб. В тюрьме он написал товарищам, обвинявшим его в краже, красноречивую записку: «Черкните, кому и сколько я должен дать».

В декабре 1919 г. Гладунов вышел из тюрьмы и сразу стал начальником военно-революционного штаба и ревкома. Менее чем через две недели он участвовал в убийстве эсера Б.С. Геллерта, командовавшего красными вооружёнными силами при захвате Якутска. Большевики, не желая делиться властью с Геллертом, зверски с ним расправились. Сиббюро ЦК де-факто согласилось с политической целесообразностью такой акции. Летом 1920 г. Гладунов был исключён из партии как не заслуживающий доверия, а затем арестован военными властями.

Пришедший ему на смену партийный лидер Якутии юный М.К. Аммосов чувствовал себя настоящим удельным князем: так, чем-то не угодившего председателя выездной сессии РВТ 5-й армии и ВСВО Шевашева он приказал в мае 1922 г. арестовать, связать и отправить в иркутскую психбольницу^[239]. Якутские власти рассматривали ЧК не только как террористический орган, но и инструмент для постоянного выяснения аппаратных отношений, закрывая глаза на обилие в нём уголовного элемента.

Крайние злоупотребления местных властей были нормой везде. Выразительный портрет сельской власти дал в конце 1920 г. глава Иркутской губчека А.П. Марцинковский. «Комячейки в целом ряде мест... [это] уродливые политические явления: имея в своем составе крайне неустойчивых в моральном отношении лиц, подчас с уголовным прошлым, эти ячейки... представляли из себя привилегированную группу лиц, связанных между собою различными шкурными интересами...». В Мариинском уезде Томской губернии, видя, как войска ВЧК, подавлявшие мятеж П.К. Лубкова, массами расстреливают население, открытый красный террор активно осуществляли и почти все комячейки совместно с бывшими партизанами, служившими в милиции. Член Ачинского укома РКП(б) Зосе на заседании президиума Енисейского губкома партии 24 декабря 1920 г. прямо заявил, что большинство комячеек уезда своими действиями «подрывают престиж и партии, и власти». Начальник политотдела 21-й дивизии на заседании Алтайского губкома РКП(б) в апреле 1921 г. отмечал, что из-за грубого административного произвола «всё крестьянское население озлоблено и восстановлено против комячеек»^[240].

Нэп разъярил люмпенов, паразитировавших за счёт продрозвёрстки с зажиточных слоев деревни, и сильно подхлестнул «красный бандитизм». Чекистский циркуляр от 14 августа 1921 г. отмечал, что «бедняцкая часть комячеек отбирает у крестьян хлеб... сплошь и рядом убивает зажиточных крестьян», из-за чего селяне «боятся везти хлеб для товарообмена». Так, в Новониколаевской губернии была арестована целая организация из 30 коммунистов и бедняков, образовавшая отряд, который разъезжал по деревням и «в массе расстреливал так называемых кулаков, имущество их конфисковывалось и распределялось между беднотой». В начале 1922 г. в Омской губернии коммунисты принимали «участие в уголовных бандитских шайках, объясняя своё участие в бандитизме недовольством нэпом и «желанием грабить буржуазию в пользу рабочих».

Осторожное предположение, высказанное в 1992 г. В.И. Шишкиным о том, что «красный бандитизм» унёс в Сибири сотни людских жертв^[241], нуждается в радикальном увеличении — на порядок и более. Архивы пестрят сведениями о повальных «красных расправах» во всех сибирских регионах, в том числе с участием чекистов.

Один из первых известных случаев «красного бандитизма», очень наглядно проявленного руководителями Павлодарского уезда Семипалатинской губернии — председателем ревкома Т.Д. Дерибасом, заведующим политбюро И.К. Козенко, начальником уездной милиции М.Ф. Ошурковым (бывшим уполномоченным губчека в Павлодаре), членом ревкома М.А. Медведевым и другими — не вызвал сколько-нибудь заметной реакции со стороны сибирских властей. Они в первую очередь были возмущены паникой павлодарских руководителей, в июле 1920 г. попытавшихся бежать из города, опасаясь штурма так называемыми «чёрными бандами» Ф.Д. Плотникова.

Когда отряды повстанческой Народной армии Степного Алтая под руководством Плотникова 27 июля 1920 г. подошли к станции Подстепная, перепуганное уездное

руководство постановило расстрелять 24 чел. из 56 взятых заложников, что и было исполнено в три часа утра 28 июля. Среди расстрелянных Дерibasом были 8 казаков, четыре «кулака», «павлодарские буржуа», отнесённые к кадетам, а также врач, лесничий и некоторые другие лица, обвинявшиеся в антисоветской агитации («ложные слухи о бессилии Соввласти и её непригодности для жизни»), активном участии в свержении большевистской власти в 1918 г. и даже в шпионаже, как якобы наблюдавшие за «перемещением боевых частей павлодарского гарнизона»^[242].

Вскоре павлодарские власти уничтожили ещё около 20 граждан, обвинённых в заговорщицкой деятельности. 2 августа 1920 г. Дерibas выехал в расположенный под Павлодаром Баян-Аул, где, согласно информации местного партийного лидера Пирожникова, был разоблачён белогвардейский заговор. В течение недели Дерibas и местные власти вели следствие по ряду арестованных — от купцов Тумашевых и Кулеева до секретаря исполкома Н. Зонова и заведующего лесничеством Новгородцева. Дерibas заявил об обнаружении оружия при обысках и о том, что из 20 допрошенных почти все сознались в заговоре. Пирожников сообщал Дерibasу: «Головку выслать [в Павлодар] можно, но ручаться, что они не побегут, не могу. Это такие типы, что взглянешь, так волосы дыбом становятся».

В следственном деле на Дерibasа сохранился недатированный листок, подписанный председателем ревкома и начальником уездной милиции. В нём Дерibas и Ошурков сообщали, что они открыли белогвардейский заговор и арестовали более полусотни «главарей», из которых 33 решили отправить для следствия из Баян-Аула в Павлодар, а остальных приговорили к принудительным работам на месте: «Отправка первой партии была назначена в 2 часа ночи... по дороге от Баян-Аула на протяжении приблизительно 5-ти вёрст партия арестованных пыталась сопротивляться дальнейшему продвижению вперёд и проявила попытки к обезоружению конвоя, который принял меры к ликвидации такого явления и в результате партия была частью поразстрелена (так! — А.Т.), частью переколота, трупы же их были зарыты в степи. Вторая партия была отправлена в 6 часов утра с предупреждением», что если они позволят себе такие же поступки, как первая партия, то с ними будет поступлено так же. Вторая партия, порализованная (так! — А.Т.) случившимся событием, благополучно отбыла в Павлодар»^[243].

Версия Дерibasа о попытке арестованных обезоружить конвой выглядит крайне сомнительно, поскольку явно опирается на нарочито зафиксированные на бумаге сомнения Пирожникова в возможности удачной отправки столь опасных «типов». Скорее всего, конвоиры в заранее условленном месте просто набросились на арестованных... Поголовное истребление партии и отсутствие беглецов, которым темнота могла бы помочь избежать расправы, также свидетельствует в пользу версии о подготовленной и внезапной «ликвидации» классовых врагов. Характерно, что в доступных документах ничего не сообщалось о численности уничтоженной партии арестованных, не называлось ни одной фамилии.

Что касается следствия по расстрелу заложников, то в отдельное производство из дела о попытке бегства властей из Павлодара оно не выделялось, показания виновников преступления не проверяли, а тех, кто непосредственно участвовал в убийствах, не допрашивали. Суд над компанией Дерibasа вылился фактически в одобрение её самочинных действий, поскольку ревком якобы действовал в рамках декрета СНК о красном терроре от 5 сентября 1918 г. Сам Дерibas, арестованный в Павлодаре 21 августа 1920 г., был сразу переведён под домашний арест, а 27 августа следственной комиссией губревкома осуждён к высшей мере наказания. Однако, «учтя чистосердечное сознание и 17-летний партийный стаж», комиссия постановила «применить ему высшую меру наказания условно на 1 год». Вскоре Семипалатинский губревтрибунал, среди членов которого был глава губчека А. Ванюков, прекратил дело на павлодарских работников за отсутствием состава преступления. Дерibas тут же был отозван в Москву, вскоре добившись и восстановления в партии^[244]. Таким образом, для красnobандитских преступлений со стороны властей на ближайшие месяцы де-факто была открыта зелёная улица.

В павлодарском эпизоде сотрудники ЧК сыграли подчинённую роль в сравнении с иницилирующей ролью Т.Д. Дерibasа, авторитетного старого большевика с 1903 г. Но известные факты наглядно свидетельствуют о том, что бессудные расправы внутри чекистских

учреждений были обыденным явлением. Следователь Тюмгубчека В.А. Колесниченко с несколькими коллегами в ночь на 7 мая 1920 г. без суда и следствия расстрелял троих арестованных прямо во дворе губчека. Показательно, что общее партсоборание губчека вскоре ходатайствовало перед коллегией об аресте Колесниченко не за участие в групповом убийстве, а за гораздо более нетерпимый поступок: проведение некоей «контрреволюционной агитации» во время командировки в Шороховскую волость... Примерно тогда же работник Енисейской губчека Дрожников без суда и следствия расстрелял в тюрьме Дергачёва, обвинённого в участии в контрреволюционной организации. В 1921 г. сотрудник Бийского политбюро П.К. Якименко, «заподозрив гражданку Основскую в контрреволюции, её убил, не допросив»^[245].

В конце 1920 г. на борьбу с «бандитизмом» в Верхоленинский уезд Иркутской губернии был командирован уполномоченный ЧК А. Бутенев, по приказу которого «отмораживали ноги местному населению, кололи под ногти иглами, производили всевозможные пытки и порки, расстреливали без суда и следствия непричастных [к] контрреволюции». По решению Сиббюро ЦК РКП(б) в апреле 1922 г. Бутенев подлежал расстрелу, однако РВТ 5-й армии и ВСВО в ноябре 1922 г. дело на Бутенева и ещё 5 чел., обвинённых в истязании арестованных, прекратил по октябрьской амнистии.

Уполномоченный Каинского политбюро Новониколаевской губчека М.В. Якушев осенью 1921 г. получил строгий выговор от ревтрибунала за участие в убийстве участкового нарсудьи Д.А. Осипова. Сотрудник Верхоленинского политбюро Иркутской губчека в 1921–1922 гг. С.К. Елизаров был исключён из РКП(б) за «убийство в пьяном виде». Сотрудники Минусинского политбюро С.Н. Кондратов и Беляев примерно летом 1922 г. были арестованы за убийство «при допросе в момент вспыльчивости одного из граждан». Начальник особого отделения № 3 в Минусинске А.М. Янковский был в начале 1922 г. исключён из партии за то, что «творил всякие мерзости и беззакония» (аресты, стрельба по людям, «буржуазный образ жизни в квартире с роскошной обстановкой из вещей, конфискованных у разных лиц»), «бороться с которыми была бессильна даже местная власть и уком» — с рекомендацией отдать под суд. Однако Янковский сохранял свою должность и в 1924 г.^[246]

В 1921 г. в Кузнецком уезде за совершение многочисленных преступлений была арестована целая группа работников особого отдела Томской губчека, «обслуживавших» Кузбасс. Коммунисты А. Белов, А. Деревянников и Остроухое оказались в тюрьме за изнасилование арестованной и пьянство, Р. Гальвера арестовали за пьянство и хищение продуктов, особист Быков угодил за решётку за сокрытие преступников и систематическое пьянство. Уполномоченным по крестьянским делам и бандитизму особого отдела Н.А. Соколов за «красный бандитизм» был уволен из ЧК и отдан под суд. Но уже в 1923 г. он спокойно трудился делопроизводителем в отделе управления Кузнецкого уездисполкома.

В январе 1922 г. томский губревтрибунал на открытом процессе судил за бандитизм 22 работника карательных органов Мариинского уезда. Начальник Мариинского политбюро К.А. Зыбко, сотрудник политбюро Н.С. Карпенко, помощник начальника уездной милиции А.П. Замятин, начальник раймилиции и другие оказались осуждены за фабрикацию дела о «белогвардейской организации», по которой было арестовано 54 чел., непринятие мер по «расследованию нескольких убийств», бессудные расстрелы, мародёрство и избиения граждан. Из осуждённых четверо были расстреляны, 7 умерли в тюрьме от тифа; что касается Зыбко, то он вскоре был освобождён и до самоубийства в 1937 г. работал в милиции и прокуратуре^[247].

В ноябре 1922 г. Алтайский губревтрибуналом осудил к минимальным срокам заключения бывших сотрудников Бийского политбюро — Я.А. Пасынкова, И.Т. Саблина, В.П. Морозова, П.К. Якименко, а также политрука раймилиции М.О. Шестакова, которые годом ранее застрелили несколько арестованных лиц, заподозренных в бандитизме, и присвоили себе их имущество (Пасынков вскоре был возвращён в «органы», где прослужил до 1950 г.). Сотрудник Горно-Алтайского политбюро А. Тихомиров в январе 1922 г. был исключён из партии за самовольный расстрел 5 граждан и присвоение их имущества, в 1924 г. (после 2,5 лет расследования) за убийства, вымогательство взяток и изнасилования символическое наказание получили двое горно-алтайских чекистов-пограничников М. Ебичев, О. Мальцев и Л. Шитов^[248].

Но основная часть краснобандитских преступлений, совершённых чекистами, не расследовалась, хотя о многих из них были осведомлены как руководители ЧК, так и местные власти. Например, в декабре 1921 г. за пьянство и хулиганство был исключён из партии сотрудник поручений СОО Алтайской губчека Кудимов, на жалобу которого заведомо губкома РКП(б) П.Г. Канцелярский отвечал, что Кудимов — личность в губернии известная, и за этим красным бандитом, помимо уголовного прошлого, числится 57 убитых^[249].

Чекисты порой расправлялись и друг с другом. в июне 1921 г. райуполномоченный Бийского политбюро Д.З. Исаков был убит беспартийным Ив. Китовым по приказу уполномоченного политбюро Н.П. Глинского — «как вредный член партии, порочащий нашу мать РКП(б)». Только в следующем году это дело начали расследовать, причём Глинский тогда работал начальником политотдела 21-й дивизии и числился уполномоченным Сиббюро ЦК РКП(б)^[250].

Циркуляр полпредства ВЧК по Сибири от 14 августа 1921 г. констатировал, что «проводниками красного террора на местах являются политбюро и милиция», которые «арестованных редко (! — А.Т.) доводят до места, по дороге "при попытке бежать" расстреливают». Подобные факты были во всех губерниях, причём также отмечалось, что «арестованные, освобождённые из ЧК, на местах убиваются», В Минусинском уезде «политбюро, милиция, секретарь укома и начальник гарнизона арестовывают зажиточных крестьян и расстреливают». В Мариинском политбюро «все арестованные кулацкие элементы и контрреволюционеры были удушены».

Удушения «врагов» практиковались весьма активно. Так, в ночь на 15 февраля 1921 г. ачинские чекисты во главе с завполитбюро П.Е. Пруцким и милиция арестовали 60 потенциальных «заговорщиков» из с. Шарыпово и шести других деревень, после чего поодиночке задушили их прямо в помещении волисполкома. Тех, кто подавал признаки жизни, добивали колотушками. Наказали убийц символически.

В соседней Дальневосточной республике творилось то же самое. В сентябре 1921 г. директор Госполитохраны Г.И. Быков в секретном циркуляре приказывал местным органам ГПО — для улучшения имиджа ДВР в связи с начавшимися переговорами с Японией — временно «никаких секретных судов и расстрелов не производить», «не допускать широкого, бесцельного и вредного для РКП пользования методами провокаций» и пока «отказаться от чекистских методов ликвидации врага на месте преступления»^[251].

Постоянной практикой было создание со стороны партийцев «подпольных чека», занимавшихся террором. В начале 1922 г. предработники Омской губернии, не удовлетворяясь привычным произволом, для более успешного выбивания налога создавали специальные подпольные ЧК. Заместитель заведующего отдела управления Черепановского уездисполкома Бубеннов в январе 1922 г. был снят и арестован за создание в период кампании по сбору продналога отделений ЧК и угрозыска, которые крестьян Галицкой волости пороли плетью и топтали лошадьми^[252].

В верхних эшелонах власти на проблему «красного бандитизма» обратили внимание только тогда, когда она предельно обострилась. Сиббюро ЦК РКП(б) 19 августа 1921 г. провело специальное секретное совещание с секретарями губкомов. И.Н. Смирнов с полным доверием к измышлениям Павлуновского указал, что в Сибчека есть материал о «связи между английской и японской агентурой и группами красных бандитов». Местные вожди мыслили менее глобально, но приводили яркие факты произвола на своих территориях.

Секретарь Алтгубкома РКП(б) Я.Р. Елькович отметил, что самочинные расправы со стороны комячеек достигли «чрезвычайно больших размеров», а глава губисполкома Е.В. Полюдов — что в одной из волостей «было убито в течение зимы до 400 человек... красный бандитизм в ряде случаев поощрялся очень ответственными работниками». Представлявший Томскую губернию В.А. Строганое сказал, что рост бандитизма налицо в Нарыме, Щегловском и Мариинском уездах, где зафиксированы не только «нелады» между политбюро и милицией, но и «несколько случаев убийств ответработников-коммунистов». М.Н. Рютин пояснил, что в Кузбассе основная причина бандитизма — партизанские настроения и «традиции», причём якобы наблюдается связь комячеек «с отрядами белого бандитизма».

В.М. Косарев отметил, что в Новониколаевской губернии имеется «один факт образования

тайной организации, возглавляемой очень ответственным работником». К. Мамкин из Красноярска поведал, что в последние месяцы бандитизм разрастается в инородческих районах «на почве безобразий местных соворганов, в частности, милиции... комячейки часто принимают участие в бандитизме из-за нужды», и что «красный бандитизм имел своим последствием развитие белого бандитизма».

Секретарь Сиббюро ЦК В.Н. Яковлева с тревогой заявила, что красные бандиты держат связь друг с другом благодаря помощи политбюро и милиции. В итоге совещание постановило провести чистку аппаратов милиции и местных чекистских органов^[253]. Чистка шла несколько месяцев, и ей определённно помогла начавшаяся осенью партийная чистка, во время которой из РКП(б) в числе более 8.000 исключённых коммунистов были изгнаны многие красnobандитские элементы. Почти не было таких чекистских ячеек, из которых не изгонялись бы по несколько членов за различные преступления и злоупотребления. Пленум ЦК РКП(б) в октябре 1921 г. рассмотрел подготовленный Сиббюро доклад о «красном бандитизме» и поручил Оргбюро ЦК принять меры для укрепления парторганизаций региона. Власти полагали, что «красный бандитизм» следует изживать с помощью терпеливого просвещения партийцев на местах. Решительных мер к коммунистам-убийцам, в том числе чекистам, предпринимать не разрешалось. Обычно их подвергали партийным взысканиям.

Боявшиеся гласности власти старались покрывать даже самые очевидные проступки «своих». Так, Павлуновский на заседании Сиббюро ЦК 6 июня 1921 г. вступился за бывшего чекиста Л.Г. Леонидова и партийца Смирнова, отданных под трибунал за избиения крестьян, изнасилования и пьянство во время кампании по выполнению продразвёрстки в Новониколаевском уезде, заявив: «Публично судить этих работников нельзя, так как тогда придётся неизбежно осудить вместе с ними и всю продполитику». Председатель Сибревкома согласился с мнением полпреда ВЧК^[254].

Рассматривая дело группы 4 чекистов-транспортников и 20 местных партийцев, убившей в конце 1921 г. на ст. Топки несколько человек «с целью истребления гадов» (среди них были три работника железной дороги и командир роты 182-го полка) и покушавшихся на убийство члена Томского губкома РКП(б) Никитина, а также священника, Сиббюро ЦК в мае 1922 г. постановило, что расстрела к убийцам применять не следует. Бывали, правда, случаи подчёркнуто жёсткого отношения к бандитствующим коммунистам, но они относились к более позднему времени. Например, рассмотрев 27 марта 1924 г. дело Жирова и Нежданова, организовавших в 1921 г. «подпольную ЧК» и обвинявшихся в расстрелах и грабежах, Сиббюро указало суду «не останавливаться перед вынесением высшей меры наказания», а по итогам процесса постановило «настаивать перед ЦК РКП о приведении приговора в исполнение»^[255].

В 1921–1923 гг. в период массового повстанчества в Якутии (численность мятежников доходила до 10 тыс.) «красный бандитизм» был повальным. Местный партийный лидер И.И. Барахов позднее писал: «Как в прифронтовой полосе, так и в г. Якутске, вымогательства, истязания, таинственное исчезновение людей (аресты в масках) стали обычным явлением. Уже в ноябре [1921 г.]...выплыли дела двух сотрудников Губчека Боруна и Корякина (оба уголовные ссыльные рецидивисты) по обвинению их в изнасиловании заложниц, жён скрывшихся якутов, в зверской пытке над ними и над якутами, заподозренными в сочувствии или в поддержке бандитов. Дело это кончилось тем, что Борун просидел несколько дней в тюрьме и был освобожден, а Корякин скрылся». При председателе губчека А.В. Агееве «пытки, порки, шомпола, избиения не прекращались», причём Агеев лично избивал даже женщин.

Следует отметить, что крайняя жестокость местных властей была откликом на соответствующие установки центра. Приказ Полномочной комиссии ВЦИК № 171 от 11 июня 1921 г. санкционировал расстрел заложников из мирного населения на территориях, охваченных повстанчеством. Известный приказ командующего 5-й армией И.П. Уборевича от 22 сентября 1921 г., обращенный к населению Енисейской, Иркутской и Якутской губерний, объявлял о самых жестоких мерах в борьбе с повстанцами. В Якутии, например, в «неблагонадёжных» селениях в порядке террора расстреливали каждого пятого жителя.

Только с марта 1922 г. военно-чекистские отряды в Якутии начали отказываться от практики поголовного истребления пленных повстанцев. Как отмечал полгода спустя М.К. Аммосов, сожалея о слишком широком применении террора в Якутии, «одержав победу над своим бандитизмом, партия одержала тем самым победу над повстанческим движением». Но

эта коррекция карательной политики не означала наказаний для тех представителей властных структур, кто оказался замешан в преступлениях против населения. Весной 1922 г. сменивший арестованного и изгнанного Агеева Ф.Н. Богословский, ранее давший согласие убрать из ГПУ шестерых особенно отличившихся в бандитизме сотрудников, категорически отказался это сделать. Руководство Якутии в конце концов волевым порядком прекратило все дела, заведённые против бандитов^[256]. В подобном снисходительном отношении наиболее наглядно проявилось идейное родство власти и её криминализированного крыла.

В конце 1919 — начале 1922 г. органы ВЧК Сибири, опираясь на помощь внутренних войск, милиции, бывших партизан и вооружённых комячеек, осуществили настоящую социальную чистку, затронувшую многие десятки тысяч нелояльных лиц. Было в основном подавлено вооружённое сопротивление режиму, уничтожены и разогнаны организации несоветских партий, осуществлены массовые репрессии против бывших офицеров, чиновников, зажиточных крестьян, интеллигенции, священнослужителей, а также уголовных элементов. Тысячи людей стали жертвами приговоров губернских и уездных чека по обычно грубо сфабрикованным делам, десятки тысяч — жертвами бессудных расправ со стороны внутренних войск, чекистов, милиции, коммунистических отрядов и ячеек. Число жертв чистки вряд ли когда-нибудь будет установлено с удовлетворительной точностью, ибо основной процент погибших падает на неучтённых жертв расправ при подавлении восстаний и повального «красного бандитизма», широко практиковавшегося местными органами власти.

Если считать число жертв подавления Западносибирского восстания равным минимум 30 тыс., а погибших при подавлении десятков других мятежей — близким к этой цифре, то с учётом жертв «красного бандитизма» и приговоров коллегий чека и трибуналов человеческие потери в Сибири могут составить цифру, близкую к 100 тыс. чел. (или ещё гораздо больше, если распространить ставшее известным количество расстрелянных Алтайской губчека — 10 тыс. в 1920 г. — на остальные регионы, а также учесть жертв партизанского террора 1918–1920 гг.). Население Сибири было крайне терроризировано массовыми репрессиями и после 1922 г. не участвовало в крупных антикоммунистических выступлениях.

Система ВЧК наглядно воспроизводила наиболее архаичные формы российского политического сыска XVII–XIX веков: абсолютизация доноса, массовые аресты, пыточное следствие, невыносимые условия содержания, использование провокаторов, тайные судилища с предопределённым приговором, применение мучительных способов казни, секретность захоронений осуждённых. И если пытки в XIX столетии перестали быть распространённым элементом политического сыскного дела, то агенты-провокаторы активно применялись царской полицией и в начале XX столетия. Однако при большевиках уже невозможно было появление таких людей, как директор департамента полиции А.А. Лопухин, способных из соображений чести и не боясь неизбежного уголовного наказания, «сдать» общественности виднейших агентов-провокаторов из экстремистского лагеря вроде Азефа. Напротив, именно провокационная работа являлась краеугольным камнем во всей системе советского политического сыска.

Был создан и культивировался особый психологический тип чекиста — внешне отважного и преданного борца с тайными и явными происками контрреволюции, а по сути — чиновника-карьериста, призванного любыми способами разоблачать и уничтожать врагов нового строя. Требование беспощадности было главным и отразилось в классической формулировке наградений — «За беспощадную борьбу с контрреволюцией». В результате интенсивной работы по вербовке агентурного аппарата удалось создать основательное осведомление, проникшее во все поры общества и концентрировавшееся как в среде лиц, враждебных режиму, так и в партийно-государственном аппарате. В принципах руководства агентурой со стороны чекистов чётко просматривается криминальный подтекст, связанный с принуждением секторов к различным провокациям и оговорам.

Можно согласиться с мнением В.И. Шишкина о том, что уже в начале 20-х гг. в Советской России существовали государственный аппарат и карательные органы, способные осуществлять политику тотального контроля над обществом^[257]. Хотя значительная часть жителей Сибири, особенно в удалённых регионах, в начале 1920-х гг. не была охвачена надёжным контролем, активная часть населения находилась под чекистским колпаком, что

обоснованно позволяло властям считать своё положение достаточно прочным.

Глава 2 ВЧК-ОГПУ В 1922–1929 гг.: ЛОКАЛЬНЫЕ ЧИСТКИ

Преобразование ВЧК в ГПУ, новые структура и функции чекистского аппарата

За годы своего существования органы ВЧК с помощью целенаправленной политики РКП(б) и самого чекистского руководства были превращены в строго централизованный военизированный аппарат, укомплектованный преимущественно коммунистами и сочувствующими партии и строго проводивший в жизнь партийные директивы. Разветвлённая агентурно-осведомительная сеть позволяла чекистам контролировать все слои общества, они располагали также внушительной разведсетью за рубежом. ВЧК, будучи детищем периода «военного коммунизма», прекратила своё существование с началом новой эпохи в жизни советского государства.

Прекращение масштабных боевых действий в 1920 г. в основных центрах Советской России (на юге России, Украине, в Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке гражданская война де-факто продолжалась) создали у советской верхушки иллюзию полной победы и возможности продолжать и углублять политику «военного коммунизма». Однако события первых месяцев 1921 г., связанные с широкими восстаниями в целых регионах (Западной Сибири, Тамбовской губернии) и в армии (Кронштадтский мятеж) вынудили радикально пересмотреть идеологические принципы и отступить от них ради договорённости с крестьянством. Введение новой экономической политики не означало готовности столь же радикально поступиться в политической области. Однако определённые уступки были произведены. Самой явной из них стало — несмотря на яростное сопротивление чекистского руководства — упразднение ВЧК, которое последовало практически только через год после провозглашения нэпа.

Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией была ликвидирована 2 февраля 1922 г. Вместо неё организовывалось Государственное Политическое Управление — структура с неопределённым названием, сохранявшая за собой основные задачи ВЧК и построенная по прежним военным и организационным принципам. Сохранялась и специализация чекистов по отраслям работы, включая органы внешней разведки, военной контрразведки и транспортные отделы. Остались неизблемыми основы агентурно-оперативной деятельности: право на агентурную разработку, использование, в том числе провокационное, конспиративных агентов, поддержание чрезвычайно обширной агентурной сети. Сотрудники ГПУ подлежали исключительно ведомственному суду. В связи с этим можно согласиться с А.Л. Литвиным, что перелицевание ВЧК в ГПУ не носило принципиального характера^[258], поскольку признавалось, что ГПУ будет являться таким же боевым органом защиты диктатуры партии.

Главным итогом реформирования органов безопасности стало резкое сокращение кадров, продолжавшееся примерно три года, резкое сокращение числа расстрелов и ограничения на применение внесудебных приговоров. Важное значение имело и установление прокурорского надзора над ВЧК-ОГПУ.

Сразу после упразднения ВЧК власти показали, что никакого дальнейшего послабления в политической области ждать не следует. Главные события 1922 г. — процесс над руководством партии эсеров, преследования оппозиционной группы Г.И. Мясникова, высылка интеллигенции за границу, конфискация церковных ценностей с одновременной политикой раскола русской православной церкви и преследования сектантских групп — продемонстрировали решимость советских властей в проведении диктаторской политики. Вполне логичным в этой связи выглядит немедленное начало возвращения органам ГПУ прав на внесудебные расправы, а также — с целью компенсировать уменьшение аппаратов наружного наблюдения — учреждение конспиративных Бюро содействий ВЧК в учреждениях для наблюдения за нелояльными лицами. Деятельность ГПУ-ОГПУ сохраняла необычайный характер, особенно в местах, где продолжалось вооружённое сопротивление режиму, что позволяет оспаривать тезис о конституционности этой организации.

С первой половины 1920-х гг. органы ОГПУ активно расширяли свои полномочия и усиливали репрессивную деятельность на отдельных направлениях, повинаясь указаниям партийной власти. Верхи, столкнувшись в период нэпа с постоянным возникновением оппозиционных течений внутри партии, активностью верующих (особенно сектантов, ведших эффективную пропаганду своих учений), попытками крестьянства защищать свои интересы, усилением экономических позиций нэпманов, развитым уголовно-политическим бандитизмом и засылкой террористов-белоземigrants из-за рубежа, были заинтересованы в увеличении полномочий своей тайной полицией. Оказавшись на острие политики постепенного свёртывания нэпа, сотрудники ОГПУ, особенно во второй половине 1920-х гг., всё более очевидным образом возвращались к традициям ЧК.

Нэп и преобразование ВЧК в ГПУ с большим урезанием прав, введением прокурорского надзора вызвали большое недовольство в чекистской среде. Потеря возможности быстрой тайной расправы над любым недовольным или подозрительным вместе с легализацией капиталистических элементов, а также массовая кадровая чистка вызывали ощущение утраты революционной перспективы. Значительная часть чекистов испытывала сильные колебания и даже выходила из партии. За 1922 г. из-за несогласия с нэпом из партячейки полпредства ГПУ по Сибири выбыло 12 коммунистов, т. к. работа в ЧК «выработала и развила жестокую ненависть к буржуазии». В Якутии практически весь состав Олёкминского политбюро во главе с начальником К.И. Пономарёвым в январе 1922 г. объявил о выходе из партии и провозгласил себя анархистами. Характерно, что Пономарёва в связи с этим сочли просто «не очень развитым» и оставили в ГПУ^[259].

Усилилось пьянство, многие чекистские коллективы откровенно разлагались. Ответработник линейного отделения ОКТО ГПУ ст. Барнаул В.И. Шиповалов в декабре 1922 г. получил от АлтгубКК РКП(б) выговор за пьянство, дебоши и разложение аппарата отделения. Уполномоченный Алтайского губотдела ГПУ М. Рыбаков, сообщая в письме партколлективу о повальном пьянстве коллег, расколовшихся на две враждебные группировки, в январе 1923 г. отмечал: «Ведь нельзя закрывать глаза на то, что наш отдел ГПУ уже почти совсем развалился, работа сошла к нулю, сотрудники разложились». О порядках среди чекистского руководства говорят слова каптенармуса Алтайского губотдела ГПУ, в конце 1922 г. замеченного в самовольном распоряжении мукой и коммерческих операциях с китайскими торговцами: «Сколько взвешаю, столько и ладно, даю начальству и себя не обижаю»^[260].

За преобразованием ВЧК в ГПУ в феврале 1922 г. последовала самая грандиозная кадровая чистка в истории советских органов безопасности. Если в конце 1921 г. в ВЧК служило 90 тыс. гласных сотрудников, то к 1 ноября 1923 г. — 33 тыс. Ещё более сократили должности конспиративного аппарата: на начало 1921 г. было 60 тыс. агентов, на начало 1922 г. — 30 тыс., на 1 ноября 1923 г. — 13 тыс. В Сибири аппараты губернских отделов ОГПУ сразу оказались примерно вдвое-втрое меньше, чем губчека. На 1 октября 1922 г. Алтайский губотдел при штате 83 чел. имел 57 работников, а Томский — 125 (при штате 151 чел.). Сокращения продолжались и далее. К 1925 г. численность органов безопасности упала до минимума и была примерно вчетверо меньше, чем в начале 1922 г., а штаты губотделов составляли от 35 до 90 чел.^[261] Особенно большой сброс кадров произошёл в транспортных органах, где закрылись отделения на станциях и только на самых крупных железнодорожных узлах сохранились небольшие оперативные пункты.

Уже к июлю 1922 г. оперпункт ГПУ на ст. Барабинск потерял более 50 сотрудников и располагал штатом в 12 чел., включая троих сексотов и троих канцеляристов, однако по-прежнему интенсивно занимался политическим сыском. Как сообщал начальник оперпункта Н. Власов, «работа производится исключительно по слежке за администрацией и органами НКПС», а деятельность сексотов «построена исключительно на политическом сыске, в этой области имеется контакт с Каинским политбюро, обнаружены группировки эсеров правых и левых, и меньшевиков». На телеграфе было создано негласное Бюро содействия ГПУ. Здесь же Власов отметил, что агенты охраны оперпункта были связаны с уголовниками и активно участвовали в массовых хищениях грузов^[262].

Исполнение приказа ВЧК от 17 января 1922 г. о ликвидации уездных политбюро и их последующее преобразование в аппараты уездных уполномоченных заняло несколько месяцев^[263]. В уездах примерно к апрелю-июню 1922 г. были сформированы очень скромные

по численности аппараты, которые нацеливались на сбор информации. Аресты и обыски их работники могли производить только с санкции губотделов (однако, судя по массовым арестам в Бийском уезде в 1923 г., с подобными санкциями проблем не возникало). Аппарат уездного уполномоченного, обслуживавший порядка 15 районов, состоял в среднем из 6 чекистов и копировал в миниатюре структуру губотдела. В его составе был сам уполномоченный, его помощник по информации, занимавшийся также разработками по военным и экономическим делам, два рядовых уполномоченных ИНФО (один вел работу по контрразведке, второй — по политпартиям, интеллигенции, церкви), сотрудник для поручений, учитывавший агентурную сеть и ведший техническую работу. Секретарь-шифровальщик занимался общей канцелярией, бухгалтерией и ведал цензурой. К вспомогательному персоналу относились машинистка и конюх.

По линии ИНФО аппарат уездного уполномоченного еженедельно готовил так называемые госсводки, а раз в месяц составлял ведомость учёта и движения агентурно-осведомительной сети. Уполномоченный по контрразведке писал ежемесячные доклады по «шпионажу, контрреволюции, бандитизму, оружию», а также раз в месяц составлял ведомость учёта арестованных и справку о количестве советских служащих, состоящих на учёте. Уполномоченный секретного отделения по политпартиям был обязан ежемесячно готовить доклады о деятельности партий, интеллигенции, духовенства и сектантства. А поскольку быстрый рост числа сектантских групп чрезвычайно беспокоил чекистское начальство, от уполномоченного по политпартиям требовалась и ежемесячная статистика роста сектантства. Также он должен был ежеквартально составлять «политобзоры с марксистским анализом и выводами». Если штатом предусматривался уполномоченный по экономическому отделению, то он должен был раз в месяц представить доклад по состоянию экономики и кооперации. Соответственно, на основе этих сводок из уездов составлялись обзоры по губерниям и сибирскому региону в целом.

Стабильно высокая текучесть кадров требовала даже в условиях сокращения штатов постоянного набора сотрудников. Основные источники рядового пополнения оставались прежними — военнотруженики, желательны из состава внутренних войск, проверенные в боях с повстанческими отрядами. В августе 1922 г. в ЛТО ГПУ ст. Новониколаевск прозвучали установки по работе в новой политической обстановке: «Задачи отделов и войск ГПУ — не только ловля отдельных бандитов, а расслоение новой буржуазии и, таким образом, моральное уничтожение нового слоя купечества и духовенства... Войска ГПУ как будущие сотрудники отделов должны быть гласными агентами отделов, а поэтому их необходимо использовать как чекистов»^[264].

Однако партийные и комсомольские работники оставались важным кадровым резервом. Причем при мобилизации в ОГПУ подобных лиц нередко действовал принцип: «Отбросов нет, есть кадры». Замаранные в чём-то партийцы явно считались подходящими кандидатами — трудиться будут за страх, а в случае нужды всегда можно придаться к былым проступкам и уволить. Так, финагент по Гудовской волости Новониколаевской губернии коммунист А.С. Васильев присвоил около 150 руб., но вместо суда этот бывший литейщик и комиссар батареи оказался в 1923 г. зачислен в штат Новониколаевского губотдела ГПУ.

Ещё более характерен случай с начинающим партработником Б.В. Лукиным, который за «красный бандитизм» в начале 1923 г. ненадолго оказался в тюрьме. Лукин, деятельно участвовавший в истязании полусотни крестьян в Каргатском уезде, сразу после освобождения был взят на оперработу в Новониколаевский губотдел ГПУ. Принятие Лукина из тюрьмы в «органы» выглядит как демонстративный поступок и свидетельствует о том, что лица, замеченные в крайне жестоком поведении, были желанными гостями в карательных структурах. Ведь точно также и глава Павлодарского ревкома Т.Д. Дерибас, осуждённый за расстрел заложников, вскоре получил должность в Секретном отделе ВЧК-ОГПУ, а затем возглавил этот отдел^[265].

В аппарате полпредства ВЧК-ГПУ сохранялось много криминальных элементов: так, в 1922 г. начальником ЭКО работал В.Н. Чайванов, изгнанный в 1917 г. за растрату из адвокатского сословия, а в 1923 г. во главе Особого отдела подвизался замеченный в серьёзных преступлениях В.Д. Кевейша со своим замом-взяточником М.М. Гоцем. Известный участием в крупных провокациях, Кевейша, переведённый в Сибирь из Закавказья, обвинялся

ЗакКК РКП(б) в «личных счётах с сотрудниками на почве использования женщин, в вымогательстве от сотрудников, толкая последних на преступления», за что он был исключён из партии «со снятием с ответственной работы вообще». Получив этот материал, Сиббюро ЦК 17 февраля 1923 г. постановило предложить Павлуновскому отправить особиста в Москву. Сменивший Кевейшу Ф.Н. Богословский вскоре пошёл на повышение, затем был откомандирован в Москву, где в 1927 г. оказался исключён из партии и осуждён за некие преступления^[266].

Главами губотделов ГПУ были назначены либо прежние руководители губчека (М.Д. Берман, Х.П. Щербак, В.Ф. Тиунов), либо их заместители — Б.А. Бак, Ф.А. Сова-Степняк, М.А. Филатов. Часть руководящих работников прибыла из других регионов. В губотделах не было коллегий и работа строилась на принципах единоначалия. Работой чекистов продолжал руководить И.П. Павлуновский, чьё политическое влияние в регионе постоянно возрастало.

Сибирский партцентр постоянно заслушивал доклады Павлуновского — о карательной политике, задачах ГПУ, борьбе с бандитизмом. Сиббюро 6 мая 1922 г. постановило ходатайствовать перед ЦК о назначении его членом Сиббюро с решающим голосом как «по роду своей деятельности принимающего близкое участие в работе Сиббюро». Оргбюро ЦК РКП(б) 9 июня удовлетворило эту просьбу. Несколько раз (в сентябре, октябре и декабре 1922 г.) Павлуновскому поручалось выполнять обязанности секретаря Сиббюро ЦК и отчитываться перед Москвой о ходе хлебозаготовок. Если руководители ЧК-ГПУ более низкого уровня не входили в «рабочие тройки» (секретариаты парткомов), что давало возможность проводить политику руководства «органами» со стороны партии, то Павлуновский оказался на особом положении.

Подобно Дзержинскому, руководившему по совместительству НКПС и с 1922 г. отошедшему от основной оперативной работы, Павлуновский с 1922 г. курировал железнодорожный транспорт Сибири. В качестве уполномоченного НКПС он активно занимался запущенным транспортом, хлебозаготовками, а собственно чекистской работой загрузил своего 26-летнего заместителя Б.А. Бака. Основная часть документации, исходившая из полпредства в партийные инстанции, подписывалась именно этим чиновником, а в ноябре 1923 г. Сиббюро ЦК признало необходимым присутствие Бака на всех своих заседаниях. Весной 1923 г. секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) С.В. Косиор, сообщал в ЦК РКП(б): «Тов. Павлуновский хороший, способный администратор... сейчас продолжает руководить работой ВЧК, хотя непосредственного участия в работе почти не принимает»^[267].

Правда, контроль за кадрами оставался его прерогативой; Так, в марте 1923 г. полпред обратился в Сиббюро ЦК с просьбой помочь наладить работу Омского губотдела ГПУ, поменяв руководителей: «настоятельно необходимо снять товарища Тиунова, вместо Тиунова назначить тов. Щербака... Прошу согласовать этот вопрос [с] губкомом». Закрепились его позиции и в центре: в сентябре 1923 г. Павлуновский был введён в состав Коллегии ОГПУ РСФСР.

Характерно, что сам Сталин не был в те годы большим авторитетом для Павлуновского. Лишь после третьего напоминания он выслал в июле 1924 г. затребованную генсеком характеристику на своего зама: «Бак... хороший администратор... в качестве заместителя справляется с работой и под общим руководством действительно осуществляет практическое руководство работой губотделов». После этой характеристики Б.А. Бак ещё три с половиной года работал в должности заместителя полпреда, пока не был выдвинут на самостоятельную работу.

Пока сложно однозначно сказать, действительно ли вторую часть своего сибирского срока Павлуновский манкировал чекистской службой. Возможно, отход от дел в 1923 г. был недолговременным. По свидетельству жены Бака Ф.Н. Бак-Жарковой, Павлуновский ревниво относился к своему молодому заместителю-карьеристу, постоянно повторяя: «Баку нужно подрасти, ещё нужно подрасти»^[268]. Принятие Павлуновским в ноябре 1924 г. дел в Особом отделе СибВО явно говорит о расширении обязанностей полпреда.

Павлуновский постоянно пытался навязывать властям собственную, крайне ортодоксальную, точку зрения. Исполняя в периоды отсутствия секретаря Сиббюро ЦК его обязанности, полпред в октябре 1921 г. телеграфировал Дзержинскому и Уншлихту о своей тревоге по поводу разрешения кооперации, которая фактически означала возможность

легально создать Крестьянский союз: «Декреты о сельскохозяйственной кооперации говорят о свободном кооперировании. Это формальная постановка. Необходимо знать... насколько допустимо внесение тех или иных ограничений в зависимости от местных средств. Вопрос о сельскохозяйственной кооперации имеет для ВЧК по Сибири огромное значение». Сочтённая важной, 16 ноября 1921 г. эта телеграмма была отправлена секретариатом ВЧК В.И. Ленину, который наложил на неё спокойную резолюцию «В архив»^[269].

Павлуновский был враждебен энпу и при любых обострениях уповал на административный нажим. В январе 1925 г. 11 комиссий, возглавляемых руководителями основных сибирских ведомств, изучали социально-экономические отношения на селе. Все они отметили, что «настоящих кулаков» — применяющих наёмный труд, занимающихся торговлей и ростовщичеством — в деревне нет. И только у полпреда ОГПУ оказалось иное мнение. Павлуновский предупреждал: «К середняку скатился подрезанный (в период военного коммунизма) продразвёрсткой, конфискациями и реквизициями кулак. Этот подрезанный кулак настроен к соввласти непримиримо враждебно» и растёт, как подчеркнул Павлуновский, «главным образом... из машинного товарищества», а также через советский аппарат и даже компартию.

Обследовав четыре алтайских села, полпред в каждом из них обнаружил 16–17 кулацких хозяйств. Основной вывод главного чекиста края гласил: налицо много кулаков скрытых, «в проекте» — и с ними в будущем могут возникнуть проблемы. В докладе Сибкрайкому Павлуновский, характеризуя итоги обследования деревни в 1925 г., выделил целых 10 направлений государственной политики в деревне, вызывающих недовольство крестьян. Наряду с тяжестью налогов, антирелигиозной работой, ножницами цен и т. п. полпредом выделялась жёсткая борьба с самогоноварением: «Крестьянин хочет пить, пьёт и будет пить (...) Борьба с самогоном, как она сейчас развёртывается, начинает походиться на то, что мы сцепились с деревней».

На прошедшем весной 1925 г. пленуме Сибкрайкома РКП(б) Павлуновский изложил описанные выше мнения и выводы относительно ситуации в деревне, причём участники партийного форума с ним согласились. А в условиях возникшего хлебного дефицита Павлуновский как уполномоченный НКПС 27 сентября 1925 г. принял жёсткие административные меры: приказал не принимать от частных хлебозаготовителей муку к вывозу за пределы Сибири, а также на хранение^[270].

И.П. Павлуновский провёл органы ВЧК-ОГПУ огромного края через главные реорганизации, связанные сначала с формированием в ростом карательного аппарата, а затем с его чистками и массовыми сокращениями. Первоначально громоздкий и рыхлый аппарат органов ВЧК был в значительной степени очищен от партизанского и краснобандитского элемента, случайных лиц, получил довольно компетентное руководство в лице опытных работников спецслужбы, но в силу порочных кадровых подходов оставался неграмотным в правовом отношении и сильно криминализированным. В январе 1926 г. Павлуновского сменил прибывший из Украины Л.М. Заковский, заставший новую структуру ОГПУ Сибири.

Осенью 1925 г., после образования Сибирского края и перехода от губернской системы управления к окружной, аппарат полпредства ОГПУ по Сибири насчитывал 155 чел., из которых 48 были беспартийными. Основными отделами полпредства были: Секретный (борьба с политическими врагами режима), Информационный (осуществлял контроль настроений в обществе, а также ведал цензурой; позднее преобразован в Учётно-осведомительный), Контрразведывательный (пресечение шпионажа), Особый (контрразведка в армии), Экономический (борьба с вредительством, саботажем и крупными хищениями в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и заготовках), Транспортный (борьба с государственными преступлениями на железных дорогах и водных путях). В структуре КРО существовало небольшое подразделение, занимавшееся внешней разведкой. Разведывательные операции с засылкой закордонной агентуры осуществляли также работники Особого отдела СибВО и пограничных отрядов — Ойротского и Минусинского.

После ликвидации губернских и уездных аппаратов основной структурной единицей стали окружные отделы, которые сильно отличались по численности и делились на три группы. В число самых крупных входили Иркутский (96 чекистов; такая высокая численность объяснялась тем, что фактическое разделение Иркутской губернии на округа произошло только в 1926 г.),

Томский (65 чел.) и Омский (57 чел.). В группу средних — Красноярский (36 чел.) и Барнаульский (35 чел.). Третью, самую многочисленную, группу представляли небольшие окружные отделы: Кузнецкий (20 чел.), Бийский (18 чел.) Барабинский (16 чел.), Ачинский (15 чел.), Канский (14 чел.), Каменский и Рубцовский (по 13 чел.), Минусинский, Ойротский, Славгородский и Терский (по 11 чел.), Хакасский (7 чел.). Примерно 20–30 % личного состава являлись беспартийными, но среди оперативных работников не членов партии было очень мало.

Данных по Якутскому (с 1929 г. он напрямую подчинялся ОГПУ СССР), и Бурят-Монгольскому облотделам, а также образованным в 1926 г. Киренскому и Тулунскому окружным отделам нет, но аппараты там были скромными. Следует отметить виртуальное существование Новосибирского окротдела ОГПУ — несмотря на наличие начальника, он существовал формально, не выделяясь из аппарата полпредства^[271]. Главной частью окротдела являлось информационное отделение (ИНФО), начальник которого был заместителем начальника окротдела. По линии контрразведывательного, секретного и особого отделов были небольшие отделения, а в маленьких окружных отделах — уполномоченные.

Так называемые участковые уполномоченные, подчинявшиеся аппаратам окружных отделов, обслуживали, делая упор на насаждение агентуры, наиболее крупные и развитые районы, поскольку до 1928 г. таких уполномоченных было всего около 50 чел. Таким образом, аппарат в конце 1925 г. насчитывал порядка 160 работников в Новосибирске и 450 — в окружных отделах. Учитывая участковых уполномоченных в районах, транспортных чекистов, особистов, а также оперативников в погранчастях, получим примерно 800 гласных сотрудников, основная часть которых являлась оперативными работниками.

Пополнение рядов было очень актуальной проблемой, ибо текучесть кадров из-за низкого качества работников, плохого их здоровья и нежелания многих служить в ОГПУ приводили к очень высокой сменяемости работников: до 25 % ежегодно. Мобилизованные в ОГПУ коммунисты, как отмечал Заковский в июне 1928 г., ознакомившись с условиями работы, «всеми силами рвутся уйти». Большую часть пополнения составляли демобилизованные военнослужащие погранчастей и войск ОГПУ.

Начало коллективизации потребовало стремительного роста численности работников карательного ведомства. Не имея должного количества сотрудников, окружные отделы ОГПУ на время получали в своё распоряжение надёжных партийцев. Так, согласно директиве Сибкрайкома ВКП(б) в 1929 г. четыре коммуниста были решением Славгородского окружкома временно мобилизованы в распоряжение окротдела ОГПУ^[272].

По выборке из служивших на 1929 г. 360 оперработников можно видеть, что работали в ЧК с 1918 г. — 12 чел., с 1919 г. — 19 чел, с 1920 г. — 78 чел., с 1921 г. — 54 чел. Всего за это время поступили в ЧК 163 чекиста, из них почти половина — в 1920 г. То есть, несмотря на чистку 1921 г. и сброс кадров в 1922–1924 гг., именно ветераны ЧК составляли костяк оперсостава и на 1929 г., особенно в руководящем звене. В период массовых сокращений 1922–1924 гг. поступили 80 чел., в 1925–1929 гг. — 120 чел. Уроженцами Сибири были только 34 %, остальные — приезжие. 50 % являлись выходцами из крестьян, 30 % — из рабочих. Из мещан, торговцев, кустарей и ремесленников вышли 9 %, из служащих — 8 %. Остальные 3 % являлись выходцами из семей дворян, офицеров, священников, купцов и богатых крестьян. 75 % чекистов имели начальное образование, по 11,5 % — среднее и неполное среднее, 2 % — высшее и незаконченное высшее.

Родившихся в 1878–1889 гг. было 8 %, в 1890–1899 гг. — 41 %, в 1900–1904 гг. — 41 %, в 1905–1909 гг. — 10 %. Практически все оперработники были коммунистами: вступивших в партию в 1905–1917 гг. было 5 %, в 1918–1920 гг. — 50 %, в 1921–1925 гг. — 24 %, в 1925–1929 гг. — 21 %.

В 1930-х гг. сделали карьеру — от капитанов госбезопасности до комиссаров ГБ — около 20 чел., половина из них стала жертвами репрессий. Пять человек — Я.Я. Веверс, Н.С. Великанов, М.Ф. Ковшук-Бекман, С.И. Плещов, А.В. Шамарин — проработали много лет и в 1945 г. получили генерал-майорские звания.

Следует отметить, что резкое и драматичное для органов безопасности сокращение аппарата не означало, что возврата к прежней численности чекистов уже не будет. В соответствии с ленинским тезисом 1922 г. о том, что «мы ещё вернёмся к террору»^[273],

партийное и чекистское руководство сохранило базу для развёртывания «органов» в нужный момент, поставив на особый учёт всех бывших чекистов. И если в середине и второй половине 20-х гг. они не были слишком заметны среди чекистского пополнения, то в начале 1930-х гг. ветераны сыграли предназначавшуюся для них роль важного кадрового резерва.

Охота за «шпионами»

Одним из приоритетных направлений работы ГПУ-ОГПУ в условиях нэпа стала борьба с иностранными шпионами. О реальных агентах зарубежных разведок, разоблачённых чекистами, сведений нет. Но фабрикация шпионских дел была поставлена на широкую ногу. Качество дел по шпионажу можно оценить с помощью ряда дел, присланных на рассмотрение в Новониколаевск из Госполитохраны ДВР.

Например, в 1922 г. через Новониколаевскую губчека и губревтрибунал прошли явно фальсифицированные дела на морского офицера из ДВР А.К. Иноевса (как участника петроградской «шпионской организации» адмирала С.В. Зарубаева) и политработника Народно-Революционной армии ДВР А.Г. Зайцева-Мейтина (шпионаж в пользу Японии и взятие на себя поручения убить Ленина и Троцкого). Иноевс, несмотря на особое мнение одного из членов трибунала, был расстрелян, Зайцев-Мейтин — осуждён к расстрелу и умер от тифа до исполнения приговора. Приехавшего с Дальнего Востока бывшего офицера А.М. Никольского в 1923 г. решением Новониколаевского губсуда расстреляли за шпионаж (ныне реабилитирован). Сексот ГПО И.И. Айзенберг, арестованный в 1922 г. в Харбине, по ложным обвинениям в шпионаже был осуждён новониколаевским губсудом в марте 1923 г. на 5 лет заключения^[274].

Чекисты старались дать «шпионскую» статью любому, кто, например, без санкции властей контактировал с иностранцами. Передача за рубеж какой-либо информации автоматически влекла обвинение в экономическом шпионаже. За 1924 г. в полпредство ОГПУ поступило 62 сосланных по подозрению в шпионаже, в том числе видный специалист-металлург профессор В.Я. Мостович.

В 1923–1924 гг. Омский губотдел ОГПУ провёл дело горного инженера Н.В. Якобсона, в начале 1920-х гг. заведовавшего разрушенными Атбасарскими медными промыслами, до национализации принадлежавшими Великобритани. По просьбе англичан он составил доклад об их состоянии, но отправить за границу не рискнул. Однако из перехваченной переписки Якобсона с бывшими владельцами промыслов чекисты узнали о подготовке доклада. Этого документа, обнаруженного при обыске на квартире, оказалось достаточно для возбуждения дела по статье об экономическом шпионаже. Жена Якобсона была арестована за пособничество. Омский губсуд приговорил Якобсона к расстрелу, но после международных протестов Президиум ВЦИК заменил инженеру высшую меру 10-летним заключением^[275].

Число разоблачённых «шпионов» непрерывно возрастало. К середине 1927 г. в Сибири находилось уже 213 сосланных за шпионаж. Если во втором полугодии 1926 г. местные чекисты не завели ни одного «шпионского» дела, то с 1927 г. полпредство исправно фабриковало дела о шпионаже, крайне мало задумываясь о правдоподобности наспех сочиняемых материалов.

В этом смысле показательно дело бывшего шахтёра М.Ф. Романова. В сентябре 1927 г. он был обвинён чекистами Кузнецкого округа в шпионаже только за то, что был обнаружен на территории шахт Ленинского рудника, где осматривал оборудование и работы. Объяснения Романова, что осмотр производился им в качестве техника-стажёра для последующего отчёта в учебное заведение, были приняты во внимание только прокурорской проверкой. Прокуратура заодно указала оперативнику Е.А. Белицкому, что он ограничился ничем не подтверждённым обвинением в шпионаже и, подойдя формально, предложил применить к Романову ссылку, тогда как необходимо было — при таком важном обвинении — произвести обыск, учинить агентурное наблюдение и проч.

В Новосибирске постоянно работало довольно значительное количество зарубежных дипломатов, тщательно опекаемых контрразведкой ОГПУ. Многолетний (в 1923–1936 гг.) глава германского консульства в Новосибирске Г. Гросскопф имел широкие знакомства среди местной номенклатуры и любил устраивать разные праздничные приёмы. Заковский нередко

пировал и охотился в компании консула, не боясь обвинений в неподобающем знакомстве^[276]. Однако именно из ОГПУ постоянно шла информация о том, что консульство является опасным шпионским гнездом. Наличие германского консульства автоматически соблазняло чекистов на попытки обвинить его работников в шпионаже. Так, Гросскопф в январе 1926 г. получил письмо от бывшего немецкого военнопленного Бернгарда Катель-Зензе, работавшего секретарем омского гостекстильтреста и осуждённого месяцем ранее за растрату. Катель-Зензе писал консулу, что следствие вели чекисты, которые очень настойчиво пытались приписать ему шпионаж по заданию немецкого консульства. Гросскопф обратился с жалобой к председателю Сибкрайисполкома Р.И. Эйхе. Омские чекисты в ответ прислали документы о нервном заболевании Катель-Зензе, чем и объяснили его заявления относительно провокации ОГПУ^[277].

С апреля 1926 г. в Новосибирске работало японское консульство. С марта 1929 г. его секретарём являлся Накамура Кумасо (Кума-сабуру). Как отмечали местные чекисты, Накамура в начале 30-х гг. занимался активной разведывательной деятельностью, но при этом ОГПУ не приводило каких-либо конкретных сведений о его попытках выйти за пределы обычной для дипломата работы по анализу советской прессы и поездок по региону.

Нередко чекисты старались обвинить нелояльного человека именно в шпионаже, убивая таким образом двух зайцев: и враг власти осуждён по серьёзной статье, и об очередном шпионском деле можно отчитаться. Например, получив от своей агентуры в германском консульстве сигналы о связях с консулом Гросскопфом одного из крупных городских «спецов» — заведующего лесозэкспортным отделом Сибгосторга ссыльного А.П. Починкова, новосибирские контрразведчики в июне 1927 г. арестовали его и попытались сфабриковать «шпионское дело».

Чекистам было известно, что Починков часто посещал Гросскопфа и, в частности, дал ему сведения «об экспорте пушнины, её заготовках и видах на урожай белки». Через полтора месяца после ареста Починков твёрдо отрицал все обвинения, «так как сказанная мною фраза Германскому Консулу о вероятной постройке лесопильного завода и об отправке по р. Енисею леса с Карской экспедицией в 1927 г. не составляет особой тайны». Чекисты, опасаясь, что гласное рассмотрение этого дела «может повлечь расконспирацию агентуры», отправили дело в Особое совещание при Коллегии ОГПУ, которое осудило Починкова на 5 лет концлагеря. Реабилитировали его только в ноябре 2001 г.^[278]

О хорошо поставленной работе по освещению германского консульства изнутри свидетельствует дело одного из агентов Заковского. В ноябре 1929 г. в Новосибирск прибыл бывший повар немецкого консульства в Киеве китаец Чжу-Цзи-Сян, работавший и сексотом местного окротдела ГПУ. В Новосибирске он продолжил своё сотрудничество с ОГПУ, но, несмотря на строгий запрет, разболтал о былой работе в консульстве и послал своего знакомого к Гросскопфу справиться, не нужен ли там повар, ранее работавший в киевском консульстве. Чекистам было известно, что киевское консульство сообщило новосибирскому: дескать, работавший у них китаец-повар был связан с «органами». Таким образом, Гросскопф догадался, что агент ОГПУ прибыл в Новосибирск и может попытаться устроиться к нему на службу. Узнав через своего агента Хан Лина (русская жена Чжу-Цзи-Сяна в свою очередь, обвиняла этого Хан Лина в клевете и провокаторстве), что китаец среди своих земляков якобы рассказывает как о своей работе на ОГПУ, так и получаемых за это гонорарах, чекисты в марте 1930 г. Чжу-Цзи-Сяна арестовали за расконспирацию и во внесудебном порядке осудили к высылке за пределы СССР. Правда, вместо Китая повар в итоге оказался в советском концлагере^[279].

Оценивая дела по обвинению в шпионаже, можно сказать, что фабрикация данной категории дел велась столь же грубо, как и в период существования ВЧК, опираясь на провокации специально подобранной агентуры, которая сама подчас становилась жертвой постоянной охоты сотрудников ОГПУ за «иностранными шпионами».

Борьба с экономическими преступлениями и «вредителями»

Нэп и развитие частного предпринимательства предоставляли чекистам обширное поле деятельности, связанное с предотвращением экономических преступлений. Все крупные

собственники находились под наблюдением ОГПУ, которое практиковало постоянные репрессии против нэпманов. В 1926 г. Заковский озабоченно отмечал, что государственный нажим на предпринимательский элемент оказался не очень эффективным: «К периоду организации отпора частнику он уже настолько окреп, что все мероприятия, направленные против него, не могли быть проведены полностью, т. к. частный капитал сразу же приспособлялся к обстановке, меняя формы своей работы. Нажим на частный капитал помог выкристаллизироваться типу советского купца, который при любых обстоятельствах быстро приспособлялся к новым условиям»^[280].

В течение 1920-х гг. советские границы из-за слабости пограничных частей не были как следует прикрыты, что позволяло многочисленным контрабандистам нарушать экономические интересы государства. Весь Дальний Восток, включая номенклатуру и чекистов, снабжался контрабандными товарами. В середине 1920-х гг. работавшие на алданских приисках в Якутии китайцы активно занимались тайным вывозом добытого золота за границу. При официальной годовой закупке государственными организациями примерно 450 пудов алданского золота (около 25 % общесоюзной добычи) 6 тыс. имевшихся китайских старателей нелегально вывозили из страны порядка 300 пудов жёлтого металла в год. Неумение эффективно бороться с экономическими преступлениями чекисты компенсировали активным поиском «экономической контрреволюции» во всех отраслях народного хозяйства. Одной из основных мишеней ОГПУ всё время были квалифицированные специалисты.

В сентябре 1922 г. Томским губотделом ГПУ был взят под стражу управляющий Анжерскими копиями инженер Крачевский за «контрреволюционные действия в 1918 г.». Сиббюро ЦК РКП(б) 18 сентября указало Павлуновскому объяснить чекистам недопустимость ареста спецов «без предварительного согласования с вышестоящими органами». Управляющий Кузбасса В.М. Бажанов, узнав об аресте видных специалистов Ангевича и Попова, в том же сентябре 1922 г. писал в ЦК и Дзержинскому с требованием о расследовании как этого факта, так и массовых арестов техников в Кемерове в минувшем году. Бажанов резко писал чекистам и сибирским партийно-советским властям, что потребует «уголовного преследования виновных [в] аресте, если последний не вызван крайней необходимостью»^[281].

В марте 1928 г. в журнале «На ленинском пути» появилась откровенно спецеедская статья Заковского «О госорганах, подборе людей и сопротивлении аппаратов государственной политике». Чекист подчёркивал: «Наш аппарат очень густо насыщен чуждым нам элементом... наши руководители-коммунисты находятся под влиянием антисоветской спецовской публики», требуя от властей контроля за спецами. В сентябре 1928 г. Л.М. Заковский и начальник ИНФО Г.А. Лупекин, оценивая состав земельных органов края, отметили определённую засорённость их антисоветским элементом и необходимость проверки всего аппарата.

Относительно же прямого вредительства Заковский первоначально высказывался довольно умеренно. Но шахтинский процесс резко подстегнул «антиспецовские настроения». В июле 1928 г. сотрудники ДТО ОГПУ Томской железной дороги составили обвинительное заключение на ряд инженеров: П.Г. Азола (начальника строительства железнодорожной линии Кузнецк-Тельбесс-Темиртау), Н.Ф. Мамаева (начальника работ), А.Д. Куликова (старшего инженера), Г.В. Курчавого (начальника счётного отдела новостройки), П.Р. Фольде (прораба), обвинив их во вредительском проведении — «преступно-бесплановым и бесхозяйственным образом» — строительных работ, что якобы нанесло ущерб в 800 тыс. руб. Однако самые развёрнутые обвинения против инженеров оказались политическими: дискредитация и «изоляция» спецов-коммунистов как безграмотных, кампания клеветы против «коммунистического ядра новостройки и советски настроенных специалистов».

Осенью 1928 г. чекисты арестовали сразу пятерых инженеров-строителей и одного техника Кузбасстреста в Анжеро-Судженске. В Кузнецком округе они отбирали у специалистов подписки о невыезде без возбуждения уголовного дела, тем самым грубо нарушая закон. В Новосибирске и Бийске после различных аварий (вроде протечки отопления в административном здании) чекисты сразу заключали под стражу специалистов и выпускали их через несколько дней без предъявления обвинения^[282].

Суды, рассматривая дела на «спецов», то и дело констатировали грубейшие нарушения законности. В 1928 г. большая часть дел, возбуждённых чекистами против специалистов Кузбасса и административно-технического персонала Томской железной дороги, в судебном

порядке была прекращена. Критиковались и дела о вредительстве на селе: в январе 1928 г. помощник краевого прокурора по Омскому округу рассмотрел дело М.С. Кочергина в «выработке явно недоброкачественной культурной закваски с контрреволюционной целью испортить экспортное масло и тем самым подорвать нормальную деятельность государственных экспортных организаций», постановив его прекратить как основанное «на предположениях и простых умозаключениях». Не повезло и тем, кто искал диверсантов. Так, полную неудачу потерпела попытка сотрудников Рубцовского окружного отдела ОГПУ представить задержанных возле здания окротдела двух граждан как диверсантов-поджигателей.

Впрочем, иной раз однозначно ориентированные на поиск вредительства сотрудники ОГПУ проявляли объективное отношение к тем фактам, которые могли бы направить их интерес на поиск вредителей и диверсантов. Так, работники ДТО ОГПУ Томской и Омской железных дорог в ходе кампании борьбы с диверсиями, зафиксировав в течение 1927 г. обнаружение в составах с углём 17 кусков динамита и динамитных патронов, сделали, тем не менее, по всем 17 открытым делам вполне спокойные выводы о том, что динамит не взрывался полностью из-за его низкого качества, отвергнув напрашивавшуюся версию о чьей-то диверсионной работе^[283].

Борьба с вредительством была возложена на экономический отдел полпредства ОГПУ, которым с августа 1929 г. руководил М.А. Волков-Вайнер. Ранее возглавлявший ЭКО юрист и подпольщик П.Н. Кукарим не смог, по позднему мнению Заковского, организовать должной работы по разоблачению врагов из-за слабости и неукомплектованности аппарата, отсутствия «специализированных кадров» и собственной неорганизованности и недостаточной оперативности. Прокуратура то и дело пресекала попытки чекистов найти вредительство на пустом месте. Да и сам аппарат полпредства ОГПУ часто «заворачивал» халтурно подготовленные дела, поступавшие из окружных отделов. Однако начало массовой коллективизации резко подстегнуло активность «органов», в том числе и по выявлению «вредительской работы» в народном хозяйстве.

Борьба с уголовным бандитизмом

В Сибирском крае в середине и второй половине 20-х гг. постоянно фиксировались крайние случаи недовольства населения существующими порядками, которые власти обычно характеризовали как «антисоветские проявления» со стороны классового врага. Причинами были пресечение властями самосудов со стороны толпы над ворами и конокрадами, споры при землеустройстве, выливавшиеся в целые межселенные побоища, конфликты с совхозами, закрытия церквей.

Чекистские сводки также отмечали: «Сибирская деревня за последнее время даёт сильный рост хулиганства среди молодёжи. За ноябрь-декабрь 1925 г. и январь 1926 г. случаев хулиганства было зарегистрировано 193, за февраль-апрель 1926 г. — 335. Хулиганство здесь начинает принимать вполне организованный характер, хулиганы объединяются в шайки под различными названиями (Тужстройка — в Каменском округе, "Комитет босяков" — в Канском округе, "Железный батальон смерти"^[284] в Барнаульском округе, "Отряды" — в Барабинском округе и т. п.). (...) Особенно необходимо отметить хулиганство членов КСМ и ВКП(б), наблюдающееся, главным образом, в Сибири (около 1/3 всех зарегистрированных по Сибири случаев хулиганства). (...) Соваппарат деревни... зачастую сам принимает активное участие в хулиганских выходках».

Население, терроризируемое бандитами и хулиганами, испытывало сильную неприязнь к местным властям, а особенно к милиции, поскольку хулиганство представителей номенклатуры, а также милиционеров и чекистов особенно бросалось в глаза. Случаи базарных самосудов и следовавших за ними беспорядков часто фиксировались и в других регионах СССР. В целом по стране за 1926–1927 гг. произошло 63 случая массовых выступлений крестьянского населения, причём наибольшее их количество было зафиксировано в Сибири (22 случая) и на Украине (9 случаев)^[285].

Острая криминогенная обстановка наглядно демонстрировала бессилие властей навести хотя бы относительный порядок. Со времён гражданской войны в стране образовалась

значительная прослойка люмпенского элемента, не нашедшего себя в жизни и ведущего паразитическое существование. Улицы городов заполняли бродяги, попрошайки, проститутки. Было очень много беспризорных подростков, сбивавшихся в жестокие уличные банды. Борьба с «социально-вредным элементом» велась постоянно, но давала весьма относительный эффект, поскольку мероприятия власти в огромной мере способствовали маргинализации населения и сильнейшему росту преступности.

В 1927 г. власти 130-тысячного Новосибирска попытались произвести основательную очистку города, арестовав 878 бродяг — то есть порядка 3 % взрослого мужского населения сибирской столицы. Но отчёт местного окружного адмотдела гласил, что итогом очистки стал настоящий бунт остальных заключённых домзака, которые возмутились соседством этих смердящих «живых трупов». В итоге кампания по очистке города провалилась: большинство задержанных бродяг и попрошаек пришлось выпустить обратно на улицу^[286].

Постоянную опасность для властей представляли небольшие, но многочисленные вооружённые отряды, скрывавшиеся в тайге и тундре на протяжении всех 20-х гг. и практиковавшие как уголовный, так и политический бандитизм. В середине 1920-х гг. такие отряды действовали на всей территории края, особенно в Томской, Енисейской, Иркутской губерниях и в Забайкалье. И если в Западной и Центральной Сибири их действия носили в основном уголовный характер, то в Восточной Сибири — ярко выраженную политическую направленность. Чекисты формировали специальные оперативные группы, которые выявляли бандитов и их пособников, организовывали засады, использовали для поимки бандитов заключённых агентов-уголовников^[287]. С точки зрения чекистов, милиция совершенно не справлялась с противодействием организованному бандитизму.

Своеобразными репетициями перехода к глобальным чрезвычайным мерам конца 20-х гг. выступали массовые операции против уголовного бандитизма, по духу и методам являвшиеся чисто чекистскими акциями периода гражданской войны. В отдельных местностях — в Сибири, на Дальнем Востоке, Северном Кавказе — где в середине 1920-х гг. был очень развит уголовный бандитизм, с ним шла настоящая война на уничтожение. Начальник Забайкальского губотдела полпредства ОГПУ по ДВК В.С. Корженко в сентябре 1925 г. был отозван в Москву и отдан под суд за внесудебные расстрелы участников уголовных банд. Показательно, что строго наказывать его не стали — некоторое время спустя Корженко был возвращён на руководящую работу в ОГПУ^[288].

Зимой 1925–1926 гг. в ходе специальной кампании органами ОГПУ и милиции Сибкрая было ликвидировано 23 банды численностью 529 чел. Только 24 % дел, рассмотренных чекистами во внесудебном порядке, разрешённом особым постановлением ВЦИК, с ноября 1925 по январь 1926 г. (тогда из 1605 осуждённых высшую меру получили около половины — 752, в т. ч. многие пособники бандитов) касались собственно членов бандгрупп, а три четверти попавших на *двойку* в составе Павлуновского и Бака являлись грабителями, ворами и т. д.^[289] В 1927 г. во внесудебном порядке по краю было осуждено к расстрелу 652 чел., а к заключению в концлагерь значительно меньше — 419. Таким образом, власти с помощью жестоких внесудебных расправ пытались очистить край не столько от бандитов, сколько от уголовников вообще.

Эффективность этой войны оказалась невелика. Если к весне 1927 г., по официальным данным, осталось всего четыре банды, то к августу 1927 г. насчитывалось 24 банды из 158 чел. Ситуация обострялась с каждым годом. Если в 1928 г. возникло 67 новых бандотрядов, то в 1929 г. — 456, а за 9 месяцев 1930 г. только в Западной Сибири — 880. Административная ссылка в Сибирь уголовного элемента исправно поставляла кадры для множества новых организованных преступных групп. К ссыльным уголовникам ежегодно присоединялись сотни заключённых-рецидивистов, без труда сбегавших из слабо охранявшихся и ветхих домзаков.

Борьба с преступностью принимала своеобразные формы. Когда в ноябре 1927 г. известные хакасские бандиты Майнагашев, Кызласов и другие решили сдаться, местные милиционеры вместе с командированным из Новосибирска оперативником Я.А. Сычёвым и его помощником, желавшие во что бы то ни стало записать ликвидацию бандотряда на свой счет, велели своей агентуре из числа уголовников убить Майнагашева с Кызласовым, что и было исполнено бывшими бандитами Кулемеевыми. Братья Кулемеевы сразу же были арестованы, а потом, при переводе из Аскизского района в соседний, застрелены помощником Сычёва и

местными милиционерами, после чего ограблены и брошены в озеро. В отношении же Майнагашева и Кызласова был составлен подложный акт об их гибели в результате перестрелки с милицией.

Обнаружение трупов Кулемеевых летом 1928 г. привело к громкой огласке и расследованию происшествия. Одновременно расследовалось и исчезновение милиционера Пахомова, который, вероятно, оказался по невыясненной причине убит своими коллегами. Результаты этих расследований нам неизвестны, но Сычёв, успевший поступить из милиции в ПП ОГПУ, оказался «прикрыт», сделал успешную чекистскую карьеру и в 1969 г. упокоился на Новодевичьем кладбище.

Многие населённые пункты годами жили в страхе перед террором мятежных уголовно-антисоветских отрядов, то и дело нападавших на неугодных им лиц, совершавших грабежи и поджоги. Так, в Томском округе в 1929 г. бандиты из мести беднякам-активистам сожгли д. Михайловку — сгорели 52 двора, председатель сельсовета (коммунист) был убит. К началу 1930 г. в Нарымском крае насчитывалось около 5.000 уголовных ссыльных и действовали 23 банды численностью до 300 чел., терроризировавшие окрестное население. Таким образом, мнение профессора Академии ФСБ А.М. Плеханова об «окончательной ликвидации повстанчества и бандитизма» к середине 20-х гг. не соответствует действительности^[290].

«Заговоры» и политические репрессии 1922–1926 гг.

Политические репрессии в период после ликвидации ВЧК хотя и носили значительно более скромный характер, но характерны тем, что и тогда постоянно фабриковались дела, подчас весьма крупные, о контрреволюционных заговорах. Интенсивная фабрикация «заговоров» наблюдалась в 1922 г., когда традиции ЧК ещё проявлялись во всей силе. Согласно воспоминаниям председателя Тюменского губотдела ГПУ П.И. Студитова, возвращавшийся в марте 1922 г. из Сибири в Москву Ф.Э. Дзержинский «рекомендовал своевременно вскрывать и ликвидировать нелегальные кулацко-белогвардейские группы и организации»^[291].

При этом председатель ГПУ, конечно, знал цену чекистской информации о «заговорах» и «организациях», по мере возможности следя, чтобы его подчинённые не слишком увлекались. Иные из чекистов осмеливались заходить столь далеко, что игнорировали конкретные распоряжения и самого Дзержинского. В июле 1922 г. политкомиссар курорта Боровое Н.М. Коренец сообщал секретарю Сиббюро ЦК И.И. Ходоровскому, что минувшей осенью Кокчетавское политбюро арестовало почти весь персонал курорта (23 чел. во главе с директором) по обвинению в заговоре. Но выяснилось, что многочисленные банды и оружейные базы на территории курорта «существовали только в воображении двух агентов политбюро и политкома курорта Иванова». Арестованных отпустили, но в январе 1922 г. последовали новые обыски и аресты: «Находившийся в то время в Омске нарком т. Дзержинский гарантировал курорту невмешательство кокчетавских властей... на деле эти гарантии результатов не дали». Дзержинский 5 февраля 1922 г. приказал Павлуновскому и губчека дать кокчетавским деятелям твёрдые указания о «невмешательстве во внутреннюю жизнь курорта»^[292].

Сексоты Славгородского политбюро в марте 1922 г. сообщали о наличии в с. Северное Ключевской волости заговорщицкой группы из 16 чел., в т. ч. многих коммунистов и выбывших из партии, которые якобы проводили «много собраний совместно с баптистами». Из сообщений сексотов-коммунистов Николашкина, Румеги и Резниченко чекисты сделали вывод, что в южной части уезда зреет заговор и «с началом распутицы восстание [против продналога] неизбежно». При этом отмечалось, что комячейки угрожают «лишением жизни нашим сексотам», занимавшимся активной провокационной работой. в мае 1922 г. Славполитбюро арестовало 6 «заговорщиков», но уже в августе Омский губотдел ГПУ постановил прекратить дело — как целиком основанное на непроверенных агентурных сведениях^[293].

В условиях подавления антикоммунистического сопротивления и неизбежного сокращения роли ГПУ в политической жизни ведомство Павлуновского предприняло решительный шаг для напоминания о своих заслугах. Чекисты Сибири, использовав некоторые старые наработки, в 1922–1923 гг. сфабриковали крупное дело, проведя в Новониколаевске большой процесс так

называемой Базаро-Незнамовской организации.

Обнаружив попытку создания нелегальной организации со стороны сотрудника РКИ И.Д. Жвалова (А.Ф. Базарова), чекисты связали её со специально созданной квази-организацией во главе с бывшим колчаковским офицером, авантюристом с криминальными наклонностями (похитившим 600 млн руб. в период работы кассиром) и пьяницей А.А. Карасевичем (Л. Незнамовым). Казак и бывший коммунист Жвалов-Базаров был независимо мыслящей личностью пытавшейся мирными средствами противостоять государственному террору в отношении крестьян и бывших офицеров. Проживавшие по чужим документам Базаров и Незнамов были во всём абсолютно противоположны, но чекисты с помощью агентуры, набранной в том числе из уголовников, объединили их в качестве лидеров повстанческой организации.

Жертвами процесса стали преимущественно жители Каинска, Барабинска и Тюмени. Базаров якобы организовал антисоветские ячейки в Тюмени и Барабинске, надеясь со временем создать Сибирскую автономную крестьянскую республику, а в начале 1922 г. встретился с представителями группы Незнамова, действовавшего в Каинске и готовившего вооружённое выступление. Всего, по версии следствия, в организации насчитывалось до 2.000 активных членов — кулаков, колчаковцев, торговцев и духовенства. Летом 1922 г. чекисты «разоблачили» заговор. Откликнувшись на инициативу Павлуновского, Сиббюро ЦК РКП(б) создало специальную комиссию «для разработки вопросов политического характера означенного процесса и для освещения их в прессе», назначив датой начала суда 21 апреля 1923 г. [\[294\]](#)

Базаров не смог создать группы (в том числе потому, что многие собеседники принимали его за провокатора), зато «атаман» Незнамов был успешно спровоцирован усилиями целого ряда спецагентов. Историк ФСБ А.А. Петрушин сообщает недостоверные сведения о том, что чекистам якобы просто повезло и они случайно в мае 1922 г. вышли на организацию благодаря донесению бывшего белого офицера Избышева. На самом деле, в материалах процесса вместо мифического Избышева фигурирует явный агент Избож (его не было среди подсудимых). Дело же разрабатывалось чекистами, видимо, ещё с лета 1921 г., если не раньше, когда к Незнамову в Барабинске был подставлен провокатор А. Окулич, бывший офицер колчаковской дивизии морских стрелков, выдававший себя за уцелевшего после разгрома придуманного «Сибирско-Украинского союза фронтовиков» начальника контрразведки пресловутого «дяди Вани» (И.С. Степанова).

Окулич вовлёк Незнамова в «организацию», агент Феокритов дал ему кольт и две гранаты. Одним из лидеров организации был сексот М.А. Матюшкин, матрос «Варяга», хвалившийся своим былым участием в казнях священников и офицеров в Архангельске. Впоследствии сотрудник ОДТЧК ст. Барабинск И.Л. Мерзляков, действовавший под фамилией Гусев, передавал Незнамову продукты для его «организации» и участвовал в подготовке покушения на заведующего заготконторой В.К. Балабуху, ложно обвинённого в попытке убить «атамана».

Чекисты «растили» Незнамова в качестве заговорщика не менее года. 22-летний Карасевич-Незнамов, будучи авантюристической и психически неуравновешенной личностью, отлично подходил для их целей. В 14 лет он бежал от семейных неурядиц на фронт, где участвовал в убийстве офицера. На чекистском жаргоне операция по провоцированию Незнамова именовалась использованием «втёмную», то есть без ведома объекта. Вместе с двумя сообщниками-агентами (ранее судившимся за уголовное преступление К.П. Соколовым и юнцом С.С. Ивановым-Боярским) Незнамов в окрестностях Каинска весной 1922 г. сначала застрелил своего заместителя по «организации» М.И. Островского, заподозренного в том, что он является агентом ЧК (у убитого нашли штампы ряда учреждений, в т. ч. печати отдела управления при Сибревкоме, Особого отдела и ПП ВЧК по Сибири), а затем подстерёг и тяжело ранил В.К. Балабуху. Вся история с предательством Островского, вероятно, была организована чекистами с целью отрезать Незнамову пути для отступления, ибо сведения о том, что Островский написал в Томгубчека письмо с предложением выдать организацию Незнамова за 5 млрд руб., поступили от самих чекистов и их агента С.С. Иванова-Боярского [\[295\]](#)

Все шестеро активистов «организации» Незнамова были агентами ЧК-ГПУ. Они убеждали

контуженного на фронтах (где он получил три ордена) и с тех пор подверженного припадкам Незнамова в том, что его хотят предать и убить. Поняв, что никаких вооружённых отрядов у его сообщников нет, Незнамов заявил: «Нами торговали в розницу, хотели торговать оптом, но им не удастся» и приказал всем спасаться бегством. Самого Незнамова чекисты поймали в Андижане, избили и препроводили в Ташкент, где полпред ВЧК по Туркестану Я.Х. Потере предъявил ему обвинение в связях с басмачами. Затем Незнамов был этапирован в Москву, а потом в Омск и Новониколаевск, где «в течение трёх суток я пробыл на льду, утратив способность ко всему».

По словам Незнамова, отчётливо осознавшего во время следствия и суда, что его соратники на деле представляли собой агентуру ГПУ «организация являлась спровоцированной», состояла из 7 чел. и «под моей фирмой работали другие». Всего по этому делу чекисты арестовали до 500 чел., но после долгого следствия судьям решились предъявить только 95. Например, кучер при Незнамове 16-летний Тима Гудырин был удалён из списка обвиняемых после того как показал о содержании в «тёмной» и избиениях: следователь «бил меня нагайкой раз шесть и ругался чёрными фразами»^[296].

На суде обвинение фактически развалилось — основная часть подсудимых отказалась от показаний, приведя десятки фактов издевательств и принуждение. Признания у большинства вымотались голодом, холодом, шантажом, арестами родных, избиениями; били и сексотов. Незнамов заявил о держании в так называемой «тёмной» — «доведённый до крайности, подписывал свои показания не читая». Аналогично добились оговора и от Базарова. В протоколах допросов обвиняемых чередой идут факты вроде: «держали несколько дней в тёмной голым и голодным», «бил меня следователь Рабинович», «Крумин в ГПУ колот мне глаза пальцами»... Как показал М.А. Суржиков, уполномоченный секретного отделения Омгуботдела ГПУ З.И. Рабинович ударил его пресс-папье «и рассёк лицо, после этого принесли телефонный аппарат, привязали провод к пальцу... стали крутить». Помимо начальника секретного отделения Новониколаевского губотдела ВЧК К.Я. Крумина, среди других активных следователей были руководящие работники полпредства М.Т. Ошмарин. В.Д. Кевейша, а также Н.В. Волоков и П.М. Кузьмин; курировал следствие сам Павлуновский.

На процессе оказались расшифрованы агенты ЧК-ГПУ Феокритов, который вербовал в «организацию» разных лиц и в Омске, и Новониколаевске, а также Н.А. Гуров, Избож, А. Окулич, агроном Н.И. Сакша, Л.А. Семёнова (Баратова), Чижевский. Многие сексоты были осуждены. Одним из основных свидетелей обвинения стал 19-летний Г.Г. Бутанов («Жорж»), активную роль сыграли 19-летний С.С. Иванов-Боярский, М.С. Гаркуш, С.И. Дудим, В.А. Колпаков, В.В. Малиновский, А.М. Михалевский, Г.Я. Оводов, сексоты Каинского политбюро Новониколаевской губчека М.А. Матюшкин с А.Н. Оземковским и другие^[297].

Никаких реальных действий со стороны «организации» зафиксировано не было, в связи с чем утверждение современных исследователей А.А. Папчинского и М.А. Тумшиса о неких «остатках вооружённых банд, скрывавшихся в тайге после ликвидации так называемой «базаровско-незнамовской авантюры», выглядит отражением чекистской версии. 20 чел. суду пришлось освободить, а 12 — амнистировать. 30 чел. получили от года до 10 за укрывательство и недонесение. Судьи дали высшую меру 33 «заговорщикам», из которых власти утвердили расстрел 22 чел., в том числе многих сексотов; их казнили 28 июля 1923 г.^[298]

Несмотря на сомнительность результата с заговором Базарова и Незнамова, чекисты не жалели усилий для вскрытия всё новых «организаций». В сентябре 1923 г. начальник отделения КРО полпредства Г.И. Валейко сообщал прокуратуре, что в мае в Томске арестовали А.Н. Молчанова — бывшего колчаковского чиновника — «при личном обыске которого был обнаружен явочный знак контрреволюционной организации, разрабатываемой ПП ГПУ по Сибири с января... Показаниями Молчанова были установлены и — арестованы имевшие с ним связь Елин, Петров, Кутюлин и Шмурыгин, при обыске квартир которых также были обнаружены тождественные явочные знаки...». Валейко писал, что следователям тем не менее «ничего конкретного установить не удалось, все обвиняемые упорно отрицают свою виновность. Поступившими дополнительными материалами удалось выяснить, что указанная выше контрреволюционная организация имеет широкие разветвления не только в Сибири, но и связь с Дальним Востоком и другими, вне Сибири, губерниями СССР. В связи с этим

разработка приняла затяжной характер и к настоящему времени находится в своей первичной стадии...». Валеико требовал заключить всех пятерых «заговорщиков» на три года в концлагерь.

Томские чекисты тоже имели особую «тёмную» комнату для упорных; по сведениям Молчанова, прошедший через неё арестант Ф.М. Самойлов «впал в нервное состояние» и после освобождения покончил с собой. Что касается пресловутых «явочных» знаков, то Молчанов писал, что в его бумаги был подброшен кусочек туши, с помощью которого и получились некие точки в коммерческом письме английской фирмы из Харбина, но ни он, ни замначальника губотдела ГПУ М.М. Чунтонов «не могли прочесть одну цифру на плане в Томске, а по приезде в Новониколаевск на плане кто-то пометил цифру карандашом». Томским и новониколаевским чекистам не удалось доказать вину А.Н. Молчанова, А.И. Кутолина, М.П. Петрова, Е.Д. Елина и Б.Е. Шмурыгина. В ноябре 1923 г., выполняя распоряжение Лубянки, Валеико подписал распоряжение об освобождении всех «заговорщиков»^[299].

Постоянной мишенью чекистов были эсеры, которых арестовывали как в период больших политических кампаний (вроде столичного процесса над эсеровскими лидерами летом 1922 г., когда во всех крупных городах Сибири были арестованы многие десятки эсеров, что привело к полному прекращению их подпольной организованной работы), так и в постоянных попытках связать с заговорщицкой деятельностью. От эсеров требовали убедительных подтверждений лояльности: так, видного эсера Н.М. Любимова, вступившего в РКП(б) заставили сотрудничать с ГПУ. В составе Всесибирского бюро бывших эсеров, организованного чекистами в январе 1923 г. для окончательного разложения ПСР, был агент Омского ГПУ С.И. Богомолов. Отказавшихся «разоружаться» подвергали репрессиям.

Ещё в начале 1921 г. в Канск была сослана большая группа эсеров-максималистов. Согласно чекистским сводкам, они распространяли листовки, приняли активное участие в районном съезде учителей и выборах членов волостного правления. Опасаясь эсеровского влияния на местных жителей, власти арестовали 27 максималистов и некоторых из них затем выслали за пределы Енисейской губернии. Но, как потом выяснилось, в среду ссыльных чекисты внедрились провокатора, который давал в ЧК ложные донесения с преувеличением масштабов эсеровской деятельности.

В сентябре 1923 г. томские чекисты попытались сфабриковать дело на ссыльного Я.П. Волк-Штоцкого, обвинив его в создании повстанческой эсеровской организации и шпионаже в пользу Польши. Получив материалы, оперативник Секретного отдела полпредства ГПУ Я.М. Краузе заключил, что они «не могут служить для передачи его суду, а устанавливают: что Волк-Штоцкий, находясь на свободе, всегда будет проводить свои контрреволюционные антисоветские намерения...». Чекист предложил ссыльного как «крайне опасного элемента» заключить в Соловецкий концлагерь.

В 1922 г. чекисты Новониколаевска арестовали нескольких сионистов, но вскоре были вынуждены отпустить их из-за незначительности обвинительных материалов, ибо после 1919 г. организованная деятельность сионистов в городе почти прекратилась^[300].

Не удалось сфабриковать открытый политический процесс Новониколаевскому губотделу ОГПУ и после ареста местных социал-демократов. Весной 1923 г. в производство губсуда из ГПУ было передано дело по обвинению меньшевиков в распространении контрреволюционной литературы. Но суд оказался в неловком положении, ибо в деле напрочь отсутствовали серьёзные улики, а один из подозреваемых сообщил следствию, что найденную у него литературу он получил от коммуниста, о чём собирался во всеуслышание заявить на процессе. С точки зрения судебных властей, дело во время открытых слушаний могло принять «нежелательный оборот». Опасаясь возможного судебного конфуза и раскрытия провокационных методов чекистской работы, президиум губкома РКП(б) своей властью постановил дело в суд не передавать, а ограничиться административной высылкой арестованных меньшевиков.

Попытки фабриковать дела на представителей антисоветских партий предпринимались и позднее: так, в октябре 1925 г. в Красноярске арестовали шестерых эсеров, хотя упоминавшуюся в агентурных сводках крамольную литературу чекистам при обысках обнаружить не удалось. Всем арестованным эсерам дали новые сроки ссылки. Тогда же красноярскими чекистами были произведены аресты и обыски среди «сочувствующей

ссылным эсерам» молодёжи; часть арестованных была сослана. В декабре 1925 г. за создание «антисоветской организации» арестовали 9 сионистов, отбывавших ссылку в Нарыме. Часть из них во внесудебном порядке была заключена в тюрьму, остальным продлили ссылку.

О характерной для высокопоставленных чекистов мании везде видеть заговоры говорит выступление Б.А. Бака, председательствовавшего на 4-й губернской конференции уездных уполномоченных Новониколаевского губотдела ОГПУ 5–6 мая 1924 г. Бак отметил, что в центре внимания врагов советской власти — деревня и армия. Главную опасность для деревни представляли оживление кулачества и его смычка с середняками против бедняцкой части, а также рост активности середняков, стремящихся создавать свои политические структуры: крестьянские союзы и «самостоятельную крестьянскую кооперацию». В армии были замечены многочисленные группировки офицеров, которые старались потеснить выдвинутых гражданской войной краскомов. Бак отметил, что старые военспецы за годы войны успели тесно связаться с красноармейской массой и в силу этого потенциально способны стать проводниками таинственного «бонапартистского "демократизма" — фашизма в армии». Между тем подобную информацию сибирских чекистов Дзержинский считал образцовой. Так, 7 мая 1924 г. председатель ОГПУ направил в ЦК РКП(б) доклад о положении на селе и в армии, базирующийся именно на информации Павлуновского, и предложил на его основе подготовить директивы ЦК местным парторганизациям.

Очень рано сибирские чекисты начали использовать в качестве обвинения симпатии к взглядам Л.Д. Троцкого. Тот ещё входил в Политбюро, но уже в марте 1925 г. чекисты Новониколаевска изъяли на квартире заведующего книжным магазином М.К. Евграфова около 200 советских книг, включая «Уроки Октября» Троцкого, обвинив книготорговца в хранении антисоветской литературы и представив активным меньшевиком, который «до тошноты ненавидит коммунистов», а «к Троцкому относится сочувственно и ведёт в его пользу агитацию». В августе 1925 г. прокуратура прекратила дело на Евграфова, постановив сообщить в полпредство о незаконных действиях губотдела ОГПУ^[301].

Головной болью для ОГПУ стал самый известный сибирский заключённый Г.И. Мясников, выступивший против партийной диктатуры ещё в начале 20-х гг. Переведённый в томскую тюрьму, он активно боролся за своё освобождение, периодически устраивая голодовки. В ответ чекисты угрожали ему переводом в психбольницу, а в 1926 г. объявили, что раскрыли организованную Мясниковым в тюрьме «антипартийную организацию». В марте 1926 г. Томская окрКК ВКП(б) вынесла строгий выговор работнику домзака Г.И. Козлову, который в течение недели скрывал «сделанное ему предложение вступить в антипартийную организацию», а также не препятствовал посещению Г.И. Мясникова Суховым и Новиковым. Другой работник домзака — И.И. Серёдкин — получил выговор за то, что «получив от гр. Терещенко письменное приглашение вступить в организацию и зная, что её возглавляет Мясников, никому об этом не сообщил, пока организация не была раскрыта». Третий — Л.Е. Гордиенко — отделался постановкой на вид за то, что, узнав о существовании «антипартийной группировки» в домзаке, сообщил о ней только начальнику домзака, проигнорировав партийные органы. Есть сведения о парторге ячейки Самусьского затона А.Е. Новикове который посещал Мясникова в тюрьме и получил в 1926 г. выговор за то, что сделал это без санкции партийных органов. Трое беспартийных студентов Томского университета, поддерживавших связь с Мясниковым через его жену, были сосланы. Перевод Мясникова из Томска в Вятскую тюрьму был вызван, вероятно, его небезуспешными усилиями по вербовке сторонников^[302].

Нелояльность красных командиров вызывала особые опасения. В мае 1925 г. прокуратура Иркутской губернии поддержала чекистские обвинения в адрес комбата 104-го полка 35-й дивизии К.С. Мырзы, заявлявшего об экономическом тупике, в который завела страну политика РКП(б), олигархической системе управления, отсутствии свободы слова и т. д., предложив отправить его в концлагерь. Несмотря на указание о дворянском происхождении Мырзы, службу штабс-капитаном царской армии и былую связь с видными эсерами, Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило освободить бывшего красного командира с запретом проживания в 6 крупнейших городах СССР.

Слежка за интеллигенцией также была плотной — в соответствии с указанием

Дзержинского о том, что на каждого интеллигента должно быть дело. В 1926 г. в Барнауле были арестованы члены «контрреволюционной группировки» в составе бывших народного социалиста М.С. Курского, эсера А.А. Левашева и других, распространявших в среде интеллигенции приписываемый С.А. Есенину памфлет «Ответ Демьяну Бедному», ироническое послание А.Т. Аверченко Ленину и другие документы. Чекисты отмечали появление антисоветских групп даже в среде сибирских школьников: в 1926 г. в Барнаульском округе была создана нелегальная организация молодёжи, выпускавшая самодельную газету «Искра»^[303].

ОГПУ постоянно и повсеместно фабриковало дела на представителей православной церкви. Летом 1922 г. в Иркутске были осуждены к расстрелу местный архиепископ-тихоновец Анатолий (Каменский) и церковный староста Стефановский, обвинённые в руководстве церковной организацией, снабжавшей «бандитов» — повстанцев оружием и боеприпасами. Анатолия арестовали сначала за противодействие кампании по изъятию церковных ценностей, а затем превратили в заговорщика.

Фактический разгром православной церкви в период кампании по изъятию ценностей, раскол её на «тихоновцев» и «обновленцев», физическое уничтожение многих священнослужителей и вербовка значительной части уцелевших в сексоты привели к тому, что бывшая государственная церковь на некоторое время перестала рассматриваться сибирскими чекистами в числе основных врагов режима. Так, после ареста в конце 1922 г. за сбор пожертвований заключённым Новониколаевского епископа Софрония (Арефьева) практически все приходы губернии были захвачены лояльными к большевикам обновленцами, а Новониколаевск стал центром Сибирской обновленческой митрополии^[304]. И полпредство ГПУ свой взор обратило на сектантов — старообрядцев, иоаннитов, евангельских христиан, меннонитов, адвентистов, молокан и пр.

Сибирь исторически была одним из основных мест деятельности неопротестантских церквей в России. Борьба с ростом сектантства велась административным порядком. Так, 10 ноября 1920 г. Алтайский губисполком по докладу председателя губчека Х.П. Щербака постановил, чтобы все евангельские общины г. Барнаула «ввиду их контрреволюционного настроения» были закрыты, а отнятые молитвенные дома были переданы под размещение грузчиков.

Как следует из отчета Славгородского политбюро Омгубчека за июль-ноябрь 1921 г., им «было установлено наблюдение через агентуру информации за религиозными сектами (меннонитами и евангелистами), которые последнее время усиленно ведут противосоветскую агитацию...». Агентуру активно использовали для внесения раскола и натравливания верующих друг на друга. Осенью 1923 г., при содействии «влиятельного осведомителя», чекистами было осуществлено «разложение» большой общины баптистов (около 700 членов) в Минусинском уезде. В сводке за июль и первую половину августа 1922 г. полпредство ГПУ «констатировало сильное развитие евангелизма на территории Сибири». Пальму первенства держала Новониколаевская губерния, где только за июль 1922 г. губотдел ГПУ взял на учёт 84 новые «евангелические» общины, которые обладали всеми отличительными признаками «контрреволюционных и заговорщицких организаций».

Принимавшиеся «меры к разложению сектантства по Сибири» вылились в конце 1922 — начале 1923 гг. в пионерную по времени осуществления и масштабу операцию ГПУ, в результате которой оказались ликвидированными руководящие органы всех крупных свободоверческих конфессий, а общины перешли на нелегальное положение. Однако чекисты отмечали, что «разгром баптизма не увенчался успехом»: часть общин пришлось восстановить в правах, а другие перешли на нелегальное положение и в глазах верующих предстали мучениками за веру. 23 июля 1923 г. Павлуновский направил специальное послание председателю Сибревкома М.М. Лашевичу, посвященное исключительно проблеме сектантства. По оценкам Павлуновского, сектантские объединения в Сибири летом 1923 г., несмотря на все репрессии, представляли «силу численно большую и крепче внутри спаянную, чем наши комячейки и волсоветы». Связи с дальневосточными собратьями неминуемо делали свободоверческие общины «контрреволюционным возбудителем для Сибири», т. к. «сектанты Приморья и Амура... самым теснейшим образом связаны с сектантством Америки». Выявленные случаи регистрации в Омской, Алтайской и Томской губерниях сектантских кооперативов на «началах взаимопомощи» были признаны Павлуновским неким зародышем

будущей кулацкой контрреволюционной организации, к которой «как к форме организации кулацких слоев в деревне неизбежно потянется и эсер, и белогвардеец, и меланхолически настроенный интеллигент». Резюмируя, Павлуновский четко привязал сектантскую проблему к проблеме «кулачества»: «В общем, сибирский кулачок, как видим, вновь зашевелился и начинает создавать свои организации в форме сектантских объединений и понемножку лезет в сельсоветы».

Павлуновский указал на необходимость «[агентурной] разработки и ослабления роста сектантского движения» как на очередную задачу «советской власти и партии в Сибири». Чекистам поручалось собрать все сведения о сектантстве в губернии, отобрать факты, дискредитирующие верующих, и сформировать план согласованной работы укомов партии и уполномоченных ГПУ по борьбе с «религиозным дурманом»^[305].

В середине 20-х гг. церковнослужителей осуждали обычно за «антисоветскую агитацию». Летом 1926 г. красноярские чекисты за «контрреволюционные» проповеди арестовали группу священников во главе с епископом Амфилохием; несколько месяцев спустя иркутские чекисты арестовали иерархов местной епархии, обвинённых в «провокационных проповедях» и сборе денет для арестованных собратьев.

Особенно заметные антисоветские проявления чекисты отмечали среди иоаннитов, ставших одной из ветвей катакомбной церкви и крайне враждебно настроенных против безбожной власти. Сторонники культа Иоанна Кронштадтского, почитаемого воплощением святого духа, иоанниты страстно верили в различные чудеса, в спасение царской семьи, скорый конец света и пр. В 1923 г. все их общины в Сибири были разгромлены властями, но быстро восстановились. В 1926 г. с подачи барнаульских иоаннитов, распространявших слухи о появлении в крае детей Николая II, бывший комсомолец А.И. Шитов согласился сыграть роль наследника Алексея. Нашлась и претендентка на роль великой княжны Марии. Расправа с самозванцами и их окружением была жестокой: из 40 привлечённых чекисты расстреляли 8 чел.^[306]

Что касается общей статистики репрессий первой половины 1920-х гг., то пока опубликованы отрывочные и малодостоверные сведения о размахе карательной работы сибирских чекистов. В 1922 г. есть данные только по Западно-Сибирскому военному округу — арестовано 8.560 чел., из них к расстрелу было осуждено 17 чел., к заключению в концлагерь — 166. По Восточно-Сибирскому военному округу чекистами осуждено всего 25 чел. к заключению в концлагерь, а расстрелянных нет. Однако известны данные о казнях, произведённых особым отделом Якутского губотдела ГПУ в марте 1922 г. Так же хорошо известно, что при подавлении восстаний в Горном Алтае, Иркутской губернии и Якутии в 1922 г. были без суда расстреляны многие сотни людей.

В 1923 г. по Западно-Сибирскому военному округу зафиксировано 3.921, Восточно-Сибирскому — 2.725 арестованных. Всего в течение 1923 г. в производстве ПП ГПУ по Сибири и губотделов находилось более 2.000 дел, из которых на долю краевого аппарата пришлось 140 дел, а проходило по ним 650 чел. Если Книга памяти жертв политических репрессий Алтайского края отмечает за 1923–1927 гг. лишь около 50 репрессированных, то, согласно сведениям из чекистских архивов, один уездный уполномоченный Алтгуботдела ВЧК по Бийскому уезду за 1923 г. арестовал 419 чел., в том числе 172 — за контрреволюцию, 7 — за шпионаж, 85 — за бандитизм. В 1924 г. по ОГПУ Сибири официально было отмечено поступление 2.779 арестованных, из них осуждено к расстрелу 14 чел., к заключению в лагерь — 6. В 1925 г. арестовано 5.511 чел., из которых 496 были расстреляны^[307]. Такой рост арестов и особенно казней был связан с широкой кампанией по борьбе с бандитизмом, развернувшейся осенью 1925 г.

Опубликованные данные о репрессиях середины 1920-х гг. очень сильно уступают статистике, оглашённой Л.М. Заковским 26 июня 1928 г. на заседании бюро Сибкрайкома ВКП(б). Полпред заявил, что за 1926 г. по «антисоветским и контрреволюционным» делам в крае прошли 406 чел., а за 1927 г. — 1.067 чел. Поскольку чекисты интенсивно вели дела по бандитизму, крупным хищениям, контрабанде, перебежчикам, валютным операциям, фальшивомонетничеству, то общая численность прошедших по делам ПП ОГПУ в 1926 г. составила 5.536, а в 1927 г. — 8.100 чел.^[308] Из этих цифр видно, что в 1927 г. общее число репрессированных органами ОГПУ выросло в полтора раза, а подвергшихся политическим

преследованиям стало больше в 2,5 раза.

В первой половине и середине 1920-х органы ОГПУ осуществляли постоянные репрессивные акции против всех противников режима: от социалистов и внутривластных оппозиционеров до интеллигенции и церковных кругов. Арестованным нередко вменялась в вину организованная заговорщицкая деятельность, но большая часть обвинений касалась проведения антисоветской агитации. После высокого уровня репрессий 1922–1923 гг., обусловленных продолжением вооружённого сопротивления в национальных окраинах, в 1924–1926 гг. наблюдался максимально низкий за период 20-х гг. уровень политических репрессий. Данная тенденция середины 1920-х гг. была характерна и для СССР в целом, поскольку политическая ситуация в стране являлась относительно стабильной и органы безопасности в тот период основной удар наносили по уголовной преступности.

Сопротивление режиму в 1927–1929 гг.

В период свёртывания нэпа в обществе усилились критические настроения в отношении властей. Ответом на них по-прежнему были репрессии. Во второй половине 20-х гг. чекистский аппарат показал свою готовность к массовым расправам не только над уголовниками, но и над политическими врагами. В начале 1928 г. это было продемонстрировано в Якутии во время жестокого подавления выступления «автономистов» (расстреляно ок. 130 чел., не считая многочисленных бессудных казней на месте)^[309], с лета 1929 г. — во всех сибирских округах, где интенсивно начались фабриковаться дела на «повстанческие кулацкие группы».

Основным видом сопротивления властям была «антисоветская агитация». Несмотря на крайнюю жёсткость политического режима, в стране то и дело возникали подпольные кружки (часто молодёжные) и целые организации со своими уставами, шифрами и т. п. Обычно они не шли дальше выпуска антисоветских листовок, но, с точки зрения ОГПУ, и такая деятельность была крайне опасной для власти. Как и в начале 20-х, чекисты старались по возможности искусственно расширять круг членов подобных организаций, для чего активно внедряли туда своих агентов.

В 1927 г. омские студенты В.А. Чевалков и Г.Н. Петров создали «Российскую партию народного права» (РПНП), ставшую, вероятно, самой крупной из всех нелегальных структур региона тех лет. Они пришли к выводу, что советская власть — это диктатура коммунистов, а социализм — утопия, ведущая к хаосу и подавлению прав и свобод, поэтому всякий «хоть сколько-нибудь сознательный человек должен не медля ни минуты идти в народ и доказывать ему всю утопичность и гибельность политики диктатуры компартии». По данным ОГПУ, среди товарищей по учёбе Чевалков и Петров создали ядро подпольной организации со своей программой и руководящим органом, получившим название «Сибирский ЦК РПНП».

У организации были шифр и четыре гектографа в домашней типографии, с помощью которых активисты отпечатали и распространили свыше 3.000 резких антикоммунистических листовок. Так, в ночь на 7 ноября 1929 г. в Омске было тайно разбросано не менее 300 прокламаций; 9 ноября аналогичные листовки (48 штук) были обнаружены на вагонном тормозе поезда, прибывшего из г. Татарски на ст. Купино. РПНП информировала о только что произведённых расстрелах крестьян по политическим обвинениям, призывая население вооружаться и восставать против коммунистов с целью возврата к рыночным отношениям и политическим свободам. Авторы были обнаружены достаточно быстро, так что уже 23 апреля 1930 г. Коллегия ОГПУ рассмотрела дело на 81 чел. Сибирские чекисты постарались представить РПНП в качестве разветвлённой организации, но к качеству их работы в Москве подошли критически — в отношении 29 чел. дело прекратили, а шестерым засчитали срок предварительного заключения. Руководители — В.А. Чевалков, Г.Н. Петров, Д.М. Кедо, В.В. Ивашко, А.П. Панарат и М.С. Семёнов — пошли под расстрел, 10 — получили ссылку, все остальные — от двух до 10 лет концлагеря.

В феврале 1928 г. чекисты Бийского окружного отдела ОГПУ по агентурным данным раскрыли «нелегальную контрреволюционную организацию молодёжи» в с. Енисейское. В ней состояли четыре человека, возглавлял группу 18-летний весовщик мельницы П. Грязное, активный комсомолец. Юноши трижды собирались, «противопоставляя свои идеи идеям советской власти», выпустили два номера рукописного журнала «Следопыт», где, в основном, разоблачали грехи местного начальства, а также попытались распространять написанный

Грязновым «Марш троцкистов». Больше сделать они ничего не успели, что предопределило мягкость наказания^[310].

Антиправительственные прокламации (преимущественно рукописные) распространялись во всех регионах Сибири. В конце 1920-х гг. в бийской школе им. А.С. Грибоедова в течение двух лет появлялись листовки «контрреволюционного содержания», причём ОГПУ никак не удавалось выяснить их автора. Ученики школы им. Ленина организовали партию «Освобождение народа», руководителем которой являлся учащийся Арбузов, сын бывшего владельца трактира. Участники подпольной группы организовали филиал своей партии в школе им. Луначарского, однако один из вновь примкнувших участников — комсомолец Котов — сообщил о тайной организации в ОГПУ. После этого последовали аресты, и к суду были привлечены 5 чел.

Создание тайных организаций молодежи не всегда было связано напрямую с политическим противостоянием. Оно могло быть как отмечает В.И. Исаев, протестом против казарменности советского быта. Так, в школе № 6 г. Барнаула в 1928 г. учениками была организована группа под названием «Долой общественную работу», участники которой вели хулиганскую агитацию среди сверстников, били стёкла, портили школьное имущество. После выявления группы под суд были отданы 17 чел.

Очень плотную слежку чекисты вели за представителями интеллигенции, особенно ссыльной. В 1927 г. благодаря доносам сексота С.П. Волконского были арестованы как члены антисоветского «монархического кружка» и осуждены к новой ссылке видные новосибирцы: бывший вице-губернатор Якутии и статский советник Д.О. Тизенгаузен, врач Н.А. Щукина и ещё несколько человек, собиравшихся на вечеринки и слушавших, в частности, чтение иронических рассказов Тизенгаузена о быте сибирской деревни. В январе 1928 г. за «антисоветскую агитацию» были арестованы и затем сосланы члены новосибирской коллегии защитников И.А. Ваксберг, Л.Л. Домбровский, Г.И. Жерновков, И.М. Шапиро^[311].

Нарымская политссылка была настолько пронизана чекистской агентурой (в том числе за счёт платных спецосведомителей, игравших роль сосланных), что в середине 20-х гг. бывший член ЦК ПСР Д.Д. Донской и ряд других старых ссыльных испытывали полное недоверие к вновь прибывшим. Тем не менее ссыльные, особенно сторонники Троцкого, играли активную роль в противостоянии властям. Они находили сочувствующих даже в рядах правящей партии, что очень беспокоило власти. Осенью 1928 г. чекисты разоблачили «троцкистскую организацию ссыльных» в Красноярске, печатавших листовки, а в мае 1929 г. ОГПУ Ачинска выявило «оппозицию» во главе с женщиной-инструктором потребсоюза, которая поддерживала связь с ссыльными и распространяла «троцкистскую литературу». Начальник Ачинского окротдела ОГПУ К.П. Болотный в 1928 г. собрал целую коллекцию перехваченной его подчинёнными корреспонденции ссыльных троцкистов.

В конце 1920-х гг. троцкисты вели интенсивную переписку с единомышленниками, переигрывая органы ОГПУ, перехватывавшие только часть писем. Так, секретарь Киренского окружкома ВКП(б) Воробьёв в феврале 1928 г. обескураженно отмечал, что местные ссыльные, обладавшие знакомыми в Москве и Ленинграде, получают от них политическую информацию о положении в стране и партии раньше и подчас подробнее, чем власти округа, которым секретные пакеты из центральных властных структур доставлялись даже реже, чем раз в месяц^[312].

В методах давления на оппозиционеров чекисты не стеснялись: так, сосланному в Барнаул популярному публицисту Л.С. Сосновскому, бывшему редактору газеты «Беднота», весной 1929 г. было приписано руководство подпольным троцкистским центром и сразу тремя троцкистскими группировками. Тот решительно отрицал вину, но был осуждён и отправлен в тюрьму. Легко разгромленные с помощью аппаратных расправ троцкисты и правые не были по-настоящему опасны для краевой верхушки. Но страх перед проявлениями инакомыслия в среде «своих» был очень велик и определял плотную работу «органов» против любых оппозиционеров.

В конце 1920-х гг. группировка сторонников «рабочей оппозиции», действовала в Омске, опираясь в основном на поддержку рабочих железнодорожного узла и паровозоремонтного завода. Организация боролась за рабочую демократию, распространяя на собраниях и в частных беседах идею «новой рабочей революции», свободной от «советской буржуазии»,

защищала независимость профсоюзов. В августе 1929 г. активистов организации арестовали, а год спустя омские чекисты ликвидировали ещё одну группу «рабочей оппозиции»^[313].

Сибирская деревня в течение всех 20-х гг. уповала на возрождение крестьянских союзов, которые бы защищали интересы сельского населения от государственного произвола. Крайне негативные мнения о власти были очень распространены. В 1927 г. в донесении агента ОГПУ из с. Громы Братского района Иркутского округа приводились следующие высказывания крестьян: «Если будет война, прежде всего перебьём коммунистов и комсомольцев на местах, а потом и дальше»; «скорей бы Англия начала, а мы поможем» и т. п. А относительно политической ситуации в Ачаирском районе Омского округа в том же 1927 г. «компетентные органы» сообщали: «Общественное мнение настроено антисоветски, не говоря уж о зажиточной части деревни, но за ней имеется добрая половина середняков и бедняков. Есть разговоры, что не нужно советской власти, нужно царя. Другие рассуждают, что нужна демократическая республика, президент. И есть суждения, что нужна советская власть без коммунистов».

В крестьянской среде Новосибирского округа в конце 1920-х гг. существовала реальная организация «Примерное общество» (в чекистских документах часто именовалась как «Семья примерного общества»), не предполагавшая каких-либо агрессивных намерений. Реагируя на усиление вмешательства государства в крестьянскую жизнь, в декабре 1928 г. житель с. Иткуль Д.А. Соколов с односельчанином А.А. Орловым решили создать организацию, которая могла бы донести до правительства свои предложения по крестьянскому вопросу: об уменьшении налогов, разрешении свободной торговли, введении бесплатного обучения детей, открытии в каждом селе клубов, установлении денежных сборов с граждан в пользу бедняцких хозяйств. С помощью сексотов работники ОГПУ представили данную организацию как имевшую повстанческий характер, приписав к ней множество непричастных лиц, и в 1930 г. жестоко разгромили^[314].

Переход к политике широких репрессий в деревне

Во второй половине 1920-х гг. стал очевиден кризис новой экономической политики. Огосударствление всех сторон жизни крайне мешало развитию экономики. Ограничения на аренду земли, наём рабочей силы и размеры земельных владений, твёрдые цены на зерно, административное сдерживание товарооборота негативно влияли на состояние промышленности и сельского хозяйства. И в городе, и в деревне партийно-административный аппарат вёл жёсткую борьбу с частным капиталом, подрывая развитие свободного предпринимательства.

Не только нэпманы, но и все зажиточные крестьяне считались как идеологическим, так и экономическим противником. Кризис хлебозаготовок в 1927 г. привёл руководство страны к мысли о силовом нажиме на деревню с целью вынудить её продавать хлеб по низким фиксированным ценам. Опыт силового воздействия на процесс хлебозаготовок был оценён Сталиным и его группой как успешный.

Хлебозаготовительные кампании 1927–1929 гг. проходили как «чрезвычайные» раскалывая общество на всех уровнях: и по линии противостояния с властью, и по углублению социального раскола между более зажиточными и менее успешными крестьянскими хозяевами.

В.А. Ильиных предложил корректный термин для обозначения радикальных изменений в деревне — «социалистическое раскрестьянивание», ибо государственная политика с конца 1920-х гг. предполагала ликвидацию единоличного хозяйства как базовой единицы социальной самоорганизации крестьянства^[315]. Первая попытка раскрестьянивания, стремительно предпринятая в ходе гражданской войны и сопровождавшаяся как стихийным насильственным уравнением руками люмпенской части деревни, так и введением коммун, оказалась неудачной, закончившись экспроприацией зажиточных и разорением многих середняцко-бедняцких хозяйств. В целом крестьянская самоорганизация оказалась очень устойчивой структурой, поэтому для её полного разрушения понадобился новый и продолжительный по времени виток целенаправленного государственного террора и принуждения.

Заковский сразу проникся сталинским указанием судить отказывающихся сдавать хлеб по

низким государственным расценкам мужиков как спекулянтов. В свою очередь, Сталин запомнил сопровождавшего его в период сибирской командировки начала 1928 г. Заковского как чекиста, способного быстро организовать карательное наступление на «злостных саботажников хлебосдачи», мобилизовав на это не только оперативников ЭКО, но и большую часть аппарата ряда окружных отделов ОГПУ. И было неважно, что ещё недавно Заковский ходил днём с огнём в поисках кулаков, находя их в мизерных количествах. Так, в конце 1926 — начале 1927 г. полпред ОГПУ обследовал 8 сёл Барабинского округа, где отнёс к зажиточным (выше середняцкого уровня) 5 % хозяйств и не нашёл ни одного настоящего кулака-эксплуататора.

По итогам кампании Заковский на пленуме крайкома ВКП(б) в марте 1928 г. самокритично заявил: «Я думаю, что такое большое количество арестов в Сибири производить не нужно было, а эффект при увязке наших мероприятий получился бы гораздо больше чем он получился при многочисленных арестах». Органы ОГПУ к 29 февраля 1928 г. арестовали 123 чел. только по ст. 58 УК. Дела на 64 из них проверила прокуратура и согласилась с обоснованностью обвинения лишь в отношении 20 чел.

На бюро Сибкрайкома ВКП(б) 26 июня 1928 г. Заковский отметил, что в период нэпа была достигнута политическая стабильность, но после хлебозаготовок средний класс деревни стал проявлять недовольство. Касаясь сельского пролетариата, Заковский со знанием предмета заявил, что бедняк в Сибири не имеет глубоких корней — «это деклассированный элемент». Указывая на враждебные элементы, полпред захватывал очень широко: «учителя, интеллигенция, эсеры, попы находятся на стороне кулака». Заковский указал на резкое усиление летом 1928 г. репрессий в деревне в связи с антисоветской агитацией (до 50 арестованных на округ) и негативно оценил панические настроения местных властей, требовавших ещё более массовых арестов «кулачества», срывавшего хлебозаготовки своей агитацией.

В марте 1929 г. на пленуме Сибкрайкома Заковский снова указал на необоснованно широкое, по его мнению, применение 58-й статьи УК к крестьянам во время новой хлебозаготовительной кампании. События, которые могли сильно повлиять на политическую стабильность края, тревожили Заковского. Между тем местные власти призывали чекистов быть активнее. Канский окружком ВКП(б) 16 октября 1929 г., проанализировав результаты третьей пятиневки октября по хлебозаготовкам, обязал начальника окротдела ОГПУ Я.Я. Веверса «провести через ГПУ наибоыстрейшую разработку ряда характерных дел, требуя внесудебного решения на право высылки за пределы округа и применения других, более суровых мер наказания»^[316].

По обвинению в злостном саботаже хлебозаготовок и спекуляции в кампанию 1927–1928 г. было привлечено к ответственности с частичной или полной конфискацией имущества 1.600 «кулаков», а в кампанию 1928–1929 гг. — более 8.000. Всего за 1929 г. «в связи с проводимыми кампаниями» по Сибири отправилось за решётку 23 тыс. крестьян и низовых сельских работников. Ответ властям был достаточно выразительным: в 1928 г. в Сибкрае было зарегистрировано 406, а в 1929 г. — 756 убийств по политическим мотивам, причём из этого количества на прямые террористические акты приходилось 14 и 27 % соответственно. Количество банд выросло за год с 67 до 456, поэтому с 1 ноября 1929 г. территория Сибири была вновь объявлена «неблагополучной по бандитизму».

Беглые «кулаки» в канун коллективизации иногда создавали небольшие отряды, пытавшиеся вербовать сторонников среди репрессированных крестьян и вести пропаганду против власти. Житель с. Старый Кучук Родинского района И.И. Гломозда, осуждённый по ст. 169 УК (мошенничество) на два года заключения, при конвоировании в славгородский домзак сбежал, а 5 июля 1929 г. соединился вместе со своим скрывающимся сыном Василием и В. Демиденко. Согласно версии следствия, И.И. Гломозда, «разъезжая вместе с сыном и Демиденко по сёлам Благовещенского и Родинского районов и ближайшим селениям Каменского округа, занялись усиленной агитацией и вербовкой крестьян, преимущественно распроданных, в повстанческую организацию... разработали план организационного восстания, составили проекты воззваний и т. д.». Чекисты 11 сентября 1929 г. при задержании части отряда застрелили И.И. Гломозду, а 24 чел. в последующие дни задержали.

Заковский на совещании в крайисполкоме 14 октября 1929 г. сообщил, что сотрудники

ОГПУ постоянно ведут следствие по «перегибам» местных начальников, которые вынуждают селян выступать против властей — за 1929 г. полпред насчитал в крае 200 массовых выступлений крестьян, из которых 133 были вызваны хлебозаготовками. Если в 1928 г. органы юстиции зарегистрировали 364 контрреволюционных преступления, то с января по август 1929 г. — 1.257, а с сентября по декабрь 1929 г. — 3.391. Из них 35 % приходилось на антисоветскую агитацию. Заковский в 1929 г. опасался восстаний даже в самых благополучных районах края — из-за повсеместных огромных извращений в хлебозаготовках и массовых нарушений законности^[317].

Полпред мог быть трезвым в суждениях и понимать последствия слома нэпа, но после объявления борьбы с саботажем хлебозаготовок и «шахтинского дела» был готов к острым карательным акциям. Когда в октябре 1929 г. ОГПУ начало массовые аресты в связи с «противодействием кулачества» хлебозаготовкам, Заковский колебался лишь несколько дней. Информационный отдел ОГПУ 24 октября 1929 г. отметил, что наиболее широко применяют репрессии против «кулаков» чекисты Украины и Северного Кавказа, «а в последнее время втянулась и Сибирь», дав 3.027 арестованных — при том, что на 7 октября их было в крае всего чуть более 200. Судьбы особо опасных арестованных решала особая тройка, созданная с санкции Коллегии ОГПУ при полпредстве ОГПУ 28 декабря 1928 г. для заочного рассмотрения дел о политическом и военном шпионаже, контрреволюционных организациях, вредительстве и диверсиях, уголовном и политическом бандитизме. В её состав входил прокурор, имевший право опротестовывать решения тройки. Прокурор Сибкрая Кунов уже 29 декабря 1928 г. издал циркуляр об усилении наблюдения за чекистами, обязав прокуроров присутствовать при допросах обвиняемых. Однако в марте 1929 г. Заковский в своем письме Сибкрайкому заявил, что не будет исполнять циркуляр, обвинив прокуратуру в том, что она берёт под сомнение деятельность ОГПУ и дискредитирует чекистов, обвиняя их в фальсификациях дел и пытаясь — вместо надзора — руководить следствием. Полпред вышел победителем — Кунов был отозван из края, прокурорский надзор оказался условным и не смог помешать массовым репрессиям^[318].

Уже осенью 1929 г. сибирские чекисты приступили к фабрикации крупных «повстанческих организаций». В октябре-ноябре 1929 г. Рубцовский окротдел ОГПУ «вскрыл» контрреволюционную организацию из 66 чел. Расправа с «повстанцами» последовала скоро: 14 декабря 1929 г. они были осуждены, причём 12 чел. получили высшую меру наказания. Всего за вторую половину 1929 г. чекисты репрессировали 6.319 «кулаков».

О террористическом характере проводимой кампании борьбы с «организуемым кулачеством» говорит то, что чекисты нередко расстреливали только за разговоры против мероприятий власти. Так, в сентябре 1929 г. Бийским окротделом ОГПУ были арестованы девять зажиточных крестьян с. Караколь Солонешенского района во главе со священником-старообрядцем К.И. Крупениным. Эту «кулацкую группу» обвинили в агитации, направленной против выборов в сельсовет и заготовительной кампании, а также в распространении слухов о скором конце света. Особая *тройка* при полпредстве ОГПУ 24 октября 1929 г. приговорила всех крестьян к высшей мере наказания.

Это был ответ чекистов на директиву Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 октября 1929 г., в которой ОГПУ и органам юстиции предписывалось «принять решительные и быстрые меры репрессий, вплоть до расстрелов, против кулаков, организующих террористические нападения на совпарработников и другие контрреволюционные выступления», осуществляя эти меры «через ОГПУ»^[319], то есть во внесудебном порядке. Широкая формулировка относительно «контрреволюционных выступлений» давала возможность внесудебной расправы с любыми противниками режима.

Репрессии 1927–1929 гг. особенно сильно затронули сельское население, служа основным инструментом для выполнения хлебозаготовок. На это последовал рост случаев убийств, избиений и угроз в адрес представителей местных властей, что вызвало многочисленные судебные и внесудебные преследования по обвинению в «кулацком терроре». Со второй половины 1929 г. нелояльных лиц стали намного чаще обвинять в заговорщицкой деятельности и выносить крайне суровые приговоры, особенно группам крестьян — «кулаков».

Взаимодействие и конфликты с партийно-советским аппаратом

Органы ГПУ-ОГПУ были такой же частью советской номенклатуры, как и ЧК. Их руководители обычно входили в бюро партийных комитетов, обретая реальную власть, и регулярно отчитывались перед бюро. Руководящие работники губерний активно использовали информацию спецслужб и давали чекистам разнообразные поручения, в марте и июне 1923 г. бюро Томского губкома постановляло принимать меры к повышению авторитета ГПУ как в партии, так и среди беспартийных, призывая бороться «со взглядом на органы ГПУ как специфически карательные и органы сыска» и предложив местным партработникам «строго оберегать их от всяческих... нападков». Работу чекистов губком постановил считать «первостепенной важности партийной работой, почётной и обязательной также для каждого». Агитотделу было поручено провести кампанию «популяризации органов ГПУ и милиции», а секретарям укомов и райкомов указано, чтобы они не требовали от уполномоченных «докладов сверх рамок», причём эти рамки устанавливали сами уполномоченные. Губком поручил «выработавшихся товарищей заменить свежими» и дал конкретные оперативные поручения: усилить осведомительный аппарат, обратив сугубое внимание на «антисоветский элемент», особенно в нарымской ссылке. Используя аппарат карательных органов в корыстных интересах, секретари партийных комитетов могли водворять удобные им порядки на территории целых уездов. Занявший пост секретаря Кузнецкого укома РКП(б) в июле 1922 г. Ф.И. Травников сколотил вокруг себя кружок, куда вошли начальник милиции К.М. Рогов и зампредседателя у исполкома, бывший чекист М.И. Осипов. Эта тройка вечно нетрезвых дебоширов установила диктатуру над всем уездом и с помощью чекистов долгое время нейтрализовывала и преследовала всех недовольных, включая партийцев, пытавшихся информировать губернские власти о творившемся произволе^[320].

Очень важным элементом сотрудничества партии и ГПУ было создание чекистами системы политической информации верхов. С помощью агентуры чекисты составляли регулярные справки и обзоры о всех важных событиях в районе, уезде, губернии и Сибири в целом, выделяя остроактуальные темы. Парткомы нередко пользовались чекистскими записками для составления своих информации, предназначенных для более высоких инстанций. В некоторых таких обзорах политико-экономического состояния регионов доля чекистской информации превышала 50 %. В свою очередь, Лубянка пеняла чекистам из регионов за то, что те в своих информациях широко пользовались официальными справками из разных учреждений, не давая труда дополнять или осмысливать полученные материалы.

Очень подробно центральную власть информировали о положении в деревне, причём до конца 1927 г. сводки фиксировали истинные причины крестьянского недовольства: непосильные налоги, «ножницы цен», произвол местных властей. Затем весь негатив стал связываться с происками классового врага.

С осени 1927 г., когда Сталин начал наступление на основы нэпа, в сводках стало меньше информации по хозяйственным вопросам и гораздо больше места стал занимать анализ политической обстановки причём пристрастный: не ситуация в целом, а лишь «антисоветские проявления» и классовая борьба как таковая^[321].

Органы ОГПУ следили за всеми специалистами, а также за исключёнными из партии. Неблагонадёжные личности в советских учреждениях по представлениям ОГПУ подлежали увольнению. Перлюстрация была очень широкой, но не сплошной, особое внимание уделялось контролю переписки неблагонадежных лиц, письмам, отправляемым и получаемым из армии и из-за границы.

Чекистские досье до конца 1920-х гг. охватывали сравнительно небольшую часть населения края: к 1928 г. на учёте сибирских работников госбезопасности стояло 36.764 «антисоветских элемента». Самой массовой прослойкой были «кулаки», репрессированные в 1919–1922 гг. — 12.000, а также белые казаки (7.500) и бывшие офицеры (5.230). К повстанцам были отнесены 3.644, к членам политических и уголовных банд — 3.542, к бывшим контрреволюционерам — 700 чел. Служителей культа учитывалось до 2.000 чел. Членов антисоветских партий насчитывалось 2.058 (860 эсеров, 624 меньшевика, 132 дашнака, 131 анархист, 30 сионистов, 28 народных социалистов). Ещё 253 чел. были отнесены к троцкистам и прочим партийным отщепенцам. Значительную часть «подучётного элемента» чекисты

прорабатывали с помощью своей агентуры^[322].

Конфликты крупных чекистов с руководством губерний становились реже, причём именно работники ГПУ оказывались пострадавшей стороной. А начальник Енисейского губотдела ГПУ А.А. Денисов в 1923 г. стал жертвой как интриг своих подчинённых, недовольных прекращением практики кредитования сотрудников за счёт частных фирм, так и противостояния сибирского партцентра с властями губернии. Красноярцев обвинили в сепаратизме (они выступали против самого существования такой надстройки, как Сиббюро ЦК РКП(б)). В назидание, без согласования с ними, члены Сиббюро убрали начальника местного ГПУ.

Для чекистского начальства 20-х гг. было обыденным явлением участие в различных интригах и склоках. Некоторые из них носили довольно криминальный характер. Желая в угоду местным властям спровоцировать противостоявших им военных, уездный уполномоченный ГПУ в Бийске Г.П. Сысоев в конце 1922 г. заявил начальнику политотдела 4-й бригады РККА Л.А. Бакуеву и его заместителю военкому Евсееву, что в Бийске «очень много всякой нэповской и прежней эсеровской сволочи», поскольку теперешние законы позволяют «безнаказанно существовать тем элементам, которые в 18–20 г. были всегдашними квартирантами подвалов ЧК». Подметив у Бакуева с Евсеевым недовольство местными властями, чекист предложил им взять «на себя организацию этого красного бандитизма». Узнав, что директивы сверху на этот счёт не было, военные решительно отказали Сысоеву.

Чекисты иногда принимали участие и в прямых аппаратных атаках на партийных чиновников. Уездный уполномоченный Иркутского губотдела ОГПУ по Киренскому уезду В.И. Алмазов 26 февраля 1926 г. за участие в склоке с целью смещения секретаря укома ВКП(б) получил строгий партвыговор со снятием с должности. В свою очередь, как и в начале 1920-х гг., партийная верхушка старалась не допускать излишней самостоятельности со стороны чекистских структур; постановление бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 21 декабря 1928 г. отметило «недопустимость со стороны ПП ОГПУ отстранение от обязанностей нач. ОГПУ Иркутского округа тов. Атенкова без согласования с бюро Крайкома и Иркутского окружкома».

Тем не менее, вопросы, касавшиеся внутренней жизни полпредства ОГПУ и состояния его парторганизации, ни разу не рассматривались на заседаниях бюро Сибкрайкома ВКП(б). А в апреле 1929 г. по заявлению Заковского опросом членов бюро крайкома, то есть без обсуждения, было принято решение «об откреплении от партячеек органов ОГПУ товарищей, не имеющих отношения к органам ОГПУ»^[323].

Закрытость положения внутри чекистских аппаратов сочеталась с внимательным агентурным наблюдением ОГПУ за партийно-советскими структурами. Хотя разоблачение агентурных мероприятий против партийных комитетов грозило чекистам крупными неприятностями, они не избегали соблазна следить за коммунистами. Начальник особого отдела ОГПУ 9-й кавбригады СибВО В.И. Мочалов в 1925 г. был снят с должности и ненадолго исключён из партии за ложные материалы на коммунистов и организацию «слежки за членами РКП сетью беспартийных [секретных] сотрудников». В октябре 1925 г. ТомгубКК ВКП(б) постановила убрать с работы уполномоченного ОГПУ по Мариинскому уезду А.Ф. Шкляева, «неконтактно ведшего работу с укомом», вскрывшего секретные пакеты, адресованные секретарю укома партии и начальнику ДТО ОГПУ, и «вызывающе державшего себя» перед партийными начальниками. Но, скорее всего, чекистам удавалось прятать следы и получать агентурную информацию о деятельности и кадрах партийно-советских органов.

Практика постоянной чекистской слежки болезненно воспринималась многими ответработниками. Недовольство его отразилось в письме от 21 июля 1927 г. заместителя секретаря Рубцовского окружкома ВКП(б) Токмакова в Сибкрайком С.И. Сырцову. Получив жалобу на перлюстрацию «частной переписки ответработников», Токмаков обратился за разъяснениями к начальнику окружного ОГПУ Н.М. Белякову, который уверял, что это всё неправда. Но затем замначальника окротдела И.В. Овчинников передал члену окрКК ВКП(б) сведения, почерпнутые из личной переписки и касавшиеся только что приехавшего в округ уполномоченного крайвнутриорга Дорошенко. Токмаков писал Сырцову, что считает такое поведение чекистов «совершенно недопустимым без согласования с Партийным Комитетом. Правда, может быть, такой порядок существует, но я о нём не знаю. (...) Нельзя, очевидно, не отметить сомнений на счёт своеобразных внутриаппаратных взаимоотношений в ГПУ, идущих

по линии обособленности аппарата и зависимости его, прежде всего, от "начальства" (если, предположим, вызвать кого-либо из сотрудников — членов партии — и спросить о чём-нибудь, то наверняка без разрешения "начальства" не скажет)». Токмаков также указывал на грубость Белякова на курорте — где начальник окротдела угрожал персоналу словами: «Что, хочешь побывать в ГПУ?» — и просил перебросить чекиста из Рубцовска [\[324\]](#). Вскоре Белякова перевели в Барабинский окротдел ОГПУ.

Жалобы в инстанции на «некоммунистическое поведение» работников госбезопасности были распространённым явлением. В апреле 1928 г. прокурор Балаганского района в Иркутском округе Куб сетовал, что «уполномоченные ГПУ на местах о себе слишком много мнят, унижая достоинство других работников, ведут за ними слежку и прочее». Незаконные действия в отношении коммунистов не оставались без ответа со стороны партийных комитетов. Старший помеченный отделения ДТО ОГПУ ст. Красноярск М.Ф. Царев в 1926 г. получил партвыговор за проведение обыска у ответработника-партийца без согласования с райкомом ВКП(б). Партийные власти не упускали возможности указать чекистам на недостатки в работе. Уполномоченный ОГПУ на ст. Татарск С.И. Шан в декабре 1927 г. получил от РК ВКП(б) взыскание за несвоевременную информацию о забастовке 250–300 сезонных рабочих. Чекист, оправдываясь, заявил, что большая часть забастовщиков — жители изобильного притоном пос. Сахалин, отличающиеся «особыми качествами»: буйством, грабежами, воровством... [\[325\]](#)

Прокурорский надзор за деятельностью чекистов был обычно довольно символическим. В апреле 1926 г. Сибирское совещание работников прокуратуры отметило, что надзор за ОГПУ носит формальный характер, а наблюдение за адмссылкой вообще отсутствует. В 1927 г. бийский окрпрокурор отмечал сочетание у ряда оперработников «полного правового невежества со стремлением показать своё "я" и приёмы ЧК». В 1928 г. омский окрпрокурор сообщал в контрольную комиссию о своей беседе с начальником окротдела, в которой тот жёстко заявил, что органы ОГПУ доказали свою ценность для дела революции, в отличие от органов прокуратуры. Если прокуратура находила какие-то чекистские действия провокационными, Заковский предпочитал заступиться за подчинённого. Так, начальник ЭКО Канского окротдела ОГПУ Я.Я. Веверс в 1928 г. провоцировал подозреваемых на получение взятки, в связи с чем прокуратура рекомендовала наложить на него адмвзыскание — за необоснованное возбуждение дела на нескольких человек. Заковский отказал прокуратуре в этой просьбе [\[326\]](#).

Таким образом, несмотря на то, что подчинённое отношение чекистских органов по отношению к партийным структурам было выстроено ещё в начале 20-х годов, работники ОГПУ по-прежнему старались действовать как можно более независимо от них. Размах операций против политических врагов с конца 1920-х гг. способствовал резкому увеличению масштабов работы ОГПУ и повышению их влияния. В агентурной разработке, для начала которой было достаточно любого сигнала, находились очень многие партийно-советские и хозяйственные чиновники. Вместе с тем руководители окружкомов и райкомов ВКП(б) нередко вмешивались в оперативную работу ОГПУ, а также старались использовать чекистов для помощи в проведении различных хозяйственно-политических кампаний, что становилось одной из дополнительных причин взаимных трений.

Агентурный аппарат ОГПУ

Уже в начале 1920-х гг. чекистам удалось осуществить массовое агентурное проникновение во враждебную им среду — как внутри России, так и среди белой эмиграции. Многие стали агентами в большевистских тюрьмах, купив жизнь и свободу в обмен на тайное сотрудничество, другие заплатили своей внутренней свободой за возможность вернуться в Россию из эмиграции. Так стали агентами ВЧК-ГПУ и генералы царской армии И.К. Серебренников с А.М. Зайончковским, и эсеровский боевик Г.И. Семёнов, и агент Б.В. Савинкова Э. Опперпут-Стауниц, и видные деятели эмиграции: генерал П.П. Иванов-Ринов, бывший министр колчаковского правительства С.Н. Третьяков, военный атташе П.П. Дьяконов.

Будучи неплохими психологами, чекисты отбирали людей, разочаровавшихся в прежних идеалах, преклонявшихся перед силой нового государства, особо обращая внимание на лиц с

авантюрной жилкой, чтобы эксплуатировать их любопытство к тайной работе и жажду приобщения к кругу «избранных». Не брезговали при вербовке и открытым подкупом. Чекисты широко привлекали ущербных и криминальных личностей, доверяли прежде всего негативной компрометирующей информации. Как гневно отмечал наркоминдел Г.В. Чичерин, «руководители ГПУ слепо верят всякому идиоту мерзавцу, которого они делают своим агентом»^[327].

Характерно, что нередко работа на спецслужбы была семейным делом — например, секретными агентами ОГПУ-НКВД работали муж Марины Цветаевой С.Я. Эфрон и их дочь Ариадна Эфрон. Литературовед О.М. Брик некоторое время был гласным сотрудником секретного отдела ГПУ, его жена — держательница литературного салона Л.Ю. Брик — сотрудничала с Иностранным отделом ГПУ. Отец и дочь Зайончковские сыграли видную роль в истории крупных чекистских провокаций — генерал А.М. Зайончковский помогал легендарной операции «Трест», дочь О.А. Зайончковская-Попова, привлечённая отцом к работе на ГПУ в 1922 г. и входящая в ряд генеральских семейств, много лет сочиняла клеветнические материалы о «заговорщике» Тухачевском, пристрастно «освещая» также С.С. Каменева, Б.М. Шапошникова и других военачальников^[328]. Часто семейными парами являлись содержатели конспиративных квартир.

Некоторые документы, регламентировавшие работу с агентурой, ныне известны. В конце 1920-х гг. одним из таких документов была «анкета предварительной обработки» объекта, предназначенного для вербовки. Помимо обычных вопросов (социальное происхождение, служба в белых армиях) в анкете были и специфические: личные качества, политические убеждения, политическая эволюция, среда, в которой вращается и степень авторитетности в данной среде, благоприятны ли формы связи с объектом. Указывалось и то лицо, которое должно было освещаться кандидатом на вербовку. Анкета заполнялась сотрудниками ОГПУ на основании данных, полученных негласным путём^[329].

Грубое принуждение было одним из главных инструментов вербовки. Отказ от сотрудничества с чекистами воспринимался не только как нелояльность, но как вызов и нередко преследовался в уголовном порядке. В декабре 1923 г. чекистами рассматривалось дело по обвинению священника А. Воскресенского в «распространении ложных слухов с целью подрыва авторитета органов ГПУ» — тот, по показаниям четырёх свидетелей, рассказывал «каждому встречному», что в Енисейском губотделе ГПУ его пытались завербовать для борьбы против сторонников патриарха Тихона. За это ПП ОГПУ ходатайствовало о высылке священника из Енисейской губернии.

Обычно только откровенная фабрикация обвинительных материалов давала шанс найти жертвам чекистского натиска защиту у прокуроров. Например, чекисты Енгуботдела ОГПУ за отказ работать на них сфабриковали дело на В. Митича, обвинив его в антисоветской агитации. Прокуратура в мае 1925 г. отметила, что настоящим мотивом для высылки стал «отказ Митича быть сексотом и опасение, что он может расконспирировать метод работы органов ГПУ по вербовке сексотрудников», найдя «такой мотив не заслуживающим уважения».

Не надеясь на заступничество местных властей, студент Томского университета Н. Пучкин в 1926 г. писал А.В. Луначарскому, что в селе, где молодой человек работал учителем, работник ОГПУ с помощью угроз заставил его подписать обязательство быть агентом. Требования доносов продолжались и в университете, куда Пучкин поступил в августе 1926 г. За нежелание сотрудничать ему угрожали исключением из университета. Пучкин писал, что стоит перед выбором, доносить на товарищей или покончить с собой: «Сделайте, что возможно! Буду обязан Вам своей жизнью». Реакция наркома просвещения на эту мольбу о помощи осталась неизвестной. В том же 1926 г. служащий с. Алейское Барнаульского округа И.Я. Соловьев написал в Президиум ВЦИК жалобу на уполномоченного окружного ОГПУ К.Г. Селедчикова, который, в ответ на отказ Соловьёва стать осведомителем, пригрозил сфабриковать на него дело и выслать, сообщив, что одного отказавшегося от работы на «органы» чекисты расстреляли^[330].

Вот драма ссыльной княгини В.Н. Трубецкой — ноябрьским днём 1928 г. её остановил прямо на улице уполномоченный контрразведывательного отделения Иркутского окротдела ОГПУ В.И. Леший, объявил об аресте, а доставив в ОГПУ, потребовал от неё, запугивая расстрелом, согласия стать сексоткой. Двумя годами раньше Трубецкую уже пытались сделать

осведомительницей, но тогда ее выручил заместитель окрпрокурора Мирошников. Чекисты не отступились, и в результате прокуратура получила новое заявление Веры Николаевны: «Леший мне говорил, что он может уничтожить для революции хоть десять человек и что для революции все хорошо, то есть цель оправдывает средства».

В прокуратуре Трубецкую, находившуюся на грани самоубийства, убедили, что её не расстреляют, и отправили в местное ОГПУ отношение, в котором требовали принять меры «к недопущению подобного приёма к вербованию осведом». Полпредство ОГПУ вынуждено было сделать своим подчинённым указание быть осторожнее в «методах работы», одновременно попросив прокуроров впредь не оформлять подобные факты, чтобы они никоим образом не фиксировались на бумаге...[\[331\]](#)

Эффективность агентурного осведомления базировалась как на широком сотрудничестве с ОГПУ партийно-советской номенклатуры, так и интенсивным проникновением агентов в среду интеллигенции, церкви, ссыльных, бывших белых офицеров, нэпманов и других парий режима. Верхушка партии требовала от властей учитывать чекистскую информацию, вникать в тонкости агентурной работы, оберегать агентов от расконспирирования, определять меры наказания провинившимся. За состояние агентурно-осведомительной сети с местных чекистов спрашивало не только их непосредственное начальство, но и партийные власти.

В феврале 1926 г. ЦК ВКП(б) в своём циркуляре отмечал, что местные партийные органы в своей работе недостаточно используют сводки и информационные доклады ОГПУ, из-за чего слабо учитывают политическое настроение масс и не в состоянии быстро устранить замеченные «органами» злоупотребления. В свою очередь, циркуляр Сибкрайкома ВКП(б) от 2 августа 1926 г. констатировал проблемы в такой важной сфере, как обратная связь органов безопасности с партийными властями: «В большинстве случаев парторганы не ставят в известность органы ОГПУ о принятых мерах по выявлению и изживанию тех или иных ненормальностей по сообщениям ОГПУ». Сибирская верхушка также указывала, что руководящие работники предприятий и учреждений при проверке сообщаемых фактов действуют неосторожно и в результате расшифровывают лиц, «давших ОГПУ сведения».

В том же августе 1926 г., откликаясь на циркуляр ЦК ВКП(б) № 4900/с об укреплении органов ОГПУ, Сибкрайком поручил заместителю Заковского Б.А. Баку и ответработнику крайкома Осипову «проработать вопрос о пополнении кадра секретных сотрудников ГПУ за счёт совпартшкол»[\[332\]](#).

Чекисты постоянно выступали перед местным начальством с отчётами, в том числе и о конспиративной работе. Промахи своих осведомителей они старались сглаживать. Например, в феврале 1923 г. выступавший на заседании президиума Минусинского укома РКП(б) уездный уполномоченный ГПУ Я.П. Пакалн заявил, что исключение из партии сексота Машкина преждевременно, т. к. он «под видом спекулянта исполнял секретные задания ГПУ». Президиум, сочтя доводы чекиста убедительными, отменил решение об исключении Машкина из партии.

В апреле 1923 г. тот же Я.П. Пакалн докладывал на заседании бюро укома РКП(б) о работе своего аппарата — 10 гласных сотрудников и трёх прикомандированных. Нехватка грамотных людей привела к тому, что от уполномоченного по информации коммуниста Базаркина — надёжного, но малограмотного — «пришлось всю информационную сеть передать мальчику Салмину». Е.Г. Салмин служил в ЧК-ГПУ с 14 лет и стал руководить осведомлением по огромному уезду в 17 лет. Тогда же он попался на том, что вместе с сотрудником ВЧК Дорошенко выкопал из земли ценности, принадлежавшие дяде Дорошенко, но Пакалн заступился за юнца и предложил всего лишь освободить его с ответственной работы (пять лет спустя Сапмин будет отдан под суд за издевательства над арестованными при допросах). Уполномоченный по политическим партиям Я.Э. Левит тоже характеризовался своим начальником как хороший работник, но Пакалн пенял, что агентура у Левита беспартийная и поэтому не очень ценная.

Уездный уполномоченный жаловался укому, «что губерния даёт большие задания, совершенно не учитывая штат» и попросил возбудить ходатайство перед губкомом о присылке работников. Соответствующее постановление Минусинским укомом было принято, но его секретарь Пигилев просил губернские власти заменить Пакална либо прислать ему в помощь сильного начальника ИНФО: «Слишком слаба агентурная сеть как в деревне, а также в

советских и хозяйственных организациях. Никаких сведений они не имеют...». В августе 1923 г. секретарь укома требовал от Пакална: «Необходимо установить твёрдую связь агентуры с сексотством. Обратить внимание на усиленное обслуживание совучреждений, ни одна организация не должна быть без наблюдения»^[333].

В мае 1924 г. на конференции уездных уполномоченных Новониколаевского губотдела ОГПУ замначальника губотдела Г.А. Молчанов основное внимание уделил проблемам перегруженной «мёртвыми душами» агентурно-осведомительной сети. Сексоты-коммунисты, по его словам, показали свою неработоспособность, отчего упор следовало делать на беспартийное осведомление, вербуя учителей и прочую сельскую интеллигенцию, секретарей волисполкомов, кооператоров, кулаков и бедняков, а также «пользуя коммунистов, перебрасываемых в деревню в партийном порядке» и демобилизованных солдат, особенно из войск ОГПУ. Партийную сеть предписывалось считать подсобной, но, судя по масштабам сотрудничества коммунистов с политической полицией, она и в последующие годы сохраняла своё огромное значение для информации «органов».

Поскольку районные информаторы ОГПУ с милицейскими мандатами уже расконспирировали себя, Молчанов призвал использовать для прикрытия резидентов удостоверения статистиков и других советских служащих, «а также проводить работу под видом торговцев, используя для конспирации разьездов своих лошадей». Материальное вознаграждение предусматривалось только для наиболее ценных информаторов; для этой цели использовались как средства ОГПУ, и секретные суммы, «получаемые от местных органов». Оплата таких ценных агентов была достаточно высокой. Бывший сибирский партизан и старшина эскадрона П.С. Ржавин с 1924 г. работал сексотом Енисейского губотдела ОГПУ с жалованьем 56 руб. в месяц, что соответствовало приличной тогдашней зарплате. Его коллегой с аналогичной ставкой был В.И. Грошен — член ВЦИК в 1917 г., избранный от своего полка, который поработал в Енисейской губчека, затем стал продработником, а с 1923 г. являлся сексотом Енгуботдела ОГПУ^[334].

Характерен эпизод с партийцем А. Мельниковым, который в 1922 г. был арестован по подозрению в контрреволюции и, соответственно, исключён из партии. Поскольку в некую «контрреволюционную организацию» Мельников был внедрён как сексот, осенью 1924 г. Алтайской губКК РКП(б) восстановила его в партии и конспирации ради постановила перебросить в другой район.

Обыденным примером тайной службы на ОГПУ мелкого номенклатурного работника-коммуниста выглядит деятельность С.М. Стычковского, в 1924–1925 гг. возглавлявшего союз пицеевиков в райцентре Хабары Алтайской губернии и одновременно в качестве осведомителя «проработывавшего» зажиточного немца — владельца паровой мельницы. Осенью 1925 г. Стычковский был взят в штат ИНФО Славгородского окротдела ОГПУ, а затем работал участковым уполномоченным по Хабарскому и другим районам^[335].

Реальная численность чекистского аппарата была значительно выше за счёт наиболее квалифицированного слоя агентуры — так называемых резидентов, которые фактически являлись тайными уполномоченными. В каждом районе с начала 1920-х гг. обязательно работал негласный работник — районный резидент, на которого были «завязаны» многочисленные рядовые осведомители. Свои резиденты имелись и в воинских частях, и в крупных учреждениях. С резидентами и важными агентами участковые уполномоченные и оперативники окротделов регулярно встречались, получая информацию и направляя их деятельность. Многие резиденты со временем становились штатными сотрудниками госбезопасности. ОГПУ в конце 1920-х гг. имело в окружных центрах не менее двух городских резидентов: так, в г. Камне такими резидентами работали заведующий секретной частью окрисполкома Г.И. Вдовий и помощник участкового фининспектора И.Л. Будкин. В 1929 г. оба они стали официальными уполномоченными районных органов ОГПУ.

Значительная часть оперативников перед зачислением на чекистскую должность имела внушительный стаж секретной работы. В том же Каменском окротделе ОГПУ с 1927 г. участковым уполномоченным трудился С.С. Рубан, имевший примечательную биографию: служа в колчаковской армии, он через брата передавал партизанам разведывательные сведения о передвижениях белых. В 1921–1927 гг. Рубан был сексотом и по настоянию чекистов даже выбыл из партии, чтобы соблюсти конспирацию. Профсоюзный работник К.К.

Пастаногов являлся сексотом Барабинского окротдела ОГПУ с середины 1920-х гг. и в период коллективизации стал штатным уполномоченным окружного отдела^[336]. С рядовой негласной работы начинали и многие руководители: начальник Бийского окротдела ОГПУ К.К. Вольфрам, Рубцовского и Барабинского — Н.М. Беляков, Бурят-Монгольского облотдела и Красноярского окротдела ОГПУ — Н.Д. Ермилов.

Нередкое использование агентуры в личных целях ставило под удар самих чекистов. Председатель Томгубчека С.Г. Чудновский был вынужден уйти с чекистской работы, а потом и уехать из Сибири, поскольку властям надоело заслушивать богатые специфическими подробностями истории его любовниц-сексоток. Возглавлявший секретный отдел Енисейского губотдела ГПУ А.С. Макаров был снят с работы по обвинению в пьянстве, служебных злоупотреблениях и «использовании им подчинённых секретных сотрудниц как женщин». В январе 1923 г. губКК РКП(б) исключила Макарова из партии и постановила снять с работы в ГПУ. Однако сразу после протеста Енгубкома РКП(б) Макарова восстановили в партии «как хорошего чекиста... в смысле открытия контрреволюционных заговоров», пьянство которого «протекало в силу наследственности».

С первой половины 1920-х гг. на «органы» Сибири трудились ценные агенты, проработавшие по много лет. Среди них можно назвать В.Г. Кремера («Спортсмена») — секретаря германского консульства в Новониколаевске. Заведующий иностранным отделом Госбанка в Новониколаевске Г.П. Гиргенсон в 1924 г. получил задание установить связь с работниками германского консульства, чтобы наблюдать за ними и их окружением, что и делал до 1930 г., после чего был переведён на осведомление уже «по внутренней линии». Видным агентом был потомок декабристов князь С.П. Волконский, ставший после освобождения из красноярского концлагеря в 1923 г., где сидел за службу у Колчака, одним из солдат невидимой армии сексотов. Сломленный заключением, он затем в течение полутора десятилетий активно привлекался к фабрикациям дел о «контрреволюционной интеллигенции»^[337].

Церковную сферу для чекистов освещали видные православные священники, включая новосибирского митрополита Никифора, с середины 1920-х гг. находившегося на личной связи у чекиста Ф.Т. Воротилова. С 1929 г. важным сексотом был известный новосибирский священнослужитель Н.В. Сырнев («Демосфен»). Агентами ОГПУ являлись многие священники-обновленцы, а также проповедники евангельских сект и мусульманских общин.

Среди негласных агентов были и представители партийно-советской номенклатуры. По сведениям, содержащимся в следственном деле на бывшего начальника Ачинского окротдела ОГПУ К.П. Болотного, в конце 1920-х гг. его агентами были секретарь окружкома ВКП(б) М.Л. Вузов (кличка «Конёк») и секретарь Ачинского окрисполкома Малик (Малек?), имевший кличку «Лиса».

Бывали скандальные случаи, когда в негласном аппарате вдруг обнаруживались агенты царской полиции. Так, член боевой организации эсеров в Казани с 1905 г. Ф.Л. Львов-Пантелеев одновременно был агентом полиции «Стебельковым». Благодаря его доносам боевая организация эсеров в Казани была полностью разгромлена, а Львов-Пантелеев в 1910 г. выступил главным свидетелем обвинения на процессе эсеров, по итогам которого четверо обвиняемых были осуждены к повешению, а ряд других — отправлены на каторгу и в ссылку. Впоследствии офицер Колчака, «Стебельков» в конце концов (вряд ли по своей воле) стал агентом Енисейского и Томского губотделов ОГПУ. После разоблачения деятельности Львова-Пантелеева его дело по обвинению в «исторической контрреволюции» было в конце декабря 1925 г. направлено в Особое совещание при Коллегии ОГПУ^[338].

К сексотам из числа противников режима наблюдалось пристрастное отношение, их нередко подозревали в «двурушничестве». Основания для этого были. Завербованные с помощью угроз лица из враждебного лагеря нередко разоблачали свою негласную работу сознательно. В 1923 г. Сибпрокуратура согласилась с высылкой Ф.П. Суставова, коему вменялись в вину «попытка приобретения им средств для нелегальной анархической типографии», добровольное выступление осведомителем Омского губотдела ГПУ с целью освобождения из-под стражи, расконспирирование себя как сексота «и затем отказ его от этой роли ввиду принадлежности к партии анархистов-коммунистов».

Проповедник и руководитель Бурлуковской общины евангельских христиан Кузнецкого округа П.П. Петров и член общины П.П. Баталов сорвали все планы чекистов по

«внутрицерковному осведомлению». Петров, будучи вызван в 1925 г. для чекистского инструктажа, «по возвращению из Щегловска... на собрании верующих сообщил, что над ним в ОГПУ якобы издевались, где якобы его подвергли мучениям, а также и расконспирировался перед верующими». В свою очередь, Баталов «систематически уклонялся от выполнения порученных ему заданий органами ОГПУ и расконспирировал себя перед обвиняемым Петровым». Отказавшихся от сотрудничества с ОГПУ «по мотивам религиозных убеждений» сектантов арестовали и привлекли к суду, а в Иркутске был арестован баптист П.А. Пестерев, который публично сообщил братьям о том, что он состоит сексотом Иркутского губотдела ОГПУ и даёт чекистам сведения о деятельности общины. Завербованный в 1927 г. иркутскими чекистами священник Петропавловской церкви Н.В. Соловьёв («Смелый») полгода спустя обвинялся в том, что «среди близкого ему духовенства распространял слухи о том, что он является секретным сотрудником... и что священники Каинский, Пономарев и другие также секретные сотрудники ОГПУ», но в итоге был освобождён с прекращением дела [\[339\]](#).

В 1928 г. чекисты обвинили сексота Иркутского окротдела ОГПУ Г.Г. Дзеленковского, в прошлом арестовывавшегося за некую «контрреволюционную деятельность», в том, что он «систематически уклонялся от работы, сообщал ГПУ неверные сведения о деятельности антисоветских партий и сообщал ГПУ не интересующие их сведения и т. п. Изложенное он делал, чтобы избавиться от работы». Дзеленковскому «шили» политическое дело, пытаясь обвинить в контрреволюционной агитации и саботаже, но в сентябре 1928 г. были вынуждены освободить из-за недостатка улик.

Наказания сексотов за ненадлежащее исполнение обязанностей были весьма частыми. За несоблюдение тайны своей работы в ноябре-декабре 1926 г. были арестованы негласные работники информационной сети Минусинского окротдела ОГПУ Н.А. Головачёв и Г.В. Стрельников, получившие по 6 месяцев заключения. Всего за второе полугодие 1926 г. было осуждено по ст. 121 УК — «расконспирация» — 11 секретных работников полпредства (в первом полугодии 1927 г. их оказалось пять). Информатор Киренского окротдела ОГПУ М.П. Калугский избежал внесудебной расправы за раскрытие своей связи с «органами» только потому, что летом 1928 г. был осуждён народным судом на 4 года заключения за служебные злоупотребления.

Уклонявшиеся от работы сексоты подвергались уголовному преследованию, причем в 1926 г. помощник прокурора Республики Д. Малинин, проверявший осуществление надзора над сибирскими чекистами, ставил вопрос о том, вправе ли ОГПУ привлекать сексотов за отказ от исполнения обязанностей, если те не допускают фактов разглашения своей деятельности. Отметим, что ставшие ненужными агенты также становились жертвами репрессий; так, сексот Алтайской губчека И.И. Дзепо-Жилинский, член партии эсеров с 1906 г., работавший при белых Каинским уездным комиссаром и помогавший в 1920 г. фабриковать дело «Алтайской нелегальной организации», в 1926 г. был исключён СибКК ВКП(б) из партии с направлением дела в ОГПУ как бывший «контрразведчик» старого режима. Напротив, ценные сотрудники амнистировались даже в случаях тяжких преступлений: сексот Ачинского окротдела ОГПУ К.И. Невякин в 1925 г. был осуждён на 2 года концлагеря за «расстрел бандита», затем дело пересмотрели и наказали чекиста в дисциплинарном порядке. Два года спустя Невякин стал штатным уполномоченным ИНФО ПП ОГПУ [\[340\]](#).

Спешные и массовые вербовки, характерные для тех лет, зачастую приводили к провалам и расконспирации сексотов. Немало агентов попадалось на криминальных делах: Вяч. Моттель, уполномоченный ИНФО Иркутского губотдела ОГПУ по секретной сети домзака, в 1925 г. обвинялся в том, что брал с заключённых домзака взятки за предоставление различных льгот. Вместе с ним под судом оказались конспиративные сотрудники И. Игумнов и К. Розенрод.

Высший круг агентуры — резиденты — также часто оказывались под судом за уголовные преступления: в 1924 г. секретный уполномоченный по информации Омского губотдела ОГПУ В.М. Абатуров за расконспирацию работы и порученной агентурной сети, а также изнасилование был арестован и 7 месяцев провёл в заключении. В 1925 г. исключили из партии резидента Томского губотдела ОГПУ И.Ф. Фёдорова — за систематическое пьянство с дебоширством, расконспирацию себя «и всех сотрудников, работающих по линии ГПУ, и передачу составления информдоклада беспартийным лицам, не имеющим никакого отношения

к работе ГПУ». Н.И. Алексеев, беспартийный районный резидент по кличке «Шульц» из агентурной сети уполномоченного ОГПУ по Енисейскому району, в конце 1925 г. в столовой г. Енисейска учинил дебош: расконспирировал себя как сексота, угрожал обедавшим начальнику милиции и секретарю райкома ВКП(б), заявляя, что на них в ОГПУ имеются материалы; ударил начальника милиции в грудь и грозил ему расправой. За такие художества «Шульца» отдали под суд Коллегии ОГПУ.

Бывали разоблачения и агентов-provokatorов, которые получали реальные наказания. В апреле 1922 г. за ложные сведения о якобы существующей в Томске контрреволюционной организации была арестована и осуждена на два года заключения сексотка Томской губчека фельдшер А.М. Наговицына (с января 1920 до июня 1921 г. сидевшая в тюрьме по ложным политическим обвинениям). В 1925 г. был разоблачён как provokator и осуждён на 5 лет Г. Томельгас, который предоставлял сведения о якобы существующей на Боровлянских лесозаготовках в Черепановском уезде Новониколаевской губернии организации левых эсеров. Также он обвинялся в расконспирации себя как сексота и растрате 557 руб. [\[341\]](#).

Тем не менее именно агент-provokator с самого начала деятельности ЧК стал основной фигурой не только в подготовительной работе — так называемой агентурной разработке, но и во время следствия, когда внутрикамерные агенты уговорами, шантажом и избиениями вынуждали арестованных признаваться в несуществующих преступлениях. Работники ОГПУ требовали от своих агентов провоцирования разрабатываемых ими лиц на антисоветские высказывания и действия.

Опорой негласного аппарата были опытные агенты, способные по указанию своих операторов осуществлять сложные провокационные комбинации — как, например, С.П. Волконский. Отношение к агентуре было цинично-потребительским: значительная её часть подвергалась чистке и осуждалась — как за различные злоупотребления, так и по мотивам слабой работы, ненужности либо с целью придания достоверности тем следственным делам, в которых участвовали секретные сотрудники.

Злоупотребления и борьба с нелояльностью в чекистской среде

Введение нэпа и преобразование ВЧК в ГПУ отнюдь не прекратили красnobандитских преступлений. Их стало меньше, но «красный бандитизм» ещё долго проявлялся во всех регионах Сибири. Вот одна из иллюстраций к методам войны с повстанцами, сохранившаяся в биографии Я.А. Липуляка. Этот румын (бывший военнопленный) в 1922 г. как уполномоченный по политпартиям Бодайбинского политбюро вместе с оперотрядом был командирован на север уезда, в 400 верстах от Бодайбо, на подавление бандитизма. В боях, продолжавшихся два месяца, отряд потерял четырёх бойцов, после чего «при захвате в плен таковых (мятежников — А.Т.) без всякого предварительного следствия подвергали расстрелам», а трофеи присваивались.

Вернувшийся в Бодайбо Липуляк был арестован за хищения трофеев, но в июне 1922 г. освобождён Иркутским губотделом ГПУ и командирован в Эхирит-Булагатский аймак Бурятии (в Косую степь у Байкала) для «ликвидации шайки». Выполнив задание и прибыв в Бодайбо, в январе 1924 г. Липуляк вновь был арестован по прежнему делу и после месячной отсидки освобождён под подписку о невыезде. Затем Коллегия ОГПУ прекратила его дело по амнистии. В результате год спустя Липуляк уже работал инспектором новониколаевского губугрозыска [\[342\]](#).

Привыкший к «острым методам» глава Томгуботдела ГПУ М.А. Филатов в октябре 1923 г. предлагал губкому «просить Сиббюро разрешить брать заложниками в целях окончательной ликвидации бандитизма членов семьи активных бандитов, ведущих связь с действующими бандами». Б.А. Бак активно поддержал своего подчинённого, наложив резолюцию, обращенную к секретарю Сиббюро ЦК РКП(б): «Т. Косиор! Практика заложничества у нас по Сибири существует и в местах сильного бандитизма она необходима».

Президиум Томского губкома РКП(б) 31 января 1923 г. отмечал, что в тюрьме Кузнецка «наблюдаются избиения заключённых как по линии ГПУ, так и милиции...». Следователь аппарата уездного уполномоченного Алтайского губотдела ГПУ по Рубцовскому уезду Х.Л. Феоктистов в июле 1923 г. был исключён из партии на 1 год за то, что в пьяном виде

участвовал в избивании арестованных в местном домзаке [\[343\]](#).

Пытки и изощрённые издевательства, ставшие привычными с первых месяцев существования чека и милиции, продолжали оставаться в арсенале «правоохранителей». Агент Новониколаевского губотдела ОГПУ С.В. Киселёв устраивал «симуляции побега с расстрелом арестованных», а вместе с милиционером «при допросах арестованных применял пытки посредством сдавливания между пальцами винтовочных патронов, побоев прикладами и кулаками». В 1924 г. Киселёва осудили на 8 лет, но вскоре помиловали и передали в РККА.

Помощник уполномоченного Енисейского губотдела ОГПУ по Туруханскому краю С.И. Ретивых в мае 1924 г. во время командировки убил купца Л. Иванова, объяснив этот поступок самозащитой. Отказавшись давать по этому делу показания следователю, Ретивых в «целях уклонения от правосудия» самовольно выехал из края. Его дело было прекращено губотделом ОГПУ с выразительной формулировкой: «принимая во внимание условия работы и обстановки Туруханского края».

Поводом к большому восстанию тунгусов в Якутии в 1924–1925 гг. послужили проявления «красного бандитизма» со стороны чекистов и военных, грабивших, убивавших и подвергавших изощрённым пыткам местное население. Особенно усердствовавшая тройка чекистов во главе с уполномоченным Камчатского губотдела ОГПУ Кунцевичем в связи с этими преступлениями была отдана под суд [\[344\]](#). Тем не менее активные бессудные расправы применялись чекистами и дальше, например, в начале 1928 г. — во время подавления мятежа якутских «автономистов».

Нарымский чекист А.В. Плотников в октябре 1928 г. застрелил человека, который его якобы преследовал. В июне 1929 г. в с. Тузидат Зачулымского района Томского округа неизвестные застрелили священника Н.А. Казакова. Милиция выяснила, что к убийству, по всей вероятности, причастны уполномоченный Томского окротдела П.К. Фомин и инспектор районо Бурматов. Томский окротдел ОГПУ изъял дело из милиции и передал в полпредство, поскольку сотрудники «органов» подлежали исключительно ведомственному суду. В итоге Фомин благополучно избежал наказания. В августе 1929 г. пьяный сотрудник Славгородского окротдела ОГПУ И.П. Баранов застрелил ссыльного [\[345\]](#).

Помимо политического бандитизма среди оперативников было много обычной уголовщины. Пьяный начальник особотдела 13-й кавдивизии в Семипалатинске В.А. Ржевский выстрелом из браунинга ранил в шею сотрудника особпогранотделения № 1 Дмитриева. Перед выездом дивизии в г. Бийск он напился пьяным и в цирке угрожал публике оружием. В апреле 1922 г. Ржевский был арестован за систематическое пьянство и дискредитацию власти, но Особым отделом ГПУ ЗСВО его дело было прекращено.

В конце 1924 г. Коллегией ОГПУ был расстрелян уполномоченный Томгуботдела ОГПУ по Нарымскому краю И.Г. Смирнов, член компартии с 1917 г. Он поплатился жизнью за присвоение денег, ювелирных изделий и мануфактуры старообрядческого монастыря, обнаруженного в тайге, а также за то, что его подчинённые-сексоты изнасиловали двух монахинь, которые потом утопились от позора. Заместитель Смирнова П.М. Урицкий отделался увольнением из ОГПУ.

Уполномоченный Кузнецкого окротдела ОГПУ А.А. Ерофеев в конце 1925 г. был обвинён в изнасиловании и убийстве бывшей прислуги. Участковый уполномоченный Славгородского окротдела ОГПУ С.М. Стычковский в 1928 г. застрелил из ревности учителя, за что был осуждён на 3 года заключения, а впоследствии возвращён в «органы». Уполномоченный отделения ДТО ОГПУ ст. Красноярск В. Филиппов в 1929 г. попал под суд за убийство жены [\[346\]](#).

С преобразованием ВЧК в ВЧК не уменьшилось количество различных злоупотреблений и корыстных преступлений в чекистской среде. Разоблачалась лишь часть преступлений, но известные факты говорят о продажности многих чекистов-начальников. Весной 1923 г. за вымогательство был арестован замначальника Особого отдела полпредства М.М. Гоц, но вскоре он освободился, уехал в Москву и восстановился в партии. В 1923 г. видные омские чекисты Н.С. Тариков и Н.П. Константинов обвинялись в освобождении за взятку в 12 тыс. руб. арестованного за антисоветскую деятельность гр. Бакусова, но не понесли сколько-нибудь заметного наказания. В 1924 г. помначальника Новониколаевского губотдела ОГПУ А.Н.

Петрочук был уволен за массу служебных преступлений, но год спустя был признан исправившимся и возвращён в «органы»^[347].

В апреле 1925 г. на 5 лет в Соловки должен был быть отправлен заведующий фельдъегерским отделом полпредства ОГПУ А.В. Абрамов, растративший 1.400 руб. Однако до октября 1925 г. Абрамов отбывал наказание в местном исправтруддome и пользовался «широким правом посещения личной квартиры». Очень характерно выглядело явное желание руководства спускать дела о должностных преступлениях на тормозах: так, ведение дел по обвинению помначальника КРО полпредства А.А. Ворончихина в присвоении крупных денежных сумм, а также на оперативника ЭКО А.М. Покровского, было поручено... помощнику бухгалтера ПП ОГПУ. Опытные оперативники были в цене и их умение более или менее грамотно «оформлять» дела считалось главной заслугой. Если чекист мог зарекомендовать себя толковым агентуристом или следователем, его карьера обычно являлась гарантированной и пьянство с дебошами могло лишь притормозить её. Чекисты, имевшие криминальные наклонности, оставались на работе в «органах», поскольку наличие компрометирующих материалов позволяло держать такого работника «на крючке», а в нужный момент — избавиться от него.

Моральный уровень большинства чекистских начальников был крайне низок. За некоторыми из них кровавый след тянулся с предреволюционных лет — так, начальник Ачинского окротдела ОГПУ К.Я. Крумин был осуждён к повешению за убийство жандарма, но как несовершеннолетний отделался каторжными работами. Ещё больше подобных «революционных заслуг» было у его коллеги, начальника Хакасского, Тулунского и Каменского окротделов ОГПУ С.В. Шкитова. В 1907 г., будучи анархистом-коммунистом, он «лично участвовал в убийстве начальника Красноярской тюрьмы Смирнова, старшего городского Юсупова, в Благовещенске при задержании убил городского и ранил агента охранного отделения, участвовал в нескольких экспроприациях». Весной 1918 г. Шкитов несколько недель провёл под стражей в красноярской тюрьме по обвинению в убийстве красногвардейца. С 1920 г. Шкитов работал комендантом ЧК, исполняя смертные приговоры, а затем был переведён на оперативную работу. Помначальника ИНФО полпредства О.М. Арит в 1908 г. арестовывался на год по подозрению в убийстве «двух шпионов», а в 1912 г. провёл год в заключении за укрывательство брата-дезертира.

Лица, шедшие наверх по трупам, были привычны для системы ЧК-НКВД. Будущий замначальника Иностранного отдела НКВД СССР Н.М. Шнеерсон, являясь в 1921 г. юным сексотом ГПО ДВР, специально вскрыл диппочту, доверенную ему приятелем, бывшим чекистом А.Г. Зайцевым-Мейтиным, и подвёл того под расстрел как японского шпиона. В ноябре 1925 г. Шнеерсон, возглавлявший отделение контрразведки Приморского губотдела ОГПУ во Владивостоке, отправил следующую красноречивую записку начальнику 53-го погранотряда Панову: «Посылаю тебе мышьяк 25 грам[мов]. Им можно отравить 100–150 человек. Исходя из этого, ты можешь соразмерить, сколько нужно на каждого человека. На глаз нужно маленькую щепоточку...»^[348].

Многие чекисты начали свою политическую жизнь с такого распространённого преступления, как дезертирство. Помимо К.Я. Крумина, дезертирами периода 1914–1917 гг. являлись начальники: Томского окротдела ОГПУ И.А. Мальцев, Рубцовского — М.Ф. Гольмер-Зайцев, Славгородского — Я.П. Пакалн (в конце 1914 г. сдался немцам в плен в первом же бою), начальник ДТО ОГПУ Томской железной дороги А.М. Снопковский, заместители начальников окротделов В.Я. Шешкен и Н.В. Марков, ответственные работники полпредства П.Е. Щетинкин, Б.Д. Грушецкий, А.Я. Евграшкин. Не меньшее количество руководящих работников полпредства было дезертирами из армии Колчака. Будучи ветеранами ВЧК-ОГПУ, личности такого сорта не представляли доставшейся им власти без личного произвола, мошенничества, пьянства и устройства «сладкой жизни». Заодно отметим, что руководителями крайКК ВКП(б), разбиравшими проступки коммунистов Сибири, были тоже дезертиры российской армии М.И. Ковалёв и И.В. Громов-Мамонов^[349].

Почти в каждом окротделе в период 1926–1929 гг. попадался начальник, совершивший какое-либо серьёзное злоупотребление. Сначала под удар попал глава Бийского окротдела ОГПУ К.К. Вольфрам, снятый в декабре 1926 г. за крупные финансовые злоупотребления. Коллегией ОГПУ Вольфрам был осуждён на 4 года концлагеря, но сразу освобожден по

амнистии и постепенно вернулся в номенклатуру.

На пьянстве в притонах попался главный барабинский чекист М.А. Атенков. Начальник Алданского окротдела Н.В. Теплов оказался уволенным из ОГПУ, а его дело в марте 1928 г. было отправлено в Москву. Теплов был в том же году осуждён, но затем амнистирован и в 1930–1931 гг. подвизался замначальника Вишерлага ОГПУ. М.Д. Мухин, до 1927 г. работавший замначальника и врид начальника Канского окротдела ОГПУ, а затем переведённый в Барабинский окротдел, в марте 1928 г. был арестован за присвоение пишущей машинки, фотоаппарата, маузера, пистолета, трёх золотых крестов, а также за связь с адмссильной. Сменивший Мухина в Канске И.А. Ардатыев вскоре, однако, был убран за барство, кумовство и постоянную нецензурную брань в обращении с подчинёнными. Для оценки чекистской психологии показательно, что, когда Ардатыев заболел, он приказал одному из сотрудников «собрать материал на врачей»...[\[350\]](#).

Начальник Минусинского окротдела Н.Н. Зинуков 15 сентября 1928 г. был уволен за допущение пьянства в аппарате окротдела и позднее оказался на работе в милиции. С.Т. Пилипенко, большевик с 1905 г. и начальник Киренского окротдела ОГПУ, в июне 1929 г. был исключён из партии за организацию систематических пьянок окружного начальства, растрату 1.200 руб., присвоение конфискованного оружия и связь с адмссильными. Вскоре Пилипенко был осуждён крайсудом на 10 лет, но смог очень быстро освободиться восстановиться в партии и выхлопотать пенсию.

Начальник Красноярского окротдела ОГПУ М.М. Чунтонов оказался крайним в скандальном деле председателя тамошнего окоисполкома и члена ВЦИК В.В. Полюдова. Оказывается, сидя в колчаковской тюрьме, большевик Полюдов 29 октября 1919 г. обратился с письмом в особый отдел при Всероссийском правительстве, прося зачислить его туда на «действительную службу». Возможно, это была просто попытка выйти на свободу, но Полюдов в 1929 г. был осужден как «колчаковский контрразведчик» и оказался на Соловках. В августе 1929 г. СибКК ВКП(б) обвинила Чунтонова в том, что когда информация из Омска о пресловутом письме пришла в Красноярск, Чунтонов якобы положил её под сукно. На деле чекисты сразу поставили партийные власти в известность об инциденте, однако Полюдов был ставленником самого С.И. Сырцова, к тому времени отозванного из Сибири на должность председателя СНК РСФСР. Это обстоятельство и предопределило долгую историю с разбирательством дела Полюдова. В итоге Чунтонов был убран с оперативной работы с вынесением строгого партвыговора и получил под начало только что созданный Сиббулон.[\[351\]](#)

Начальник Славгородского окротдела И.М. Иванов был снят с работы за скрывание убийства человека пьяным сотрудником ОГПУ И.П. Барановым. Застрелив ночью прохожего, Баранов заявил сопровождавшему его Булычёву: «Это оппозиционер — чёрт с ним». Славгородский окружком ВКП(б) 29 августа 1929 г. в самом спокойном тоне (убийство названо хулиганством, сохранение убийцы на прежней должности — ошибкой) отметил следующее: «Убийство Зубанина [правильно — Н.П. Зубекина — А.Т.] не носит политического характера, а произведено в пьяном виде и хулиганской выходкой работника ГПУ Баранова, разговоры об убийстве и гонении якобы на высланных оппозиционеров начались вследствие допущенной ошибки Иванова (нач. ГПУ), не принявшего мер к производству следствия и изоляции Баранова от работы в ГПУ». Создаётся ощущение, что для окружкома тогда главную проблему представляли панические слухи, распространившиеся среди ссыльных троцкистов... Вскоре за Ивановым был убран И.А. Медведев, начальник Иркутского окротдела ОГПУ: 9 октября 1929 г. крайком ВКП(б) снял его с должности с вынесением выговора за более чем 4-месячную задержку с решением вопроса о массовых изнасилованиях работниц (что привело к самоубийствам) на Тальцинском стеклозаводе.[\[352\]](#)

Чекисты, как и в начале 20-х гг., постоянно подвергались разоблачениям в связи со скрыванием компрометирующих фактов своих биографий. Начальник ОДТО ОГПУ ст. Иланская в Канском округе Н.С. Савельев в 1926 г. был арестован и затем уволен как бывший торговец и колчаковский милиционер. А уполномоченный ОДТО ОГПУ ст. Славгород Я.Н. Колмаков в июле 1926 г. был арестован по обвинению в некоей контрреволюционной деятельности, но две недели спустя его дело прекратили по амнистии. Опытный чекист из аппарата ЭКО А.Д. Садовский в 1928 г. был разоблачён как пособник колчаковских карателей. Было ему при белой власти 15 лет, но всё равно оперативника арестовали и решили судить за доносы на

сторонников большевиков. В итоге Садовскому зачли в наказание время, проведённое под стражей, ограничившись увольнением его из ОГПУ. Начальник Барабинского окротдела Н.М. Беляков в феврале 1929 г. был уволен из ОГПУ и обвинялся сначала в службе в белогвардейском карательном отряде, а затем, когда эти обвинения не подтвердились, в неудовлетворительном состоянии окротдела и слабой «агентурно-осведомительной работе в деревне»[\[353\]](#).

Любопытен конфуз, который случился с самим Заковским в 1929 г., когда он оказался задержан народным следователем Мрачковским. По неизвестным причинам Заковский не представился (то ли он в этот момент встречался с агентом, то ли предавался изнеженности нравов) и оказался за что-то на короткое время лишённым свободы. В июне 1929 г. «проявивший излишнее рвение» молодой следователь получил за самоуправство месяца исправительных работ, после чего крайсуд, учтя рабочее происхождение Мрачковского, заменил наказание общественным порицанием[\[354\]](#).

Как и в начале 20-х годов, чекисты повседневно практиковали незаконные аресты, а также избиения и издевательства над арестованными. Замначальника Красноярского окротдела ОГПУ П.М. Олехнович в 1926 г. привлекался прокуратурой к ответственности по ст. 108 и 112 УК за незаконные аресты, но без каких-либо последствий. В декабре 1927 г. прокурор Красноярского округа Е.И. Курдов отмечал неоднократные жалобы арестованных на избиения их чекистами-транспортниками. В 1928 г. оперативник Каменского окротдела ОГПУ безнаказанно избил крестьянина. В конце 1928 г. были арестованы оперработники Славгородского окротдела ОГПУ Е.Г. Салмин и С.Г. Ерёмин: «за употребление незаконных приёмов при допросе преступника». Салмина осудили на 3 года концлагеря, а Ерёмину освободили как чистосердечно раскаявшегося. Помуполномоченного Канского окротдела П.Е. Самойлов в 1929 г. за избиение арестованного получил трое суток ареста.

Но большинство случаев чекистского насилия оставались спрятанными внутри стен карательных учреждений. Например, в октябре 1929 г. во время чистки партиячки Барабинского окротдела ОГПУ прозвучали заявления сотрудников относительно нередких избиений арестованных. Так, арестованного Федякина заставили неподвижно сидеть двое суток, ночью запугивали расстрелом, и он «принял вину на себя, но судом был оправдан». Тем не менее члены ячейки ограничились просто обсуждением этих фактов, приняв к сведению заявление чекиста Л.Ф. Волобоева о том, что он, разумеется, никогда никого не избивал...[\[355\]](#).

Подчас чекистская ортодоксальность давала трещину под натиском внутривнутрипартийной оппозиции или «враждебной среды». Некоторые чекисты ухитрились сочетать свою специфическую работу с выраженной религиозностью либо подпадали под влияние церкви и переставали быть оплотом бдительности. В 1921 г. конторщик ОДТЧК ст. Барабинск вышел из партии как приверженный баптистской вере. Латыш-особист Ф.И. Эггин работал начальником отделения Пермского губотдела ОГПУ, а в 1924 г. за связь с сектантами-евангелистами, дискредитацию советской власти и распространение провокационных слухов был исключён из партии и уволен из «органов». Коллегией ОГПУ Эггин был осуждён на два года ссылки в Сибирь; он поселился в Новосибирске и в 30-х гг. работал ответственным секретарём Сиботдела союза баптистов[\[356\]](#).

Чекисты, призванные блюсти чистоту партийных рядов, подчас поднимали голос в защиту оппозиции, резко критиковали существующие порядки. Известно про отчаянно смелое выступление оперативника Архангельского губотдела ГПУ А.М. Новикова, расстрелянного за это в 1924 г. Коммунист Новиков (бывший эсер) в берлинском «Социалистическом вестнике» опубликовал открытое письмо к членам партии большевиков, где назвал советскую власть несправедливой, а ГПУ — жандармским управлением под эгидой «командующей вершины в лице ЦК РКП».

Были сторонники оппозиционеров и среди чекистов Сибири. Беспощадный к арестованным К.Я. Крумин «имел уклон в сторону рабочей оппозиции, но считал недопустимым раскол или работу в этом направлении». Уполномоченный Черемховского политбюро Иркутской губчека бывший эсер И.И. Некрасов в ноябре 1921 г. был исключён из РКП(б) за ряд «выступлений с лозунгами, разлагающими партию». В 1923 г. два работника полпредства сначала поддерживали децистов-сапроновцев, но после доклада Павлуновского партсобрание за линию ЦК проголосовало единогласно. Чекист Ф.С. Янченко, арестованный в

1935 г., показывал, что он в 1923–1924 гг., обучаясь в новониколаевской пограншколе, участвовал в разгроме троцкистской группы Мухина, уволенного в итоге из войск ОГПУ^[357].

В январе 1924 г. в Иркутском губотделе ОГПУ против линии ЦК открыто выступили основные работники: исполнявший обязанности начальника губотдела Д.Д. Никифоров, начальник секретного отдела Н.Н. Баранов, начальник особого отдела И.Я. Щукин, начальник ЭКО А.П. Усанин, уездный уполномоченный в Черемховском уезде С.М. Буда и другие. Стенограмма напряжённого партийного собрания показывает, что тезисы Троцкого о зажиме внутрипартийной демократии нашли живой отклик у «людей искореняющей профессии».

Собрание прошло в начале января 1924 г. Сначала выступил Н.Н. Баранов, отметивший инертность партии и недостаток внутрипартийной демократии, в частности, практику назначенчества. Работник Секретно-оперативной части М.Д. Борщевский прямо заявил: «Теперь аппарат подчинил себе партию... ЦК искусственно создаёт оппозицию». Г.А. Непомнящих согласился с Борщевским, подчеркнув, что фракций в партии нет, а Троцкий — никакой не оппозиционер. Начальник ИНФО М.В. Тимагин отметил, что вышестоящие парторганы не доверяют ячейке, когда она выдвигает своего кандидата в партийные секретари.

Д.Д. Никифоров говорил: «Когда выяснилась оппозиция, ЦК испугался и вся дискуссия в дальнейшем пошла по линии запугивания. Аппараты терроризовали членов партии. Согласен с Троцким, Сапроновым, но против фракции». Сотрудник Сизых сказал ещё резче: «Партия смертельно больна. Если бы не было оппозиции, её нужно было бы выдумать для оздоровления партии, уложенной аппаратами в прокрустово ложе». Усанин заявил: «Партийная масса подавлена. Здоровая критика отсутствует».

И только начальник особого отдела 12-го корпуса И.Б. Лернер открыто выступил в поддержку официальной точки зрения, а его фраза: «Выборности не может быть, т. к. партия разношёрстная» вызвала шум негодования. В итоге собрание 34 голосами против 16 приняло предложенную Никифоровым, Сизых и Барановым откровенно враждебную генеральной линии резолюцию: «Назначенчество, под каким бы оно соусом не преподносилось — упразднить, а также отменить утверждение выборных органов и секретарей вышестоящими органами... осуществить в ближайшее время перевыборы всех исполнительных органов и должностных лиц партийной организации при не переменных условиях свободы дискуссий и свободы выборов».

Примерно в то же время произошёл другой тревожный для властей случай: один из работников Иргуботдела ОГПУ предложил в президиум партсобрания кандидатуру ссыльного троцкиста Беленького, тогда еще не исключённого из партии. Этот факт удостоился разбирательства со стороны губкома РКП(б). Согласно воспоминаниям информированного партийца-журналиста Г.И. Григорова, сославшегося на выступление замредактора «Советской Сибири» М. Гиндина, за Троцкого одно время стоял весь Иркутский губком партии (во главе с М.Ф. Левитиным, подписавшим знаменитую «платформу 46-ти»), разогнанный усилиями главы Сиббюро ЦК С.В. Косиора и Р.И. Эйхе^[358].

Павлуновскому тоже пришлось принимать административные меры. Сменился не только начальник губотдела (прибывший туда в декабре 1923 г. совершенно спившийся А.К. Озолин уже три месяца спустя был переведён на пенсию по состоянию здоровья), но и другие ответработники. Никифоров уже 30 января 1924 г. был откомандирован в Барнаул, а два месяца спустя уволен из ОГПУ. Щукина уволили в том же 1924 г., назначив в гублит, Непомнящих перевели в отдалённый Тулун, Тимагина — на ст. Зима, а Усанин, напротив, оказался переброшен в Новониколаевск, поближе к начальственному глазу. Лояльный Лернер был повышен и назначен замначальника Иргуботдела ОГПУ.

Осенью 1926 г. фиксируется случай резкого выступления уполномоченного секретного отделения Минусинского окротдела ОГПУ Д.Н. Семёнова с защитой идеи «новой оппозиции» и категорическим отказом выдать сторонников. 5 сентября 1927 г. на собрании ячейки Славгородского окротдела ОГПУ сотрудник Зинченко потребовал дискуссии, выразив сочувствие оппозиции и обвинив руководство ВКП(б) в отрыве от масс. В конце 1927 — начале 1928 г. в отделении ДТО ОГПУ ст. Ужур Томской железной дороги была организована фиктивная «троцкистская группа» и предпринята попытка создать провокационное дело на сторонника оппозиции старшего уполномоченного ОДТО А.Г. Колодина. Тем не менее, в июне

1928 г. Заковский, явно скрывая факты оппозиционных проявлений со стороны чекистов, сообщил бюро Сибкрайкома, что в составе полпредства обнаружилось шесть «полуоппозиционеров», которые были уволены и переданы хозяйственным организациям [\[359\]](#).

Тем не менее, спокойствие Заковского в тот период выглядело оправданно, ибо в 1928–1929 гг. в основном наблюдались случаи нерешительных действий чекистов по отношению к оппозиционерам, а также желание ознакомиться с их точкой зрения. Замначальника ИНФО Ачинского окружного отдела М.И. Шумилов в июле 1929 г. был раскритикован во время партчистки за то, что в период «оперативных действий над троцкистами проявил нерешительность и сочувственное отношение к ним как к арестованным». Практикант того же отдела И.Н. Яшин обвинялся в том, что «при операции по изъятию оппозиционеров-троцкистов сочувственно отнёсся к таковым и вне всяких разрешений устраивал свидания последним». Летом 1929 г. помуполномоченного ИНФО Канского окротдела Ф.Е. Захарченко был снят с работы в «органах» за то, что доступные ему по службе троцкистские документы размножал и показывал коллегам.

Некоторые руководители желали выслужиться, наклеивая политические ярлыки на собратьев-чекистов. В результате начальника Регстатотдела полпредства Г.Д. Долгова его коллега, инспектор адморгуправления И.С. Шуманов, в октябре 1928 г. обвинил в том, что тот «насилует факты по исканию правого уклона, как искал когда-то факты троцкистского уклона». При этом Заковский поддержал именно Шуманова, подчеркнув, что «правых уклонов в нашей ячейке нет и быть не может... имеют место отдельные "шушукания" или бабские сарафанные сплетни». По на местах отдельным чекистам предъявлялись обвинения в связях с «кулачеством»: в 1928 г. участковый уполномоченный Омского окротдела ОГПУ в Павлощжом районе Н.Г. Бурчанинов был обвинён в содействии течения кулацкой семьёй фиктивной справки о социально-имущественном положении [\[360\]](#).

Также можно отметить практику ссылки в самые отдалённые уголки Сибири видных чекистов-оппозиционеров. Например, М.Н. Николаев, работавший в ПП ГПУ по ЗСФСР, в январе 1928 г. за троцкизм был назначен начальником Алданского окротдела ОГПУ, а в 1929 г. работал помначальника Бурят-Монгольского облотдела ОГПУ.

Отдельно стоит расправа над уполномоченным Якутского облотдела ОГПУ П.С. Жерготовым, добившегося путём переговоров в декабре 1927 г. сдачи повстанческого отряда М.К. Артемьева. На почти бескровное выступление в пользу широкой автономии власти ответили массовыми расстрелами, причём среди казнённых оказался и Жерготов, обвинённый, вероятно, в предательстве (он обещал, что к сдавшимся не будут применяться репрессии) [\[361\]](#).

Таким образом, различные фракции компартии имели определённое количество сторонников в рядах своего «передового вооружённого отряда», но относительно заметная деятельность чекистов-оппозиционеров имела место до середины 1920-х гг. Позже это были отдельные эпизоды, не имевшие сколько-нибудь значительного влияния на основную массу работников ОГПУ.

Психология, быт и нравы

Специфические задачи, стоявшие перед ВЧК-ОГПУ, требовали особо подготовленных кадров: преданных идеологии, послушных и готовых защищать власть любыми способами. Очень быстро сложился особый психологический тип чекиста — винтика безжалостной репрессивной машины, гордящегося принадлежностью к ней и демонстрирующего окружающим своё превосходство как человека, обладающего как прямой вооружённой властью, так и тайными полномочиями, ставящими всех прочих в зависимость от него.

Быстрое формирование психологического типа чекиста неразрывно связано с реалиями гражданской войны. Мотив классовой мести играл значительную роль при поступлении в ЧК с целью именно расстреливать: бывший узник «эшелона смерти» Г.А. Линке с июня 1921 г. работал комендантом Амурского облотдела Госполитохраны ДВР. Н.М. Майстеров, трудившийся комендантом Енисейской губчека, а с 1922 г. — комендантом полпредства ОГПУ Сибкрая, потерял брата, убитого белыми в Каинской тюрьме. У алтайского партизана и большевика с 1917 г. А.Ф. Щербакова жену зверски замучили белые каратели. Узнав об этом, Щербаков дезертировал из полка и в марте 1920 г. поступил в Новониколаевскую губчека, где

работал помощником коменданта^[362].

Даже очень молодые люди приходили в ЧК с созревшим желанием убивать врагов. Как отмечал будущий руководитель Якутского облотдела ГПУ Ф.Н. Богословский, под влиянием белого террора у него, происходившего из семьи дьякона, в 21 год появилось «сильное желание, несмотря на совершенно другое воспитание в семье и школе, работать в органах ВЧК и именно расстреливать». Новониколаевский чекист-комсомолец А. Мишуриц писал в ЧК, что, слушая на собрании горячее выступление 16-летнего А. Бромберга в защиту скаутского движения, испытывал сильное желание его застрелить. Дух нетерпимости к «врагу» специально культивировался, поэтому вполне логично, что в 1925 г. во время проверки политграмотности деревенского актива Новониколаевского уезда работник ОГПУ на вопрос, что сделать с середняком, критикующим местную власть, ответил: «С ним церемониться нечего»^[363].

Для поведения чекистов были свойственны крайняя грубость, поскольку на окружающих они смотрели как на потенциальных сексотов или подследственных. Чекисты гордились безнаказанностью, и даже рядовые работники то и дело пытались показать своё превосходство советскому, военному или милицейскому начальству: следователи Омской губчека весной 1920 г. требовали партийного суда над не подчинившимся их требованиям снять «николаевский значок» губвоенкомом П.В. Дашкевичем, а сотрудник оперпункта ЧК ст. Черепаново в 1921 г. грозил арестом сделавшему ему замечание начальнику уездной милиции. Чекисты всегда ходили с оружием, охотно его, угрожая, демонстрировали, а пьяная «бесцельная стрельба» на улице была одной из самых распространённых причин административных и партийных взысканий. О нравах, распространённых в чекистской среде, говорит такой факт: когда один из коллег будущего известного разведчика И.И. Борового был за что-то расстрелян, председатель Витебской губчека И.А. Кадушин разрешил молодому оперативнику взять себе сапоги казнённого^[364].

Демонстрируя беспощадность к врагу, зампред Томской губчека Б.А. Бак 28 августа 1920 г. написал такую высокомерную резолюцию на обращении осуждённого к высшей мере за руководство мифической подпольной офицерской организации А.С. Аркашова, в котором тот просил отправить его и подельников на войну с поляками: «В Советской республике фронт не наказание, а почётный долг и обязанность... Вы же, поднявшие в тылу позорное восстание, достойны только лишь смерти».

Осенью 1921 г. начальник секретного отдела Новониколаевской губчека К.Я. Крумин хвастался: «В результате моей упорной работы в чека расстреляна масса видных белогвардейцев. Сам лично участвовал и действительно раскрывал: во Владимире — белогвардейскую организацию "Владимирский офицерский батальон". В Омске: "Организацию полковника Орлеанова-Рощина", организацию офицеров "Самозащита", и в г. Новониколаевске: "Сибирское Учредительное Собрание", организацию "Союз мира" (офицерскую), организацию белоэсеровскую "Сибирско-Украинский союз фронтовиков". (...) Интересующимся моей личностью советую обратиться за справками в архивы чека [о] расстрелянных белогвардейцах и [спросить] у уцелевших в лагере. Обычно белые меня не любят и считают сволочью, а это равносильно ордену Красного Знамени от Рабоче-крестьянского правительства». О своём коллеге С.А. Евреинове Крумин в похвалу сообщил, что тот «лично расстреливал участников [белогвардейских организаций] в количестве нескольких сотен человек»^[365].

Многие чекисты крайне гордились своей службой и её специфическими методами. В стихотворении журналиста Г.А. Астахова «ВЧК» (1918 г.), которое экс-чекист В.А. Надольский, несколько огрубив и усилив текст, распространял в середине 20-х гг. среди коллег как своё собственное, говорилось, что означают буквы аббревиатуры ВЧК:

В них сила сдавленного гнева,
В них мощь озлобленной души,
В них жуть свирепого напева:

«В борьбе все средства хороши!»^[366].

Один из краеугольных камней клановой системы принцип защиты «своих» — неразрывно

сочетался с разоблачениями и доносами. С первых лет существования «органов» доносы выступали постоянным регулятором отношений и воспринимались как двойная обязанность — и как коммуниста, и как чекиста. Самыми распространенными были доносы, разоблачавшие скрытие коллегами неблагоприятного социального происхождения или «связи с чуждым элементом», а на обманувшего доверие «органов» сотрудника смотрели как на потенциальную агентуру классового врага, стремившуюся проникнуть в ряды «вооружённого отряда партии». Между тем семья и секс то и дело связывали чекистов с неподходящими, а то и социально-чуждыми кадрами. Чекисты были нередко женаты на дочерях расстрелянных офицеров, священников, нэпманов и «раскулаченных». Все эти казусы тщательно расследовались, а расплатой за них было частое расставание с чекистской карьерой.

Для чекистской среды характерным было требование отречения от неподходящей родни. В течение ряда лет в полпредстве периодически разбирали дело уполномоченного Секретного отдела П.В. Колобкова, женатого на дворянке, жене бывшего колчаковского есаула. Чекиста обвиняли в том, что он попал под влияние жены и открывает ей секреты своей работы. Ещё в 1922 г. ему предложили развестись. Колобков согласился, «но затем без разрешения партии вновь сошелся». В 1924 г. ему вновь велели развестись, но чекист, исполнив указание, вскоре опять вернулся к жене. В декабре 1928 г. Колобкову вынесли строгий выговор и постановили послать к «станку». Уволенный из ОГПУ и исключённый из ВКП(б) Колобков решился на окончательный развод, после чего был восстановлен в партии и принят на работу в прокуратуру.

А вот начальник Томского окротдела ОГПУ И.А. Мальцев не стал ждать неприятностей и, когда его жену обвинили в кулацком происхождении, быстро с ней развёлся. Чекистские автобиографии 1920 — начала 1930-х гг. пестрят заявлениями вроде: «содействовал вычистить дядю из профсоюза», «принимал личное участие в выселении отца жены» и т. д. [\[367\]](#).

Обращает на себя внимание необыкновенно быстрое, часто мгновенное расчеловечивание и унификация личности в чекистской системе. Если обстановка гражданской войны и охотное поступление в ЧК лиц, имевших счёты с царскими и белыми властями, хорошо объясняют крайнюю жестокость чекистов первого призыва, то аналогичное отношение к арестованным со стороны молодёжи, пришедшей на службу в последующие годы, воспитывалось специально. Чекисты первого призыва создали пропитанную уголовщиной традицию относиться к арестованным как к заведомо виновным врагам, от следователей в первую очередь требовалась беспощадность в отношении подсудимых. Почти обязательное участие в расстрелах, постоянные примеры издевательств над арестантами со стороны опытных чекистов-наставников, культивирование изощённого мата как способа ломать сопротивление интеллигентов и женщин, возможность присваивать имущество арестованных, постоянные репрессии в самой чекистской среде — всё это создавало развращающую атмосферу, которая низводила личность до уровня винтика безжалостной репрессивной машины.

Основные черты чекистской психологии — ощущение избранности, конспиративность, тяга фабриковать дела, необыкновенно активная защита корпоративной чести, — культивировались и воспроизводились все советские годы. Источником постоянной внутренней напряжённости для чекистской психики выступало резкое противоречие между чувством кланового единства, ощущением принадлежности к тайной и могущественной организации, с одной стороны, и жёсткими рамками военизированной системы, частокором запретов, полной зависимостью от начальственного произвола и как следствие — частыми репрессиями против «своих» — с другой.

От чекистов требовалась максимальная бдительность по отношению к коллегам и немедленное сигнализирование о любых подозрительных вещах. Несмотря на конспирацию, чекисты часто делились друг с другом подробностями оперработы: сплетни в их среде существовали, как и в любом другом коллективе. Многие рядовые оперативники сделали карьеру доносами на вышестоящее начальство, верно угадывая заранее направление той или иной политической кампании. Д.Н. Семёнов, зачисленный в штат Минусинского окротдела ОГПУ весной 1926 г., уже полгода спустя записал в дневнике: «Я знаю, что на основании подлога меня могут арестовать, посадить, может быть, и к стенке, ведь был бы человек, статья-то найдется!».

Для психологии чекистов очень характерны мифы, с помощью которых решались как узковедомственные задачи (мероприятия по дезинформации, провоцирование), так и осуществлялась обработка партийно-советского начальства. Правда, точно такое же мифостроительство наблюдалось и в партийных комитетах. Так, в 1920 г. председателя Енисейской губчека В.И. Вильдгрубе противостоявшее ему руководство ревкома пыталось обвинить в том, что он предатель, при белых расстреливавший коммунистов, ссылаясь при этом на совпадение внешних примет и вычурной подписи^[368].

Хотелось бы оспорить мнение А.Ю. Данилова о том, что чекисты делились на фанатиков-идеалистов и преступников-карьеристов. Практически то же самое говорил директор ГПО ДВР в 1921 г., деля чекистов на честных и примазавшихся карьеристов и преступников^[369]. Стремительно созданная в ЧК традиция пристрастного следствия, основанного на шантаже, провокации, насильственных вербовках, обмане, угрозах расстрелом и пытках требовала лиц, согласных на всё, включая физическое уничтожение разоблачённых «врагов». Стандартные методы ЧК-ОГПУ были преступными, что стирало разницу между «идеалистами» и карьеристами. Остаться чистым было невозможно: лиц, стремившихся уклониться от крови и грязи, система отторгала. «Честный чекист», в принципе, мог существовать: скажем, как оперработник, специализирующийся на борьбе с уголовным бандитизмом, не бравший взятки, не пьянствовавший и не домогавшийся жён арестованных. Однако чекисты, как правило, быстро меняли свои специализации, так что даже во внешнюю разведку очень часто попадали работники с опытом участия в избиениях и казнях.

В чекистской среде существовала апология жертвенности, ибо служба была опасной. Весной 1920 г. в квартиру сотрудника Бийской чека П.П. Пузикова была брошена граната, чьи осколки чудом не заделали чекиста. В ответ чека сфабриковала дело на 7 «заговорщиков» и всех расстреляла. С ноября 1921 по январь 1922 г. алтайские чекисты потеряли от рук повстанцев не менее шести сотрудников, причём пятеро из них представляли Горно-Алтайское политбюро. В 1921–1923 гг. большие потери в боях с мятежниками понесли чекисты Якутии^[370].

Случались, напротив, и неизбежные проявления малодушия. Циркуляр директора ГПО ДВР А.С. Лаппо в июле 1921 г. доводил до сведения всех чекистов, что в момент налёта отряда Унгерна сотрудники Троицкосавского уездного подотдела в панике разбежались, оставив здание с документами и ценностями. За позорное бегство вместо «честной смерти» все они были преданы полемому суду.

Участковый уполномоченный Якутского облотдела ОГПУ В.И. Халин, храбро присваивавший трофеи, захваченные в ходе борьбы с повстанцами, 3 октября 1927 г., имея в подчинении 6 чел., бежал из с. Петропавловское при приближении отряда М.К. Артемьева из 14 чел., бросив списки информаторов, райсводки и директивы ОГПУ. В январе 1928 г. эта документация была обнаружена, в т. ч. и приказ ВЧК от 17 июля 1921 г. № 216 «с инструкцией по осведомлению, разработкам и агентуре, на коем бандитом Ксенофоновым [П.В.] были сделаны пометки о возможности применения указанной формы работы внутри банды». В сентябре 1928 г. дело на Халина было направлено в Особое совещание при Коллегии ОГПУ^[371].

Посмертная судьба чекистов являлась предметом особой заботы. Так, в 1920 г. был перевезён в Томск и торжественно перезахоронен убитый колыванскими повстанцами в с. Дубровинское бывший председатель Томгубчека А.В. Шишков. Чекистов, погибших при исполнении служебных обязанностей, хоронили в почётных местах, в центре города или села. В комячейке отделения ДТЧК ст. Барабинск в апреле 1921 г. было вынесено специальное решение «О похоронах трупа сотрудника Быкова», где говорилось: «Вследствие того, что... он застрелил себя сам из-за разлада семьи и принимая во внимание пережитые им жизненные неудачи — человек был с волей, но не развит у него ум — а потому не считать его как жертву борьбы, а похоронить самым обыкновенным образом»^[372].

Чекистский быт был суров и внешне аскетичен, но его разнообразили алкоголь, наркотики, пьяная езда на автомобилях, кутежи в притонах, сожительство с секретными сотрудницами и прочие «удовольствия»^[373].

Показательна чистка, проведённая в 1925–1926 гг. в Томском окротделе, где новый начальник С.Л. Гильман за несколько месяцев уволил за пьянство до десятка чекистов, а

обслуживавшего Анжерские угольные копи особиста П.В. Левихина выгнал за присвоение денег, предназначенных для агентуры. Затем за организованное посещение притонов под видом оперативной работы и вооружённое сопротивление милиции было в партийном порядке наказано около десятка работников, хотя было известно, что притон организовали и посещали целых 17 сотрудников ОГПУ, которые одного из коллег, сообщившего о массовом разврате, скомпрометировали и загнали в Нарым. Как отмечал заведующий агитпропом окружкома партии А.А. Цехер по поводу вскрытого «гноиника», о котором начальник окротдела не поставил в известность окружной комитет ВКП(б), чекисты «имеют слабость следить один за другим и в то же время скрывать, что делается в их аппарате».

В другом подобном случае чекистов очевидным образом «прикрыли». Во время расследования в 1926 г. фактов повального разложения руководства Барабинского округа выяснилось, что пьянствовали, дебоширили и посещали притоны также начальник окротдела ОГПУ М.А. Атенков и один из уполномоченных В.П. Журавлев. Однако если советское и милицееское начальство округа пошло под суд, то Атенков с Журавлёвым отделались партийными взысканиями и понижением в должности^[374].

Вот красноречивые фрагменты выступления Заковского на заседании ячейки ВКП(б) полпредства ОГПУ 1 июля 1926 г., посвященном борьбе с пьянством:

«Пьянство вошло в обычное явление, пьянствуют с проститутками, разъезжают на автомобилях даже члены бюро ячейки. (...) О пьянках нашего аппарата известно в Москве. Мне товарищ Ягода говорит: "У вас пьяный аппарат", — и отрицать не приходится. В аппарате есть не спайка, а спойка и самая настоящая. (...) Некоторые пьют, пользуются у частного широким кредитом, им дают вместо одной бутылки — три. Это считают нормальным, а сообщить об этом считают преступлением. [Непьющего] товарища начинают избегать. (...) Взяли это Юдина, члена партии с 1905 года, на исправление от пьянки и посадили в ЭКО, а когда он там увидел, что там творится, то последний костюм с себя пропил и ко мне его привели оборвышем и с луковкой во рту; ест он эту луковку и говорит: "Хотя я пью, а садить меня не смей [в подвал под арест — А.Т.]" (...) Пить можно, но только в своём узком кругу чекистов и не в общественном месте. С исключением т. Верховзина [начальник ЭКО — А.Т.] поторопились, вопрос не обдумали. Его можно бы исправить».

Б.А. Бак добавил красок в описание нравов своих подопечных:

«Нынешний год предоставили 50 мест на курорты и дома отдыха а, в результате, чем больше помощи, тем больше пьют. (...) Пьянство с проститутками на автомобилях нельзя скрыть, автомобили ПП ОГПУ знают все. Если в них ездят с проститутками, будет говорить весь город... Но ещё хуже, когда пьянство проникает в секретную работу. (...) Создаётся такое положение, что якобы милиция создана для того, чтобы её били пьяные чекисты... [Верховзин] был канцеляристом, делопроизводителем, выдвинули его на ответственную должность, как работник он хороший, но за пьянку неоднократно тянули (...) я лично потерял надежду на его исправление. Пить до того, чтобы кошек рвать, это никуда не годится»^[375].

От алкоголика В.В. Верховзина, которого удалось потом сплавить на Дальний Восток, не отставали и рядовые сотрудники. Только с января 1926 по май 1927 г. 41 коммунист ячейки полпредства (из 18) получил взыскания за пьянство, дебоши и т. д. Пьяные выходки новосибирских чекистов регулярно рассматривались партийным бюро, причём на собраниях звучали предложения «не сажать за такие поступки в подвал, а давать хорошие товарищеские нотации». Повальное пьянство и серьёзные преступления чекисты объясняли безнаказанностью старших коллег, совершавших самые тяжёлые проступки, утратой революционной перспективы, тяжёлой работой и необеспеченностью досуга^[376].

В октябре 1926 г. работником полпредства Красновым во время пьяной драки был застрелен секретный сотрудник угрозыска. На партийном собрании говорили о том, что «в уставе партии нет запрета на посещение пивных», а убитый сексот был-де «плохим» человеком. В итоге подавляющее большинство чекистов постановили — с учётом былых революционных заслуг — оставить убийцу в партии (потом всё же исключили). Когда весной 1927 г. пьяный оперативник В.П. Стуков случайным выстрелом убил своего коллегу В.Ф. Уральца, его изгнали из партии, поскольку за Стуковым ранее числились и пьянство, и

«половая распущенность». Некоторые сотрудники полпредства страдали не только алкогольной, но и наркотической зависимостью; так, в марте 1928 г. некий Антонов, потрясая служебным удостоверением, требовал в аптеке «возбудительные средства», а после отказа устроил скандал.

Пьяное дебоширство чекистов наблюдалось повсеместно: в конце 1920-х гг. пьянство среди ответственных сотрудников Минусинского окротдела ОГПУ было поголовным, а в июле 1930 г. компания минусинских чекистов в нетрезвом виде учинила в общественном месте скандал и задержала, а потом избивала ответственного работника-партийца, пытавшегося стрелять в воздух. Наказание хулиганов оказалось символическим, хотя окружком партии обратил особое внимание на факт «зверского» избиения задержанного.

Сам полпред Л.М. Заковский, легко сажавший в подвал подчинённых за всяческие лихости, был любителем сладкой жизни. Видный сибирский чекист А.Р. Горский впоследствии говорил: «Вот возьмите Заковского, он более развращён, нежели мы, а он большой начальник. Многоженство и разгульная жизнь у работников НКВД — это массовое явление»^[377].

Власти в официальном порядке нагружали чекистов партийной учёбой, поощряли как физическое, так и общее развитие: при Бийском политбюро был драмкружок, а в отделении ДТЧК ст. Барабинск читались лекции, в т. ч. по антропологии. Тем не менее посещение партийных собраний и учебных занятий воспринимались как тягостная обязанность. В ответ предпринимались иногда весьма решительные меры. В опубликованном в ноябре 1920 г. списке 64 ответственных работников парторганизации Новониколаевска, отправленных на принудительные работы за непосещение учебных занятий, значились чекисты-транспортники: председатель ОРТЧК и член коллегии уездчека Ф.М. Греккер, оперативники А.А. Мозгов, Н.А. Мозгов, А.Т. Солонгин. Большого желанья развиваться у чекистов не было: в 1927 г. партячейка ПП ОГПУ отмечала, что «газеты и журналы мало кто читает»^[378].

Почти сразу в органах ЧК-ОГПУ установился своеобразный и напряжённый распорядок дня. Рабочий день для советских служащих был установлен 6-часовой, но чекисты-руководители сразу стали его увеличивать, поскольку при коротком рабочем дне эффективная работа секретной службы становилась нереальной. В апреле 1920 г. омские чекисты работали 10–12 часов в сутки: с 10 до 15 и с 18 до 22–24 часов. Такой режим вызывал недовольство многих первых чекистов, которые манкировали нагрузкой; увеличение рабочего дня стало одной из причин резкой атаки партячейки Омской губчека против коллегии в начале 1920 г. Борясь за дисциплину, председатель Томской (Новониколаевской) губчека В.Ф. Тиунов 31 января 1920 г. разом уволил за опоздания и низкую работоспособность 10 сотрудников Секретно-оперативного отдела^[379].

Данные о распорядке дня дальневосточных чекистов в 1925 г. говорят о некотором увеличении рабочего дня: в Амурском губотделе, ОГПУ обязательное присутствие оперативников на службе требовалось с 9.00 до 15.30, но начальники сидели на рабочих местах до 16.00–16.30. К 18.00 чекисты возвращались на работу и сидели до 23.00–24.00. Таким образом, рабочий день продолжался не менее 12 часов, а рабочая неделя составляла 6 дней. Любопытно, что в первые месяцы работы сибирских чека де-факто отмечались даже церковные праздники: 11 апреля 1920 г. Томская губчека постановила работать до 12 часов дня, а в первый и второй день пасхи никаких «занятий не производить»^[380].

Паёк в июне 1921 г. чекисту-оперативнику полагался в размере 50 % боевого красноармейского и 50 % тылового красноармейского и составлял для Черепановского политбюро Новониколаевской губчека (в месяц): муки — 17 кг, мяса и рыбы — 4,5 кг, крупы — 2,6 кг, сахара или мёда — 0,9 кг, сливочного масла — 0,9 кг, сухих овощей — 0,5 кг, соли — 0,8 кг, дрожжей — 50 г., чая — 30 г., перца — 20 г., мыла 200 г., спичек — три коробки, курительной бумаги — 5 листов. Впоследствии действовала система периодических денежных и натуральных поощрений, на что уездные и губернские исполкомы выделяли средства. Летом 1921 г. зарплата оперработника политбюро составляла 5.800-6.600 руб., у заведующего политбюро — 8.800 руб. Зарплата в 1926–1929 гг. составляла 70-135 рублей у оперативников, 145–183 руб. у начальников отделений окротделов и выше^[381].

К моральным поощрениям относились благодарности и грамоты от чекистских и советских учреждений, награждения часами, именованным боевым и охотничьим оружием, собраниями

сочинений Ленина, портретами Дзержинского. Крупные чекисты иногда награждались орденами Красного Знамени, а главной ведомственной наградой являлся серебряный значок Почётного работника ВЧК-ГПУ.

Чекисты полпредства жили в общежитиях, где постоянно вспыхивали конфликты друг с другом по причинам взаимной неприязни и низкой культуры. Полпредством периодически объявлялись учебные тревоги, после которых подсчитывалось количество сотрудников появившихся на службе более чем через 20–25 мин., с неисправным оружием либо вообще без такового, с нарушениями в форме одежды и проч.

Условия чекистской работы (ненормированный рабочий день, постоянные разъезды, участие в многочасовых ночных допросах, а также расстрелах) прямо отражались на состоянии здоровья оперативников, многие из которых подорвали свои силы ещё в гражданскую войну. Так, у начальника СОО Новониколаевской губчека С.А. Евреинова, расстреливавшего сотнями, был психоз, из-за чего ему пришлось покинуть «органы». Начальник ЭКО Алтгубчека С.Б. Овчинников (Аленев) в феврале 1922 г. был уволен по собственному желанию как нервнобольной. В 1929 г. в связи с эпилепсией уволили начальника Ачинского окротдела ОГПУ К.П. Болотного [\[382\]](#).

В середине 1920-х гг. около сотни чекистов полпредства страдали неврастенией, а ещё у 14 человек психические проблемы были более серьёзными. В июне 1928 г. Л.М. Заковский отмечал, что у 92 % сотрудников обнаружены заболевания, в основном нервные и сердечные. Назначенный в 1929 г. начальником ДТО ОГПУ Омской железной дороги Ф.М. Платонов жаловался, что его былая рана в голову «отражается на правильной работоспособности мозгов». Из циркуляра ОГПУ СССР от 15 февраля 1930 г. следовало, что «материалы заболеваемости сотрудников ОГПУ показывают значительное распространение на них психоневрозов, туберкулёза и ревматических заболеваний», которые являются основными причинами увольнения из ОГПУ. Защищая здоровье чекистов, в середине 20-х гг. половину сотрудников полпредства удовлетворяли путёвками в дома отдыха и на курорты [\[383\]](#).

Одной из главнейших черт чекистского быта должна была являться строгая конспирация. Приказом ОГПУ от 24 января 1925 г. печати запрещалось затрагивать вопросы структуры аппарата, методов работы и даже быта сотрудников ОГПУ. Полпред Л.М. Заковский в октябре 1927 г. выпустил приказ, в котором прямо запретил работникам аппарата полпредства в разговорах и письмах высказываться относительно работоспособности и личных качествах периферийных сотрудников, поскольку слухи и предположения о тех или иных возможных кадровых перестановках нервировали, по мнению полпреда, местных чекистов и делали их «не вполне работоспособными» [\[384\]](#). Но сомнительно, чтобы этот приказ повлиял на степень разговорчивости чекистов.

Быт чекиста был законченным до пародийности воплощением особенностей быта советского. Ведомственный коллективизм требовал ограничения круга знакомств сослуживцами. Чекисты вместе отмечали праздники, вместе занимались спортом, вместе допрашивали и приводили приговоры в исполнение. Сельские чекисты были обречены вращаться в узком кругу хорошо знакомых людей; любое общение вне его было чревато совместным угощением с «кулацким» родственником, бывшим заключённым или участником давнего антисоветского выступления. Низкая общая культура, огромные эмоциональные перегрузки и тяжёлые условия труда являлись причинами массовой алкоголизации. Злоупотребление спиртным и связанные с этим постоянные дебоши со стрельбой, утери оружия, секретных документов и партбилетов приводили к тому, что огромная часть оперативников имела взыскания за подобные проступки. Зачастую пьяная болтовня служила поводом к судебному преследованию за расконспирацию. Но в целом руководство ВЧК-ОГПУ относилось к пьянству как к неизбежному злу, следя за тем, чтобы оно пореже проникало в оперативную работу.

Население хорошо представляло себе порядки в чекистских учреждениях и моральный облик сотрудников ВЧК-ОГПУ. В перехваченном в августе 1920 г. частном письме из Омска говорилось, что в местной чека сидят даже дети и старухи, которые терпят различные издевательства [\[385\]](#). В фольклоре обыгрывалась аббревиатура ЧК: «В ЦК цыкают, в ЧК — чикают», «советская чека разменяла Колчака», а ГПО ДВР расшифровывалась как «господи, помилуй». В песенке «Яблочко» утверждалось, что «попадёшь в губчека — не воротишься!».

Слово сексот в негативном контексте хорошо было известно с 20-х гг., о чём говорит неподцензурное стихотворение Л. Мартынова «Сексотка». Пренебрежительную окраску носил термин «гепеушник». В свою очередь, существовал и весьма циничный чекистский фольклор, в котором для расстрела существовал термин «свадьба» (вероятно, имелось в виду венчание со смертью), подставные свидетели именовались «стульями», а рядовые участники антисоветских организаций — «низовкой».

Отношение населения к чекистам в целом было враждебным: их боялись и ненавидели, высмеивали в анекдотах (однако у молодёжи под влиянием пропаганды постепенно воспитывалось уважение к чекистам как к отважным бойцам за идеалы революции). Когда в марте 1922 г. военные власти Якутска за тайные аресты выпороли видного чекиста Н.П. Осетрова, то слухи об этом сразу распространились по всему городу. Характерен эпизод 1926 г., когда попавшей в больницу жене начальника Бийского окротдела ОГПУ К.К. Вольфрама одна из пациенток (партийная инструктор женотдела) кричала: «Привезли барыню, ишь ты, жена начальника ГПУ с собственными подушками и бельём. Небось, попадётся в подвал к Вольфраму, так там жёстко...». При разборе инцидента отмечалось, что эти инвективы больные встретили сочувственно.

Не любили чекистов и в номенклатуре: супруга арестованного видного сотрудника ОДТЧК ст. Барнаул А.Г. Онупрейчика в своих хлопотах за мужа встретила в начальственных кабинетах только пренебрежение. Давление общественного мнения ощущали все чекисты. Характерно, что жену одного из работников полпредства ОГПУ родственники спрашивали в письме, служит ли ещё её супруг в этом «поганом учреждении»?^[386]

В результате даже руководящие чекисты не всегда считали свою работу привлекательной — и из-за моральных перегрузок, и из-за ощущения изгойства. В 1924 г., будучи заместителем полпреда ОГПУ по Сибири и отвечая на вопрос партийной переписи относительно желательной отрасли работы, Б.А. Бак заявил, что хотел бы «усовершенства по специальности механика». Замначальника Бийского окротдела ОГПУ С.Д. Шестаков в конце 1925 г. отмечал «адское желание учиться... на этой почве у меня была целая история просьб, ходатайств и проч., но так ничего и не добился»^[387]. Уйти со службы можно было только с согласия парторгов, которые далеко не всегда шли навстречу. Следует отметить, что даже бывшие чекисты в анкетах, даже партийных, скрывали свою службу в «органах».

Пропаганда официально старалась представить службу на ОГПУ необходимым делом: так, заведующий пресс-бюро Агитпропа ЦК РКП(б) С.Б. Ингулов в 1924 г. в статье «Партии отдайся весь!» писал, что всякая работа — наркома, красноармейца, «агента ли ГПУ» — одинакова почётна и полезна для партии^[388]. Но вскоре эта тема па абсолютно секретной и совершенно исчезла из открытой печати, характерно, что и термин «агент», поначалу официально обозначавший категории работников транспортных органов ЧК-ГПУ и угрозыска, после 1920-х гг. исчез: данным словечком пожертвовали, постановив, что агентами могут быть только слуги империализма. О чекистах публиковали торжественные оды (вплоть до Маяковского), сами они постоянно выступали в прессе с различными объявлениями и предупреждениями, а в периоды юбилейных кампаний 1922 и 1927 гг. — и с мемуарными очерками.

В литературе 20-х гг. не раз появлялись публикации с яркими описаниями чекистских расстрелов, которые вызывали протест работников Лубянки, видевших в них и вредный абстрактно-гуманистический подход, и расконспирацию методов своей работы. У части интеллигенции того времени — и не только эмигрантской — было ощущение необходимости сделать всё, чтобы не предать забвению события эпохи террора. Сибирский писатель В.Я. Зазубрин в течение всех 20-х гг. собирал информацию о работниках Чека, в поисках своих героев посещая даже психиатрические больницы. Его натуралистическая и вместе с тем психологически проработанная повесть о чекистском терроре «Щепка» была написана тогда же, но опубликована только в 1989 г.

Наличие значительной прослойки лиц, занятых террористической работой, проводимой от лица государства, а также их бесчисленных тайных агентов парализовывало и разлагало общество страхом перед репрессиями. В обществе было заметно влияние не только кадровых чекистов, непосредственно олицетворявших партийную диктатуру, но и множества бывших работников ВЧК-ОГПУ, нередко занимавших высокие посты в партийно-советской и

правоохранительной системе, хозяйственных организациях и даже в культуре (из ЧК в литературу пришёл, например, известный поэт А. Прокофьев, в политику — будущий глава правительства Н.А. Булганин). Эти люди привносили в общественную жизнь дух особенной нетерпимости, жестокости и вседозволенности.

Переходный период от ЧК к ГПУ в Сибири затянулся, ибо в течение всего 1922 г. в силу продолжавшейся гражданской войны ГПУ фактически работало методами ЧК, практикуя в ходе подавления многочисленных восстаний в Алтайской, Енисейской, Иркутской и Якутской губерниях массовые бессудные расправы. Далее чекисты работали в режиме поддержания стабильности власти, усиливая осведомительный аппарат, но в специфических условиях Сибири постоянно отвлекались на борьбу с широко распространённым в крае уголовно-политическим бандитизмом.

В результате преобразования ВЧК в ГПУ-ОГПУ репрессивный аппарат был резко сокращён. После 1923 г. чекисты в течение нескольких лет не фабриковали в Сибири особо крупных «заговорщицких дел», но подвергали постоянным репрессиям политических противников и специалистов, активно занимались борьбой с экономическими преступлениями и уголовно-политическим бандитизмом, собирали компрометирующую информацию на весь «подучётный элемент». В 1923–1928 гг. чистка продолжалась в более мягком варианте, чем ранее, но с постоянными репрессиями против ряда категорий населения, которые привязывались к конкретным хозяйственно-политическим кампаниям.

Сибирский край даже в середине 20-х гг. можно было считать сравнительно спокойным лишь относительно: помимо традиционно шаткого положения в Якутии, где то и дело вспыхивали серьёзные мятежи, в нём активно действовало множество как мелких, так и довольно крупных бандитских шаек и отрядов, фактически контролировавших жизнь значительного числа сельских населённых пунктов в отдалённых районах. Уровень уголовной преступности оставался очень высоким. Введение нэпа и легализация частного сектора стимулировали коррупционные преступления, хотя они были очень развиты и при распределительно-уравнительной экономике периода военного коммунизма. Были распространены контрабанда, подпольная торговля золотом, фальшивомонетничество, действовали многочисленные наркопритоны и публичные дома.

Чекисты активно участвовали в пресечении бандитизма и экономических преступлений, осуществляли мероприятия по линии контрразведки, вели разведывательную деятельность, но основная доля их усилий по-прежнему приходилась на область политического сыска. Постоянные репрессии изымали, в первую очередь, активных критиков существовавших порядков. С началом наступления на нэп в 1927 г. политические преследования ужесточились, а в 1929 г. приблизились к уровню начала 20-х гг.

Полпред Л.М. Заковский, обладая полноценной информацией о реакции общества на государственное насилие, оказался в противоречивой ситуации: логика классового противостояния и чекистская психология диктовали необходимость быть на острие репрессий, а необходимость поддержания политической стабильности — регулировать их так, чтобы не вызвать крайних форм противостояния народа и власти. Исполняя директивы верхов и сибирской правящей верхушки, полпред ОГПУ до начала эпохи «великого перелома» проявлял меньше радикальности, чем экстремистски настроенные местные партийные руководители, требовавшие самых крутых мер по противодействию «кулацкой опасности». Однако с октября 1929 г. Заковский практически оставил колебания и, уяснив курс на полную ликвидацию «кулачества», сразу вывел полномочное представительство в число наиболее активных по СССР с точки зрения развёртывания прямых репрессий, о чём говорят цифры арестов осени 1929 г.

В течение 1920-х гг. основная масса населения Сибири, особенно сельского, жила и хозяйствовалась относительно самостоятельно (в отдалённых районах даже существовала купля-продажа земли), достаточно свободно отправляла религиозные обряды и имела немало возможностей уклоняться от соприкосновения с властями, особенно в наиболее глухих местах края. Распространение коммунистической идеологии сильно ограничивалось малочисленностью партийно-комсомольской прослойки и относительной слабостью местного управленческого аппарата. Однако сравнительно немногочисленные органы безопасности

имели большие агентурные возможности и огромный опыт силового, в том числе террористического воздействия на общество. Они играли роль висящего на стене заряженного ружья, обречённого выстрелить в момент, указанный режиссером.

Возобновление политики массовых репрессий потребовало нового качества чекистской работы. Получив широкие возможности для внесудебной расправы с помощью «троек», органы ОГПУ добились согласия властей на стремительное наращивание своей численности. И аппарат, и политическое влияние ОГПУ вскоре после начала «великого перелома» оказались сопоставимыми с численностью и влиянием органов безопасности периода существования ВЧК.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период 1918–1929 гг. в Сибири была создана мощная карательная структура, ядром которой выступали органы ВЧК-ОГПУ, приданные им войска, а также милиция. Органы безопасности быстро стали важнейшей частью государственного аппарата, подвергаясь реформированию в соответствии с текущими потребностями системы. Перед ЧК-ОГПУ не было закрытых учреждений и неприкосновенных лиц, пределы их вмешательства в общественную жизнь в большой степени определялись ими самими, что соответствовало пониманию роли чекистов со стороны правящей элиты.

В течение всего рассматриваемого периода ВЧК-ОГПУ старались расширять свои полномочия, быстро освоив методы исполнения социального заказа со стороны как политического руководства, так и собственно чекистского начальства. Власть, прибегавшая к методам террора, нуждалась в бесчисленных врагах и заговорах как для устрашения всех нелояльных, так и для поддержания в обществе атмосферы взвинченности, ненависти к «шпионам», «вредителям», «диверсантам», «саботажникам». В свою очередь, карательный механизм, исходя из ведомственных интересов и демонстрируя свою эффективность, поставлял верхам как можно более внушительные цифры разоблачённых «врагов народа». Органы безопасности вели интенсивную агентурно-оперативную работу против нелояльных лиц, периодически обрушиваясь на них всей силой репрессивного аппарата. Физическое истребление политических противников и подозреваемых в сочувствии им было призвано не только гарантировать стабильность режима, но и создать совершенное общество, свободное от «эксплуататорских классов».

Масштабный красный террор в Сибири начали осуществлять партизанские отряды, а сразу после изгнания колчаковцев для репрессирования причастных к белогвардейской власти создавались следственные комиссии на местах. К весне 1920 г. по всей Сибири были образованы губернские и уездные чрезвычайные комиссии, руководимые полпредством ВЧК, а также крупные подразделения транспортных органов ВЧК и военной контрразведки, сформирован агентурный аппарат. Был твёрдо пресечён сепаратизм сибирского руководства, пытавшегося отстоять независимость Сибчека от центра. До начала 1922 г. численность органов ВЧК непрерывно возрастала. Будучи вооружённым отрядом коммунистической партии, они демонстрировали подчёркнутую жестокость к врагам режима, культивируя идеологию и традиции гражданской войны.

Карательная политика региона подчинялась общим направлениям, диктуемым Москвой, но в Сибири была значительно жёстче в течение всего десятилетия. В начале 20-х годов это было связано с размахом повстанческого движения, а также с отношением властей к населению как «кулацкому» и «спекулянтскому», в середине и второй половине 20-х — с постоянными кампаниями внесудебных расправ над уголовными элементами. Официальную карательную политику усугубляли проявления крайне распространённого в Сибири «красного бандитизма».

В ходе первой масштабной социальной чистки 1919–1922 гг. в Сибири были уничтожены многие десятки тысяч политических противников коммунистического режима, причём основная часть репрессированных приходится на жертвы подавления Западносибирского и других восстаний. Чекисты внесли существенный вклад в разгром крестьянских мятежей, а также в борьбу с организованной уголовной преступностью. Для стиля работы ЧК того периода были характерны повальные аресты, пыточное следствие, преимущественно заочное осуждение обвиняемых коллегиями уездных и губернских чека, массовые бессудные расправы.

Количество сфабрикованных «контрреволюционных заговоров» исчислялось сотнями.

В отдельных случаях за фабрикацию дел чекисты могли понести ответственность, но в целом картина, рисовавшая обилие «заговоров», никогда не корректировалась. В практике репрессий начала 1920-х гг., как и позднее, карательные органы сохраняли высокую степень автономности. Уничтожение агентов-провокаторов вместе с членами «заговоров» давало известные гарантии того, что фабрикация дел останутся чекистской тайной. Региональные и центральные власти знали о специфических методах работы ЧК с арестованными и закрывали на это глаза.

С 1922 г. чекистам приходилось согласовывать свои действия с прокуратурой, часто вынуждавшей ОГПУ прекращать заведённые дела. Однако привычные методы получения признательных показаний — угрозы, шантаж, провокации, избиения — сохранялись в арсенале чекистов. Прежним оставалось их отношение и ко всем непролетарским слоям, которые рассматривались как потенциально опасные и подлежащие преследованиям.

Поскольку доктринальные установки большевиков были куда ближе к «военному коммунизму», нэп для большинства из них являлся именно отступлением, тактическим шагом. Поэтому, когда режим почувствовал угрозу своему существованию в связи с сопротивлением деревни, он применил силу и с помощью чекистов физически ликвидировал целые социальные слои и группы, сопротивлявшиеся тотальному огосударствлению жизни. Таким образом, нэповский поворот весны 1921 г. противоречил основной тенденции коммунистической власти, а перелом осени 1929 г. соответствовал её внутренней логике.

Чекисты являлись важной частью аппарата управления и всегда претендовали на особое положение в нём. Партийно-советское руководство старалось контролировать чекистов, часто вмешиваясь даже в агентурно-оперативную деятельность, однако конспиративность работы ВЧК-ОГПУ позволяла органам безопасности иметь известную свободу манёвра, а слежка за номенклатурой, обладание специфической информацией и независимыми каналами её переправки в высшие инстанции позволяли чекистским начальникам активно участвовать в политических интригах. Если в середине 1920-х гг. численность и влияние ОГПУ были наименьшими, то затем обострение политической обстановки вновь привело к возрастанию их роли. При этом органы безопасности оставались под партийным контролем, исполняя установки правящей верхушки.

Чекисты, характеризовавшие себя как «передовой вооружённый отряд партии», являлись специфической частью советского чиновничества. В их среде существовал кастовый дух, воспитывались традиции избранности и жертвенности. Кадры вербовались в основном за счёт военнослужащих, особенно из внутренних войск, а также партийно-комсомольских и профсоюзных активистов. Многие из оперативников начинали с сексотов — зарекомендовав себя толковыми поставщиками агентурных сведений, а то и резидентами, они логичным образом переходили на гласную оперативную работу.

Изучение внутренней жизни чекистов Сибири позволяет сделать вывод о том, что отрицательная селекция, вообще характерная для советской кадровой политики (отбор послушных, серых и безынициативных в ущерб талантливым и самостоятельно мыслящим) в чекистских органах была представлена в максимальной степени. Требования лояльности и послушания возводились в абсолют. Негативно сказывалось на качестве чекистских кадров рекрутирование сотрудников преимущественно из рабоче-крестьянской среды, имевших как правило начальное образование.

Однако малограмотный чекистский аппарат в целом отвечал потребностям карательной политики, поскольку был достаточен для пресечения — зачастую превентивного — политической непопулярности, а большой нужды в реальной контрразведывательной работе не было: Монголия являлась союзным государством, раздробленному Китаю было не до шпионажа, а перед эффективной японской разведкой находился мощный буфер в лице чекистов Дальнего Востока. Многочисленные разоблачённые «шпионы» обычно не имели отношения к зарубежным спецслужбам.

Для чекистских кадров было характерно наличие мощной партизанской прослойки, что приводило к дополнительной криминализации оперсостава и частому проявлению «красного бандитизма». Заметен и значительный уровень политических репрессий внутри самого чекистского коллектива, связанный с доношением и попытками руководства связывать

собственных работников с различными «контрреволюционными заговорами». Руководство на местах осуществляли назначенцы центра, проводился принцип сменяемости кадров, но примечательно, что руководители полпредства Павлуновский и сменивший его Заковский — сразу после выстраивания основ карательной системы и отбраковывания из неё первых начальников Сибчека Левитина и Уралова работали по шесть лет каждый, что сильно нарушало традицию сменяемости начальствующих кадров. (В том же русле находилось многолетнее нахождение на Украине В.А. Балицкого.) Такие факты говорят об определённой стабилизации кадровой политики и встраивании отдельных крупных чекистов в систему лубянских сдержек и противовесов.

Увольнение массы ветеранов ЧК в первой половине 20-х гг. не привело к прерыванию основных чекистских традиций. Кадровый состав, оставаясь преимущественно малограмотным, хотя и получал лучшую чекистскую подготовку, по-прежнему воспитывался в духе правового нигилизма и ненависти к инакомыслящим. Моральный облик чекистов характеризовался крайней распространённостью в их среде не только пьянства, но и разнообразных криминальных проявлений. Уровень преступности внутри чекистского ведомства всё время являлся экстремально высоким. Фактическая вседозволенность и безнаказанность толкали очень многих оперативных работников и на злоупотребления властью, связанные с нарушениями законности, и на всевозможные корыстные преступления.

На ответственных должностях в ВЧК-ОГПУ в Сибири в 20-е гг. подвизались яркие личности с богатым революционным и боевым прошлым, резко отличавшиеся от функционеров МГБ-КГБ последующих десятилетий. Однако бюрократический аппарат нивелировал личностные отличия, требуя повиновения и умения следовать генеральной линии партии. Поэтому тип регионального начальника, независимо от происхождения, национальности, образования, партстажа, революционного прошлого (меньшевик М.Ф. Левитин, межрайонец И.П. Павлуновский, анархист Л.М. Заковский), в основном выглядел единым. Это был классический чиновник советской системы — беспрекословно выполняющий поставленные перед ним задачи, старающийся проявлять инициативу в карательных операциях, нечуждый внутриведомственным интригам, скрывающий промахи подчинённых и формирующий аппарат под свои представления и потребности, наполняя его хорошо знакомыми и лично преданными кадрами.

Начальствующий состав полпредства ВЧК-ОГПУ по Сибири отличали исполнительность, инициативность и умение в нужный момент оказаться на острие репрессий. После массовых сокращений 1922–1924 гг., а также в результате стабильно высокой текучести кадров ВЧК-ОГПУ как в стране в целом, так и в Сибири, в частности, росла прослойка лиц, имевших опыт чекистской работы и нередко выдвигавшихся на ответственную государственную работу, особенно в судебно-прокурорской системе. Массовые вербовки привели к ситуации, когда значительная часть активного населения вела двойную жизнь, негласно осведомляя «органы» о своих знакомых и нередко являясь участниками различных провокационных комбинаций.

20-е гг. ознаменовались опытом создания небывалых в истории России по масштабу и полученным полномочиям органам безопасности. Они вооружённой рукой, не останавливаясь ни перед чем, сломали сопротивление свергнутых классов, осуществив в начале десятилетия первую грандиозную общественную чистку и затем подготовив следующую. В целом жертвами политики режима стали в 1920-е гг. сотни тысяч сибиряков, многие десятки тысяч из которых погибли. Все основные «достижения» карательной системы — политика постоянных чисток, специфический кадровый отбор и многочисленность репрессивного аппарата, массовое заагентурирование населения, крайние жестокость следствия и условий содержания арестованных, внесудебные расправы, упор на фабрикацию заговоров и «профилактическое» осуждение основной массы репрессированных за так называемую антисоветскую агитацию — перешли в 30-е гг. и получили дальнейшее развитие.

СОКРАЩЕНИЯ

ВСВО — Восточно-Сибирский военный округ

ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия

ОГПУ — Объединенное Государственное Политическое Управление
 ГПО — Государственная политическая охрана
 Губком — губернский комитет
 Губотдел — губернский отдел
 Губчека — губернская чрезвычайная комиссия
 ДВР — Дальневосточная Республика
 ЗСВО — Западно-Сибирский военный округ
 ИНФО — информационный отдел
 КК — контрольная комиссия
 КРО — контрразведывательный отдел
 ЛТО — линейный транспортный отдел
 ОДТО — отделение дорожно-транспортного отдела
 ОДТЧК — отделение дорожно-транспортной чека
 ОКТО — окружной транспортный отдел
 ОКТЧК — окружная транспортная чека
 Политбюро — политическое бюро
 ПП, полпредство — полномочное представительство
 Полпред — полномочный представитель
 ПСР — партия социалистов-революционеров
 Ревком — революционный комитет
 РТЧК — районная транспортная чрезвычайная комиссия
 Сексот — секретный сотрудник
 СНК, Совнарком — Совет Народных Комиссаров
 СОО — секретно-оперативный отдел
 Уездчека, учека — уездная чрезвычайная комиссия
 Уком — уездный комитет
 Учкпрофсоюз — участковый комитет профсоюза железнодорожников
 ЭКО — экономический отдел

ПРИМЕЧАНИЯ

1

"Неизвестная Россия. XX век". — М., 1992. С. 28.

2

См. Baberowski J. "Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus". Deutsche Verlags-Anstalt. — Munchen, 2003. S. 8-10.

3

Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. "Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс. X–XXI вв." — М., 2004.

4

Васильченко Э.А. "Партийное руководство деятельностью чекистских органов по борьбе с контрреволюцией на Дальнем Востоке. 1920–1922". — Владивосток, 1984; Романенко В.В. "В борьбе с контрреволюцией: из истории создания чрезвычайных комиссий Поволжья и Урала в 1918–1922 гг." — Саратов, 1985; Кутузов В.Л., Лепетухин В.Ф., Седов В.Ф., Степанов О.Н. "Чекисты Петрограда на страже революции". — Л., 1987.

5

Васильченко Э.А. Указ. соч. С. 40.

6

Измозик В.С. "Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах". — СПб., 1995; Плеханов А.М. "ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921-1928". — М., 2006; Катинский О.П. "Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав". — М., 2005; Зданович А.А. "Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство". — М., 2004; Петров М.Н. "ВЧК-ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России)". — Новгород, 1995, Мардамшин Р.Р. "Башкирская чрезвычайная комиссия (страницы истории)". — Уфа, 1999, Данилов А.Ю. "Местные чрезвычайные комиссии в 1918–1922 гг. (на материалах Ярославской и Рыбинской губерний)". — Ярославль, 1999, Автореф. дисс. к.и.н. — Ярославль, 1999.

7

Гладков Т.К. "Награда за верность — казнь". — М., 2000; Мозохин О.Б. "ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата". — М., 2004 и др.

8

Михеев В.И. "Основные направления деятельности органов ГПУ-ОГПУ Центрального Черноземья в 1922–1934 гг." — М., 2003; "Деятельность органов безопасности по противодействию бандитизму и повстанческим проявлениям в Центральном Черноземье в 1922–1934 годах". — М.; 2003.

9

Павлова И.В. "Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (критика «ревизионистского» подхода)" //Отечественная история 1998, № 5; Петров М.Н. "ВЧК-ГПУ..." С. 62, 76; Шишков В.Я. "Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев 1930–1954 гг." — Мурманск, 1996. С. 165, 260; Дворниченко А.Ю., Панях В.М., Покровский Н.Н. "Споры вокруг судьбы академика С.Ф. Платонова (О книге: В.С. Брачев. "Русский историк Сергей Федорович Платонов". Часть I–II. — СПб., 1995) //Отечественная история. 1998, № 3.

10

Бударин М.Е. "Были о чекистах". — Омск (издания 1968, 1976, 1987 гг.); "Верность долгу. Рассказы о чекистах". — Иркутск, 1987; "Революцией призваны: Документальные повести и очерки о чекистах Алтая". — Барнаул. 1987; "Чекисты Красноярья". — Красноярск, 1987; Жженных Л.А. "В годы грозные: Из истории Якутской губчека". — Якутск, 1980.

11

Кучемко Н.М. "Укрепление социалистической законности в Сибири в первые годы нэпа (1921–1923 гг.)" — Новосибирск, 1981; Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. "Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е — середина 1930-х гг.)" — Новосибирск, 1987; Шишкин В.И. "Создание и деятельность органов ВЧК в Сибири (конец 1919 — начало 1921 гг.)" //Великий Октябрь: проблемы истории. — М., 1987, С. 130–143.

12

Олех Г.Л. Кровные узы. РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений". — Новосибирск, 1999; Алексеев Е.Е. "Признаю виновным..." — М., 1996;

Шишкин В.И. "Красный бандитизм в советской Сибири" // Советская история: проблемы и уроки. — Новосибирск, 1992. С. 3–79; Он же: "Новониколаевская губернская чека (декабрь 1919 — апрель 1920 г.)" // Страницы истории Новосибирской области. Первая областная научно-практическая конференция краеведов. Ч.2. — Новосибирск, 1996. С. 17–21; Он же: "Секретная операция Тюменской губчека по учету кулацкого элемента (июль 1920 — апрель 1921 г.)" // Сибирская деревня: проблемы истории. — Новосибирск, 2004. С. 107–113; Он же: "Тюменский «заговор корнета Лобанова»" // История белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции, — Кемерово, 2001; Он же: "Советская карательная политика в Сибири в начале 1920-х годов" // Права человека в России: прошлое и настоящее. Сборник докладов и материалов научно-практической конференции. — Пермь, 1999. С. 10–21; Шекшеев А.П. "Органы ВЧК на территории Енисейской губернии" // Вестник института саяно-алтайской тюркологии. — Абакан, 2002. Вып. 6; Наумов И.В. "Органы государственной безопасности Иркутской губернии в 1920 — начале 1922 годов" // Силовые структуры и общество: исторический опыт взаимодействия в условиях Сибири. — Иркутск, 2003.

13

Гущин Н.Я. "«Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия". — Новосибирск, 1996; Папков С.А. "Сталинский террор в Сибири 1928–1941". — Новосибирск, 1997; Иванова Т.С. "Из истории политических репрессий в Якутии". — Новосибирск, 1998; Гришаев В.Ф. "«За чистую советскую власть...»". — Барнаул, 2001; Он же: "Невинно убиенные". — Барнаул, 2004; "Политические репрессии в Алтайском крае 1919–1965". — Барнаул, 2005.

14

Шишкин В.И. "К вопросу о роли Сибирского Крестьянского Союза в подготовке Западно-Сибирского мятежа 1921 года" // Сибирь на рубеже XIX–XX веков. — Новосибирск, 1997; "Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы)". — Новосибирск, 2004; Тепляков А.Г. "Сибирь: Процедура исполнения смертных приговоров в 1920–1930-х годах" // Голоса Сибири: литературный альманах. Вып.4. — Кемерово, 2006. С. 213–277, 799–805; Угроватов А.П. "Информационная деятельность органов безопасности (ОГПУ) Сибири в 1920-е гг." // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Сб. науч. трудов. Вып. 3. — Новосибирск, 2004. С. 80–95.

15

Петров Н.В., Скоркин К.В. "Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник". — М., 1999; Тепляков А.Г. "Портреты сибирских чекистов" // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Вып. 3. — Новосибирск, 1997. С. 68–113.

16

"Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей". Т.5. — Томск, 1999. С. 7; "Жертвы политических репрессий в Алтайском крае". Т.1. 1919–1930. — Барнаул, 1998. С. 20–21; Гришаев В.Ф. "«За чистую советскую власть...»". — Барнаул, 2001.

17

Призвание — Родине служить! — Новосибирск, 1997; Петрушин А.А. "«Мы не знаем пощады...»". — Тюмень, 1999; Бушуев В.М. "Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ". — Красноярск, 2000; "Щит и меч Кузбасса". — Кемерово, 2003; Ефремов М.А. "80 лет тайны (Власть и милиция Сибирского края 1917–1937)". — Новосибирск, 2002.

18

Штырбул А.А. "Красный бандитизм в Сибири (к вопросу об идейно-политическом

характере явления, 1920–1922 годы)" //Из прошлого Сибири. Межвузовский сб. науч. трудов. Вып. 2. Часть 2. Новосибирский гос. ун-т, 1996.

19

Шишкин В.И. "Кузнецкий «заговор» (ноябрь 1920): коллективный портрет советских деятелей уездного масштаба" //Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX вв. — Новосибирск, 1996. С. 69–80.

20

Кладова Н.В. "Следственные дела репрессированных периода формирования советской социально-политической системы: психоаналитическая интерпретация" //Политические репрессии в Алтайском крае 1919–1965. — Барнаул, 2005. С. 336, 338.

21

Исаев В.И., Угроватов А.П. "Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом (1920-е гг.)". — Новосибирск, 2006.

22

Характерно, что А.П. Угроватов в своей предыдущей работе отказывается от поисков нейтрального определения для антикоммунистических повстанческих отрядов, именуя их белыми бандами и заявляя, что «не видит смысла менять сложившуюся историческую терминологию». См. Угроватов А.П. "Красный бандитизм в Сибири (1921–1929 гг.)". — Новосибирск, 1999. С. 68.

23

Использование целого ряда фактов, ранее приведённых В.И. Шишкиным в статье 1992 г. "Красный бандитизм в советской Сибири", под видом архивных см. в: Угроватов А.П. "Красный бандитизм в Сибири..." С. 65–67, 86–87.

24

"Красная книга ВЧК". Т.1. — М., 1989; Т.2. — М., 1990; "Из истории ВЧК: Сб. документов. 1917–1921". — М., 1958; "В.И. Ленин и ВЧК: Сб. документов (1917–1922 гг.)". — М., 1987.

25

"Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник". — М., 2003; "Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936". — М., 2003; "Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД". — М., 1998–2005.

26

Шишкин В.И. (сост.) "Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году". — Новосибирск, 1997; Шишкин В.И. (сост.) "За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии 1921". — Новосибирск, 2000; Он же. "Енисейская губернская чека в 1920 года: дела и нравы" //Гуманитарные науки в Сибири. № 2. — Новосибирск, 1994. С. 47–54; Он же: "«Общеленский контрреволюционный заговор»: мифы и дела якутских чекистов" //Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. — Новосибирск. 1995, № 1. С. 65–73; "Социально-экономическое и политическое развитие Сибири в документах правоохранительных органов. Сб. документов" /Сост. В.И. Исаев, А.П. Угроватов. — Новосибирск, 2004; "Ссылка в 20-е годы". Публ. С.А. Красильникова //Минувшее:

Исторический альманах. Вып 21. — СПб., 1997. С. 175–239; Савин Л.И. (сост.) "Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы". — Новосибирск, 2004; "Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920-1980-е годы. Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избр. документы" / Сост., вступительная статья и комм. А.И. Савина. — Новосибирск-СПб., 2006; Тепляков А.Г. "Дневник чекиста Семёнова, или Голгофа воинствующего троцкиста и безбожника" //Голоса Сибири: литературный альманах. Вып. 4. — Кемерово, 2006. С. 335–366, 805–809.

27

Исаев В.И., Угроватов А.П. "Правоохранительные органы Сибири..." С. 149.

28

Леонов С.В. "Создание ВЧК: Новый взгляд" //Исторические чтения на Лубянке, 1998 год. "Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века — 1922 год" — М. — Великий Новгород, 1999. С. 69–74, "В.И. Ленин и ВЧК". — М., 1987. С. 19–22; Ленин В.И. "Полн. собр. соч." Т.28. С. 150–151.

29

Измозик В.С. "Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах". — СПб., 1995. С. 30–31; "Политические деятели России 1917: Биографический словарь". — М., 1993. С.109.

30

"Борцы за власть Советов". Вып. 1. -Томск, 1959. С. 113–128; ГАНО Ф п-17. ОпЛ. Д.4. Л.37. РГАСПИ. Ф.372. Оп.1. Д.403. Л. 19–20; "Воспоминания о революционном Новониколаевске". — Новосибирск, 1959. С. 55–68.

31

"Верность долгу. Рассказы о чекистах". — Иркутск, 1987 С. 5, 6

32

"Чекисты Красноярья". — Красноярск, 1987. С.8; ГАРФ. Ф.393 Оп. 3. Д.356 (сведения К. В. Скоркина); "В.И. Ленин и ВЧК..." С. 184, 192–193, 234; Зданович А.А. "Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство". — М, 2004. С. 228

33

Жженых Л.А. "В годы грозные: Из истории Якутской губчека" — Якутск, 198 °С.34. ГАНО. Ф. п-1 Оп.2. Д.84. Л.1–3.

34

"Дело революции (Новониколаевск)". 1920, 16 июня; "Сибирское бюро ЦК РКП(б) 1918–1920 гг. Сб. документов". ч.1. — Новосибирск, 1978. С. 192–200.

35

ГАНО Ф.1349 Оп.1. Д.396. Л.201–257. Для сравнения можно отметить, что в августе 1920 г. по 19 волостям Бийского уезда числилось сожжёнными 552 дома и 1 560 усадебных пристроек, а по 31 волости насчитывалось 5.404 пострадавших от белых хозяйства См. "Известия Бийского исполкома уездного совета и уездного бюро РКП(б)". 1920, 12 авг.

36

Папков С.А. "Черепановский район. Очерки истории". — Новосибирск, 1999 С. 18, 20; Сибирский коммунист. 1920, 22 янв. С.4; Наумов И.В. "Органы государственной безопасности Иркутской губернии в 1920 — начале 1922 годов" //Силовые структуры и общество: исторический опыт взаимодействия в условиях Сибири. — Иркутск, 2003.

37

"Сибирская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД". Том 1. 1918–1922. Документы и материалы. — М, 1998. С 257; Зазубрин В.Я. "Общежитие". — Новосибирск, 1990. С 405, 408–410; Шишкин В.И. "Красный бандитизм в советской Сибири" //Советская история. Проблемы и уроки. — Новосибирск, 1992 С 12.

38

Архив УФСБ по НСО. Д. п-12265. Л.61–89; "Партизанское и повстанческое движение в Причумышье 1918–1922 гг. Документы и материалы". — Барнаул, 1999 С. 125; "Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии 1917–1922. Хрестоматия" — Барнаул, 2001. С. 165, 289–293; Гришаев В.Ф. "За чистую советскую власть..." — Барнаул, 2001. С. 27; Он же. "Невинно убиенные". — Барнаул, 2004. С. 184–195.

39

Исаев В.В. "Малоизвестные страницы гражданской войны на Алтае — «чарышская трагедия»" //Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири' Четвертые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Сб. науч. трудов Кн. 2. — Барнаул, 2003. С. 309–312; "Политические репрессии в Алтайском крае 1919–1965". — Барнаул, 2005. С.284; ГАНО. Ф. п-6. Оп.1. Д.965. Л.61.

40

ГАНО. Ф. п-2. Оп.2. Д.99, Л.23 об. — 25.

41

Сибиряков Н.С. "Конец Забайкальского казачьего войска" //Минувшее. Исторический альманах. Вып.1. — М., 1990. С. 208–210, 215, 238, 251–252; ГАРФ. Ф.374. Оп.27. Д 487. Л.171–172; Словинский Д. "Николаевские дни" //Новое время. 2003, 22 июня.

42

ГАНО. Ф.1. Оп.1. Д.210. Л.140.

43

ОСД УАДААК. Ф. р-2. Оп.7. Д. п-5215. Т.5. Л.12, 22, 130–137; Архив УФСБ по Оренбургской обл. Служебная карточка на С.М. Буду от 4.5.1934 (сведения А.А. Папчинского и М.А. Тумшиса); ЦХАФАК. Ф. п-2. Оп.9. Д.37. Л.4; ГАНО. Ф. п-1. Оп.7. Д.49, Л.292–292 об.; Оп.9. Д.46. Л. 12.

44

ГАНО. Ф 1 Оп.1. Д 210. Л 172; Ф п-1 Оп 8. Д 294. Л 1–2; ОСД УАДААК Ф р-2 Оп 7. Д. п-12153 Т 2 Л.196 Д. п-317. Л.142; Оп 6. Д. п-21. Л.5 Д. п-305. VI.2.

45

ГАОН Ф п-1 Оп 2 Д 134. Л 19–19 об.

46

"Жертвы политических репрессий в Алтайском крае". Т.1. — Барнаул, 1998. С.34; ГАОН Ф.1. Оп.1 Д.45. Л.210

47

ГАОН Ф.1350 Оп.1. Д.17 Л.52; Ф 1349 Оп.1. Д.123 Л.66 об, 68.

48

ЦДНИТО Ф.6. Оп.1. Д.39. Л.10 об — И Д.8. Л.22: Шекшеев А.П. "Органы ВЧК на территории Енисейской губернии" //Вестник института саяно-алтайской тюркологии. — Абакан, 2002 Вып. 6. СИ 1,120; Жженовых Л.А. "В годы грозные..." С. 36, 44

49

Архив УФСБ по НСО. Д. п-20901. Л.50. Будучи прапорщиком, Гоманов в период краха колчаковской власти подговорил команду перебить офицеров и возглавил бронепоезд «Степняк», получивший имя партизана Коляде. Весной 1920 г. во главе коммунистического отряда он участвовал в подавлении «контрреволюционных выступлений» в Алексеевской, Дубровинской и Чаусской волостях Новониколаевского уезда Томской губернии, характеризуясь как незаменимый работник. Однако, уличенный в самовольных обысках, грабежах и пьянстве, Гоманов в декабре 1920 г. был арестован чекистами и в марте 1921 г. расстрелян, причём ему также предъявлялись обвинения в жестоком обращении с солдатами при белой власти и участие в колчаковских карательных экспедициях; несостоятельность последних обвинений послужила основанием для полной реабилитации Гоманова в 2001 г. Там же. Л. 12, 14–17,34,61,66,67.

50

Бударин М.Е. "Были о чекистах". — Омск, 1976. С. 63–64; "Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области". Т.3 — Омск, 2001. С 367, 368.

51

Ежегодник Тюменского обл. краеведческого музея. — Тюмень, 1999 С 66,71–73, ГАОН. Ф.1. ОпЛ, Д. 12а. Л.15.

52

ГАОН. ФЛ ОпЛ. Д.28 Л.45, 58, 76; Ленинское знамя (Петропавловск). № 253, 1967,20 дек. С 2–3; ГАОН. ФЛ. Оп.2а. Д.2. Л.13–16 об, 16,18.

53

ГАОН. Ф. п-1. Оп.1. Д.840. Л. 14.

54

Там же. Ф.1. Оп.1. Д.237. Л.2; Шишкин В.И. "Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 — март 1921 гг.)". — Новосибирск, 1978. С. 18; "Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991". Справочник. — М., 2003, С.18; "В.И. Ленин и ВЧК..." С.232; ГАОН. ФЛ. Оп.2а. ДЛ (без пагинации).

55

"В.И. Ленин и ВЧК..." С.264; ГАНО. ФЛ. ОпЛ. Д.239. Л97. Д.237. Л29. Д 139. Л.2.

56

Архив УФСБ по НСО. Д. п-18124. Д. п-20843. Допросив 31 декабря 1919 г. в Новониколаевске одного из арестованных, у которого при обыске не было обнаружено ни одного документа, Тубала сделал вывод, что тот особенно опасен как хитрый враг, заблаговременно уничтоживший все улики. Архив УФСБ по НСО. Д. п-20897 Л.8.

57

ГАРФ. Ф.130 Оп.4. Д.499 Л.526 (документ предоставлен А.И. Савиным); "В.И. Ленин и ВЧК..." С.265.

58

"Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов". — М, 2002. С. 858–859,922; "Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920". — М., 2003 С. 16, 18,452

59

В литературе указывается, что Уралов был первым полпредом ВЧК в Сибири (см. "В.И. Ленин и ВЧК..." С.612), но это неверно. Ошибочным является и мнение (см. Исаев С.М., Угроватов Л.П. "Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом (1920-е гг.)". — Новосибирск, 2006. С 80). что до апреля 1920 г. в Сибири отсутствовал единый орган по борьбе с контрреволюцией.

60

ГАНО. ФЛ. Оп.2а. Д.2. Л. 13–15.

61

Олех Г.Л. "Кровные узы. РКП(б) и ЧК-ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений". — Новосибирск, 1999 С. 80–82, ЦДНИОО ФЛ. Оп.4 Д.297. Л.120-121

62

Ларьков Н.С. "Он возглавлял Гулаг" //Красное знамя (Томск). 1990, 21–22 июля; ОСД УАДААК. Ф. р-2 Ощб. Д. п-39. Л. 8, 20. Д. п-192. ЛЛ, 37, 45,53, 58. Д. п-21. S12S; Жженок Л.А. "В годы грозные..." С.45.

63

РГАСПИ. Ф.17... 0Л.9. Д 2780; ГАНО. ФЛ ОпЛ. Д194. Л.4, 94 об., 160; ГАРФ. Ф.374. Оп.27. Д.489. Л.108

64

ЦДНИТО. Ф.1. Оп.1. Д.845. Л.45; Ф.6. Оп.1. Д.82. Л.27–28 об.

65

ГАНО. Ф. п-1. Оп.2. Д.85. Л.1; Оп.9. Д.30. Л.12; Ф. п-16 Оп.1. Д.76. Л.359 об. — 360,409,411.

Д.1. Л.4,21 об, 24,27, 169–169 об

66

Шекшеев А.П. Указ. соч. С.111; "Щит и меч Кузбасса". — Кемерово, 2003. С.66.

67

ГАНО. Ф. п-30 Оп.1. Д.1. Л.41–41 об.; ЦДНИТО. Ф.1. Оп.1. Д.4. Л. 146, 231,298 Д.5. Л.22.

68

ГАНО. Ф п-30. Оп.1. Д.1. Л.28, 55,66–69 об, 91, 103. Д 2. Л. 16–16 об., 88 об

69

Там же. Ф п-1. Оп.1. Д. 125 Л.31 об.; Оп.2. Д. 1 Л.305; Ф. 1. Оп.1; Д 186. Л 75 об, 79 об, 91; Шекшеев А.П. Указ. соч. С. НО.

70

ГАНО. Ф.1. Оп.1. Д.210 Л.140,141 об, 172 Д.186. Л.75 об, 79 об. Д.194. Л.97 об 98; Шишкин В.И. (сост.) "Сибирская Вандея". — Новосибирск, 1997. С.364; Шекшеев А.П. Указ. соч. С. 117.

71

ГАНО. Ф. п-1 Оп.1. Д 148 Л 8 Д 132 Л. 3, 15.

72

Архив УФСБ по НСО Д п-17933. Л 49 об., 54; ЦХАФАК Ф п-37. Оп.1. Д.29. Л.19, 20; Угреватов А.П. "Красный бандитизм в Сибири (1921–1929 гг.)". — Новосибирск, 1999 С.96.

73

ГАНО. Ф п-1 Оп.9. Д 15а. Л.6, Шишкин В.И. "Советская карательная политика в Сибири в начале 1920-х годов" //Права человека в России: прошлое и настоящее. Сб. докладов и материалов научно-практич. конф. — Пермь, 1999. С. 10–21; "Сибирская Вандея..." С. 364, 383.

74

Красное знамя (Новониколаевск). 1920, 29 февр.; Архив УФСБ по НСО Д п-20885. Л.31,102

75

"Сибирская Вандея..." С.356, 198.

76

Катинский О.И. "Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав". — М, 2005. С.107; ГАНО. Ф.1. Оп.1. Д.2264. Л 200.

77

ГАНО. Ф I Оп.1. Д. 141 Л. 102; Шишкин В.И. "Новониколаевская губернская чека (декабрь 1919 — апрель 1920 г.)" //Страницы истории Новосибирской области. Первая обл. научно-практич. конференция краеведов. 4 2 — Новосибирск. 1996. С.20.

78

Цит по: Николаев П.Ф. "Советская милиция Сибири (1917–1922)". — Омск, 1967. С. 133.

79

Шекшеев А.П. Указ. соч. С. 112; Наумов И.В. Указ соч.; ЦДНИТО. Ф 1 Оп.1 Д697 Л.2–2 об.; ГАНО Ф п-1. Оп.7. Д.25. Л.85 Д 17. Л.216–233.

80

Наумов И.В. Указ соч.; Олех Г.Л. "Кровные узы..." С. 10; ГАНО. Ф п-1 Оп.2. Д.58, Л.7 об.

81

ГАНО. Ф. п-10 Оп.1. Д 102. Л.67. Д.81. Л.26; ЦДНИТО. Ф I. Оп.I. Д.757. Л.47.

82

ГАНО. Ф. п-10. Оп.1. Д.80. Л.38. Д 81. Л.42,45 Д 95. Л.39,72,18.

83

ГАОО. Ф. р-950. Оп.2. Д.1. Л.1–7. Эти цифры соответствуют приведённой М.Н. Петровым численности (для осени 1919 г.) оперработников Петроградской ЧК: 65 оперативников, включая 28 следователей, 19 комиссаров и 12 разведчиков. В рядовой Псковской губчека тогда же насчитывалось 95 сотрудников, из которых половина относилась к оперсоставу См.: Петров М.Н. "ВЧК-ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России)". — Новгород, 1995. С. 50–51.

84

ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп.1. Д.276. Л.127; "Лубянка..." С.366.

85

ГАНО. Ф.1. Оп.1. Д.2264. Л.196; ЦДНИТО Ф.1. Оп.1. Д.5. Л.232–233,409.

86

ГАНО. Ф. п-36 Оп.1. Д.29. Л.5-14. Д.89 Л.2? Ф. п-29. Оп.1. Д.1031. Л.66 об.

87

Там же Ф п-1. Оп.9. Д.15а. Л 263–264,267; Оп 2. Д.245. Л.237–240.

88

Наумов И.В. Указ соч.; Цит по: Исаев В.И., Угроватов А.П. "Правоохранительные органы Сибири..." С. 130.

89

ГАНО. Ф. п-1. Оп.9. Д.48. Л.25 об. Д.51. Л.240–240 об; Ф. п-6 Оп.1. Д. 190. Л 119-121

90

Тепляков А.Г. "Ошибка резидента" //Родина. 2001, № 9.

91

ГАНО. Ф. п-11а. Оп.1. Д.88. Л. 12,89,118.

92

Там же. Ф. п-10. Оп.1. Д.86. Л.52; ф. п-11а. Оп.1. Д 88 Л 12–13, 74, 112; ГАЧО, Ф. р-1650. Оп.1. ДЛ. Л.4.

93

"В огне революционных битв". — Томск, 1964 С 146, 161, 194–196; ГАНО Ф. п-11а. Оп.1. Д.88. Л Л 2,57; ЦДНИТО. ФЛ. ОпЛ. Д.697. Л.2 об. Д.4. Л.269.

94

ЦДНИТО ФЛ. Оп.1. Д.4. Л 388 Д.698 Л.134; ГАРФ. Ф.374. Оп.27. Д489 Л.77. Д383. Л.152;РГАСПИ. Ф.17.0п.8 Д.50. Л.159, 160; Оп.9. Д.3709 Л 138 об.

95

"В огне..." С. 105–107, 141, 173–179, 180–184; ГАНО. Ф. п-11а. ОпЛ. Д159. Л.2 об.; ФЛ. ОпЛ. Д.201. Л 87; ЦДНИТО. ФЛ. ОпЛ. Д.5. Л.5,37,92 об.

96

ЦХАФАК Ф. п-2. Оп. Л Д.654. Л.13; ГАНО Ф. п-2 Оп.6. Д.1026 (л. д.); РГАЭ. Ф.8543. Оп.9. Д.836 (л. д.).

97

ЦДНИТО. Ф.1. Оп.1. Д.697. Л. 1–2; Евреи занимали руководящие посты только в отдельных губчека (долго сидели на руководящих постах Берман и Чудновский, а Альперович, Коган, Пупко, Хотимский, Фридман оказались достаточно случайными фигурами). Немного было евреев в руководстве Алтгубчека, Омгубчека и Тюмгубчека. Начальствующий состав руководства полпредства ВЧК до 1923 г. был преимущественно русским, появление Б.А. Бака в ранге заместителя полпреда и Г.Б. Запрудского в роли начальника СибОКТО ОГПУ не могло принципиально изменить национального состава полпредства. Процент евреев на оперативных должностях в целом выглядел скромно. По выборке из 400 сибирских оперативников периода 1920–1925 гг. евреев насчитывается 30 чел, из них половина занимала руководящие должности: от заведующего политбюро и начальника отдела в губчека либо губотделе ОГПУ. Прибалтийская прослойка была заметней: латышей — 39 чел, литовцев — 3, эстонцев — 2. Украинцев и белорусов было по 11, поляков — 6, немцев — 7, венгров — 2, армянин — 1.

98

Алексеев Е.Е. "Признаю виновным..." М, 1996. С.13; Николаев И., Ушницкий. "Центральное дело". — Якутск, 1990. С. 93–94.

99

Соловьев А.В. "Тревожные будни забайкальской контрразведки". — М., 2002. С. 59–72; ГАНО. Ф. п-1. Оп.7. Д.24. Л.18; Ф. п-16. Оп. Л. Д.6. Л.136, 143. Д.57. Л.87 об. Д71. ЛЛ. 06,119.

100

Гавриленко В.К. "Казнь прокурора". — Абакан, 2001 С.203, 229, ЦДНИТО. ФЛ. ОпЛ Д.698. Л 134; Бударин М.Е. "Были о чекистах". С. 37–47; ГАНО. Ф. п-1. Оп.9. Д.51. Л.200 об.

101

ГАНО Ф. п-2. Оп 2. Д 99. Л.30 об.; ГА Приморского края. Ф.1588 Оп.1, Д ПУ-15062. Л 1-28 (сведения К.В. Скоркина); РГАНИ. Ф.6. ОпЛ. Д 297. Л.68

102

ГАНО Ф, п-36. Оп. Л. Д.66. Л.34–37 об. Д69. Л.279–281 об.; Ф. п-1 Ia. Оп.1. Д.227. Л.2.

103

Сменяемость руководителей уездных чрезвычайек была также очень высокой, среди них оказалось немало случайных людей, быстро промелькнувших и не оставивших внятного следа в доступных документах. Характерно, что и из рядовых чекистов призыва 1920 г. основная часть вскоре покинула «органы».

104

ГАНО. ФЛ. ОпЛ. Д. 186. Л.79 об, 90 об. — 91 об.; Ф. п-1 ОпЛ. Д.125. Л 52 об.

105

Шишкин В.И. "Секретная операция Тюменской губчека по учету кулацкого элемента (июль 1920 — апрель 1921 г.)" //Сибирская деревня: проблемы истории. — Новосибирск, 2004. С. 108–110.

106

ЦДНИТО. ФЛ. ОпЛ. Д 4. Л.388; Санин А.И. (сост.) "Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг Документы и материалы". — Новосибирск, 2004. С.39.

107

Измозик В.С. "Глаза и уши режима..." С.74; ГАРФ. Ф.374. Оп.27. Д.489. Л.91, ГАНО. Ф. п-10. Оп.1. Д.197. Л.36. Д.970. Л.62.

108

ГАНО. Ф.п-16 Оп.1. Д37. Л3. Д.46. Л.307, 308. Д.71. Л.90–91 об.; Ф. п-122. Оп.1. Д.5. Л.7; Олех Г.Л. "Кровные узы...", С.67.

109

Олех Г.Л. "Кровные узы...", С. 65–66, ГАНО. Ф. п-1. Оп.2. Д.24. Л.28; ЦДНИТО Ф 1.0п.1. Д.4. Л.95.

110

ГАНО. Ф. п-1. Оп.1. Д125. Л 73 об. — 74; Ф. п-17 Оп.1. Д.5. Л.31.

111

Петров М.Н. "ВЧК-ОГПУ...", С. 59–60.

112

ЦХАФАК Ф п-5. Оп.2. Д.62. Л.15 об.

113

Архив УФСБ по НСО. Д. п-2853. Л.111–112; ОСД УАДААК Ф р-2. Оп.7. Д. п-5215. Т,2, Л.82. Т.5. Л. 12,22,130–137; Гришаев В.Ф. "Дважды убитые" — Барнаул, 1999 С.42.

114

Угреватое А.П. "Красный бандитизм...", С.80; РГАСПИ Ф 372 Оп.1. Д.394. Л.72.

115

ГАНО Ф. п-1, ОпД. Д.221. Л.5-13.

116

Агабекое Г.С. "Секретный террор: Записки разведчика". — М, 1996 С. 51–53, Ларьков П.С, Чернова И.В., Войтович А.В. "Двести лет на страже порядка". — Томск, 2002. С.261; raichael.genealogia.ru/itskov.htm; ТОЦДНИ Ф.1. Оп.1. Д.216. Л.154 об. — 155 Д.276. Л.51; ГАНО. Ф п-1. Оп. 3. Д.13. Л.5.

117

ГАНО. Ф. п-1. Оп.7. Д.15. Л.1; Оп. 3. Д.23. Л.52 об.

118

Там же Ф.1096. Оп.1. Д.388. Л.1-74; Тепляков А.Г. "Сексотка Люба" //Родина. 2000, № 9. С. 72–73.

119

ГАИО Ф р-157. Оп. 3. Д.9171 Л.11 (сведения С.И. Кузнецова, эл. публ.).

120

Петров М.Н. "ВЧК-ОГПУ..." С 61,92.

121

Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьев В. "ЧК-ГПУ-НКВД в Україні. Особи, факти, документи" — Київ, 1997. С.206.

122

Шекшеев А.П. Указ. соч. С.117; "Забвению не подлежит..." Т.8. — Омск, 2003 С 196; "В.И. Ленин и ВЧК..." С.519, 520, 527,556.

123

Наумов И.В. Указ. соч.; "Призвание — Родине служить!" — Новосибирск, 1997 С.27.

124

Юзефович Л. "Самодержец пустыни". — М, 1993. С. 190, 234; Бушуев В.М. "Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ". — Красноярск, 2000. С. 29–30; Наумов И.В. Указ. соч.

125

"Дело революции". 1920, 27 апр. С.2.

126

Новониколаевская учека в ответ на телеграмму комиссара Томского почтово-телеграфного округа от 26 апреля 1921 г. сообщала, что 17 служащих его ведомства были в период с 20 января по 2 февраля арестованы как «члены подпольной белогвардейской организации». ГАНО. Ф. 151. Оп.1а. Д.23. Л 56. 58

127

ГАНО. Ф 1. Оп.1. Д.2263. Л 66 об. Д 61а. Л 13, 55 об.; Ф. п-1. Оп.1. Д 166. Л 12, 16 об.: Шишкин В.И. (сост.) "За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии 1921". — Новосибирск, 200. С.666

128

ГАНО. Ф. п-1. Оп.2. Д.431. Л.4. Д.134. Л.19–19 об.; Шишкин В.И. "Енисейская губернская чека в 1920 году: дела и нравы"//Гуманитарные науки в Сибири. № 2. — Новосибирск, 1994. С. 48–53.

120

ЦХАФАК. Ф. р-9. Оп.1. Д.5. Л.39; ГАНО. Ф. п-1. Оп.1. Д.271. Л.39 об.

130

Степная правда (Славгород). 1927, 17 дек. С.2; Шишкин В.И. "Красный бандитизм в советской Сибири..." С 24; "Власть и интеллигенция в сибирской провинции (конец 1919–1925 гг.). Сб. документов". — Новосибирск, 1996. С324; ГАНО Ф. п-1... Оп.9, д 15а. Л.266.

131

ГАНО Ф. п-1 Оп2. Д.134. Л.17; ф. п-30. Оп.1. Д.2 Л. 157 об.; Олех Г.Л. "Кровные узы..." С. 88–90.

132

Скрипин В.Г. "Гражданская война в Якутии. ЧК в Якутии". 2002, № 43. С. 12–13.

133

ГАНО. Ф.1349. Оп.1. Д.300. Л.39,41 об, 74, Ф. п-1 Оп. 3. Д.13. Л.3; Оп.7. Д.35. Л.Д7.

134

Там же. Ф.1. Оп>1. Д.53а. Л.194. Д.196.,^7,48, Ф. п-1. Оп.2. Д.355. Л.290,415; Наумов И.В. Указ. соч.

135

ГАНО. Ф 1349 Оп.1. Д.300. Л 100об; Ф Л Оп.1. Д.222 Л.118; Ф п-1 Оп2 Д 95. Л 4 об,

136

Там же. Ф п-1. Оп.1. Д 139. Л.39; Ф. п-11. Оп.1. Д.74. Л.31. Д.233. Л.20об, 28об, 46об; Олех Г.Л. "Кровные узы..." С.79.

137

Олех Г.Л. "Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование". — Новосибирск, 1995. С.33.

138

ГАНО ФЛ. Оп.1. Д. Зоба. Л 128, Ф. п-1. Оп.1. Д.331. Л.51

139

Там же. Ф. п-1 Оп2 Д.40. Л. 16. Д.233. ЛЛ; Ф. п-10. ОпЛ. Д.86. Л 52.

140

Олех Г.Л. "Кровные узы..." С II, 73, 87; ГАНО Ф. п-17. ОпЛ. Д.5. Л.133; ФЛ. ОпЛ Д.61а. Л.13, 55 об.

141

ЦХАФАК. Ф р-9. ОпЛ. Д.5. Л.52; ГАНО. Ф. п-1. ОпЛ. Д. 149. Л.39.

142

ГАНО. Ф. п-1. Оп.1. Д.143. Л.27; ФЛ. Оп.2. Д.102. Л.7.

143

ЦДНИОО. ФЛ Оп.2. Д.48. Л.60–61 об.; ГАНО. Ф. п-11а Оп.1. Д.45 Л.1–1 об. Ф. п-1204. Оп.1. Д.Л. Л.4,5.

144

Шишкин В.И. "«Общеленский контрреволюционный заговор»: мифы и дела якутских чекистов" //Гуманитарные науки в Сибири Серия: Отечественная история — Новосибирск, 1995. № 1. С.72; Тепляков А.Г. "Красный бандитизм" //Родина. 2000, № 4. С.88; Он же: "Портреты сибирских чекистов" //Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Вып. 3. — Новосибирск, 1997. С.71. Что касается членов коллегии Иркутской чека А.Н. Сперанского и Л.Я. Герштейна, то они стали жертвами преследований в отношении ПСР и в конце концов оказались фигурантами процесса эсеров 1922 г.

145

Шишкин В.И. "Енисейская губернская чека..." С.45–53; Олех Г.Л. "Кровные узы..." С. 74–78; Плеханов А.М. "ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. — М, 2006. С.204; Угроватов А.П. "Красный бандитизм..." С.98; ГАНО. Ф. п-11. Оп.1 Д 83 Л.7.

146

Шишкин В.И. "Кузнецкий «заговор» (ноябрь 1920): коллективный портрет советских деятелей уездного масштаба" //Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX ее — Новосибирск, 1996. С. 69–80; ГАНО Ф п-1 Оп.7. Д 12 Л 60, ЦХАФАК. Ф.п-2. ОпЛ. Д Л 66. Л.99

147

РГАСПИ Ф.17. Оп.9. Д.2726 Л 129 об, Молот (Ростов) № 3516, 1933,27 февр.; ГАНО. Ф. п-17 ОпЛ. Д.84. Л.2.

148

ГАНО Ф. п-1. Оп.2. ДЛ7. Л.21. Д 94. Л.6; "Сибирская Вандея..." С. 696–699.

149

ГАНО. Ф. п-1. Оп.9. Д.15а. Л.24–25; Оп.1. Д.135 Л.38,47; ГАРФ Ф 393. Оп.68. Д 31; РГАСПИ. Ф 613. ОпЛ. Д.47 (сведения К.В. Скоркина).

150

Олех Г.Л. "Кровные узы..." С. 10; ГАНО. Ф. п-1. Оп.2. Д.40. ЛЛ09 об. — ПО; Оп. Л. Д.136. Л.2-3

151

РГАСПИ Ф.372. Оп.1. ДЛ 185 Л.15 об.; ГАНО Ф п-1. Оп. 3. Д.23. Л.106

152

ЦДНИТО. ФЛ. ОпЛ. Д.4. Л.291; ГАНО Ф. п-1. ОпЛ. Д.139 Л.11. Д.140. Л.6, 12,14 об, 17 об.

153

Шишкин В.И. "Новониколаевская губернская чека..." С Л 9; "Забвению не подлежит..." Т.5. — Омск, 2002. С 238; Архив УФСБ по НСО. Д. п-20865 Л.1-147; ЦДНИТО. Ф. 1 ОпЛ. Д.4. Л.92–92 об.; "Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей" Т.5. — Томск, 1999 С.124; ГАНО. ФЛ146. ОпЛ. Д 25. Л.244–246.

154

"Боль людская..." Т.4. — Томск, 1994. С.31, 32, 34, 70, 187, 200; "Забвению не подлежит..." Т2 — Омск, 2001. С.353; Т.6. — Омск, 2003. С 174; Т.7. — Омск, 2003. С. 61–62

155

"Забвению не подлежит..." Т.4. — Омск, 2001. СЛ06, 174,251,324,378; Красноярский рабочий. 1921,5 мая; Олех Г.Л. "Партийная машина..." С Л14

156

См. Скрипт В.Г. "Ложные кумиры". — Якутск, 2003; "Сибирская Вандея..." С.545, 371; ГАНО Ф. п-1. Оп.7. Д.28. Л.28.

157

"Забвению не подлежит..." Т.9. — Омск, 2003. С. 162; ГАНО. Ф. п-1. Оп.1. Д.840. Д212.462.463; Оп.2 Д.17. Л.12

158

"Из истории ВЧК. Сб. документов". — М, 1958. С.246; Дело революции. 1920, 4 июня; Степная правда (Семипалатинск). 1920, 30 марта; Советская Сибирь. 1920, 12 июня; Красный Алтай (Барнаул). 1921, 26 февр.; Наумов И.В. Указ. соч.

159

ЦЦНИТО. Ф.1. Оп.1. Д.4. Л. 138–138 об, 146; Знамя революции (Томск). 1920, 18 нояб, ГАНО Ф. п-1 Оп.2. Д.504. Л.47; Оп.7. Д.32. Л.58 об.

160

ЦДНИТО. Ф.1. Оп.1. Д.5. Л.146–146 об, ГАНО. Ф. п-1. Оп.7. Д.18. Л.17 об. Д.46. Л.552. Д.24 Л.62

161

Тепляков А.Г. "Портреты сибирских чекистов..." С.73; ГАНО. Ф. п-1 Оп.1. Д.140. Л.12; Оп.7. Д.18. Л.4 об, Ф. п-10 Оп.1. Д.960. Л.45 об.

162

См.: Шекшеев А.П. Указ. соч. С. 117–118; Данилов А.Ю. "Местные чрезвычайные комиссии в 1918–1922 гг (на материалах Ярославской и Рыбинской губ.)". Автореф дисс: к.и.н. — Ярославль, 1999. С.21; ГАНО Ф. п-1. Оп.1. Д.140. Л.3.

163

Архив УФСБ по НСО Д. п-20865. Л.136; ГАРФ. Ф.374. Оп.27. Д.489. Л.201 об. — 202; ЦДНИОО. Ф.1. Оп.2. Д.260. Л.43.

164

ГАНО. Ф.1. Оп.1. Д.222 Л.21; Ф. п-1. Оп.1. Д.250. Л.43, Оп.2. Д.78, Красное знамя. 1920,25 марта. С. 2–3.

165

Шишкин В.И. "Западносибирский мятеж 1921 года: обстоятельства и причины возникновения" //Социокультурное развитие Сибири (XVII–XX века): Бахрушинские чтения 1996 г. Межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск, 1998. С. 95–99; "Сибирская Вандея..." С. 5, 701,702,706; ГАНО. Ф п-1. Оп.9. Д. 15а. Л.97

166

Красное знамя 1920, 15 февр; ГАНО Ф.1. Оп.1. Д.211. Л. 167–167 об.

167

"Книга памяти жертв политических репрессий по Новосибирской области". Вып. 1. — Новосибирск, 2005. С. 156, 115; Шишкин В.И. "Енисейская губернская чека..." С. 48–53

168

ОСД УАДААК. Ф. р-2. Оп.6. Д. п-237 Л. 17, 49; "Жертвы политических репрессий в Алтайском крае". Т.1. 1919–1930. — Барнаул, 1998. Т.1. С.382; Жженных Л.А. "В годы
file:///media/merykael/media/library/khpg/%D0%A2%D0%B5%D0%BF%D0%BB%D1%8F%D0%BA%D0%BE%D0%B2_-_%C2%A... 147/168

грозовые..." С.35; Алексеев Е.Е. "Признаю виновным..." — М, 1996. С.8; ГАНО. Ф. п-1 ОП.2. Д.412. Л.37.

169

"Белая Сибирь". — Кемерово, 2001. С.187; Шекшеев А.П. Указ. соч. С.120; Архив УФСБ по НСО. Д. п-20897. Л.1.

170

Архив УФСБ по НСО. Д. п-17933, п-18199; Красное знамя. 1920, 10 янв С.4; 2 марта. С.3.

171

"Процесс над колчаковскими министрами..." С. 5–7.

172

ОСД УАДААК. Ф. р-2. Оп.6. Д.318; ГАНО. Ф. п-1. Оп 2 Д.1. Л.223.

173

ОСД УАДААК. Ф. р-2. Оп.6. Д.318. Л.154, 163, 188,264.

174

ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.226 Л 1-125: Ф. п-1. Оп.2. Д.355. Л.170.

175

Там же Ф п-11а. Оп.1. Д.74. Л.1,5,6; Архив УФСБ по НСО. Д. п-20900.

176

ГАНО. Ф. п-1 Оп.2. Д 412. Л.15; Шишкин В.И. "Енисейская губернская чека..." С.51; "Забвению не подлежит..." Т.1. — Омск, 2000. С. 412–414; Архив УФСБ по НСО. Д. п-17933. Л.55. Д. п-17996. Л.54 и др.; Мозохин О.Б. "Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953)" — Жуковский-М, 2006. С.38.

177

ГАНО Ф. п-1. Оп. 3. Д.23. Л.120; Оп.9. Д.15а. Л.91–92; "Забвению не подлежит..." Т.9. — Омск, 2003 С.227

178

"Новосибирск. 100 лет. События. Люди". — Новосибирск, 1993. С.120; Красное знамя. 1920,3 янв, 2 марта. С. 3; 18 марта. С.2.

179

Шишкин В.И. "Гражданская война в Сибири (1920 г.)" //Сибирь в период гражданской войны. — Кемерово, 1995. С. 135–139.

180

РГАСПИ. Ф.17. Оп.112 Д.167. Л.90; ТОЦДНИ Ф.1. Оп.1. Д.276. Л.35 об.. 54 об. Д.363. Л.327.

181

"Сибирская Вандея" С. 503, 529,545–550.

182

"Щит и меч Кузбасса". — Кемерово, 2003. С.70.

183

Бударин М.Е. "Были о чекистах..." С. 221–224; Петрушин А.А. "Мы не знаем пощады..." С. 33–34; Наумов И.В. Указ. соч.

184

"Сибирская Вандея..." С.38; "За советы без коммунистов..." С.203.

185

Шишкин В.И. "Гражданская война в Сибири..." С. 135–139: Наумов И.В. Указ. соч.

186

Сибирская Вандея... С. 300, 302

187

Шишкин В.И. "Советская карательная политика..." С. 10–17

188

ГАНО Ф.1. Оп.1. Д.222. Л.95, 148. Д.53а. Л.183; "Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД". Том 1. 1918–1922. Документы и материалы. — М., 1998. С.258.

189

ГАНО. Ф.1349 Оп.1. Д.131. Л.39–40, 73, Ф. п-1. Оп. 3. Д.13. Л.84; Ефремов М.А. "80 лет тайны (Власть и милиция Сибирского края 1917–1937)". — Новосибирск, 2002. С. 97, 102,133; Олех Г.Л. "Кровные узы..." С.99.

190

Известия Бийского исполкома уездного совета и уездбюро РКП(б). 1920, 2 июля; ГАНО Ф. п-1 Оп.1. Д.148. Л.13; ОСД УАДААК. Ф. р-2. Оп.7. Д. п-5215. Т.6. Л.13–13 об.; Николаев П.Ф. "Советская милиция Сибири". С.258.

191

Кучемко Н.М. "Укрепление социалистической законности в Сибири в первые годы нэпа (1921–1923 гг.)". — Новосибирск, 1981. С.214; Ефремов М.А. "80 лет тайны..." С.97.

192

ГАНО. Ф. п-1. Оп.2. Д.1. Л.81. Д.95. Л.4 об.: "Сибирская Вандея..." С.157, 184

193

"Сибирская Вандея..." С. 27–28,30-32,285; ГАНО. Ф. п-1. Оп.2. Д.24. Л.35.

194

Кубрик Ю.Н., Петрушин А.А. "Образование и деятельность Тюменской губчека (1918–1922 гг.)" //Ежегодник Тюменского обл. краеведческого музея. — Тюмень, 1999 С.70; Дело революции. 1920, 22 июня. С.2, 28 сент. С.1; Наумов И.В. Указ. соч.

195

См.: Бударин М.Е. "Были о чекистах..."; Кучемко И.М. "Укрепление социалистической законности..."; Бушуев В.М. "Грани..." и др.

196

"Забвению не подлежит..." Т.10. — Омск, 2004 С. 264–266; Дело революции 1920, 2 сент С.2.

197

"Революцией призваны. Док. повести и очерки о чекистах Алтая". — Барнаул, 1987. С.4; ОСД УАДААК. Ф. р-2. Оп.7. Д. п-24095. Л.1-14

198

"Сибирская Вандея..." С.364, 368; Архив УФСБ по НСО. Д. п-20865. Л.94,96–97. Д П-20905. Л.192–193.

199

Подробнее: "Сибирская Вандея..." С. 375–378; Шишкин В.И. "Создание и деятельность органов ВЧК в Сибири (конец 1919 — начало 1921 гг.)" //Великий Октябрь: проблемы истории. — М, 1987. С.141; Шекшеев А.П. Указ. соч. С.114.

200

"Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии". — Якутск, 1961. 4.2. Кн.1. С.33; ГАНО Ф. п-1. Оп.2. Д.84. Л.4-4об, 8; Оп.1. Д.140. Л.3.

201

Жженых Л.А. "В годы грозные..." С. 84–86; Шишкин В.И. "«Общеленский контрреволюционный заговор»..." С. 68–72; ГАНО Ф. п-1 Оп.2. Д 139. Л.26. Д.176. Л.4; РГАСПИ. Ф 17. Оп.9, Д.3709. Л.24–24 об.; Алексеев Е.Е. "Признаю виновным..." — М, 1996. с. 13; Шишкин В.И. "Красный бандитизм в советской Сибири". С. 33,68,69.

202

См.: Наумов И.В. Указ. соч.

203

Шишкин В.И. "Советская карательная политика..." С. 10–21; Бударин М.Е. "Были о чекистах..." С. 158–163. Отдельные заговоры, скорее всего, имели место (например, некая офицерская группа, арестованная омскими чекистами в августе 1920 г.), но без тщательного анализа секретных донесений следственных и оперативных материалов корректно данный вопрос решить невозможно.

204

ГАНО Ф п-11а Оп.1. Д.45 Л.90; "Забвению не подлежит" Т.7. — Омск, 2003

205

Петров М.И. "ВЧК-ОГПУ..." С.97.

206

РГАСПИ Ф.17. Оп.112. Д.167. Л.90.

207

"За Советы без коммунистов..." С. 641–642; Шишкин В.И. "Тюменский «заговор корнета Лобанова»" //История белой Сибири. Тезисы 4-й науч. конф. — Кемерово, 2001. С.201; Петрушин А.А. "Чекистские истории. Хлебное место" //Тюменский курьер. № 89–90 2005,9 июля.

208

Красноярский рабочий. 1922, 17 дек. С.2; Бушуев В.М. "Грани..." С. 49–50,53, Ефремов М.А. "80 лет тайны..." С.131; Гришаев В.Ф. «За чистую советскую власть...» — Барнаул, 2001.

209

ОСД УАДААК. Ф. р-2. Оп.7. Д. п-24332. Т.15. Л.519–520. Т.14. Л.439,440,451, 626 об. Т.2. Л.999. Т.17. С. 344–344 об. Т.8. Л.544, 546 Т.16. Л.154, 280, 292, 294. ТП Л292

210

ГАНО Ф. п-1 Оп.9. Д.15а. Л.288; Архив УФСБ по НСО. Д.п-18028. Л.81 Д. п-20849. Л.26. Д. п-20855. Л.10–11,14. Д. п-20865. Л.101. Д. п-20906. Л.24,28. Из расстрелянных ОГПУ в 1924 г. во внесудебном порядке 77 «шпионов» основную часть составили сексоты. Известно, что в 1927 г. был осужден к расстрелу сексот ОГПУ некто Готфрид, который был приставлен к германскому полковнику О. фон Нидермайеру (официальному представителю рейхсвера в СССР) и давал тому дезинформацию о положении в Красной Армии. Коллегия ОГПУ приговорила Готфрида к высшей мере за то, что сексот якобы передавал Нидермайеру шпионские сведения. См. Мозохин О.Б. "Право на репрессии..." С.71; Военно-исторический архив. Вып. 1. — М, 1997. С.212.

211

В 1921 г. среди раскрытых бело-офицерских организаций чекисты числили также некие «Самозащиту» (Омск) и «Союз мира» (Новониколаевск). ГАНО. Ф. п-11а. Оп.1. Д.45. Л.90.

212

ОСД УАДААК. Ф. р-2. Оп.7. Д п-24361. Т.16. Л.151–152.

213

Шишкин В.И. "Советская карательная политика в Сибири..." С. 11–20; ОСД УАДААК. Ф. р-2. Оп.7. Д. п-24361. Л.78–79.

214

См.: Шишкин В.И. "История Западносибирского мятежа 1921 г.: историография вопроса" // Гражданская война на востоке России» Проблемы истории. Бахрушинские чтения 2001 г. — Новосибирск, 2001. С.162; "Судебный процесс над социалистами-революционерами..." С. 696–704, 875.

215

ЦДНИТО. Ф.1. Оп.1 Д.394. Л.45, "Книга памяти жертв политических репрессий по Новосибирской обл." Вып. 1. — Новосибирск, 2005; "Хранить вечно. 4.1. Книга памяти жертв массовых политических репрессий 30-40-х и начала 50-х годов города Астаны и Акмолинской области". — Астана. 2002.

216

ГАНО. Ф п-1. Оп.1. Д.271. Л.39 об.; Ф. п-19. Оп.2. Д.328 (л. д. Н.М. Белякова)

217

Кладова Н.В. "К вопросу о влиянии гражданской войны на массовое политическое поведение" //Актуальные вопросы истории Сибири. — Барнаул. 1998. С. 224–225.

218

ГАНО Ф. п-1 Оп.6. Д.16. Л.66; Оп.2. Д.204. Л.16–16 об.; Звезда Алтая (Бийск). 1927, 18 дек. С.2.

219

ГАНО. Ф.1146. Оп.1. Д.61. Л.164, 165.

220

Кучемко И.М. "Укрепление социалистической законности..." С.193.

221

Петрушин А.А. «Мы не знаем пощады...». — Тюмень, 1997; "Призвание: Родине служить! ..."; Скрипт В.Г. "Ложные кумиры". — Якутск, 2003 и др.

222

"Сибирская Вандея". С.59; "Забвению не подлежит..." Т.4. — Омск, 2001. С.30

223

ГАНО Ф п-1. Оп.2. Д.191. Л.82–83; Плеханов А.М. "ВЧК-ОГПУ...", С. 162–163

224

Шишкин В.И. "Енисейская губернская чека..." С. 48–51; Плеханов А.М. "ВЧК-ОГПУ..." С. 162–163.

225

"n_198" ГАНО Ф.20. Оп.2. Д.98. Л.3-32; Ф. п-1. Оп. Л. Д.35, Д5.

226

ЦДНИОО Ф.1 Оп.2. Д.48. Л.60–61 об.

227

Там же. Ф.7. Оп.4. Д.77. Л.46 (сведения Ю.И. Голикова).

228

ГАНО. Ф. п-1. Оп.1. Д.143. Л.27; Шишкин В.И. "Советская карательная политика..." С. 11–19

229

Петров Н.В. "Первый председатель КГБ Иван Серов". — М, 2005. С.161; ТИТО Ф. р-202. Оп.1. Д.9. Л.43а—436 (эл. публ.); Дроздов В., Казнин В. "Солдаты порядка. Вехи истории томской милиции". — Томск, 1995. С.12, "Боль людская... Т.4. — Томск, 1994; Т.5. — Томск, 1999.

230

ГАНО. Ф.1. Оп.1. Д.222. Л.95,148. Д.53а. Л.183; Шекшеев А.П. Указ. соч. С. 114, 120; Бушуев В.М. "Грани..." С. 46, 77.

231

"За советы без коммунистов..." С.644. По другим губчека официальные цифры арестов за 1921 г. следующие: Алтайская губчека — 3.537 чел, Енисейская — 3.723, Иркутская — 3.747, Новониколаевская — 2.151, Омская — 2.844, Семипалатинская — 1.669, Томская — 2.855 чел. Обращает на себя внимание очень близкие цифры арестованных Алтайской, Енисейской и Иркутской губчека, а также Омской и Томской губчека. См. Мозохин О.Б., Гладков Т.К. "Менжинский. Интеллигент с Лубянки". — М, 2005. С.362.

232

"Сибирская Вандея..." С.704

233

ГАНО. Ф п-1. Оп.9. Д 15а. Л.220; Оп.2. Д.106. Л.3656,365.

234

"В.И. Ленин и ВЧК..." С.172; Цит. по: Шекшеев А.П. Указ. соч. С.118

235

Шишкин В.И. "Енисейская губернская чека..." С. 48–53

236

Плеханов А.М. "ВЧК-ОГПУ..." С.103, 443, "Власть и интеллигенция в сибирской провинции..." С.325; Олех Г.Л. "Кровные узы..." С. 33–34

237

ГАНО Ф. п-1 Оп.7. Д.13. Л.9,10

238

Измозик В.С. "Глаза и уши режима" С. 30–31.

239

ГАНО Ф. п-1. Оп.2. Д.409. Л.162 об — 163,47,58–65,73,116–117. Д.299. Л.70.

240

"Сибирская Вандея..." С. 696–699; Шишкин В.И. "Красный бандитизм в советской Сибири..." С. 13, 15; ГАНО. Ф. п-1. Оп.1. Д.250 Л.42 об. Опирающийся на тенденциозные документы ВЧК-ГПУ А.М. Плеханов представляет «красный бандитизм» исключительно как негативную реакцию на НЭП, сводя его к террору против советской бюрократии и «спецов». Плеханов А.М. "ВЧК-ОГПУ..." С. 77–78

241

"Социально-экономическое и политическое развитие Сибири в документах правоохранительных органов" Сб. документов /Сост. В.И. Исаев, А.П. Угроватов. — Новосибирск, 2004. С. 14–16; "Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД..." С. 573–575; Шишкин В.И. "Красный бандитизм в советской Сибири..." С.75.

242

ГАНО. Ф. п-1. Оп.2. Д.74. Л.22–22 об., 23. Д.78. Л.11. Д.79. Л.6. Д.91. Л.8; "Сибирская Вандея..." С. 258, 266 (ошибочно указано, что данные события произошли в августе).

243

ГАНО Ф. п-1. Оп.2. Д.74. Л.2–4,9.

244

Там же. Д.79. Л.2,6,10.

245

ГАНО. Ф п-1. Оп.2. Д.59. Л.31 об. Д.412 Л.3; ТОЦДНИ. Ф.1. Оп.1. Д.25. Л.41 об.42; ЦХАФАК. Ф п-3. Оп.1. Д.997. Л.1 об.2.

246

Шишкин В.И. "«Общеленский контрреволюционный заговор»..." С. 68–73; Он же. "Красный бандитизм в советской Сибири..." С. 52, 55; Тепляков А.Г. "Красный бандитизм"//Родина. 2000, № 4. С.84; ГАНО. Ф. п-1. Оп.2. Д.176. Л.4, 14; РГАСПИ. Ф.17. Оп 8. Д.141. Л.187; ГАНО. Ф. п-1. Оп.2. Д.276. Л.328 об.; Оп.7. Д.28. Л.24 об. Д.45. Л.332.

247

ЦДНИТО. Ф.1. Оп.1. Д.845. Л.34; Шишкин В.И. "Красный бандитизм в советской Сибири..." С. 63–65; ОСД УАДААК. Ф. р-2. Оп.7. Д. п-4564. Т.2. Л.29,159.

248

Тепляков А.Г. "Красный бандитизм..." С.83; ГАНО. Ф. п-1 Оп.7. Д. 12. Л.70; Ф. 20. Оп. 3. Л.32. Л.6.63.

249

ГАО. Ф. п-1. Оп.2. Д.463. Л.25,27,40.

250

Там же. Д.361. Л.104.

251

"Социально-экономическое и политическое развитие Сибири..." С. 16; Шишкин В.И. "Красный бандитизм в советской Сибири" С. 36–37, 61–63; РГАСПИ. Ф.372. Оп.1. Д.1185. Л.15–15 об.

252

ГАО. Ф. п-17. Оп.1. Д.84. Л.6.

253

Шишкин В.И. "Красный бандитизм в советской Сибири..." С. 40–44; ГАО. Ф. п-1 Оп. 3. Д.22. Л.86–87.

254

Боженко Л.И. "Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919–1927 гг.)". — Томск, 1969. С. 135–136; ГАО. Ф. п-1. Оп. 3. Д.13. Л.42–43.

255

Угроватов А.П. "Красный бандитизм..." С.88; ГАО. Ф. п-1. Оп. 3. Д.17. Л.3. Д.35. Л.49. Д.13. Л.42,43,47. 84.

256

Илин (Якутск). 1998, № 1, 1999, № 3–4; Архив УФСБ по НСО. Д. п-20923. Л.61; Скрипт В.Г. "Ложные кумиры". -Якутск, 2003; Алексеев Е.Е. "Признаю виновным...". — М, 1996. С. 15, 16.

257

Шишкин В.И. "Советская карательная политика..." С. 19–20.

258

Литвин А.Л. "Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг." — М., 2004. С.397

259

ГАО. Ф. п-11а. Оп.1. Д.132. Л.1; Ф. п-1. Оп.1. Д.138 Л.46 об.; РГАСПИ. Ф.17. Оп.9. Д.2194. Л.76–76 об.

260

ГАО Ф. п-1. Оп.7. Д.36. Л.62; ЦХАФАК. Ф. п-2. Оп.4. Д.22. Л.138, 140; "Политические репрессии в Алтайском крае 1919–1965". — Барнаул, 2005. С.343

261

ГАНО Ф.20. Оп.2. Д.55. Л.51; "Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник". — М., 2003. С. 31; Исаев В.И., Угроватов А.П. "Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом (1920-е гг.)". — Новосибирск, 2006. С.87.

262

ГАНО Ф. п-29. Оп.1. Д.17. Л.90 об. — 91. Отметим, что Дзержинский в мае 1921 г. объявил, что главная задача транспортных ЧК заключается в помощи НКПС в его работе. См.: Плеханов А.М. "ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928". — М., 2006. С. 181.

263

ОСД УАДААК. Ф р-2. Оп.6. Д. п-4654 Л.43, 78.

264

ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.5. Л.4-10; Ф. п-36. Оп.1. Д.207. Л.19.

265

РГАСПИ. Ф.17. Оп.9. Д.2757. Л.194–194 об.; ГАНО. Ф. п-11. Оп.1. Д.78. Л.24; Тепляков А.Г. "Красный бандитизм" / Родина. 2000, № 4. С.82, 85.

266

Тепляков А.Г. "Портреты сибирских чекистов" //Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Вып. 3. — Новосибирск, 1997. С.71; Петров М.Н. "ВЧК-ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России)". — Новгород, 1995. С.75, ГАНО. Ф. п-11а Оп.1. Д.88. Л.111, 112, 113; Ф. п-1. Оп.2. Д.509. Л.2, 7.

267

Олех Г.Л. "Кровные узы. РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений". — Новосибирск, 1999. С. 40–42, 49–50; ГАНО Ф. п-1 Оп.2. Д.229; Ф. п-2. Оп.2. Д.17. Л.193, 200. В том же 1923 г. на хозяйственную работу перешли заместитель Павлуновского М.Т. Ошмарин и начальник КРО В.М. Алексеев. Их места заняли выдвинутые Павлуновским местные чекисты Б.А. Бак и Г.И. Валейко.

268

В глазах подчиненных Бак очевидно выигрывал на фоне Павлуновского, который был человеком крайне жестоким и мог оскорбить, ударить, посадить под арест за малейшую провинность. Так, один из руководителей Транспортного отдела за допущение крушения поезда получил оплеуху от полпреда и в результате оказался на грани помешательства. Как позднее вспоминала Ф.Н. Бак-Жаркова, «Павлуновский искал международную контрреволюцию в спуске поезда, не верил докладом, а затем, когда Бак поехал на место крушения, то раскрылась организация временных рабочих... рабочие были сброд "люмпен[ов]", лишь бы пограбить и нажиться...». Действительно, крайсудом были осуждены к расстрелу двое рабочих, в ночь на 27 июня 1925 г. разобравших путь между ст. Тайга и ст. Анжерка, что вызвало крушение скорого поезда, гибель 6 и травмы около 30 пассажиров. На преступление они пошли, чтобы ограбить вагоны после крушения. Еще шестерых осудили тогда за соучастие и недонесение о готовящемся преступлении. Тумшис М.А. "ВЧК. Война кланов". — М., 2004. С. 393–394; ГАНО. Ф. п-2. Оп.2. Д.110. Л.105–107.

269

"Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920-1980-е годы. Аннот. перечень архивных документов и материалов. Избр. документы / Сост., вступит, статья и комм. А.И. Савина. — Новосибирск-СПб., 2006. С.8; "Владимир Ильич Ленин. Биограф. хроника". Том 11. "Июль-ноябрь 1921 г." — М., 1980. С.638.

270

Угроватов А.П. "Информационная деятельность органов безопасности (ОГПУ) Сибири в 1920-е гг." //Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Сб. науч. трудов. Вып. 3. — Новосибирск, 2004. С. 85–87; "Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД". Том 2. "1923–1929. Документы и материалы". — М., 2000. С.204; Кузнецов А.И. "Самогоноварение в сибирской нэповской деревне как фактор конфликта между крестьянством и властью" // Государство и личность в истории России. — Новосибирск, 2004. С. 79–80; Павлова И.В. "Сталинизм: становление механизма власти". — Новосибирск 1991 С.218

271

ГАНО. Ф. п-2. Оп.2. Д.786. Л.80; Ф.20. Оп.1. Д.141. Л.175.

272

Исаев В.И., Угроватов А.П. "Правоохранительные органы Сибири..." С.6, 148; ЦХАФАК Ф п-38. Оп.6. Д.18 Л.280.

273

Ленин В.И. "Полн. собр. соч." Т.44. С.428.

274

Архив УФСБ по НСО. Д. п-20840; "Книга памяти жертв политических репрессий по Новосибирской области". Вып.1. — Новосибирск, 2005. С.21.

275

"Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области". Т.9. — Омск, 2003. С. 273–275.

276

ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д. 135. Л.5; Белковец Л.П. "«Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х — 1930-е годы)". — М., 1995. С.260

277

Belkowitz L., Belkowitz S. "Gescheiterte Hofnungen. Das deutsche Generakonsulat in Sibirien 1923–1938". — Klartext Verlag, Essen, 2004. S.104. Карьерный дипломат Гросскопф, скорее всего не имевший отношения к спецслужбам, внес большой вклад в развитие советско-германских экономических связей: он был фактическим торгпредом своей страны в Сибири и благодаря усилиям Гросскопфа монополия Англии в сибирской торговле была нарушена. До 1929 г. на Германию приходилось до 35 % всего экспорта сибирского масла.

278

Архив УФСБ по НСО. Д. п-7496. Л.58. Д. п-3745. Л.32. Д. п-20904. Л.1-37.

279

Там же. Д. п-6279. Л.3–4,9, 12

280

"Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы)". — Новосибирск, 2004. С. 121.

281

"Лубянка..." С. 114–115; Назаров В. "Золотой Алдан. 20-е годы"... //Илин (Якутск). 2002, № 2, ГАНО. Ф.1. Оп.2а. Д.29. Л.75, 77.

282

Угроватов А.П. "Красный бандитизм в Сибири (1921–1929 гг.)". — Новосибирск, 1999. С. 131, 190–199; ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.149. Л.2–5,21–44,47

283

ГАНО. Ф. п-6. Оп.1. Д.660. Л.27,29. Д.675. Л.30; Ф.20. Оп.2. Д.194. Л.49.

284

«Железный батальон смерти» В.И. Исаев ошибочно отнес к политической группировке. См.: Исаев В.И. "Военизация молодежи и молодёжный экстремизм в Сибири (1920-е — начало 1930-х гг.)" //Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т.1. Вып. 3. История /Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск, 2002. С. 64–70.

285

"Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД". Том 2. С.415, 640–641.

286

Сведения К.В. Скоркина.

287

См. Гущин Н.Я., Ильиных В.А. "Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е — середина 1930-х гг.)". — Новосибирск, 1987. ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.195. Л.445,511.

288

Соловьев А.В. "Тревожные будни забайкальской контрразведки". — М., 2002. С. 59–72; Макеименов Л.В. "Сумбур вместо музыки". — М, 1997. С.208.

289

ГАНО. Ф.20. Оп.1 Д.141. Л.180

290

Мозохин О.Б., Гладков Т.К. "Менжинский. Интеллигент с Лубянки". — М., 2005. С.387; Гущин И.Я., Ильиных В.А. "Классовая борьба в сибирской деревне..." С. 124–126,196, 214,235; ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.217. Л.7-41; Плеханов А.М. "ВЧК-ОГПУ..." С.381.

291

Петрушин А.А. "Мы не знаем пощады...". — Тюмень, 1999. С. 36–37

292

ГАНО. Ф. п-1. Оп.2. Д. 161. Л.51–52,65-66.

293

ОСД УАДААК. Ф. р-2. Оп.6. Д. п-4654. Л.19–21,43, 78.

294

Олех Г.Л. "Кровные узы..." С. 25–26, 31–32. Мнение Г.Л. Олеха, четко заявившего о фарсовости данного дела, что Базаров и Незнамов были кукольными «заговорщиками» и авантюристами, справедливо только для оценки Незнамова.

295

Петрушин А.А. "Мы не знаем пощады...". С. 37–40,42-43; ГАНО. Ф.1027 Оп.1. В Л 92 Т 2 Л.89; Ф. п-1. Оп.7. Д.22. Л.20.

296

ГАНО. Ф. п-1. Оп.2. Д.355. С. 322–345; Ф.1027. Оп.1. Д.92. Т.2. Л.16–17, 84, 104, 110–110 об., 117.

297

Там же. Ф. п-1 Оп.2. Д.355. Л.24,43,52,61,105, 113–134, 162,166, 183–193, 204,208,237, 256–272,302, 309–350, 359,388,402

298

Папчинский А.А., Тумшис М.А. "Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК". — М., 2001. С.113; Тепляков А.Г. "Портреты сибирских чекистов". С.74; ГАНО. Ф 1061. Оп.1. Д.29. Л.31.

299

ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д 235. Л.9-21. Отметим, что чекистская рука прослеживается не во всех «заговорах» того периода. Местные власти нередко давали наверх паническую и абсолютно ложную информацию о кулацких «заговорах» с целью истребления ответработников. В ноябре 1922 г. Черепановский уком РКП(б) расследовал так называемый заговор в с. Тальменка и выяснил, что секретарь местного волкома партии Измestьев и председатель волисполкома Дыбков спьяну обвинили местных крестьян в подготовке покушения на руководящих работников волости. Измestьев и Дыбков отделались партийными взысканиями. ГАНО. Ф. п-1. Оп.2. Д.266. Л. 148. Другие аналогичные попытки сельских властей разобраться со своими критиками выливались в кровавые расправы по образцу 1920–1921 гг. Так, в 1923 г. во время ликвидации «заговора» в с. Каменка Шипуновекской волости Рубцовского уезда отряд ЧОН во главе с Овчинниковым арестовал многих зажиточных крестьян, из которых 8 расстреляли якобы при попытке бежать, а остальных избили и ограбили. См.: Угроватов А.П. "Красный бандитизм..." С. 106

300

"Маргиналы в социуме..." С. 268–269, 271–272, 276, 278; Архив УФСБ по НСО. Д. п-6140. Л. 11–51.

301

ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.5. Л.3–5; Оп. 3. Д.32. Л.429; Плеханов А.М. "ВЧК-ОГПУ..." С. 420–421, 482; Олех Г.Л. "До эпохи Большого террора. Будни Сибирского ВЧК" / Сибирская газета. 1992, № 40. С. 10.

302

ГАНО. Ф. п-6. Оп.1. Д.417. Л. 33, 36, 232; Ф.20. Оп.2. Д.4. Л.26; Оп. 3. Д.32. Л.233.

303

Там же. Ф.20. Оп. 3. Д.32. Л.225, 398; "Социально-экономическое и политическое развитие Сибири в документах правоохранительных органов. Сб. документов" /Сост. В.И. Исаев, А.П. Угроватов — Новосибирск, 2004. С. 51–52; Исаев В.И. "Военизация молодежи..." С. 64–70

304

Правда. 1922, 18 июля; Петров С.Г. "Изъятие церковных ценностей в 1922 г. в информационном освещении губернскими отделами ВЧК Сибири" //Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX веков. Вып. II. Регионал. науч. конф. — Новосибирск, 1997. С 80–83; Архив УФСБ по НСО. Д. л-20923. Л.31.

305

"Новосибирск. Энциклопедия". — Новосибирск, 2003. С 598, Савин А.И. (сост.) "Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы". — Новосибирск, 2004 С. 18–39, 130; Олех Г.Л. "Кровные узы..." С. 21–24.

306

ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.138. Л.21. Д.222. Л.33–34; "Социально-экономическое и политическое развитие Сибири..." С. 51–52.

307

Мозохин О.Б., Гладков Т.К. "Менжинский..." С.364, 365, 367, 370, 371, 375; Плеханов А.М. "ВЧК-ОГПУ..." С. 145; Угроватов А.П. "Информационная деятельность органов безопасности..." С.81.

308

ГАНО. Ф. п-2. Оп.2. Д.261. Л.96. По обнародованным данным, в 1926 г. ОГПУ по Сибири было арестовано 2.113, в 1927 — 3.726, в 1928 — 3.259 чел. В 1927 г. в производстве ПП ОГПУ находилось всего 378 дел. Если за 1923–1925 гг. контрреволюционных преступлений по краю было зарегистрировано 715, то в 1926 г. произошло резкое снижение — до 71. В 1927 г. политических дел отмечено 146. В 1928 г. контрреволюционных преступлений зарегистрировали 364, а в 1929 г. их рост оказался 13-кратным — 4.648. См.: Мозохин О.Б., Гладков Т.К. "Менжинский..." С.381, 387, 388, 394, 395; Угроватов А.П. "Информационная деятельность органов безопасности..." С.81

309

Антонов Е.П. "Движение конфедералистов в Якутии". 1927–1928 гг.//Сибирская заимка 2002, № 5; Иванова Т.С. "Из истории политических репрессии в Якутии (конец 1920-х- 1930-е гг.)". — Новосибирск, 1998.

310

Якунин А. "Черное и белое". — Омск, 1990. С. 211–214; Гришаев В.Ф. "Дважды убитые" — Барнаул, 1999. С. 272–274.

311

Исаев В.И. "Военизация молодежи..." С. 64–70; "Книга памяти жертв политических репрессий по Новосибирской области..." С. 59, 101, 115, 325, 358–375.

312

"Ссылка в 20-е годы". Публ. С.А. Красильникова //Минувшее: Исторический альманах. Вып.21. — СПб, 1997 С.218; ОСД УАДААК Ф. р-2. Оп.7. Д. п-10787; ГАНО. Ф п-2. Оп.2. Д.298. Л.9.

313

"Жертвы политических репрессий в Алтайском крае" Т.1. 1998. С.22; Папков С.А. "Сталинский террор в Сибири 1928–1941" С.104–105.

314

Кузнецов И.С. "Ослепление или прозрение? Социальная психология россиян в 1920-е гг."// Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX ее.). Бахрушинские чтения 1998 г.; Межвуз. сб. науч. тр. Новосиб. гос. ун-т — Новосибирск, 2001. С 140–155; Он же "Формирование «сталинизма» и менталитет сибирского крестьянства"//Урал и Сибирь в сталинской политике. — Новосибирск, 2002. С.53; Архив УФСБ по НСО. Д. п-17386. Т.7. Л.299-351

315

"Политика раскрестьянивания в Сибири: Хроникально-документальный сборник". — Новосибирск, 2000. Вып 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства 1930–1940. С.3.

316

"Маргиналы в социуме..." С. 121, 338, Павлова И.В. "Роберт Эйхе"//Вопросы истории. 2001, № 1. С. 73–77; Ефремов М.А. "80 лет тайны (Власть и милиция Сибирского края 1917–1937)". — Новосибирск, 2002. С.183, 184–185, 191; Исаев В.Н., Угроватов А.П. "Правоохранительные органы Сибири..." С.238; ГАНО. Ф. п-2. Оп.5а. Д.62. Л.19.

317

ОСД УАДААК. Ф.р-2. Оп.7. Д. п-7209. Л.15–16; Гущин И.Я. "«Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия". — Новосибирск, 1996 С.60; Папков С.А. "Сталинский террор в Сибири..." С.21.

318

"Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 тт. 1927–1939". Т.2: "Ноябрь 1929 — декабрь 1930" — М., 2000. С. 787–808; Исаев В.И., Угроватов А.П. "Правоохранительные органы Сибири..." С. 89–92.

319

"Курьинский район на рубеже веков. Очерки истории и культуры". — Барнаул, 2003. С. 91–92; ОСД УАДААК. Ф. р-2. Оп.7. Д. п-19652. Л.1–5,78,81.; "Трагедия советской деревни..." М.,2000. С.23.

320

Олех Г.Л. "Кровные узы..." С.75; ГАНО. Ф. п-1 Оп.2. Д.359. Л.13,72 об.

321

Угроватов А.П. "Информационная деятельность органов безопасности..." С. 82–84; "Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД". Том 2. С. 7–8,21,38,46.

322

Угроватов А.П. "Красный бандитизм..." С.187.

323

Олех Г.Л. "Кровные узы..." С. 79–80; ЦДНИИО. Ф.1. Оп.1. Д.2614. Л.26–27. Д.2608. Л.45; ГАНО. Ф. п-2. Оп.1. Д.1460. Л.7; Оп.4. Д.23. Л.158; Акишин М.О. "Источники по и деятельности бюро и секретариата Сибкрайкома ВКП(б) (к постановке вопроса)" //Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX веков Выпуск II. — Новосибирск 1999

324

ГАНО. Ф. п-11. Оп.1. Д.233. Л.20 об., 28 об., 46 об.; Ф. п-6. Оп.1. Д.189. Л.140; Ф. п-2. Оп.2. Д.182. Л.6–7.

325

Там же. Ф.20. Оп.2. Д.224. Л.285; Ф. п-6. Оп.1. Д.409. Л.186–187. Ф. п-82. Оп.1. Д.117. Л.23,24,29,55.

326

"Маргиналы в социуме..." С.236, 121; ЦХАФАК. Ф. п-4117. Оп.1. Д.1. Л.21,30,40; ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.195. Л.18–19.

327

"Военные архивы России". Вып. 1. — М., 1993. С.101; Беседовский Г.З. "На путях к термидору". — М., 1997. С.412.

328

Кудрова И. "Гибель Марины Цветаевой". — М, 1995. С.144, 151, 174–178, 244–245, 256; Кочик В.Я. "Разведчики и резиденты ГРУ за пределами Отчизны". — М., 2004. С.467; Ваксберг А.И. "Лиля Брик. Жизнь и судьба". — М.-Смоленск, 1997. С. 96–98, 109–112,120; Тумшис М.А. "ВЧК. Война кланов". — М, 2004. С. 25–26.

329

ЦДНИТО. Ф.3791. Оп.1. Д.30. Л.20 об.

330

Олех Г.Л. "Кровные узы" Ф.21; Измозик В.С. "Глаза и уши режима..." С. 118–119; Плеханов А.М. "ВЧК-ОГПУ..." С.243.

331

ГАНО. Ф.20. Оп. 3. Д.32. Л. 185, Оп.2. Д.20. Л.19,20.

332

Там же. Ф. п-6. Оп.1. Д.937. Л.11 об.,12.

333

Там же. Ф. п-1. Оп. У. Д.276. Л.87; ЦХИДНИКК. Ф. п-1. Оп.1. Д.498. Л.55,76 об., 99 об.

334

ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.5. Л.4-10, ГАРФ. Ф.374. Оп.27. Д.489. Л.100.

335

ЦХАФАК. Ф. п-3. Оп.2. Д.129. Л.69, ОСД УАДААК. Ф. р?. Оп.7. Д. п-10953.

336

ГАНО. Ф. п-6. Оп.1. Д.937. Л.11–12.

337

Белковец Л.П. "«Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири..." С. 242–261; "Сталинские расстрельные списки". — М., 2002; Красильников С.А. «Белогвардейский заговор 1933 г. в Западной Сибири» (по материалам архивно-следственного дела) //Гуманитарные науки в Сибири. Серия Отечественная история. 2005, № 2. С.61; ГАНО. Ф. п-1. Оп.7. Д.38. Л.10–10 об., 14 об.

338

ОСД УАДААК. Ф. р-2. Оп.7. Д.10787. Л.36–37; ГАНО. Ф.20 Оп.2. Д.54. Л.199.

339

Савин А.И. (сост.) "Советское государство и евангельские церкви Сибири..." С.39, 292; Олех Г.Л. "До эпохи Большого террора..." С.10; ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.135. Л.6. Д.151. Л.8. Д.194. Л.262–262 об., 264,679. Д.193. Л.32–35.

340

ГАНО Ф.20. Оп.^ Д.141. Л.191–192; Ф. п-6. Оп.1. Д.261. Л.81; Ф. п-1204. Оп.1 Д.5. Л.92, Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая — 30 июня 1918 г.). Сб. документов и материалов /Сост. ответ, ред. В.И. Шишкин. — Новосибирск, 2005. С.230.

341

ГАНО. Ф.20. Оп. 3. Д.32. Л.217–218, 293; Оп.2. Д.2. Л.630; Ф.1146. Оп.1. Д.861. Л.1; "Большая людская..." Т.4. — Томск, 1994. С.214

342

ГАНО Ф. п-11. Оп.1. Д.93. Л.219–220, 221

343

Там же. Ф.1. Оп.2. Д.372. Л.219; Ф. п-1. Оп.7. Д.36. Л.25.

344

Там же. Ф п-6. Оп.1. Д.186. Л.94–94 об. Д.401. Л.58: "Тунгусское повстанчество. 1924 г. — 31 мая 1925 г." //Илим. 2001, № 2.

345

ЦДНИТО. Ф.77. Оп.1. Д.3. Л.55; Угроватов А.П. "Красный бандитизм..." С.177; ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.195. Л.678.

346

Архив УФСБ по НСО. Д. п-6018. Л.3 об.; ЦДНИТО Ф.6. Оп.1. Д.150. Л.86-S об.; ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.54. Л.209. Д.195. Л.710,711.

347

Тепляков А.Г. "Портреты сибирских чекистов..." С.71; РГАНИ Ф 6. Оп.1. Д.572; ГАНО. Ф. п-16. Оп.1. Д.69. Л.39; Ф. п-36. Оп.1. Д.67. Л.105–106 об.

348

ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.55. Л.5, 8; Оп.1. Д.141. Л.178; Ф. п-1. Оп.8. Д.36. Л.15; Плеханов А.М. "ВЧК-ОГПУ..." С.70.

349

ГАНО. Ф. п-11а. Оп.1. Д.45. Л.14; Ф. п-1204. Оп.1. Д.15. Л.10–14; Архив УФСБ по НСО. Д. п-4910. Т.1, 2; ЦХАФАК. Ф. п-39. Оп.1. Д.9. Л.231; РГАСПИ. Ф.17. Оп.9. Д.3711. Л.47–47 об.; ЦДНИИО. Ф.1. Оп.1. Д.1936. Л.32.

350

ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.151. Л.65; ЦХАФАК. Ф. п-39. Оп.1. Д.9. Л.46–47; ГАНО. ф п-6. Оп.2. Д.140. Л.1–2,2 об.,4,23.

351

ГАНО. Ф. п-2. Оп.6. Д.1501. Д.783. Л.7–4, 13, 16; Исаев В.И., Угроватов А.П. "Правоохранительные органы Сибири..." С. 157–158; Тепляков А.Г. "Невычищенные" //Родина. 2002, № 6. С.56.

352

ГАНО. Ф. п-2. Оп.4. Д.44а. Л.51,52 Д.39. Л.11; Ф. п-6. Оп.1. Д.934. Л.135; ЦХАФАК. Ф. п-38. Оп.6. Д.6. Л.76,96.

353

ГАНО. Ф. п-6. Оп.1. Д.408. Л.168; "Забвению не подлежит..." Т.4. — Омск, 2001. С.211; ГАНО. Ф. п-19. Оп.2. Д.328 (л. д.); ф.47. Оп.1. Д.122. Л.254; Архив УФСБ по НСО. Д.п-5891. Л.1-97.

354

ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.96. Л.26–27 об.

355

Там же Ф.20 Оп.2. Д.224. Л.53. Д.195. Л.710,711; Оп.1. Д.141. Л.176; Ф. п-6. Оп.1. Д.915. Л.7–7 об.

356

Там же. Ф. Пг29. Оп.1. Д.1031. Л.84; Архив УФСБ по НСО. Д. п-3480. Т.1. Л.4,57,131.

357

Сабурова Т. "РКП(б): Я такой диктатуры не хочу..." // Правда Севера (Архангельск). 1991, 9 июля; ГАНО. Ф п-1. Оп.7. Д.15. Л.9. Д.24. Л.13 об., Ф. п-Жа Оп.1. Д.45. Л.90,93 об.; Ф. п-1204. Оп.1. Д.1. Л.12; Ф. п-76. Оп.1. Д.57. Л.31 об.

358

Архив УФСБ по НСО. Д. л-8426. Т.2. Л.105–110, 112–113; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д73. Л.7-42; Григоров Г.И. "Повороты судьбы и произвол: Воспоминания. 1905–1927 годы". — М., 2005. С.437.

359

ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д. 194. Л.75–76; Архив УФСБ по НСО Д п-15206. Л.1-38; ГАНО. Ф. п-6. Оп.2. Д.2975. Л. 1-47; Ф. п-2. Оп.2. Д.261. Л.95.

360

ГАНО. Ф. п-6. Оп.1. Д. 884. Л.40,38. Д.936. Л.95; Ф. п-1204. Оп.1. Д.5. Л.167,169; ЦДНИОО. Ф.14. Оп.2. Д 545. Л.335.

361

ГАНО. Ф. п-6. Оп.1. Д.934. Л.28 об.; Фёдоров М.М. "Человек и нация под пятой тоталитаризма" //Илин 2001, № 1.

362

РГАСПИ. Ф.17. Оп.9. Д.2985. Л.126–126 об., Архив УФСБ по НСО Д. п-20905. Л.82; ГАНО. Ф. п-11. Оп.1. Д.77. Л.7–8.

363

ГАНО. Ф. п-1. Оп.8. Д.36. Л.15–19; Архив УФСБ по НСО. Д. п-6127. Л.3-18. Д. п-11353. Л.1; Угроватов А.П. "Красный бандитизм..." С.124.

364

ГАНО. Ф. тЙ. Оп.9. Д.7а. Л.204. Ф. п-17. Оп.1. Д.6. Л.8; РГАНИ Ф.6. Оп. 3. Д.467. Л.241–245.

365

"Боль людская..." Т.5. — Томск, 1999. С.34, 50; Тепляков А.Г. "Красный бандитизм". С 81–82; Он же. "Сексотка Люба" //Родина 2000, № 9 С.72

366

Архив УФСБ по НСО. Д. п-15206 (пакет); Шенталинский В.А. "Донос на Сократа". — М., 2001. С.415.

367

ГАНО. Ф.288. Оп.2. Д.663. Л.5–7; Ф. п-1204. Оп.1. Д.3а. Л.33, 43; ЦДНИТО. Ф 3791. Оп.1 Д.31. Л.7; ГАНО. Ф. п-460. Оп.1. Д.2. Л.5,28

368

Архив УФСБ по НСО Д. п-15206 (пакет); ГАНО Ф. п-1. Оп.2. Д.412. Л.8.

369

Данилов А.Ю. "Местные чрезвычайные комиссии в 1918–1922 гг. (на материалах Ярославской и Рыбинской губерний)". — Ярославль, 1999 Автореф. дисс. к.и. н — Ярославль, 1999. С.20; РГАСПИ. Ф.372. Оп.1. Д.1185. Л.12

370

ОСД УАДААК Ф. р-2. Оп.6. Д.192. Л.20, 24; "Революцией призваны: Документальные повести и очерки о чекистах Алтая". — Барнаул, 1987. С. 4, 42–43,51; Звезда Алтая (Бийск). 1927, 18 дек. С.2, Молодёжь Алтая (Барнаул). 1967, 20 дек.; Жженовых Л.А. "В годы грозные: Из истории Якутской губчека". — Якутск, 1980.

371

РГАСПИ Ф.372. Оп.1. Д. 1185. Л.27; ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.193. Л.47–52.

372

"Борцы за власть Советов". Вып. 1. — Томск, 1959. С. 269–270; ГАНО. Ф. п-29. Оп.1. Д.32. Л.25 об.

373

На 1927 г. по 12 сибирским округам власти насчитывали около 150 притонов проституции, которые очень сильно различались своим уровнем: от строго конспиративных домов свиданий, обслуживавших нэпманов, известных артистов и начальство, до самых дешёвых, для криминальных обитателей городского дна. Исаев В.И. "Молодёжь Сибири в трансформирующемся обществе: условия и механизмы социализации (1920-1930-е гг.)". — Новосибирск, 2003. С.76. Правда, эта цифра выглядит очень заниженной, ибо власти одного Татарского района в июне 1926 г. насчитывали 77 притонов, основная часть которых располагалась в 9-тысячном Татарске. ГАНО. Ф. п-82. Оп.1. Д.28. Л.95. Д.114. Л.84.

374

Исаев В.И., Угроватов А.П. "Правоохранительные органы Сибири..." С. 150–151; ЦДНИТО. Ф.3791. Оп.1. Д.4. Л.139–140; ГАНО. Ф. п-6. Оп.1. Д.273. Л.10,27,31,119. Д.403. Л.4; Тепляков А.Г. "Татарск: особенности национальных развлечений в довоенный период" //Слово Сибири
file:///media/merykael/media/library/khpg/%D0%A2%D0%B5%D0%BF%D0%BB%D1%8F%D0%BA%D0%BE%D0%B2_-_%C2%A... 166/168

(Новосибирск). 1997, № 5, 26 авг. С.6.

375

ГАО. Ф.1204. Оп.1. Д.4. Л.57,58.

376

Там же. Л.58; Исаев В.И., Угроватов А.П. "Правоохранительные органы Сибири..." С.150 (смысл цитируемого документа искажён); ГАО. Ф. п-76. Оп.1. Д.213. Л.152.

377

ГАО. Ф.1204. Оп.1. Д.4. Л.58,101, 106–106 об., 131,146,210. Д.5. Л.37: Ф. п-6. Оп.1. Д.945. Л.4; ЦХИДНИКК. Ф.60. Оп.1. Д.832. Л.84; Архив УФСБ по НСО. Д. п-491. Л.14.

378

Дело революции. 1920, 9 нояб. С.3; ГАО. Ф. п-17. Оп.1. Д.5. Л.146: Ф. п-1204. Оп.1. Д.4. Л.151.

379

ГАО. Ф. п-1. Оп.1. Д.41. Л.9; Шишкин В.И. "Новониколаевская губернская чека (декабрь 1919 — апрель 1920 г.)" //Страницы истории Новосибирской области. Первая обл. научно-практич. конференция краеведов. 4.2. — Новосибирск, 1996. С.19.

380

ГАРФ. Ф.374. Оп.27. Д.487. Л.12; ГАО. Ф.1349. Оп.1. Д.143. Л.3.

381

ГАО. Ф. п-17. Оп.1. Д.5. Л.143,155; Ф. п-6. Оп.1. Д.934. Л.15,21,25,153; Исаев В.И., Угроватов А.П. "Правоохранительные органы Сибири..." С.200.

382

ГАО. Ф.911. Оп.1. Д.1. Л.29 об.; Ф. п-10. Оп.1. Д.970. Л.38; Тепляков А.Г. "Сексотка Люба..." С.72.

383

Тепляков А.Г. "Портреты сибирских чекистов..." С.75; Исаев В.И., Угроватов А.П. "Правоохранительные органы Сибири..." С.147; ГАРФ. Ф.374. Оп.27. Д.489. Л.205: "Чекисты Мурмана". — Мурманск, 1990. С.25; ГАО. Ф. п-1204. Оп.1. Д.4. Л.151.

384

"Лубянка..." С.38; ГАО. Ф.911. Оп.1. Д.1. Л.30,246.

385

ГАО. Ф. п-1. Оп.2. Д.53. Л.1-20.

386

Тепляков А.Г. "Красный бандитизм..." С.88; ГАНО. Ф. п-1. Оп.8. Д.339. Л.6; ЦХАФАК. Ф. п-312. Оп.1. Д.7. Л.215; ГАНО. Ф.1146. Оп.1. Д.61. Л.165; Ф. п-1204. Оп.1. Д.5. Л.235.

387

ГАНО. Ф. п-2. Оп.6. Д.2471. Л.1–8.

388

Цит. по: Олех Г.Л. "Кровные узы..." С.63.

Оцените эту книгу

отправить

